

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ

НА

1834 ГОДЪ.

ЧАСТЬ ТРИНАДЦАТАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

**Съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ
три экземпляра. С. Петербургъ, 1 Января 1854 года.**

Цензоръ *А. Никитенко.*

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 1.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 Но,
и 40 картинками модъ, въ
С. П. бургѣ 50, съ до-
сनावкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, Генваря 5 дня, 1854 года.

Ошкуда, Боже мой, писцовъ ипакой содомъ?
Я вижу весь Парнасъ, весь сумасшедшихъ домъ!
И памъ, и здѣсь они встрѣчаются полнами,
Съ бумагою въ рукахъ, съ горящими глазами,
Всѣхъ ловящъ, всѣхъ къ себѣ и плянущъ и тащущъ,
И слушай ихъ или нѣтъ, а оду прокричашъ.

Дмитриевъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

СПЛЕТНИ.

Глава шестая.

(Предисловіе.)

Богатая Московская барыня, Татьяна Юрьевна *Большергучка*, до 1812 года жила открыто въ большомъ каменномъ домѣ на Тверской: давала обѣды, балы; имѣла годовую ложу въ театрѣ и, что считалось тогда рѣдкостью, читала Русскія книги. По субботамъ собиравилась то у неѣ, то у княгини Екатерины Александровны *Чижинской* любительницы опечесивенной словесности и извѣснѣйшіе Московскіе литераторы: *Карамзинъ*, *Василій Львовичъ Пушкинъ*, князь *Петръ Ивановичъ Шаликовъ*, *Владиміръ Васильевичъ Измайловъ* (1), *Алексій Федоровичъ Мерзляковъ*, *Петръ Ивановичъ Мака-*

ровъ (2), *Панкратій Суляроковъ* (3), *Подшиваловъ* (4), *Федоръ Федоровичъ Ивановъ*. Всѣ сіи избранники Аполлона покоялись въ землѣ, кромѣ старца князя *Шаликова*. Съ робостью являлись въ сіи бесѣды молодые писатели: *Жуковский*, уже напечатавшій *Пѣснь надъ гробомъ Славянъ побѣдителей* и переводъ *Греевой* элегій; *Ватюшковъ*, уже написавшій *О морали*, основанной на философіи и религіи, *Вечерь у Кантемира* и *Смерть Тасса*; князь *Вяземскій*, уже обратившій на себя вниманіе нѣсколькими эпиграммами; *Коконинъ* (5), пытавшій силы свои въ борьбѣ съ *Мольеромъ*; *Восйковъ*, напечатавшій *Вѣкъ Лудовика XIV и XV-го* (6), помѣщавшій

- (2) Издапель Московскаго Меркурія.
- (3) Остроумный авторъ сказокъ, эпиграммъ, мадригаловъ.
- (4) Издапель отличнаго періодическаго изданія: Пришное и полезное препровожденіе времени.
- (5) Онъ перешагалъ тогда Мизантропа.
- (6) Одно изъ лучшихъ сочиненій *Вольтера*. Н. И. Греть съ похвалою отнесся о немъ въ опытѣ Крашккой Испирин Русской Литературы, стр. 328.—«Г. Восйковъ»,»

(1) Издапель Россійскаго Музеума, сочинитель Путешествія въ похуденную Россію.

въ В. Е. опрыски изъ *Демилевыхъ* садовъ и *Виргилевыхъ* Георгикъ; Сергѣй Михайловичъ *Соковнинъ*, *Радлицевъ*, *Плещеевъ*, *Обросимовъ*, *Рахмановъ* (*) и другіе, коихъ не назову я потому, что пишу не словарь писателей, а описываю литературную вечеринку.

Въ сихъ пріятныхъ обществахъ литераторы не посылали одинъ другаго въ приходскую школу учиться грамотѣ, не величали одинъ другаго фурлейшами-писателями, лѣнпями, перемѣтными сумами, перебѣжчиками, и проч. и проч., какъ это дѣлается въ нѣкоторыхъ Китайскихъ литературныхъ собраніяхъ...

Это было давнымъ давно...

Дѣла минувшихъ лѣтъ,
Преданья спаринны глубокой!

На одной изъ сихъ вечеринокъ, покойная княгиня Екаперина Александровна *Чигкинская* предложила играть въ *Секретари*, т. е. въ вопросы и отвѣты. Молодые барышни и поэты поддерживали её. Дочь хозяйки и княжна Варвара Алексѣевна *Чигкинская* въ одинъ мигъ примчали десь бумаги и сонню перьевъ, чернилицы и песочницы; мужчины начали рвать въ клочки бумагу съ такимъ усердіемъ, какъ будто бы на ней напечатанъ былъ *Шелякинъ Судъ*, *Марія Мишкевъ*, или *Клятва при гробѣ Господнемъ*.

Изъ пятой главы Спешней, вы, милостивыя мои читательницы, знаете какъ эта игра разыгрывается; но, можетъ быть, не знаете, что знаменитый *Карамзинъ* вывезъ её къ намъ изъ Швейцаріи. Онъ самъ подтвердитъ вамъ мои слова: разверните третью часть его сочиненій на страницѣ 63-й и читайте.

«Послѣ объѣда — началась игра;» пишетъ *Карамзинъ* изъ Цюриха: «однакожь не карточная, друзья мои! Всѣ сѣли вокругъ спо-

инишь г. Грегъ: «заслужилъ опличное одобреніе своими переводами описательныхъ поэмъ, но рѣшительный наклонъ находится въ его посланіяхъ: нѣкоторые изъ нихъ могутъ служить образцами.»

(*) Петръ Александровичъ, издававшій Военный журналъ; онъ убитъ подъ Лейпцигомъ въ чинѣ полковника.

ла; всякой взялъ листочекъ бумаги и написалъ вопросъ, какой ему на умъ пришѣлъ. Помощь бумажки смѣшали и роздали. Всякой долженъ былъ отвѣчать на пошъ вопросъ, который ему достался, и написать новый. Такимъ образомъ продолжались вопросы и отвѣты, пока на листочкахъ не осталось бѣлаго мѣста. Тутъ прочли въ слухъ все написанное. Нѣкоторые отвѣты были довольно остроумны; а *Лифатеровы* опличались отъ другихъ, какъ луна отъ звѣздъ. Сеспры-прелестницы отвѣчали всегда просто и хорошо. Вошъ вамъ нѣчто для примѣра. Вопросъ: *кто есть истинный благодѣтель?* Отвѣтъ: *тотъ, кто полагаетъ ближнему въ настоящей его нуждѣ.* Сей отвѣтъ, пріи всей своей простотѣ, заключаетъ въ себѣ разительную истину. Давай всякому по, въ чемъ онъ на сей разъ имѣетъ нужду; не читай правоченій тому человеку, который умираетъ съ голоду, а дай ему кусокъ хлѣба; не бросай рубля тому, кто утопаетъ, а выпаси его изъ воды. Вопросъ: *нужна ли жизнь такого-то человека для совершенія такого-то дѣла?* Отвѣтъ: *нужна, если онъ живъ останется; не нужна, если онъ умретъ.* Вопросъ: *что всего лучше въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы теперь?* Отвѣтъ: *люди.* — Помощь, изъ нѣсколькихъ словъ, между которыми не было никакой связи, надлежало всякому сочинить что нибудь связное. Тутъ выходило все смѣшное! Желалъ бы я, прибавляетъ Русскій путешественникъ, чтобы мы переняли у Нѣмцевъ сіи оспряція разумъ и игры, которыя могутъ быть споль забавны въ пріятельскихъ обществахъ.» — Желаніе знаменитаго соотечественника нашего исполнилось: дамы наши полюбили играть въ вопросы и отвѣты.

Мнѣ остается предварительно сказать, что въ сей игрѣ сдѣланы у насъ маленькія измѣненія: *Первое:* вопросы не должны быть длиннѣе прѣхъ, отвѣты въ прозѣ не длиннѣе пяти строкъ; ни тѣ, ни другіе, если написаны стихами, не ограничены законами. *Второе:* дается воля предлагать шарады, заставлятъ отгадывать загадки и догрифты.

Напой вечеринкѣ, о копорой я здѣсь разсказываю, также, какъ на предыдущей, находилось много поэтовъ, журналистовъ, прозаиковъ, много дамъ - стихопворицъ, много остроумныхъ мыслителей. По окончаніи игры, я выпросилъ у хозяйки всю кипу такимъ образомъ исписанной бумаги и сохранилъ её на память *Ѳ золотомъ времени*.

Нѣкоторые изъ вопросовъ и отвѣтовъ и теперь кажется могутъ заставить улыбнуться читательницъ и читателей.

Вопросъ. Какое сходство между жизнью и свѣчкой?

Отвѣтъ. Свѣча и жизнь равно горятъ, блестятъ и пахотъ,
И обѣ скоро угасаютъ.

Какъ свѣчки изъ маслицъ хопя попухнешъ свѣшь,
Но намъ оспаненск ея благоуханье:

Такъ и прекрасной жизни слѣдъ, —
Прекрасное воспоминанье!

Вопросъ. Какая разница между разнопою и разностью?

Отвѣтъ. Свѣшлана — Ангель красоты,
Тутъ я не вижу разнопы;
Свѣшлана — безобразность,

Тутъ всё: и разница, и разнопа, и разность.

Вопросъ. Чѣмъ лучше всего заняться лѣнивому человѣку?

Отвѣтъ. Сперва соснутъ;
Потомъ немного опдохнуть;
Потомъ . . . опять заснуть собравши силу,
И не ходитъ, а несеть вѣтъь себя въ могилу.

Вопросъ. Что такое буква я?

Отвѣтъ. Губишельнаго я
Нѣтъ хуже въ мѣрѣ слова;
Мнѣ жизнь мила моя,
Коль можетъ жизнью быть другова.

Вопросъ. Въ какой странѣ желали бы вы жить?

Отвѣтъ. Съ друзьями милыми, съ женою, съ лирой,
Въ Сибири мнѣ тепло,
Въ норѣ съ мышами мнѣ свѣтло,
И въ погребѣ не сыро.

Вопросъ. Зачѣмъ удалились вы изъ — ани?

Отвѣтъ. На родинѣ моей — ани
Пріятнѣй для меня, чѣмъ въ Питерѣ, въ Казани;
Но мнѣ въ ***овѣ еще, еще милѣй:

Тамъ сердце радостнымъ раскрылось,
Тамъ въ видѣ *Сашеньки* мой
Со мною щастье обручилось.

Вопросъ. Нужно ли иногда разлучаться, чтобы сильнѣе обрадоваться при свиданіи?

Отвѣтъ. Веселат мечта — улада горькой муки!
Пріятно въ часъ разлуки
Свиданья часъ воображать;
Его прекрасно ожидать,
Еще прекраснѣе дождашься. . .
А лучше бы не разлучаться!

Вопросъ. Какая роскошь дозволена военному человѣку въ походѣ?

Отвѣтъ. Единственная роскошь его должна состоятъ въ умѣнши безъ всего обойтися.

Вопросъ. Что называемъ мы прелестью?

Отвѣтъ. Мы чувствуемъ прелестъ, но не въ состояннн сказатъ, что она такое. Это *недопрога*, которая свертывается, какъ скоро неосторожно дохнешъ на неё; это цвѣпокъ, готовый распушиться; это благовоаніе, которое на лугу нечаянно вѣперокъ на васъ навѣваетъ. Это не красота, а что-то лучше её.

Вопросъ. Любите ли вы шупки?

Отвѣтъ. Люблю, если не нарушаютъ онѣ правилъ нравственности и говорятся не на щѣтъ ближняго.

Вопросъ. Найдется ли когда нибудь всеобщее лекарство?

Отвѣтъ. Оно найдено; это умѣренность.

Вопросъ. Вотъ вамъ шарада, прошу отгадать!

Будь бѣденъ ты или богатъ,
Но первое мое всегда найдешь въ кармактъ
И въ каждомъ у себя кафтанѣ;
Однако же тому не будь ты очень радъ:
Въ рукѣ твоей его не будетъ, братъ!
Мое второе,
Хоть безпокойное случается въ покоѣ,
На пополкѣ,
На чердактъ.

Хоть цѣлымъ ничего оно не оспадляетъ;

Однакожъ *цѣлье* въ моей шарадѣ есть

И даже изъ него рогожи можно плестъ.

Еще въ себѣ одно шарада заключаетъ:

Возьми её на оборотъ,

Второе перевели будь—и спало все иное:

Ужь цѣлымъ сдѣлалось второе.

И вопъ какой непоспоянства плодъ:

Хоть *цѣлымъ* сдѣлалось; однакожь уменьшилось,

Лишь только опъ того, что такъ переѣнилось.

НВ. Слово шарады будетъ напечатано въ слѣдующемъ листкѣ *Лит. Прибавлений*, подъ No 1.

Вопросъ. Пѣвецъ Свѣспланы услужилъ вамъ шарадою, я, пѣвчій юный, попомчиваю васъ другою:

На *цѣлом* мое мой *первый* зубъ ошприпъ:

Мое *последнее* грозипъ

Погибелью съ другаго свѣспа

Неугомоннымъ риемачамъ,

И, риемой будучи богатой для поэпа,

Бываешь бѣдною могилою спихамъ.

НВ. Слово шарады будетъ напечатано въ слѣдующемъ листкѣ, подъ No 2-мъ.

Вопросъ. Если шарады вамъ наскучили: по вопъ загадка. Она не хипра, не мудра, а запѣйлива.

Хоть въ свѣспѣ дамою мы бышь не суждены,

Однако ручки намъ Создашелемъ даны;

Мы не сморкаемся, однако носъ имѣемъ,

Которымъ иногда другихъ сморкашь умѣемъ;

Имѣемъ голову, но будучи безъ плечь,

Подъ чась и голову мы обрацаемъ въ печь,

Въ которую огонь кладемъ для погашенья,

И только для того, чтобъ онъ горѣлъ свѣсплѣй.

Намъ Богъ сосѣдку далъ: чтобъ дашь ей просвѣщенья,

Свой способъ еспъ у насъ: мы шею рубимъ ей,

И опъ того она спановипся живѣй.

Не входимъ никогда мы въ царскіе черпоги,

Но насъ не видывалъ и въ хижинѣ убогій.

Для нашихъ намъ работъ не нуженъ свѣспъ дневной:

Работаемъ всегда мы съ салною свѣчой;

Не зная скуки, мы частѣхонько зѣваемъ;

Лишь съ пѣмъ, чтобъ ротъ закрыть, его мы распворяемъ.

Намъ должно-бъ о себѣ не *мы*, а *я* сказашь,

За пѣмъ, что никогда *мы* не бываемъ двое;

Но *любожестволивъ* свое *единство* украшаешь

Насъ не достоинство заспавило какое.

Не значипъ *наше мы*, что пшпхло наше Царь;

Мы далеки опъ сей блиспапельной судьбины;

Его граматыки внесли не безъ причины

Въ Академическій словарь.

НВ. Опвѣспъ, или опгадка будетъ напечатана въ слѣдующемъ листкѣ *Лит. Прибавлений*, подъ No 3.

Вопросъ. Всѣ пишущъ спихамп, всѣ сочиняютъ шарады, логогрифы, загадки; попыпаюсь-ка и я сосприяпашъ загадку; только чуръ не торопипъ меня. Я испугаюсь—и собьюсь съ полку. Ба! да эпо не такъ мудрено; риемы не заспавлиютъ ждашь себя; онѣ спановипся на концахъ спиховъ, какъ регулярные солдапы. Вопъ и гошова.

Загадка.

Ты хочешь знать меня? Я все и ничего!

Бываю видимъ я для взора швоего—

Лишь только въ темнотѣ, въ пакую только пору,

Когда незрящему ничто невидно взору!

Я въ посѣщеніи невидимомъ свосемъ—

Безъ слова говорю; кто слышипъ—пѣмъ не вняпешъ;

А пѣмъ, чей запертъ слухъ, мой рѣзговоръ поняпешъ!

Творю изъ ничего, не будучи шворцемъ;

Кажуся испиннымъ, когда бываю ложнымъ;

Все опъ могущества зависипъ моего;

Все невозможное могу явишь возможнымъ;

Все дашь могу—и дашь невласпешъ ничего!

Къ тебѣ я прихожу несслышною спокою;

Я часно у тебѣ, я былъ вчера съ побою;

А можешъ бышь, что я съ побою и шеперь!

Лица мнѣ не дано, за по имѣю лица!

Хоть я не человекъ, не пшпца и не звѣрь,

Однако я и звѣрь, и человекъ, и пшпца!

Безъ грома я гремлю, пылаю безъ огня;

Бываю пѣмой безъ пѣмы, бываю днемъ безъ дня;

Короче, я въ моихъ явленьяхъ непримѣпныхъ

Могу передъ побой бышь въ образахъ нещепныхъ;

Но знай, когда швоимъ являюся очамъ,

Не существую *я*, и эпопъ *я*—пы *салъ!*

Не будучи ни чѣмъ, я все въ себѣ имѣю,

Безъ свойства, свойспва всѣ я принимаешь умѣю!

Я лѣгокъ и пляжель, безуменъ и уменъ;

То весель, по утрюмъ, по пшихъ, по возмущень.

То долгій черезъ-чуръ, по спрашно скоропечный,

Бываю мѣрпвый *я*, но бышь могу и вѣчный,

И обнимаю всѣхъ, себя не дамъ обняшь!

Однакоже тебѣ легко меня поймашь:

Переверни меня—и буду подъ глазами:

Тогда схватипъ себя позволю и руками!

НВ. Опвѣсть, или опгадка будетъ напеча-
тана въ слѣдующемъ листкѣ *Лит. Приба-
вленій*, подъ No 4.

Вопросъ. Любите ли вы спектакль?

Отвѣтъ. Хорошій—право, наслажденье;

Но здѣсь спектакль подъ часъ шакоеъ,

Что надо доброе терпѣнье,

Чтобъ въ немъ сидѣть до пѣтуховъ.

Въ партеръ и ложи вѣтъ прѣзда:

Какой шупъ кассѣ аванпажъ,

Когда въ спектакль у подъезда

Лишь театральнѣй экипажъ?

Вопросъ. Опъ чего женишба по ращѣпу,
не выгодна?

Отвѣтъ. Въ Москвѣ богатство какъ узнать?

Душъ у иной пятысопъ въ предметъ,

А выдепъ за мужъ—только пяты —

И пѣ заложены въ Совѣтѣ.

Вопросъ. Какимъ средспвомъ чеспнѣе все-
го можно обогатиться?

Отвѣтъ. Бытъ кандиперомъ; что можетъ
бытъ чеспнѣе и прѣпнѣе, какъ обогатить-
ся, услаждая другихъ.

Вопросъ. Что такое *мѣсто*?

Отвѣтъ. Бывало *мѣсто* кладъ судьямъ:

Иной какъ царь сидѣлъ *при мѣстѣ*;

Но, слава Вышнимъ небесамъ!

Оно теперь награда чеспи;

Нажиться средспво опняпю;

Въ *мѣстахъ* кпо былъ, пѣмъ сплосъ давали,

Да нынче время ужъ не то:

Кпо *брагъ*, шакъ пѣхъ-по *братъ* и спали.

Вопросъ. Находите ли вы удовольспвіе
жить на *дагѣ*?

Отвѣтъ. Прѣпна *дага*: спору нѣтъ,

Весной и лѣпомъ, не иначе;

Но спряпчѣй Цапкинъ двадцать лѣтъ

Весь круглый годъ живѣтъ на *дагѣ*.

«Charmant! Charmant! Безподобно! вскрича-
ли дамы: Русскій каламбуръ!»—И не напя-
нутый!—замѣнилъ профессоръ *Мерзляковъ*.
«И весьма замысловатый!» добавилъ В. В. *Из-
майловъ*.—И почти споль же оспрый, какъ
самые щаспливые Французскіе каламбуры,
до бѣшенства восхищавшіе Парижанъ!—вос-

кликнулъ В. Л. *Пушкинъ*.—«Хотя каламбу-
рами хвалиться нечего: поелику они дока-
зываютъ бѣдность того языка, на кото-
ромъ ихъ много;» подхвалилъ, обрадовав-
шись случаю блеснуть спариною и красно-
рѣчіемъ, спарець *Башикировъ*: «однако на Рус-
скомъ они есть. Самый спаршій изъ нихъ,
какъ мнѣ помнится, оппущенъ щѣпчикомъ
N. N., который, въ денежномъ отчетѣ свое-
му начальнику, написалъ, что онъ семерымъ
спорожамъ прѣдѣлалъ *новыя головы*.»

«Не худъ каламбуръ одного изъ нашихъ
спихотворцевъ;» подхвалилъ авторъ Семей-
ства Спаричковыхъ, *Ивановъ*.—*Что вы нынѣ
пописываете?* спросилъ одинъ вельможа,
вспрѣпясь съ *М—ль*, который, пошаты-
ваясь опъ хмѣля, пробирался по бульвару
опъ Тверскихъ воротъ къ Никитскимъ.
Мыслете! опвѣчалъ полупьяный спихотво-
рецъ.»

(*Окончаніе въ слѣд. листѣ.*)

ВНУТРЕННЕЕ ДОСТОИНСТВО.

Одинъ миліонщикъ, съ дрянною душонкою
и замараннымъ именемъ, проглотилъ въ при-
падкѣ горячки драгоцѣнный алмазь. «Онъ
очень умно сдѣлалъ;» замѣнилъ одинъ его
знакомецъ: «теперь онъ имѣетъ какое ни-
будь *внутреннее* достоинство.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ВОСПОМИНАНІЯ О НЕАПОЛѢ.

Помпея.—*Гробница Виргилія*.

Въ пѣ дни, когда *Везувій*, въ гибельномъ
гнѣвѣ своемъ, требовалъ жертвы, и Неаполь
гопвился уже пастъ подъ его ударами,
Помпея, добровольно за него жертвуя со-
бою, рѣшила за живо погребспсь въ вол-
нахъ горячей лавы.—Нынѣ роскошный, бли-
стательный, одушевленный Неаполь наслаж-
дается жизнью, а Помпея послѣ долгаго, въ-
коваго сна, возникаетъ, печальная и без-
молвная, изъ своей могилы, чтобъ узрѣть

плоды сдѣланнаго ею пожертвованія. Адская сила погребла сей городъ, а человекъ совершилъ чудо: воскресилъ его!—Мало по малу его храмы, форумы, амфитеатры, дома, дворцы, какъ бы волшебствомъ воздвиглись изъ нѣдръ земли, и Помпея внезапно возобновила продолженіе своей жизни, прерванной съ столь давняго времени. Но жизнь эта сохранила могильное безмолвіе, и никто не смѣетъ его нарушить. Каждый изъ прежнихъ владѣльцевъ еще сберегаетъ право собственности надъ своимъ домомъ, и имя его, написанное на дверяхъ, служило ему обезпеченіемъ противъ чуждаго завладѣнія.— Помпея, какъ гигантскій призракъ, возстаетъ среди другихъ городовъ свѣта, но она не принадлежитъ уже сему послѣдному. Это городъ, лишенный движенія, житейской шума, удовольствій; городъ, населенный однимъ лишь великими воспоминаніями!...

Сколько разъ, покидая Неаполь, и прощаясь съ его громкими кликами, шумнымъ веселіемъ, отдыхалъ я въ уединенномъ пріютѣ его несчастной подруги! Тамъ не находишь болѣе той безумной веселости, той упоительной природы; не находишь болѣе того очарованія, того роскошнаго воздуха, который пробуждаетъ страсти, но ощущаешь впечатлѣніе грустное, исполненное участія; испытываешь какое-то особенное чувство, настраивающее духъ къ высокимъ идеямъ. Въ пустынѣ сей какой-то невѣдомый голосъ говоритъ пришельцу; каждый камень звучитъ именемъ или цѣлымъ событіемъ; тамъ чувствуешь себя перенесеннымъ за нѣсколько вѣковъ назадъ; тамъ, такъ сказать, касаешься древности—и дивишься, очутившись среди воскреснаго города, который не слѣдовалъ за ходомъ просвѣщенія.— Кто прогуливался въ Помпеи, тотъ какъ бы жилъ во времена первыхъ Римлянъ.

Сидя на ступеняхъ храма *Юпитера-Алжона*, я часно проводилъ по нѣсколько часовъ въ созерцаніи величественной картины, которую являли мнѣ запустѣлыя мѣста сіи. Великое пространство бѣловошпой почвы, покрытое домами, дворцами безъ кро-

вель, колоннами безъ капищелей, занятое площадями и улицами, вымощенными широкими плитками, среди пепельной рѣки, повсюду разливающей свои волны; на заднемъ планѣ *Везувій*, вѣчно неизмѣнный въ своей ярости, непрерывно изрыгающій тысячи раскаленныхъ камней и огромнымъ столбомъ чѣрнаго, густаго дыма заслоняющій своей жертвѣ свѣтъ солнца; ни одного дерева, ни одной былинки, ни малѣйшаго признака произрастенія; вездѣ совершенная безжизненность природы. Вся окружность уподобляется великому кладбищу, а Помпея скелету, покрывшему саваномъ и вспавшему изъ могилы, чтобы устрашить свою убійцу. Дѣйствительно убійца ея не знаетъ сна, не имѣетъ покоя! Онъ бушуетъ, сплетъ съ ужаснымъ ревомъ, огнемъ разсыпается по долину, безъ цѣли распочаеетъ свои удары, множитъ свои жертвы, какъ будто падаясь вторично задушить предметъ своихъ угрызений. Но тщетны его усилія! Лава какъ бы не смѣетъ коснуться великой тѣни, и Помпея продолжаетъ издѣваться надъ его неистовствомъ!...

Пріятно отдохнуть на гробѣ *Виргилія*, при дневномъ закатѣ, когда солнце скрывается за горою, когда лучи его теряютъ свою ослѣпительную силу, и когда цвѣтъ небосклана мѣняется изъ золотистаго въ багровый! Какое высокое прощанье! какое пышное и торжественное отшествіе!

Волшебную прелесть имѣетъ это огненное небо сквозь густую зелень дубовъ, освѣщающихъ могильную пещеру! Испощенный опъ зноя, чувствуешь себя вдругъ оживленнымъ и какъ-бы по прежнему добрымъ; опаченные глаза съ наслажденіемъ открываются, чтобы взирать на послѣднее прощанье дня. Тогда, въ святилищѣ генія, упоительно предаешься мечтаніямъ и дозволишь идеямъ своимъ блуждать въ пространствѣ. не стараешься отдалить себя отъ впечатлѣній. Здѣсь все безмолвствуетъ, все пребываетъ неподвижнымъ. Богъ, покоившійся подъ снѣмъ уединеннымъ сводомъ, палъ на молчаніе на мѣста сіи, и когда Неаполь, при захожденіи солнца, выходитъ изъ

своего усыпления и пробуждается шумный, живой, дышащий, здесь природа оспает-ся тихою и спокойною. Иногда городской шумъ глухо опдаешся въ звонкомъ подземельѣ Павзиппы, но однообразный шумъ сей, нисколько не нарушая мира, поселяетъ въ душѣ еще большую задумчивость. Разстроенная лира поэта не звучитъ болѣе въ вашемъ слухѣ; но воспоминаніе о его иѣснопѣялхъ представляется вамъ живѣе, опличительнѣе; память ваша какъ бы разпространяется, и иѣжныя, просподушныя элогн, возвышенныя описанія *Энеиды*, безъ труда и усилія, сами представляются вашему воображенію.

Пер. *Ил. Г—ва.*

СТИХОТВОРЕНІЯ.

П Л О В Е Ц Ъ.

Я въ младенчествѣ покинулъ
Незабвенную семью,
Жребій нягоспный мой вынулъ
И пустилъ свою ладью.

*

И помчался въ море Свѣта
Слабый челнъ мой испытать,
Върой грудь быма согрѣша,
Я не думалъ шрепешать.

*

Но когда гроза впервые
Уплыи челнъ мой погнала,
И мечпы мои живыя
Погломила бури мгла:

*

Я назадъ хотѣлъ вернуться;
Но пропалъ въ волнахъ мой слѣдъ,
И пришлось мнѣ очнуться
Въ морѣ горестей и бѣдъ.

*

Съ той поры я плыль во мракѣ,
Слыша бурь зловѣщій вой;
Быль въ уныніи и страхѣ
За челнокъ непрочный мой.

*

И не рѣдко разсыпалась
Надъ главою моею гроза;
Лодка сильно колебалась
То ныряя, то скользя.

*

И не рѣдко, валь сердитый
Къ небесамъ мой челнъ кидалъ,
Я опшоль, волной облитый
Въ бездну прямо упадаль.

*

Копчепъ путь, хоть былъ опасенъ,
Чѣлнъ мой къ берегу присталъ,
И мой подвигъ не напрасенъ:
Я пловцемъ перобкимъ спалъ.

А. Быстроглазовъ.

Ш А Р А Д А.

Въ началѣ я не малъ и не великъ,
Ну словомъ такъ, какъ быкъ,
И почно-жь такъ рогащъ,
Его какъ будто бращъ.
Посльднее-жь, хоть мало завсегда,
Опъ жала же его великая бѣда!
Кусаешъ какъ пчела.
Едва-ль не больше зла?
А *црлое* почти находится вездѣ;
У дамъ же нѣтъ его на бордѣ.

.I.

M O D E S.

En donnant quelques indications des manteaux nouveaux de cette année, nous avons peut-être un peu trop négligé la revue des manteaux généralement portés.

Les manteaux *écossais*, en laine anglaise, avec un grand collet carré, une ceinture pareille, un col de velours ou de peluche, point de doublure, conviennent au négligé et sont cependant portés avec un peu de toilette, dans les occasions où ils ne se gardent pas, comme au spectacle, ou pour des visites à pied.

Les *mérinos brochés* en laine, à dessins couleur sur couleur, se doublent en soie et se ouatent; cette étoffe étant de résistance, il serait joli de doubler l'intérieur en laine unie, comme les redingotes ou manteaux d'homme, mettre un col de peluche, une torsade de

лаине pour attacher au cou, et des glands de laine aux pointes de la pélerinne.

Les *mérinos* à raies ou à carreaux brochés, satinés, en laine de couleur, se doublent en soie d'une couleur tranchante. Les plus jolis carreaux sont formés par une ligne large comme le doigt, vert sur marron, orange sur marron, vert ou orange sur noir. On met un col de velours, quelquefois de larges manches qui se relèvent sur les bras, et montrent la doublure qui imite un large parement.

Le *pondichéry*, étoffe unie, à passe-poils et doublure de soie, collet de velours.

Les *satins de laine unis*, ou damasquinés, couleur sur couleur, ou de deux nuances tranchées; on peut, selon le goût, se dispenser de les doubler; ils offrent deux aspects et n'ont pas d'envers.

Le *cachemire*, uni, ou à dessins brochés dans le tissu, ou à dessins imprimés; il se double en marceline ou en satin; à col de velours, collet se terminant en pointe devant.

Les *satins moyen âge* sont les plus élégans de distinction, en même temps que les plus riches, parce que rien ne peut les imiter. Fleurs vertes sur noir, vertes sur grenat foncé, vertes sur marron, orange sur noir, bleu sur marron, sont d'un bel effet. Il y a aussi, et c'est magnifique, des ramages de petites branches nuancées sur noir et sur marron; ce dernier satin ainsi que les premiers doit être doublé de satin de la couleur du fond, le col en velours, le collet très-long, à pans terminés par un gland de soie tordue; au cou, pour attacher, un ruban de satin, également très-long et terminé par des glands.

Pl. No 1. Bonnet de blonde.—Mantelet de velours doublé de satin et garni de dentelles.—Robe Pompadour.

М О Д Ы.

Давъ нѣкоторое понятіе о новыхъ плащахъ нынѣшняго года, мы можемъ быть мало заняты обзоромъ вообще носимыхъ плащей.

Шотландскіе плащи, изъ Англійской шерстяной матеріи, съ большимъ четвероугольнымъ воротникомъ, съ поясомъ изъ такой же матеріи, воротникъ бархатный или плюшевый, безъ подкладки, весьма примичны за-просто и надѣваются также при небольшомъ нарядѣ, въ такомъ слу-

чаѣ, когда не остаются въ пихъ, какъ въ спектаклѣ, или дѣлая визиты пѣшкомъ.

Мериносы, запканные шерстью, съ узорами подъ цвѣтъ, подкладываются шапкою на вѣшь; какъ эта матерія жесткая, весьма красиво бы было подкладывать её гладкою шерстяною матеріей, какъ мужскіе плащи, пришить плюшевый воротникъ, толстой шерстяной шнурокъ, чинюбъ завязывать около шеи, и шерстяные желуды къ концамъ пелеринки.

Полосатые мериносы, или запканные апласшными клѣпками, изъ цвѣтной шерсти. Самыя красивыя клѣпки составлены изъ полосокъ, шириною въ палецъ, зелѣныя по каштановому, оранжевыя по каштановому, зелѣныя и оранжевыя по чёрному. Воротникъ бархатный; иногда широкіе рукава, завернутые на верхъ, выказываютъ подкладку, что подражаетъ широкому обшлаго.

Пондичери, гладкая матерія; подкладка и выпушка шелковыя, воротникъ бархатный.

Гладкіе шерстяные атласы, или волнистые подъ цвѣтъ, или двухъ рѣзкихъ цвѣтновъ; можно, смотря по вкусу, дѣлать ихъ безъ подкладки; они двухъ разныхъ видовъ, безъ изнанки.

Кашемиръ, гладкой, или съ запканными узорами, подкладывается марселиномъ или апласомъ; воротникъ бархатный; большой воротникъ оканчивается спереди мыскомъ.

Атласы среднихъ вѣковъ самая щеголеватая матерія, изъ отличныхъ, въ то же время и самая богатая, потому что неподражаема. Зелѣные цвѣты по чёрному, зелѣные по гранатовому, зелѣные по каштановому, оранжевые по чёрному, голубые по каштановому, весьма красивы. Если еще, и это великолѣпно, разводы маленькихъ вѣшкочъ по чёрному и каштановому; сей послѣдній атласъ, какъ и первые, должны быть подложены апласомъ подъ цвѣтъ грунту; воротникъ бархатный; большой воротникъ весьма длинный, съ концами, оканчивающимися желудями изъ сученаго шелку; у шеи, для завязокъ, апласныя ленты, также весьма длинныя и оканчивающіяся желудями.

Карп. No 1. Блондовый чепецъ.—Маншья бархатная, подбита апласомъ и обшита кружевомъ.—Плашь Помпадуръ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.
.....

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 2.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 No,
и 40 картинками модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, Генваря 6 дня 1834 года.

... Ночью тихая природа, молча,
Не прерывая, слушаетъ спрадалца
И шайнъ его не обнаружилъ дерзко,
А сохранилъ въ своемъ священномъ сердцѣ,
И мрачноспъ ихъ своимъ умножилъ мракомъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

СПЛЕТНИ.

Глава шестая.

(Окончаніе.)

Послѣ написанныхъ и рассказанныхъ каламбуровъ, мысли всѣхъ естественнѣе къ нимъ обратились, и, по раздачѣ новыхъ вопросовъ, каждому захопѣлось написать каламбуръ, блеснувши умомъ своимъ. И дѣйствительно, когда спали чинать оплѣшны: по нашлось, что почти всѣ заключали каламбуры. Нѣкоторые были не въ попадѣ, нѣкоторые сбивались съ шакта, но большая часть удалась, были правильны, оспры, игривы и замысловаты. Пусть охотницы и охотники до каламбуровъ сами прочтутъ ихъ: они позабавятся искрами Русскаго ума, на всё способнаго и ко всему пригоднаго; увидятъ, что Россіянки, танцующія на балахъ, какъ Француженки, не уступаютъ имъ и въ искусствѣ починять баллы, и живя въ свѣтѣ, не чуждаются свѣта наукъ и искусствъ изящныхъ.

Вопросъ. Были-ль вы въ разводѣ?

Отвѣтъ. Я и женапъ никогда не бывалъ.

В. Какое сходство между золомомъ и кровью?

О. То и другая шекуптъ въ жилахъ.

В. Кто могущественнѣе, кто опаснѣе Амура-бѣдокура?

О. Всякой огородникъ; у Амура лукъ за плечами, а у него на грядкахъ.

В. Какое время года въ деревнѣ для васъ пріятнѣе?

О. Сѣнокось: шелковая права напоминаетъ мнѣ шелковые волосы моей *Наташеньки*, а коса длинную, тѣмнорусую ея косу.

В. Говорятъ: онъ прямъ, онъ храбръ какъ его шпага, какого человека сравните вы съ саблею?

О. *Криваго.*

В. Опъ чего въ Россіи выходятъ изъ употребленія родныя наши шубы, а въ модѣ заморскіе салопы на вапкѣ, сюрпуки на вапкѣ, капопы на вапкѣ?

О. Опъ дороговизны *мѣховъ*; хорошо кузнецамъ, у копорыхъ свои *мѣха*.

В. Какое сходство между гусаромъ и дымомъ?

О. Первый ѣздитъ *по трубу*, послѣдній идетъ *изъ трубы*.

В. Какими средствами вышелъ въ люди господинъ *Низкопоклонниковъ*?

О. Онъ выѣхалъ *на шестёркѣ*.

В. Опъ чего такъ разбогатѣлъ откупщикъ *Расторгучевъ*?

О. Онъ щасливо игралъ *на винахъ*.

В. Любите ли вы *изюмъ*?

О. Я предпочитаю *Изюмъ* всѣмъ другимъ городамъ Харьковской губерніи.

В. Улыбаются ли вамъ *надежда* на пупи жизни?

О. Сестра *Надежда* Тимофеевна мнѣ всегда рада, по первому ли пупи я къ ней въ деревню прѣѣду, или по послѣднему.

В. Пинаете ли вы въ сердце *любовь*?

О. Я всегда подую такую *вѣтлушку*. *Любовь* Ивановну за обѣдъ колесами съ городомъ, который онъ очень жалуетъ.

В. Какая птица ваша любимая: *соколъ*, *орелъ* или *соловей*?

О. Разумѣется — *Орелъ*, потому что у меня тамъ хлѣбородная деревня.

В. Гдѣ вы *жить* предпочиняете: въ деревнѣ, или въ сполничномъ городѣ?

О. Въ деревнѣ — *наживалосъ*, въ сполницѣ *проживалосъ*.

В. Хорошо ли переведена книга *Адель* и *Теодоръ*, сочиненія госпожи *Жанлисъ*?

О. Такимъ манеромъ хорошо *переводить* клоповъ.

В. Правда ли, что *Наглецовъ* въ большой сплѣ?

О. Онъ *ворочаетъ* всѣми дѣлами, за што и дѣла маунитъ *на выворотъ*.

В. Опъ чего нѣкоторые журналисты не выдаютъ въ срокъ своихъ книжекъ?

О. Они смотряютъ на свой журналъ какъ на золотую *жизну*, такъ и хопятъ *прижизнить* подписныя денежки: не они первые, не они послѣдніе.

В. Найдите сходство между книгой и порокомъ?

О. Ничего нѣтъ легче: та и другой вещица зажигательныя; и книгу и порошокъ *кладутъ на полку*.

В. Если сходство между *егеремъ* и нѣкопорыми авпорами историческихъ романовъ?

О. Превеликая: одинъ *стрѣляетъ*, другіе *порятъ дичь*.

В. Чпо вамъ нравится больше всего въ славномъ порпретномъ живописцѣ, который недавно прѣѣхалъ сюда изъ Пепербурга?

О. *Кисть* его руки съ *кистью* въ рукѣ.

В. Наблюдаете ли вы *посты* въ походахъ?

О. Строго держимъ *посты*, на копорыхъ насъ поспавяютъ.

В. Жалѣете ли вы о томъ, что нынѣ дамы не носятъ на себѣ *клогей*?

О. Нѣтъ; я упѣшаюсь, смотря въ своемъ селѣ *Спасскомъ*, какъ бьютъ изъ горы *клогей* воды, прозрачной, какъ хрусталь, и холодной, какъ лёдъ.

Наша игра кончилась; но карточная продолжалась. Мы начали бродить вокругъ сполвѣ. *Дунаевъ*, молодой гвардейскій офицеръ, только что прѣѣхавшій въ Москву, взялъ меня подъ руку, *Ивнягова* подъ другую, и просилъ насъ познакомить его съ нѣкопорыми, особенно поразившими его лицами игрокв и игриць. — «Кто эта долговязая, черномазая, рябая дама, которая сидитъ на софѣ?» — Шарлопа Ивановна *Пустелина*; — тихо опѣвчалъ *Ивняговъ*: она ужь претью *пулю* *розьгерываетъ*, и большая мастерица; а послушалъ бы ты, какъ она *отливаетъ пулю*. — «А эта бѣлобрысая съ оловянными глазами *Венера*, которая такъ горячо понкпируетъ,

и спавишь по чепыре короля *въ талио?*...»
 — У копорой *талія* какъ у верблюда? Это баронесса Анпуанета Анпоновна *Фауль-Шлифъ*; взгляни какъ храбро *козырнула* она бубновымъ *тузомъ*; а словами она *козырлетъ* еще храбрѣе и въ сосполни дасть *туза* тому, кто еѣ облабешитъ. — «А пожилой мущина съ опвисшимъ на грудь прехъ-эпажнымъ подбородкомъ, съ одупловатыми щечками, на подобіе полнаго мѣсяца, который такъ проворно берѣтъ *взяпки*?» — По привчкѣ, онъ 40 лѣтъ служилъ совѣтникомъ въ — ой гражданской палатѣ. — Мы обошли всѣ сполы въ госпиной — и очутились въ залѣ, копорая пажке вся была занята игроками въ виспъ и боспонъ. «Ба, да эпо шестидесяти пяти лѣтній паспушокъ князь *Капарегкинъ*. Не ужъли онъ еще волочился за Музами?» — Онъ недавно прислалъ мнѣ свою новую идиллію; замѣпилъ *Ивняговъ*: она начинается:

Покрылись мрачными тѣнями
 Покойной Волги берега...

«Развѣ мапушка - Волга скончалась?»
 — Нѣтъ, нашъ поэтъ обмолвился каламбуромъ; — сказалъ *Ивняговъ*.

Я взялъ шляпу — и ускользнулъ опъ Аргусовыхъ глазъ хозяйки, копорой очень хошѣлось за ужиномъ *окорлить* меня.

А. Кораблинскій.

Въ Но 1-мъ сихъ листковъ напечатанныя шарады и загадки: 1) *Калишъ*. 2) *Кот-лета*. 3) *Щипцы*. 4) *Сонъ*.

УРОЖАЙ РОМАНОВЪ.

За семь лѣтъ передъ симъ соспязались на полѣ романической словесности три народа: Англичане, Французы и Нѣмцы. Теперь, по всей справедливости, надлежитъ причислить къ нимъ чепвѣртый — Россіяны.

Читайте Петербургскія Академическія и Московскія единственныя вѣдомости: каждую недѣлю поспѣваетъ у насъ романъ переводный, и каждая двѣ недѣли — ориги-

нальный, историческій, сатирическій, правоописательный, сеншментальный. И включаю сюда ни сказокъ, ни повѣстей и рассказовъ, ни былей и небылицъ. Сими послѣдними идѣтъ у насъ проливной дождь.

ЛЮБИМОЕ БЛЮДО НАПОЛЕОНА.

У генерала *В...*, возвратившагося изъ арміи въ Парижъ, спросили: здоровъ ли *Наполеонъ*? — «Здоровъ, совершенно здоровъ; даже пожиритъ: вѣспъ лавры и запиваетъ кровью!»

ГРУБОСТЬ ВМѢСТО ВѢЖЛИВОСТИ.

У одной молодой дамы болѣли глаза. — *Я совѣтъ ослѣпну*, — сказала она. «Тогда еще болѣе будете походить на Амура;» подхватилъ случившійся шупъ *сентиментальный* поэтъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Г Р У С Т Ъ.

— Тумапна, какъ даль,
 И смотришь уныло:
 О чемъ же печаль,
 Знать сердце любило? —

*

«Мнѣ только во снѣ
 Мерещилась радость,
 Не въ жаркой веснѣ
 Прошла моя младость.»

*

— И многимъ даритъ
 Судьбина нещасье,
 У многихъ скорбитъ
 Душа средь нещасья. —

*

«Ахъ! ваша напасть
 Сравнится-ль съ моею?»

Нѣтъ, нѣтъ, вѣрно пасть
Въ могилу мнѣ съ нею.»

*

— Чшо-жь, другъ измѣнилъ,
Отъ смерти-ль забыша?
Не пронь прахъ могиль,
Забудь, коль забыша.—

*

«Могу ли забышь!
Ахъ, нѣтъ, невозможно!
Любимой не бышь
И жить мнѣ не должно.....»

О. Дьячковъ.

ENIGME.

On m'élève au dessus du plus grand personnage,
Aussi quand je paraïs je fais grand étalage;
Je sers au maître ingrat, qui pour remerciement,
Me brise chaque membre impitoyablement,
Et divisant mon corps, en prison me renferme;
S'il dépendait de lui, j'y ferais un long terme.
Qui le croirait, lecteur? contre toute raison,
Quand il fait un beau temps, je reste à la maison.

Въ No 1, помѣщенная шарада значить: Вол-оса.

РУССКІЙ ТЕАТРЪ.

Мнѣніе барона Е. О. Розена о драмѣ
А. С. Пушкина: *Борисъ Годуновъ*

(Изъ Дерпскаго журнала: *Dorpater Jahrbücher.*)

В. А. Жуковскаго переводъ Шиллеровой Орлеанской дѣвы открылъ нашей чипающей Публикѣ область благороднѣйшихъ формъ; слабыя опголоски Французской *Мельпомены* замолкли; *Султарокковъ*, *Княженикъ*, *Озеровъ* преданы были забвенію, и вновь пробужденное чувство изящнаго ожидало доспойнѣйшихъ произведеній. Успѣхи не сооп-

вѣспспвовали ожиданіямъ; но пѣтъ радостнѣе было извѣстіе, что А. С. *Пушкинъ*, споль высоко поставленный въ общемъ мнѣніи, пишеть историческую драму, появленіе коей замедлилось въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ. Наконецъ она сдѣлалась достояніемъ Публики и—не спранно ли? Пьеса раздѣлила участь своего героя: непрерывливо ожидаемый *Годуновъ* не слишкомъ понравился!

Не имѣя еще крипики, мы не могли и ожидать критическаго посредничества между авторомъ и публикою; но можно ли было думать, чшобы никто изъ писавшихъ о семъ сочиненіи не понялъ, чего именно хотѣлъ авторъ, когда уже самое посвященіе, вначалѣ драмы, служить ключемъ къ мнимой загадкѣ? Нужно ли сказывать, каковы были всѣ сіи полки?

Трагедію Судьбы хотѣлъ написашъ авторъ именно такъ, какъ развилась она въ немъ подѣ влияніемъ испоріи *Карамзина*, гдѣ высшая сила рѣшительно вмѣшивається въ людскія дѣла и представляетъ примѣръ ужасной кары. Здѣсь не мѣсто говорить о томъ, чѣмъ могъ бы бышь сей историческій предметъ, еслибы *Пушкинъ* имѣлъ собственное, болѣе свободное на оный возрѣніе. Мы не можемъ къ пруду сему примѣнить другаго мѣрила, кромѣ того, которое опредѣляется самимъ прудомъ, п. е. спрогая историческая вѣрность въ опношеніи къ *Карамзину*; лишь того, что содержишься въ сихъ предѣлахъ, мы въ правѣ пребовашъ отъ разсмаприваемаго нами шворенія; увидимъ, удовлетворятъ ли оно, какъ драма, симъ пребованіямъ.

Разбираемое нами произведеніе представляетъ, отъ начала до конца, рядъ опдѣльныхъ моменшвовъ развитія Суда Божьяго надъ убійцею, неподлежащимъ суду земному, отъ чего и дѣйспвующія лица суть не иное что, какъ невольные *слуги сего суда*, сами собою не имѣющіе припязанія на ишпересь, но обращающіе все вниманіе чипапеля на судопроизводство, на темный суддебникъ *Немезиды*. Тѣнь царевича *Димитрія*, убіеніе коего приписывается *Годунову*, вспа-

епъ изъ гроба въ ту мину, когда убійца единогласно призывается народомъ на престолъ (для обладанія коимъ и совершено убійство), отвращаетъ отъ него сердца подданныхъ, избираетъ мстителя за себя, и наконецъ, какъ очистишельную жертву, принимаетъ невинное семейство убійцы! Вотъ предметъ драмы. Человѣческой законъ наказываетъ самого пресупника смертию, но здѣсь застѣдаетъ *Немезида*, и по соображеніямъ ея высшаго ума, она опредѣляетъ кару сверхъ-человѣческую, именно самую прудную для сердца *Годунова*: ибо онъ былъ чрезвычайно нѣжный отецъ и супругъ. Такимъ образомъ драма представляется *трагедіею Судьбы* въ высшемъ смыслѣ! Въ послѣдствіи мы снова обратимся къ сей идеѣ, выражающейся въ исторіи *Карамзина*, и покажемъ, гдѣ она именно недоспабочно развита въ подлежащемъ сочиненіи, и сколько сіе обстоятельство повредило оному.

Сначала, въ краткомъ обзорѣнн разсмотримъ главные моменты дѣла. Изложеніе начинается указаніемъ на убіеніе *Димитрія*. Добродушный князь *Воротынский* вѣрится истинѣ отреченія *Годунова* отъ престола, ему предлагаемаго съ плачемъ и воплемъ. *В. И. Шуйскій*, хранишель важной тайны, значительно отвѣчаетъ: «Если пакъ, *Димитрій* могъ бы жить!» и увѣряетъ, что *Годуновъ* дѣйствительно убійца. Сей послѣдній, принявъ наконецъ корону, является смиренный и распроганный, сзываетъ весь народъ на пиръ, и будто исчезаетъ въ блескъ своего новаго сана. Непосредственно за симъ является главнѣйшая монастырская келья; мы видимъ двухъ чернецовъ, копъ судьба избрала своимъ орудіемъ: спарецъ *Пименъ* предаетъ убійцу въ своей дѣпописи проклятію потомства, второй чернецъ *Григорій Отрепьевъ*, воспаленный подробнымъ разсказомъ *Пимена* объ убійствѣ, готовившя похитить у *Годунова* вѣнецъ. Мы узнаемъ о побѣгѣ *Григорія*. По случаю пиршества въ домъ *Шуйскаго*, гдѣ слуга мальчикъ читаетъ историческую за Царя молитву, предписанную самимъ *Годуновымъ*; узнается о появленіи Царевича *Димитрія* въ Краковѣ.

Шуйскій передаетъ сіе опасное извѣстіе *Годунову*, который, при страшномъ имени *Димитрія*, впадаетъ въ истинно-прагическое помѣшательство ума:

Послушай князь: взять мѣры сей же часъ;
 Чтось отъ Литвы Россія оградилась
 Заставами; чтось ни одна душа
 Не перешла за эту грань; чтось заяць
 Не прибѣжалъ изъ Польши къ намъ; чтось воронъ
 Не прилетѣлъ изъ Кракова. Спупай.
 Постой. Не правда, эта вѣсть
 Застѣлива? Слыхалъ ли ты когда,
 Чтось мертвые изъ гроба выходили
 Допрашивашъ царей, царей законныхъ,
 Назначенныхъ, избранныхъ всенародно,
 Увѣчаныхъ великимъ папріархомъ?
 Смѣшно? а? что? чтожь не смѣешься ты?

Между тѣмъ *Отрепьевъ*, подъ роковымъ именемъ царевича, находясь въ Польшѣ полпу приверженцевъ, и готовившя вспунить съ *Годуновымъ* въ бой. Спроситъ самозванца къ сей, въ послѣдствіи споль ославленной, *Маринѣ*, заставляетъ его, какъ онъ самъ говоритъ, забыть обо всемъ и пасъ къ ея ногамъ съ любовнымъ моленіемъ. Его не прельщаетъ уже пронъ и царская власть: въ глухой степи, въ бѣдной землянкѣ онъ могъ бы быть щасливъ съ нею, но честная любивая Польшка важно объявляетъ ему, что не хочетъ слышать рѣчей любви, пока не будетъ короны предковъ на головѣ его; она желаетъ знать, чего ей должно надѣяться:

«Чтось объ руку съ тобой могла я смѣло
 «Пуститься въ жизнь—не съ дѣтской слѣпошюй,
 «Не какъ раба жеманій легкихъ мужа,
 «Наложница безмолвная шволя,
 «Но какъ тебѣ достойная супруга,
 «Помощница Московскаго Царя.»

Повинуясь ея настоятельному пребыванію, онъ затѣваетъ безумную борьбу. Русскіе не хотѣя сражаться противъ мнимаго царевича. *Годуновъ* заболѣваетъ сильнымъ груднымъ кровотеченіемъ, завѣщаетъ царство сыну; войско вѣряетъ *Басманову*—единственному челоѣку, заслужившему его вниманіе рѣшительными противъ самозван-

ца мѣрами — и умираешь. Новый предводитель войска, еще вѣрнаго, держишь въ своихъ рукахъ судьбу Отечества! *Басмановъ*, послѣ непродолжительной борьбы съ самимъ собою, не смотря на увѣренность свою въ дѣйствительности обмана, рѣшается въ пользу Самозванца и передается къ нему со всею силою. При семъ извѣстїи Москва приходитъ въ волненїе, отводитъ юнаго Царя съ матерью и сестрою при проклятіяхъ въ пемницу, и слышимо задушаетъ первыхъ двухъ. Пьеса окончена — и мы припоминаемъ слова льстиваго: Святая кровь *Димитріева* пребывала крови чистой — и невинные пали за виновнаго, — да спрашашся пресупники и за своихъ ближнихъ!

Достойныя слова, произносимыя *Годуновымъ* при первомъ его появленїи, доказываютъ, что онъ великой идеею народнаго щастїя надѣется успокоить свою совѣсть; но убійство не мирится съ убійцею, который выказываетъ всю помянутую душу свою въ монологъ, исполненномъ страшнѣйшей истины и высокой поэзіи. Кажется, будто онъ, виня народъ въ неблагодарности, опять себя самого тайно свой пресупокъ, въ котормъ онъ все таки невольно признается:

«Кто ни умреть, я всѣхъ убійца тайный!»

Еще явственнѣе высказывается сіе признанїе въ его родительской нѣжности къ дочери, плачущей по умершемъ женихѣ:

«Я можешь быть, прогнѣвалъ небеса!
Безвинная! за чѣмъ же ты спрадаешь?»

Любовь его къ наукамъ обнаруживается въ сценѣ, когда онъ видитъ сына, рисующаго карту; онъ велитъ объяснить ему оную и восклицаетъ:

«Какъ хорошо! вопи сладкій плодъ ученїи!
Какъ съ облаковъ, ты можешь обозрѣшь
Все царство вдругъ: границы, грады, рѣки.»

Положеніе его становится истинно мучительнымъ, когда патриархъ, въ царской Думѣ, въ простотѣ сердца рассказываетъ о чудотворныхъ мощахъ *Димитрія*; и еще мучительнѣе, когда при выходѣ изъ церкви,

юродивый при всѣхъ проситъ, чтобы онъ приказалъ зарѣзать докучливыхъ ребятишекъ, также точно, какъ зарѣзалъ Царевича. Несчастный не велитъ прогнать юродиваго и только отвѣчаетъ ему: «Молись за меня!»

До сихъ поръ мы принимаемъ участіе въ положенїи *Годунова*, и теперь, когда сіе участіе долженствовало бы достигнуть высочайшей степени, чтобы сосредоточить въ себѣ общій интересъ всей пьесы (мы понимаемъ капастрофу), оно внезапно охлаждается, и сцена сія грѣшитъ противъ истины, какъ исторической, такъ и поэтической. Испорикъ говоритъ: «Кто не хотѣлъ бы видѣть и слышать *Годунова* въ послѣдніи минуты такой жизни!»

И что же мы видимъ? Умирающій говоритъ, что не имѣетъ времени очистить душу покаянїемъ, что сынъ ему дороже блаженства, и — даетъ ему наставленїя.

То, что можно бы назвать у праведника силою души, является въ пресупникѣ какъ упорство и оскорбляетъ добродѣтель. Именно здѣсь, гдѣ по идеѣ пьесы карающая *Немезида* должна бы явиться во всей страшнѣйшей истинѣ, она промелькаетъ какъ тѣнь!

*Я, съ давнихъ лѣтъ въ правленїи испытанный,
Могъ удержать смятенїе и мятель;
Передо мной дрожали въ страхъ;
Возвысить глазъ изгнана не дерзала.
Но ты младой, неопытный властитель,
Какъ управлять ты будешь подъ грозой,
Тушитъ мятель, опутываетъ изгнана!
Но Богъ великъ! Онъ умудряетъ юность,
Онъ слабости даруетъ силу...*

Утѣшенїе сіе, столь прекрасное само по себѣ, уничтожаетъ трагическое дѣйствїе и идею пьесы. По правамъ и обычаямъ вѣка, а въ особенности при погдашнихъ обстоятельствахъ, *Годуновъ* весьма могъ предвидѣть жалкую гибель семейства своего, послѣ себя! По этому, первое чувство близкой смерти, есть прибытіе его на лобное мѣсто *Немезиды*! Тамъ долженствовало бы *Годуновъ*, умирающій въ багрянцѣ и слѣдственно симъ неприемлющій кары, памѣть могъ бы

чадолюбивый отецъ и нѣжный супругъ, воздѣвъ въ опчаяніи руки къ Небу, сказать: «Господи! почто Ты меня караешь въ сердцѣ моемъ! почто Ты спроще земнаго суди! почто смѣ невиннымъ пишь чашу казни за преступленіе мое!»

Вокругъ сей главной идеи драмы должно бы было исключительно вращаться помѣшательство умирающаго. Сколько испищопрогательнаго и спрашно-прекраснаго ложилось бы тогда подъ перо *Пушкина!*

Но въ такомъ видѣ, какъ авторъ ведетъ кашаспрофу, драма распадается на части, кои слабо связываются идеею карающей *Немезиды*.

Достаточно ли вознаграждаетъ насъ простое судопроизводство Судьбы за высокій, прагическій интересъ, представляемый намъ предметомъ? Изъ всего явствуетъ, что авторъ держишия ложнаго мнѣнія, будшобы въ прагедіи Судьбы, моральная свобода должна совершенно исчезнуть подъ вліяніемъ сверхъ-естественной необходимости, — отъ чего и вся пьеса сама собою доигрывается до конца, какъ искусственная шахматная партія, ращипанная по вѣчнымъ законамъ возмездія! Нигдѣ не связываетъ судьба нипей своей ужасной пкани съ свободными дѣлами человека; мы нигдѣ не находимъ прагическихъ побудительныхъ причинъ! *Годуновъ* теряетъ любовь народа неизвѣстно за что: ибо, уничтоженіе *Юрьева* дня слишкомъ маловажная причина! За что преслѣдуетъ онъ знатнѣйшихъ бояръ и слушаетъ навѣшниковъ? Онъ говоритъ: «Предчувствую небесный громъ и горе!» Сіе предчувствіе могло бытъ только побужденіемъ къ совѣщаніямъ съ кудесниками! *Отрепьевъ*, копорый измлада только шатался по разнымъ обипелямъ, и коему слѣдственна не въ одинокомъ углубленіи въ бездны духа открываешия міръ сверхъ-естественный — избираетъ во испищели за *Димитрія*, посредствомъ *блговскаго* сновидѣнія. Мы не видимъ, какимъ образомъ ослѣпляетъ онъ народъ, и приводитъ въ исполненіе свое исполниское предпріятіе! *Васмановъ*, вопреки своему историческому характеру (что мы ниже сего

объяснимъ) падаетъ съ войскомъ къ спопамъ обманщика; все дѣлается для того только, что *бытъ потолу!* Исторія объясняетъ намъ сіе обспищельство простио и весьма естественнао: *изъ любви къ дѣтямъ* своимъ, и изъ болзни, чшобы нѣкопорые князья *Рюриковой* крови не вздумали когда нибудъ оспиривать престола у сына его, *Годуновъ* преслѣдуетъ и мучитъ знатнѣйшія семейства; не доврѣаетъ и народу, преданному нѣкопорымъ изъ сихъ князей; уничтожаетъ древній обычай являшися къ народу въ извѣстные дни и часы и своеручно принимаетъ челобитныя; удаляется отъ подданныхъ и обращаетъ ихъ къ духу *Димитрія*. Ропотъ на *Годунова* утверждаетъ народную вѣру въ Самозванца. *Григорій Отрепьевъ* находится писцомъ при папріархѣ *Ювѣ*, и неоднократно имѣлъ случай бытъ при дворѣ и видѣтъ блескъ и роскошь царскую: такимъ образомъ, гораздо естественнѣе объясняется его спремленіе къ свѣтскимъ наслажденіямъ и мірскому величію — именпо то, что содѣлываетъ его способнымъ бытъ орудіемъ судьбы! Если вспомнимъ еще, сколь гнусно онъ въ послѣдствіи поступалъ съ прекрасною дочерью *Годунова* (которая для того и не раздѣлила участи брата и матери): то мы, даже съ историческою вѣроятностью можемъ допустить въ немъ тайную бурную спрасъ, которая была бы сильнымъ прагическимъ мотивомъ. Семейство *Годунова* невинно — причина внутреннихъ раздоровъ въ государствѣ и обрекается въ жертву! Изъ сихъ намековъ усматривается, какъ легко могъ авторъ согласить моральную свободу съ сверхъ-естественною необходимостью!

(*Окончаніе въ слѣд. листкѣ.*)

M O D E S.

Pour le soir on fait de charmantes robes en satin brodé; celles brodées en soie sont déjà connues; un nouveau genre est une broderie de chenille, noire sur satin noir, ou couleur sur couleur. Le mat de la chenille se détache sur le satin brillant, presque autant que deux différentes nuances. Sur noir ou sur marroh,

он brode aussi de fleurs en chenille nuancées, et sur satin de couleur des fleurs noires.

La batiste d'Alger, étoffe fine, laine et soie, à fleurs damassées, couleur sur couleur; jolies robes pour toilettes et demi toilettes.

Des nœuds de cou ou très-petites écharpes sont en tulle noir, larges d'un quart, et brodées d'un dessin extrêmement léger en soie plate, d'une couleur brillante. On les noue justes au cou, en les croisant attachées par une broché.

Du même genre on fait de longues écharpes en tulle noir, brodé en soie de couleur; des fleurs à chaque extrémité et une petite guirlande sur chaque bord. Pour donner de la variété à ce genre de broderie, on emploie de la soie torse pour les feuillages au crochet, et de la soie plate pour les fleurs. Au bas un effilé de soie ronde.

D'autres, pour le bal, sont en gaze de soie brodée en soie; pour dessins, des fleurs en grappes ou en bouquets, toutes de couleurs différentes.

La maison de Mme Gleizal vient de se partager en deux magasins, l'un restant rue Dauphine, l'autre établi rue Castiglione. En visitant ce nouvel établissement, nous avons remarqué de nouvelles robes de blondes blanche et noire, dont les dessins sont ainsi disposés: des bouquets de fleurs sèment la jupe dans toute la hauteur, et devant, deux guirlandes pyramidales forment une mathilde riche et légère.

Mme Francisque, bien connue depuis long-temps par ses cosmétiques pour l'embellissement et la conservation du teint, qu'elle a appris à confectionner à Constantinople, prend la voie de notre journal pour prévenir les dames de sa clientèle qui habitent les départemens ou les pays étrangers qu'on lui a rapporté des préparations qu'elle a reconnues ne pas avoir été fabriquées chez elle.

Pour éviter toute contrefaçon, ses pots et ses flacons seront signés de son nom, scellés de son cachet et enveloppés d'un prospectus. Rue Traversière-Saint-Honoré.

М О Д Ы.

Для вечера дѣлають прелестныя вышитыя апласныя платья; вышиванья шелкомъ уже извѣсны.

Теперь вышивають въ новомъ родѣ синелью, черною по черному, или по цвѣтному подѣ цвѣтъ. Матъ синельный отдѣляется на блестящемъ апласѣ почти также, какъ двѣ разныя тѣни. По черному или каштановому вышивають также цвѣты, а по цвѣтному черныя цвѣты.

Алжирскій баписъ, понкая матерія, шерстяная съ шелкомъ, съ камчатными цвѣтами, подѣ цвѣтъ, красивыя платья для наряда и полу-наряда.

Галспучки или весьма небольшіе шарфы изъ чернаго шюля, шириною въ четверть, вышитые самымъ легкимъ узоромъ несученымъ шелкомъ, блестящаго цвѣта; ихъ повязываютъ влошь около шеи, крестообразно схватывая большою булавкою.

Въ такомъ же родѣ дѣлають длинныя черныя шюлевые шарфы, вышитые цвѣтнымъ шелкомъ; цвѣты на концахъ, а по краямъ узенькая гирланда. Чтобы придать разнообразіе сему роду вышиванья, употребляютъ сученый шелкъ для листвьевъ, вышитыхъ въ памбуръ, а несученый шелкъ для цвѣтовъ; внизу бахромка изъ сученаго шелку.

Еще шарфы, для бала, газовые, вышитые шелкомъ; узоры, цвѣты кистями или букетами, всѣ разныхъ цвѣтовъ.

Магазинъ г-жи *Gleizal* раздѣлился на два, одинъ остается въ улицѣ Dauphine, другой переведенъ въ улицу Castiglione. Посѣщая сіе новое заведеніе, мы замѣтили новыя платья черныя и бѣлыя блондовыя; узоры были такъ расположены: букеты цвѣтовъ разбросаны по всей юбкѣ, а сзади, двѣ пирамидальныя гирланды, составляютъ богатую и легкую мапильду.

Г-жа *Francisque*, давно извѣстная по своимъ косметическимъ приговореніямъ для украшенія и сохраненія цвѣта, копорыя она научилась составлять въ Констаншинополѣ, предупреждаетъ чрезъ нашъ журналъ дамъ, относящихся къ ней, живущихъ въ департаментныхъ и иностранныхъ государствахъ, что ей возвратили приговоренія, копорыя она не признала за свои.

Чтобы избѣжать всякаго поддѣльванія, ея банки и пузырьки подписаны будущъ ея именемъ, припечатаны еѣ печашью и завернуты въ проспектусъ. Въ улицѣ Traversière-Saint-Honoré.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

•••••
ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.
•••••

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 3.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, Генваря 10 дня, 1854 года.

Другъ, нельзя ли для прогулокъ
Подальше выбрать закоулокъ?
А ты, сударыня, чуть изъ постели прыгъ,
Съ мужчиной! съ молодымъ! занятые для дѣвицы!
Всю ночь читаешь небыллицы,
И вопъ плоды опъ эпихъ книгъ!

Грибоедовъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Вопъ *предисловіе* къ одному Французско-
му роману (*), *предисловіе*, какихъ не пи-
шутъ нынѣ во Франціи, *предисловіе*, во всемъ
противоположное *предисловію* къ исторіи
Русскаго народа. Оно показалось намъ столь
чуднымъ и оригинальнымъ, что мы рѣши-
лись перевести его — и напечатать въ Ли-
пературныхъ Прибавленіяхъ, въ надеждѣ,
что наши читатели скажутъ намъ за то
спасибо.

«Сочинительница должна признаться, что
предисловіе ея вовсе не соотвѣтствуетъ
принятымъ правиламъ; во первыхъ: оно на-
писано ею самою,—важный недостатокъ, и
такой, въ которомъ нельзя упрекнуть ны-
нѣшнихъ писателей! Во вторыхъ, оно не

длиньше самой книги, не лучше ея и не за-
ключаетъ въ себѣ доводовъ того, что кни-
га превосходна. Далѣе, оно никого не пу-
гаетъ и не содержитъ въ себѣ объявленія
о скоромъ выходѣ полудюжины другихъ со-
чиненій въ томъ же родѣ. Въ немъ даже
нѣтъ нападеній на правительство, бывшее,
настоящее или будущее. Оно не распредѣ-
ляетъ по достоинству современныхъ писа-
телей, и не ругается нагло надъ всѣмъ, что
пріобрѣло въ наше время успѣхъ, извѣст-
ность и уваженіе. Сочинительница не до-
казываетъ въ своемъ *предисловіи*, что од-
нимъ друзьямъ ея доступно искусство пи-
сать, что одни они одарены талантомъ и
оригинальнію. Все это не значитъ, од-
нако же, что она дѣйствительно не имѣетъ
остроумныхъ друзей и не гордится ихъ
пріязнью и дарованіями, но по несчастію,
они сами хлопчутъ о томъ, чтобы про-
славить себя высокими стихотвореніями,
краснорѣчивою и поэтическою прозою. Ис-
тинными заслугами купленная ими извѣст-
ность столь велика, что мнѣ совсѣмъ не-

(*) Le Lorgnon. Лорнешъ. Онъ написанъ дамою и вышелъ
въ 1835 году, и заслужилъ громкое одобреніе любителей
язвцаго, нравственнаго и умнаго.—В.

нужно заботиться объ увеличеніи ихъ доброй славы, и еще менѣе о помѣ, чпобѣ положить ей прочное основаніе. Такимъ образомъ, занимательность сего *предисловія* не будетъ усилена шарлапанствомъ собственныхъ именъ; въ немъ не встрѣишся даже ни одной похвалы издаателямъ тѣхъ журналовъ, которые дадутъ свое мнѣніе объ этой книгѣ: то есть, расхвалятъ или разбраниятъ мое сочиненіе, смотря по погодѣ, по состоянію здоровья издателя, по его отношеніямъ и по прихоти. Авторъ не прибѣгаетъ въ немъ ни къ чьему щещеславію, не льститъ начальникамъ партій и не раздуваетъ ихъ ненависти. Изъ всего вышесказаннаго ясно, что оно столь же незначительно, какъ и книга, которой оно служить предверіемъ.

Цѣль моего *предисловія* не заключается также въ развитіи какой-либо высокой, философской основной мысли, которую-бы сочинительница забыла озарить въ самой книгѣ; она не намѣрена ни основывать новой школы, ни изобрѣтать новаго слога; не намѣрена изъяснять великихъ истинъ, нравственныхъ, политическихъ, или липературныхъ; она ничего не хотѣла доказывать или изображать. Она не держится никакой системы; въ представленныхъ ею лицахъ нѣтъ личности: это не портреты. Она не думала объ исправленіи общества; напроивъ, она пришла бы въ отчаяніе, если бы оно преобразовалось. Оно правится ей такъ, какъ есть; оно забавляетъ её, возбуждаетъ въ ней вдохновеніе,—и она дорожитъ всѣмъ, что открываетъ въ немъ смѣшнаго: ибо это ободряетъ и успокоиваетъ её на щѣтъ собственныхъ недостатковъ; недостатковъ, надъ которыми она первая сама просподушно смѣется. Она писала, не помышляя о лаврахъ и рукоплесканіяхъ, и почла бы себя прещастливою, если бы наши строгіе цѣнители и судьи—судили о ея произведеніи снисходительно и объявили ему цѣну по совѣсти. Цѣль ея *предисловія* состоятъ въ объявленіи, что сіи страницы написаны были ею для самой себя, для собственнаго удовольствія, безъ намѣренія издавать ихъ въ свѣтъ, безъ мысли, что онѣ должны быть

чипаны; что она не придаетъ имъ ни малѣйшей важности: вотъ все шарлапанство, вся оригинальность ея.

Такимъ образомъ тѣ расчѣтисные умы, которые въ появленіи новой книги видятъ только случай отдать подъ уголовный судъ свой автора, и безчеловѣчно поднимаютъ надъ его пивореніемъ ножикъ изъ слоновой кости, какъ жреческій мечъ надъ жертвою; такіе умы, говорю я, не должны приниматься за чтеніе этой книги: она не для нихъ писана и они не поймутъ её. Она посвящается тѣмъ только лѣншвымъ умамъ, которые снисходительно увлекаются мечтами поэта, чудесами волшебной сказки; которые не произносятъ жестокаго приговора тому, кто заставляетъ ихъ смѣяться; не упрекаютъ себя, выразумѣвъ слово, не освященное академическимъ словаремъ; которые плачутъ намъ искреннею признательностію за *повѣсть*, просподушно разсказанную, изданную безъ приязнаній на авторство, безъ поправокъ, какъ письмо къ другу, которое случается посылать иногда, не перечитавъ его и даже не подписавъ подъ нимъ своего имени; наконецъ, тѣмъ оспроумнымъ и снисходительнымъ читателямъ, которые всегда благодарны за книгу, побившую имъ пріятно провести часъ досуга, между дѣломъ и бездѣльемъ, между разлукою и возвращеніемъ. Къ этой категоріи принадлежатъ мужчины, которымъ скучно, и дамы, которыя влюблены,—а вѣтъ эти два рода людей соснавляютъ половину свѣта!

ЧИТАТЕЛИ И ПОКУПАТЕЛИ.

Мильтонъ говаривалъ: «Съ меня довольно и малаго числа читателей, лишь бы они доспойны были понимать меня.»

Это гордое желаніе поэта повторяется иногда и въ наше время, только съ небольшою переменною. Нѣкоторые изъ нашихъ современниковъ явно и подъ рукою стараются вразумить насъ, что: «съ нихъ, что—съ нихъ довольно и малаго числа читателей, лишь бы много было покупателей.»

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ОТЪ ЧЕГО БЫ ЭТО?

Когда въ душѣ моей унылой
 Горѣлъ надежды свѣтлый лучъ,
 Твой образъ, Нина, вѣчно милый,
 Какъ день прекрасный послѣ шучъ,
 Казался мнѣ всегда прелестнымъ,
 Эфирнымъ, ангельскимъ, небеснымъ.
 Когда-жь, опрадный, опъ угасъ,
 Какъ часть вечерній угасаетъ,
 То каждый день и каждый разъ,
 Какъ взоръ швой свѣтлый отдышаетъ
 На мнѣ—спрадалецъ, невзначай,
 Еще мнѣ кажешся милѣ!
 И я люблю тебя свяще,
 Чѣмъ праведникъ небесный рай.

И. И.

ШАРАДА-ОМОНИМЪ.

Слогъ *первый* съ первою согласной
 И съ непоследней буквой гласной.
Второе-жь хопъ всегда
 Уродливо въ природѣ,
 Но на безрыбьи въ модѣ.
 Его ѣсть и мужикъ, но чаще господъ.
 А слаще *цѣлаго* нѣтъ корня въ огородѣ.
 Порою же оно, какъ молнія горитъ
 И залпомъ пушечнымъ гремитъ.

Ж.

Въ № 2, помѣщенная загадка значить: *Раваршис*.

РУССКІЙ ТЕАТРЪ.

Мнѣніе барона Е. О. Розена о драмѣ
 А. С. Пушкина: *Борисъ Годуновъ*.

(*Окончаніе.*)

Независимо отъ сего главнаго недоспащ-
 ка пьесы, рассмотримъ дѣйствующія лица.
Отрепьевъ изображенъ весьма вѣрно; его хип-
 ростъ и рѣшительность мы видимъ въ сце-

нѣ съ присавами; гибкость ума его бли-
 спательно обнаруживается при аудіенціи,
 которую онъ, какъ царевичъ, даетъ различ-
 нымъ особамъ: какъ искусно умѣетъ онъ
 согласить рѣчь свою съ образомъ мыслей
 того, къ кому относился она!—*Такъ* дол-
 женствоваль бытъ человекъ, который подъ
 своими знаменами побрашалъ переметчиковъ,
 бродягъ и разбойниковъ, и съ ними спяжалъ
 вѣнецъ! Слѣпое довѣріе его къ судьбѣ выра-
 жается въ бодрости духа послѣ пораженія
 шайки, и въ намѣреніи составить себѣ по-
 чепную дружину изъ храбрыхъ Нѣмцевъ,
 отъ коихъ онъ только что претерпѣлъ
 пораженіе. Какъ энергически сердился онъ
 на Запорожцевъ! Легкомысленное нерадѣніе
 его о важнѣйшемъ доказывалось наиболѣе
 его исключительною, прогательною жало-
 бою по издохшемъ конѣ. Поведеніе его у
 фонмана наиболѣе было окритиковано на-
 шею Публикою; соединимъ всѣ сіи порица-
 нія въ слѣдующихъ словахъ: «допустимъ,
 что и сердце имѣло свое участіе въ сей по-
 липической любви; но любить съ такимъ
 самозабвеніемъ, съ какимъ высказываетъ онъ
 свою великую тайну, можетъ только чи-
 стая, непорочная душа—а его понимаетъ
 дрожъ желаній напряженныхъ! Какая съ его
 стороны простота воображать, что гор-
 дая красавица, у ногъ коей лежалъ благород-
 нѣйшій цвѣтъ Польскаго юношества, могла
 любить въ немъ, некрасивомъ собою, что
 нибудь другое, кромѣ имени *царевича*! Она
 безъ упайки говоритъ ему: что не хочеть
 слышать нѣжныхъ рѣчей любви, а отдаетъ
 руку свою—только *царевичу*! Могъ ли семи-
 лѣтній умершій отрокъ возбудить въ немъ
 ревность? Это хуже всѣхъ любовныхъ су-
 мазбродствъ средних вѣковъ! Авторъ ку-
 пилъ этакъ прескучій эффектъ немного до-
 рого, и проч.» Поеліку упреки сіи отчасти
 принимаютъ нѣкоторый видъ правды, то
 мы внимательнѣе рассмотримъ сіе обстоя-
 тельство. Честолюбіе, легкомысліе, бѣшен-
 ная опвага составляютъ характеръ *От-
 репьева*; страсть его опнюдь не есть совер-
 шенная своему предмету преданность чи-
 стой, любящей души, но смѣсь чувствленно-
 сти и влюбчивости, что весьма естествен-

но объясняешь и эту дрожь (которую впрочемъ самъ онъ называетъ спрахомъ), и это непостоянное чувство, по которому любовь можетъ превратиться для него землянку въ черпуги. Сего рода спрашивается весьма свойственна пѣмъ, кои упростили первобытную чистоту сердца. Взглянемъ теперь на положеніе (*situation*): бытность его наединѣ съ юною волшебницею, подъ могущественнымъ вліяніемъ лунной ночи и цвѣтущей природы; каждому врожденное самолюбіе хотѣть нравиться не происхожденіемъ, но личными достоинствами; досада на холодную нещадную рѣчь *Марины*, желающей дѣлаться съ нимъ не любовью—но вѣнцомъ царскимъ, — сообразимъ все сіе, и легко дознаемся, что не ревность къ мерзвому младенцу, но раздраженная чувствительность и глубоко-оскорбленное самолюбіе побудили его такою оригинальностью и ему совершенно свойственнымъ образомъ, опмспитъ властлюбивой красавицѣ.

Хотя сначала самъ онъ испугался, куда завлекъ его порывъ досады, но тотчасъ же исполковываетъ обстоятельство сіе въ пользу любви своей, а именно:

Обманывалъ я Бога и царей,
Я міру лгалъ: но не тебѣ *Марина*,
Меня казнили; я правъ передъ побогомъ.
Нѣтъ, я не могъ обманывать тебѣя.

Что онъ не подвергается большой опасности, открывая свою государственную тайну той особѣ, коей судьба властлюбіемъ связана съ его судьбою, и что онъ не слишкомъ спарается увѣрить Поляковъ въ дѣйствительности его царскаго происхожденія — это явно усматривается изъ словъ его: онъ для Польши одно политическое орудіе прошиву Россіи, — «сей это лишь и нужно!» Мы шутъ не только не видимъ прескучаго эффекта, но и находимъ въ этомъ признаніи глубокий смыслъ. Историческая драма пребуешь, чтобы изображеніе характеровъ намекало на спремленіе и позднѣйшее развитіе ихъ; и какъ удачно выполнилъ авторъ сіе условіе: легкомысленный, безразсудный *Отрепьевъ* въ Самборѣ, естъ сума-

сбродный *Димитрій* на престолѣ! Ничѣмъ нельзя было лучше характеризировать его. То, что мы должны осуждать въ этой сценѣ—какъ сославъ цѣлаго, — спановишься, въ отношеніи къ ней самой, лучшимъ ея достоинствомъ: она не согласуется съ цѣлостью произведенія: ибо она дышетъ истинно драматическимъ, чисто человеческимъ дѣйствіемъ; здѣсь видимъ мы правственную свободу разумныхъ существъ.

Басмановъ, сей славный вицязъ, сей спрашннй ангель-испребисель *Годуновской* династїи—и потому въ погдашнее время величайшій виновникъ золь въ опечесствѣ — сей загадочный мужъ съ крѣпкой душою, который могъ измѣнить только *однажды*—изображенъ слабо, и нисколько не соотвѣтствуетъ важности своей роли. Исторія по крайней мѣрѣ вполнину объясняетъ загадку сего характера; она говоритъ: честлюбивый *Басмановъ*, предвидя, что зависпливые члены семейства *Годунова* не дадутъ ему ближняго мѣста упрестола юнаго царя—ихъ родственника, рѣшился бытъ на споронѣ *Лжедимитрія*. Въ разговорѣ съ царемъ, *Басмановъ* этой драмы представляется исполненнымъ любви къ опечесству: онъ желаетъ предать огню бѣдспвеннїя разряднїя книги; въ благородномъ чувствѣ собственнаго достоинства и энергической вѣрности къ царю, желаетъ начальства надъ войскомъ, чтобы однимъ ударомъ уничтожилъ *Салозванца*; желаетъ и бытъ близкимъ къ престолу, но къ престолу того вѣнценосца, котораго съ глубокимъ уваженіемъ называетъ онъ: высокимъ державнымъ духомъ, и который ни съ однимъ любимцемъ не раздѣлялъ единовластїя — и этотъ мужъ, возведенный юнымъ *Годуновымъ* на высшую степень достоинства, нарушаетъ свою присягу, и дѣлается измѣнникомъ, не столько изъ любви къ опечесству, сколько изъ презрѣнной любви къ жизни—«изъ боязни, чтобы мятежники его не связали и не выдали *Отрепьеву!*» Ужели могъ знать подобную боязнь герой Новгорода-Сѣвернаго—герой, который, съ заженнымъ филлемъ въ рукѣ, опвергнулъ блистательнѣйшія

предложенія порожествующаго *Самозванца*, и запершись въ своей маловажной крѣпости, остановилъ всеобщій мятежъ; сей самый мужъ, который незадолго до своей измѣны увѣрялъ, что одно присутствіе его даруетъ побѣду войску, и что одна вѣрность его доставитъ охраненіе юнаго царя? Съ эпитомъ согласуется и повѣствованіе лѣтописца: что не общая измѣна увлекла *Басманова*, но что *Басмановъ* произвелъ общую измѣну войска. Такъ какъ характеризованъ *Басмановъ* въ сей драмѣ, его могло склонить къ измѣнѣ одно лишь полное убѣжденіе, что *Отрепьевъ*—испипный царевичъ, и сіе убѣжденіе могло бы основываться или на драгоценномъ крестѣ *Самозванца*, бывшемъ причиною заблужденія столь многихъ, или на чѣмъ либо другомъ исторически-правдоподобномъ; тогда мы имѣли бы и ключъ къ послѣдующему поступку *Басманова*,—мы разумѣемъ здѣсь: его вѣрность по смерти при сверженіи *Отрепьева*:

Столь же неудачно выведенъ характеръ патріарха, или слишкомъ простаго или слишкомъ злобнаго. Положимъ, онъ не вѣрилъ злодѣйскому поступку *Годунова*; но могла ли его патріархальная простота до того простирается, что онъ, рассказывая о чудотворныхъ мощахъ *Димитрія*, не видитъ замѣшательства бояръ и страха *Годунова*, у котораго крупный потъ съ лица капалъ, и продолжаетъ повѣстѣ, будто ни въ чемъ не бывало. Промолчавъ о семъ происшествіи, цѣлые шесть лѣтъ, *Ювг* весьма хорошо понималъ, что о помъ не должно было говорить царю *Борису*. Если же любовь къ погибающему опечесиву преобладала сего нарушенія приличія: то *Ювг* могъ бы объясниться наединѣ съ *Борисомъ*.

И такъ, мы въ патріархѣ не находимъ историческаго *Юва*, доброжелателя *Годунова*, благороднаго мужа, который, въ царствованіе *Шуйскаго*, первымъ указомъ предавшаго память *Борисову* проклятію Россіи,—дерзнулъ какъ-бы освятить эту память добрымъ словомъ въ знаменитой рѣчи, имъ произнесенной по лишеніи сана, въ видѣ простаго инока, призваннаго разрѣшить на-

роду сугубый грѣхъ двукратнаго клятвеннаго преснупленія, буде народъ впредь останется вѣрнымъ своей присягѣ. Жаль, что вышеупомянутый прекрасный рассказъ доставля намъ съ нарушеніемъ испипны.

Дѣши *Годунова* имѣютъ свое историческое значеніе: *Теодоръ* оставилъ по себѣ только ландкарту свою; а *Ксенія* плачетъ по умершемъ женихѣ. По критическому машпабу, копмъ мы измѣрлемъ драму, можно бы автору сдѣлать упрекъ: почему онъ намъ не показалъ занимательнаго отношенія отца къ сыну, каковое находимъ мы въ исторіи? Горячность *Годунова* къ сыну доходила до слабости: онъ ласкалъ его непрестанно, называлъ своимъ величелемъ; воспитывалъ съ опипнымъ спараніемъ, и, чтобы заблаговременно обратиться къ нему всю любовь народа, поставилъ его у престола крошкимъ посредникомъ между закономъ и милоспію; часно ожидалъ одного только слова *Теодора*, чтобы помиловать осужденнаго — и въ эпомъ сыпъ наказанъ несчастный отецъ!

Ксенія создана изъ нѣжныхъ элементовъ любви, красоты и вѣрности! По обычаю Русскихъ дѣвъ, она изливаетъ свою жалобу голосомъ пѣсни:

Ксенія (глядя на портретъ).

Чтожь уста твои
Не промолвили?
Очи ясныя
Не проглянули?
Аль уста твои
Затворились!
Очи ясныя
Закапились (*).

(*Цѣлуетъ портретъ*). Милый мой женихъ, прекрасный королевичъ, не мнѣ ты доставля, не своей невѣстѣ, а пѣмной могилкѣ на черной сторонкѣ: никогда не увидишь, вѣчно по тебѣ буду плакать!

Совершенную противоположность сему милому существу находимъ мы въ гордой,

(*) Сія восемь стиховъ выпущены издавателями драмы.

безчувственной *Маринь*; ни тѣни нѣжно-сти и граціи — одно только необузданное властолюбіе, которое, наконецъ, повергло её въ незаконныя объявія проспаго казака. *Шуйскій* и *Воротынскій* изображены съ историческою вѣрностью. *Воротынскій*, кажется, выведенъ для того только, чтобы показать, что преступленіе *Годунова* не было извѣстно и всѣмъ вельможамъ. *Гвирила Пушкинъ* играетъ весьма презрительную ролю. Авторъ довольно немилосивъ къ своему предку, выставляя его на позоръ передъ лицомъ потомства, и умалчивая о *Плецевѣ*, столь же виновномъ: это спрөгоспъ *Брута* въ обратномъ порядкѣ!

Щаспливѣйшій характеръ въ цѣломъ сочиненіи есть отецъ *Пимень*! Мы въ немъ видимъ достойнаго представителя нашихъ лѣтописцевъ, начиная отъ *Нестора*, до новѣйшихъ временъ — представителя тѣхъ святыхъ мужей, кои, оплодившись отъ всего мірскаго, въ тихой кельѣ, при свѣтѣ лампы, передаютъ потомству, не мудрствуя лукаво, историческіе факты.

Да вѣдаютъ потомки православныхъ
Земли родной минувшую судьбу,
Своихъ царей великихъ поминаютъ
За ихъ труды, за славу, за добро;
А за грѣхи, за темныя дѣянья
Спасители смиренно умоляютъ.

Важный, спокойный видъ *Пимена*, послѣ многолѣтней жизни, глубокое смиренномудріе, вѣра въ чудеса; рассказъ о *Грознолицѣ* царѣ, о святой жизни и смерти *Теодора*; объ убіеніи царевича *Димитрія*, — во всемъ этомъ вѣетъ душевной теплотой Русской жизни; все это цвѣтепъ свѣжими, милыми краскамъ истинно-народной поэзіи. Столь же прекрасенъ и рассказъ папріарха: это Русская Легенда, содѣлавшаяся необходимымъ составомъ сей драмы. Русская любовь къ опечесиву во всей полнотѣ своей являлась во вдохновенномъ *Курбскомѣ*, который, отъ лѣтъ младенчества, впервые вступаетъ на родную землю! Какъ все прекрасное на свѣтѣ, сіе превосходное явленіе блещитъ только одну минуту: благородный

юноша въ опчаянномъ бою падаетъ за мнимаго царевича. Юродивый еспъ масперское, оригинальное изображение, исполненное поэзіи и истины; онъ не только вѣрно списанъ съ природы — онъ у неё *похищенъ*! Сцена въ корчмѣ на Липовской границѣ, въ вѣрномъ зеркалѣ показываетъ намъ полицейскихъ служителей и бродящихъ Черноризцевъ погдашняго времени. Не только упомянуты мѣста — но и каждую сцену, отдѣльно взятую, можно назвать полною; всѣ же онѣ, взятыя вмѣстѣ, составляютъ большую, вѣрную картину, гдѣ каждое историческое лицо находитъ свое мѣсто: слѣдовательно, и начальники царской иностранной стражи — извѣстный *Маржеретъ* и *Вальтеръ - Розень* не могли быть забыты. Одно только важное лицо ускользнуло отъ вниманія автора — это царица-инокиня *Марѣа*, мать свяпаго *Димитрія*!

Не смотря на недоспапки сей пьесы, какъ драмы, она еспъ превосходное историческое твореніе, — твореніе, достойное народа, и которое, безъ сомнѣнія, будетъ лучше оцѣнено въ послѣдствіи. Преимущественную красоту онаго составляютъ простой, благородный, истинно-драматическій языкъ, исключительно принадлежащій нашему автору. Съ тонкимъ чувствомъ изящнаго, содалъ онъ сей языкъ, который при всей плавности новаго языка, носитъ на себѣ опечатокъ древняго. Это еспъ чрезвычайно важная услуга, оказанная нашей литературѣ и нашимъ будущимъ прагикамъ, хотя не театральная форма сего сочиненія и не можетъ служить типомъ для Русской трагедіи. Достоверно то, что А. С. *Пушкинъ* въ этомъ твореніи возраспилъ древо народной поэзіи, которое мы привѣспивуемъ словами самаго автора:

Да освѣтитъ его драгія вѣщи —
Весь міръ земной!

Всѣ недоспапки сей драмы рѣзко выказываются въ Нѣмецкомъ переводѣ *Кноринга*: всѣ красоты оригинала тамъ являлись въ каррикатурномъ видѣ; прекрасный народный колоритъ совершенно спертъ, а пѣлительная дикція безжалостно исковеркана.

Можно ли узнать нашего автора въ эпой маскѣ?

Въ заключеніи упомянемъ объ одномъ явленіи, ненапечатанномъ издашемъ по со- вѣщанію Польскаго поэта *Мицкевича* и по- койнаго барона *Дельвига*: будто бы сцена сія ослабляетъ впечатлѣніе, произведенное рассказомъ *Илиена*. Рецензентъ съ симъ не согласенъ, и находить, что переходъ отъ сего рассказа къ побѣгу *Отрепьева*, чрезъ сіе исключеніе спановится слишкомъ крупъ, и что явленіе сіе, кромѣ историческаго осно- ванія, заключаетъ въ себѣ глубокую поэти- ческую истину; оно обнаруживаетъ бур- ную внутренность *Григорія*. Мы видимъ огромный запасъ горячихъ веществъ, ожи- дающихъ одной только искры, чтобы вспых- нулъ гибельнымъ для отечества пожаромъ, и эта искра вспыхиваетъ на концѣ явленія! Возьмемъ въ соображеніе и то, что подвигъ, на который отваживается молодой смѣль- чакъ, былъ *неслыханнымъ* въ то время *дѣ- ломъ*, такъ, что для неопытнаго юноши безъ сомнѣнія пребовалось побужденіе извѣтъ, чтобы освѣпить и устроить эпопѣю хао- тическій безпорядокъ темныхъ спремленій. Авторъ, намѣреваясь помѣстить эпоу сцену при второмъ изданіи *Бориса Годунова*, по- зволилъ намъ предварительно съ нею позна- комить Нѣмецкую (*) Публику.

ОГРАДА МОНАСТЫРСКАЯ.

Григорій и злой Чернецъ.

Григорій.

Что за скука, что за горе наше бѣдное житье!
День приходилъ, день проходилъ—видно, слышно все одно;
Только видимъ черныя рясы, только слышимъ колоколы!
День зѣвая бродимъ, бродимъ; дѣлать нечего—соснемъ...
Ночью долгою до свѣта все не спится чернецу!
Сномъ забудешься, такъ душу грезы черныя мутяшь...
Радъ что въ колоколь ударилъ, что разбудилъ коспылемъ!
Нѣтъ, не выперплю! нѣтъ мочи: чрезъ ограду—да бѣгомъ!
Миръ великъ: мнѣ путь-дорога на четыре стороны—
Помышай какъ звали!

Чернецъ.

Правда: ваше горькое житье,
Вы разгульные, лихіе, молодые чернецы!

Григорій.

Хотя бы ханъ опять нагрянулъ! хоть битва бы
поднялась,

Такъ и бытъ: пошелъ бы съ ними переѣдаться мечемъ!

Что? когда бы нашъ царевичъ изъ могилы вдруть воскресъ
И вскричалъ: «А гдѣ вы дѣши, слуги вѣрные мои!»

Вы подите на *Бориса*, на злодѣя моего,
Изловили супостата, приведите мнѣ его!»

Чернецъ.

Поно! Не болтай пустова: мертвыхъ намъ не воскресить!

Нѣтъ, царевичу иное видно было суждено.—
Но послушай: если дѣло запывать, такъ запѣвать.

Григорій.

Что такое?

Чернецъ.

Еслибъ я былъ также молодъ, какъ и ты,
Еслибъ усь не пробивала ужъ лѣтая сѣдина—
Понимаешь?

Григорій.

Нѣтъ, нисколько!

Чернецъ.

Слушай: глупой нашъ народъ
Легковѣренъ; радъ дивиться чудесамъ и новизнѣ;
А болре въ *Годуновъ* поминать равнаго себѣ;
Племя древяго *Варла* и теперь любезно имъ!
Ты царевичу ровесникъ... если ны хиперь и швердъ—
Понимаешь? (*люпаніе*).

Григорій.

Понимаю!...

Чернецъ.

Что же скажешь?

Григорій.

Рѣшено!

Я *Димитрій*, я царевичъ!

Чернецъ.

Дай мнѣ руку: будешь царь!

Съ Нѣм. *А. Савицкій.*

(*) И Русскую.—В.

M O D E S.

On voit quelques nouvelles façons de robes parées ou négligées; pour les redingotes de satin, on fait trois plis égaux, droits au milieu du corsage et de la jupe; ces plis sont larges de deux doigts: le reste du corsage, par devant est plat; derrière, le dos est plat des épaules, et légèrement froncé au milieu sous la ceinture.

Pour robes simples, des plis en éventail partant des épaules et venant se réunir sur la poitrine par une petite ganse, jusqu'à peu près à la moitié de la hauteur, le dos pareil. Quelquefois ces plis partent des épaules au nombre de cinq, et viennent se réunir les uns à côté des autres, petits et serrés au milieu, sous la ceinture.

Madame Gleizal s'est occupée d'une charmante nouveauté de ce moment avec beaucoup de succès; ce sont les *mathildes* en blonde noire ou blanche, et en application de Bruxelles. Une de celles que nous ayons le plus remarquées était en blonde noire, posée sur un dessous de satin rose, et la robe, qui s'ouvrait en figurant un par-dessus, était en satin noir broché rose.

Les manches longues à doubles bouillons sont habillées et demi-habillées; le haut, assez large, est long comme une manche courte, le second moins grand, et le bas presque juste; si l'étoffe peut convenir à une toilette parée, on adapte les derniers bouts de manche de manière à pouvoir les retirer à volonté. On peut placer dans chaque intervalle des bouillons un nœud court en rosette.

Aux sévignés décolletées on voit quelquefois beaucoup de nœuds semant le corsage: ceci est moins bien que six nœuds distribués ainsi: devant et derrière, en haut et en bas de la draperie, les deux autres sur chaque épaule.

Les pélerines mantelets continuent à être de mode, garnies en frange de soie ronde. D'autres pélerines plus simples se font encore sur cette forme, à peu près comme cet été: une pointe sur la poitrine, une semblable dans le dos; à chaque épaule une pointe tombant sur la manche; la pélerine garnie d'une blonde haute d'une main.

Pl. No 2. Nouveau costumes des dames de la cour.

Pl. No 3. Chapeau de velours. — Manteau de foulard et robe de satin. — Mantelet de cachemire brodé en soie.

M O Д Ы.

Видны нѣкоторыя новыя покрои для парядныхъ или простыхъ плащевъ; апласные рединготы дѣлаютъ съ премо равными складками, прямо въ срединѣ лица и юбки; складки снн шириною въ два пальца; остальная часть лица: спереди гладкая, сзади, спинка отъ плечъ гладкая, въ срединѣ слегка собрана къ поясу.

Для простыхъ плащевъ складки опахаломъ начинаются отъ плечъ и соединяются на груди тонкимъ шнуркомъ почти на срединѣ; спинка такая же. Иногда пять складокъ отъ плечъ соединяются вмѣстѣ, узенькія и сжатые въ срединѣ, подъ поясомъ.

Г-жа Gleizal занялась прелестною пеперешнею новостію съ большимъ успѣхомъ; это мапильды изъ черной или белой блонды и Брюссельскихъ кружевовъ; одна изъ шѣхъ, которыхъ мы наиболѣе замѣтили, была изъ черной блонды, положена на розовый апласъ, а платье, которое открывалось составляло par-dessus, было черное апласное, зашкано розовымъ.

Длинные рукава съ двойными вздержками нарядны, приличны къ полу-наряду. Верхъ, довольно широкой, длиною какъ короткій рукавъ; вперое опдѣленіе меньше, а низъ почти въ обпьяжку; если матерія прилична къ наряду, то концы рукавовъ дѣлаютъ шакъ, чшобъ можно было опнимать по произволу; между вздержками можно пришивать короткіе баншы, сдѣланные розеткою.

Съ открытыми sévignés иногда по лицу разбрасываютъ баншы. Это не шакъ прилично, какъ шесть баншовъ, расположенные такимъ образомъ спереди и сзади, вверху и внизу драпировки по одному баншу, остальные два на плечахъ.

Пелеринки-мапильды все еще въ употребленіи, обшитыя бахрамою изъ сучагаго шелку. Другіе пелеринки, простыя, дѣлаются такимъ покроемъ, почти какъ льпомъ: мысокъ на груди, шакъ же на спинѣ, на плечахъ мыски спущенные на рукава; пелеринка обшита блондою, шириною въ ладонь.

Карп. No 2. Новый придворный дамскій костюмъ

Карп. No 3. Бархатная шляпка. — Маншо изъ фулара и апласное платье. — Маншде кашемировой шипное шолкомъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 4.

Цена годовому изданію,
состоящему изъ 104 Но,
и 40 картинками модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, Генваря 13 дня 1854 года.

Ахъ, памятью можно въ минувшемъ намъ жить
И чувства упоенье въ души сохранить.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

БАЛЪ (*).

Наступилъ день бала у супруги *** по-
сланника. Уже около часа ходилъ *Лорвиль*
по заламъ ея дома, посматривая въ лорнетъ,
прислушиваясь, и стараясь незамѣтно дѣ-
лать свои наблюденія. Онъ узналъ уже ис-
торію всѣхъ нарядовъ, успѣлъ проникнуть
въ мелкія тайны кокетства, изъ вешешекъ
сшитыя наряды скупости, благоразумныя
выдумки ращепливости; происхождение каж-
даго букета цвѣтновъ было уже извѣстно ему.
Иная дама, жеманно вдыхая запахъ своего
букета, старалась придать себѣ видъ опасе-
нія, чпобы кто нибудь не угадалъ его сен-
тиментальной тайны: тогда, какъ она про-
сто купила его поутру у цвѣточницы; дру-
гая старалась увѣрить, что купила свой
букетъ: тогда, какъ онъ былъ подаренъ ей.
Почти всѣ они лгали, не подозревая, что
хитрости ихъ были бесполезны, и что легко
было угадать ихъ, даже не прибѣгая къ по-

собію волшебнаго лорнета. Но не этими лег-
кими открытіями ограничивались удоволь-
ствія, копорыхъ надѣялся *Лорвиль* отъ се-
го вечера. Всего болѣе обѣщало позабавить
его появленіе *Фридерика Нарво*, копорого
онъ ждалъ съ большимъ нетерпѣніемъ.

Опець его, герцогъ *Лорвиль*, былъ въ шѣ-
сной пріязни съ *** посланникомъ, и по-
тому *Эдгару* не стоило большаго труда
получить для своего стариннаго друга при-
гласительный билетъ, копорого *Фридерикъ*
прежде домогался такъ смиренно, и въ ко-
поромъ онъ вѣроятно уже опчаявался. *Лор-
виль* заранѣе представлялъ себѣ причины,
какія станеть выдумывать другъ его, чпобы
извинить свою неосновательность и объ-
яснить странность появленія своего на празд-
никъ, отъ копорого незадолго предъ тѣмъ
онъ вмѣнялъ себѣ въ обязанность опказать-
ся, выставляя предлогомъ къ тому полити-
ческія свои мнѣнія.

Лорвиль подсперегалъ минушу его прихо-
да съ такимъ же помпешельнымъ чувствомъ,
съ какимъ спраспный любовникъ ждетъ поя-
вленія обожаемой имъ женщины. Наконецъ,
эпа желанная минуша наступила. *Фриде-
рикъ Нарво* вошелъ, поднявъ спѣсиво голову;

(*) Сія статья взята изъ новаго Французскаго романа:
Le Lognon (Лорнетъ), остроумнаго, но не ядовитнаго,
забавнаго, но не выходящаго изъ границъ благопри-
стойности, шутливаго, но не нахальнаго. — В.

но и сквозь спѣсъ видно было то принужденіе, та неопредѣленная вѣжливость, потѣ нерѣшимельный и робкій поклонъ, которыя всегда отличаютъ гостя, незнакомаго ни съ хозяиномъ, ни съ хозяйкою дома. Къ этому замѣшательству, не чуждому самымъ свѣтскимъ людямъ, для *Фридерика* присоединилось еще другое недоумѣніе, котораго они не знаютъ: онъ не поспигаль, опъ кого былъ присланъ къ нему зазывной билетъ. Получивъ его наканунѣ, *Фридерикъ* объясился съ дядею своимъ *министромъ*, и потѣ опкровенно признался, что онъ позабылъ включить его въ списокъ особъ, которымъ слѣдовало быть приглашенными. По этому *Фридерикъ* не могъ понять, кто оказалъ ему такое одолженіе, и перелся въ мысляхъ, къ кому обратиться, чтобы быть предсавленнымъ хозяевамъ. Спрашное замѣшательство его такъ забавляло *Лорвилля*, что онъ долго не рѣшался положить ему конецъ; съ большимъ удовольствіемъ смотрѣлъ онъ, какъ *Нарво* прохаживался изъ залы въ залу, плавал, если можно такъ выразиться, въ океанъ незнакомыхъ лицъ, и двадцать разъ проходя мимо хозяйки-посланицы, которую онъ опыскивалъ. Наконецъ, находя, что жестоко было бы мучить его еще долѣе, *Эдгаръ* подошелъ къ нему съ изумленнымъ видомъ, какъ будто бы только лишь его замѣшилъ.

Фридерикъ такъ обрадовался, увидѣвъ наконецъ знакомое лицо, что *Лорвилль* не могъ не улыбнуться той поспѣшности, съ какою онъ примкнулъ къ нему.—А! подумалъ *Эдгаръ*, на этопѣ разъ онъ искренно радъ меня видѣть. Тутъ, припворясь крайне удивленнымъ, онъ обратился къ *Фридерикъ* съ вопросомъ: какъ, и ты здѣсь! я думалъ, что по своему положенію, ты не....

— Ахъ! не напомнай мнѣ объ этомъ, я спыжусь себя, какъ нельзя болѣе; но зачѣмъ скрывать свои слабости? Знаешь ли, что если бы хорошенькая женщина сказала мнѣ: *я хожу*, то я готовъ бы былъ вѣхаться на балъ къ смертельному врагу своему, чтобы только танцевать тамъ съ нею.—Сіе безстыдное и въ ту минушу выдуманное оправда-

ніе поразило *Эдгара*, и онъ далъ себѣ слово непременно обличить нахала. Между тѣмъ, видя, что *Фридерикъ* его не оставляетъ, онъ начиналъ уже раскаяваться въ томъ, что пригласилъ его; скоро, пользуясь вспрѣпившимся предлогомъ, онъ замѣшался въ толпѣ и поспѣшилъ опыскавъ даму, ангажированную имъ для танцевъ.

Это была блондинка, очаровательная своею красою и помнымъ видомъ. Большіе черные глаза, полузакрытые длинными рѣсницами, неясная улыбка, и физиогномія, которую засавляла она выражая, что ей чрезвычайно весело: погда, какъ ей было скучно; задумчивый и даже спраждущій видъ, все это придавало ей неизьяснимую прелестъ. *Эдгаръ* едва успѣлъ получить ея согласіе на четвертый конспрадансъ: около неѣ увивались и добивались этой чести самыя свѣтскіе франты. Дѣвица *д'Армилли* приняла на себя недовольный видъ, когда *Эдгаръ* подошелъ звать еѣ на танцы. Чтобы узнать этому причину, уходя, онъ посмотрѣлъ на неѣ въ лорнетъ (который имѣлъ свойство открывать сокровеннѣшія помыслы): «какъ скучно, думала она, танцевать съ незнакомыми.» Эта мысль очень понравилась *Лорвиллю*. Онъ начиналъ уже скучать безпрерывнымъ кокетствомъ и ласками дамъ, прельщенныхъ его пріятною наружностью, ловкостью и благородствомъ. Эта дѣвица, говорилъ онъ самъ себѣ, предпочитаетъ спарья знакомства новымъ побѣдамъ; мнѣ нравится такой характеръ и я готовъ проспить ей шу непорочливостъ, съ какою она приняла мое приглашеніе.

Музыка заиграла, и *Эдгаръ* поднялъ свою даму. Такъ какъ, не нарушая правилъ вѣжливости, онъ не могъ, разговаривая, смотрѣть на неѣ въ лорнетъ: то вполне предался наслажденію слушать еѣ и восхищаться ею. Дѣвица *д'Армилли* оставила свой сердитый видъ; прекрасный станъ ея выпрямился, лицо оживилось, поспушь спала величавѣе, и вся она исполнилась тѣмъ довольствомъ, которое часто измѣняетъ женщинамъ, когда онѣ танцуютъ, съ человекомъ, для нихъ любезнымъ; тѣмъ наслажденіемъ, какое ощу-

щаетъ танцующая дама, вспрѣпивъ ловкаго танцора; или искусный игрокъ въ вистъ, когда судьба посылаетъ ему достойнаго партнера.

Лорвилъ замѣпилъ эту переменъ и почелъ её сначала желаніемъ дѣвицы *д'Армиллы* блеснуть красотою въ толпѣ обожателей; но скоро онъ замѣпилъ, что переменъ на сія совершилась прямо для него. Дѣвица *д'Армиллы* примѣпно старалась смягчить выраженіе своихъ взоровъ, усpreмляя ихъ на него, и въ опѣвахъ ему выводила тоненькимъ голоскомъ самыя нѣжныя ноты. Во всѣхъ словахъ ея проглядывало желаніе понравиться. *Лорвилъ* восхищался симъ проснымъ и невиннымъ кокетствомъ.

«Вы прѣехали изъ Германіи?» спросила дѣвица *д'Армиллы*: «Долго ли вы пробыли въ Вѣнѣ?»—*Эдгаръ* заключилъ изъ эшаго вопроса, что она знала уже, кто онъ, и шутъ ему пришло на память, что она спрашивала на ухо о его имени у одной дамы, когда онъ подавалъ ей руку, чтобъ пойти танцевать.—Я прожилъ тамъ болѣе года,—опѣчалъ онъ.

«Любитъ ли тамъ веселишься?»—Трудно опѣчать на это; естъ люди, которые нигдѣ не веселятся; я знаю одного Англичанина, который утверждаетъ, что Парижъ самый скучный городъ въ мірѣ, и, увѣряю васъ, что въ отношеніи къ себѣ, онъ правъ; онъ пробылъ здѣсь одинъ мѣсяць, и во все это время спрадалъ прехднейною лихорадкою. Опъ эшаго ему невѣрился, что ктонибудь можетъ здѣсь веселишься.— Дѣвица *д'Армиллы* такъ снисходительно смѣялась эшой шуткѣ, что *Лорвилъ* почелъ пріятною обязанностію поддерживать ея веселость, и внутренно изъявилъ ей признательность за то, что она облегчала разговоръ, касаясь въ немъ пѣхъ обстоятельствъ, которыя были ей извѣстны объ *Эдгарѣ*.

Во время танцевъ, одинъ пожилой французъ, съ которымъ дѣвица *д'Армиллы* проговорила часть вечера, подошелъ къ ней, но она вспрѣтила его такъ холодно и сухо, что бѣдный вздохнулъ, озадаченный такою неожиданною суровостію, потчасъ принуж-

денъ былъ репироваться. *Эдгаръ* спросилъ о его имени.

«Это г. *Шалпери*,» опѣчала она съ видомъ довѣрчивости и дѣтскаго лукавства: «онъ пользуется благорасположеніемъ моего дяди; я танцую съ нимъ по приказанію, и опъ эшаго онъ мнѣ очень наскучилъ.» *Эдгаръ* былъ очарованъ откровенностію сего опѣва и милымъ средствомъ сблизиться съ нимъ, заставляя его, такъ сказать, принять ея спорону. Никогда еще ни одна дѣвица не возбуждала въ его сердцѣ споль пріятнаго ощущенія. Конпрадансъ кончился—и они распались. *Эдгаръ* опвелъ дѣвицу *д'Армиллы* къ ея матери, и когда хотѣлъ удалиться: то она поблагодарила его улыбкою, исполненною любезности и, казалось, выражавшею: «мы можемъ щипаться спарыми друзьями.»

Мечтая о новомъ предметѣ, плѣнившемъ его, *Эдгаръ* опшелъ къ окну, чтобъ любоваться имъ въ безмолвіи. Дѣвица *д'Армиллы*, издали слѣдовавшая за нимъ взорами, увидѣвъ, что онъ готовится навести на неё лорнетъ, украсила свою физиогномію всею прелестію смяшенія, и пошупила глаза.

Горя неперпнѣемъ знать, какое впечатлѣніе онъ произвелъ на неё, *Эдгаръ* поспѣшилъ прочесть въ ея сердцѣ. Но увы! вопъ въ чемъ заключалась мысль эшой нѣжной души о немъ и объ умѣ его: «это сынъ герцога *Лорвилля*; женившись, онъ будетъ имѣть шестьдесятъ тысячъ франковъ дохода.»

Какое горькое разочарованіе! И объ умѣ его—ни одного слова! И о немъ самомъ—ни одного воспоминанія! Напрасно онъ любезничалъ, напрасно радовался, что въ эпотъ вечеръ ему случилось быть привлекаемъ нѣе обыкновеннаго; его не слушали, на него не смотрѣли. Все, что въ немъ нравилось, былъ спарый отецъ его и спаринный замокъ *Лорвилль*, въ которомъ *Эдгаръ* проводилъ жизнь скучно и зѣвательно.

Какъ извинительны показались ему тогда пѣ женщины, которыя плѣнялись его наружными свойствами. Дѣвица *д'Армиллы* было бы низко показатъ споль пошлую сла-

боспѣ. Тщеславіе слѣпо для всего, кромѣ пѣхъ преимуществъ, которыя, какъ ступеньки лѣстницы, могутъ помочь ему выиспѣся.

Эдгаръ, споль жестоко выведенный изъ сладкаго заблужденія, былъ сильно раздосадованъ. Каждый разъ, проходя мимо дѣвицы *д'Армилли*, въ отвѣтъ на ея заманчивыя взгляды, онъ дерзко отворачивался.—А! думалъ онъ, она предпочитаетъ во мнѣ одну только знапную породу; пусть же почувствуетъ низость своей, увидѣвъ, какъ еѣ презираю. Дѣвица *д'Армилли* скоро замѣтила перемѣну чувствованій *Лорвилля*, но казалось, ни сколько этому не удивилась, и спокойный видъ ея поразилъ *Эдгара*. Онъ снова взглянулъ на неѣ въ лорнетъ, чтобы узнать ея мнѣніе о такомъ непостоянствѣ. Она объясняла еѣ себѣ слѣдующимъ образомъ: «вѣрно ему сказали, что за мною нѣтъ приданаго.»—Ей казалось очень естественнымъ, что *Лорвилль* оказывалъ ей въ эту минуту то же пренебреженіе, какое сама она пишала къ нему, прежде чѣмъ узнала, что онъ миліонщикъ и герцогъ.

Сполько холодносп въ такой красавицѣ ужаснуло *Лорвилля*. Съ пѣхъ поръ, какъ онъ вывѣдалъ тайныя помыслы дѣвицы *д'Армилли*, сіяніе красоты ея для него потемнѣло. Очарованіе женщины зависипъ отъ чувствованій, которыя она имѣетъ, или, по крайней мѣрѣ, въ ней предполагаются. Физиогномія еспъ языкъ, который прогааетъ насъ только тогда, когда мы вѣримъ тому, что онъ выражаетъ.

Пер. *Ип. Глѣбовъ*.

ПОДНОЖІЕ НОГЪ.

Какая-то старушка попросила одного чиновника написать ей просьбицу къ началнику покойнаго ея мужа, чтобы еѣ дали пенсіонъ. Чиновникъ слылъ челоѣкомъ оспроумнымъ и весьма краснорѣчивымъ между своими сослуживцами: ибо онъ хотя и не совсѣмъ кончилъ курсъ въ гимназіи, однакожъ умѣлъ правильно писатъ ѣ на своемъ

мѣспѣ и рассыпатъ оспорожно знаки препинанія, чего другіе, за малознаніемъ, не наблюдали.

Онъ исполнилъ желаніе вдовы: его прошеніе имѣло видъ школярной рѣчи, расположенной по риторикѣ *Рижскаго*.—Тутъ было и вспушленіе и предложеніе, и приступъ и примѣръ, и проптивное и изъясненіе, и послѣдспвіе и, наконецъ, заключеніе, украшенное долговязыми знаками восклицанія и горбатыми знаками вопрошенія, среди которыхъ проявилась такая вычурная фраза, подобную коей трудно опыскашь и въ *Моск. Телеграфѣ*. Начальникъ, прочитавъ прошеніе и невольнo засмѣявшись, спросилъ: «Что значипъ *припадаю къ подножію ногъ вашихъ?* я, кажется, не спатуя, и пѣдеспала не имѣю.»

ЖЕНСКІЙ СЕНАТЪ.

Испорія сохранила намъ, что Римскій императоръ *Геліогабалъ* учредилъ *Женскій сенатъ*, судившій и рлдившій о модахъ, пидцахъ и городскихъ новоспяхъ, имѣвшій своихъ лазунчиковъ и разбиравшій всѣ дѣла по части сплетней и злословія. Сенатъ сей уничтожился съ кончиною своего основателя. Въ наше время, въ каждой гостиниой комнатѣ заспѣдаетъ *Женскій сенатъ*, завѣдывающій не одними щепетильными дѣлами, но и духовными, и военными, и политическими.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ВСТРѢЧА НОВАГО ГОДА

или

ЧУДО ЧУДНОЕ, ДИВО ДИВНОЕ.

Наканунъ Новаго года, часу въ 9-мъ, отправился я къ ****ву на вечеръ, гдѣ по обыкновенію надѣялся встрѣшптъ юнаго гостя, 1834 годъ, въ вихрѣ вальса или за шарканьемъ Французскаго кадрили.

Комнаты были освещены ярко; бронза и фарфоръ какъ будто горѣли, отражаясь въ зеркалахъ и люстрахъ.

Общество было не многочисленное, но избранное. Дѣвцы, подобно прелестнымъ граціямъ, сплетая руками, расхаживали въ живописныхъ группахъ по залѣ, съ неперпѣніемъ прислушиваясь къ визгу подвѣзжающихъ каретъ, въ надеждѣ на прибавленіе кавалеровъ въ панцахъ, а можетъ быть . . . и суженыхъ.—Кто не надѣялся и не мечталъ наканунѣ Нового года?

Музыканты, въ ожиданіи открытія панцовъ, сложивъ въ кучу свои инструменты, спокойно еще дремали въ передней на шубахъ и шинеляхъ пріѣзжихъ. Пожилыя маменьки и пѣпунки, усѣвшись въ гостиной, разсуждали о погодѣ, новыхъ праздничныхъ придворныхъ платьяхъ, Французскомъ театрѣ и о прочихъ житейскихъ предметахъ; между тѣмъ, какъ молодежь военная и штапская, исполненная упованія на великія и богатыя милости, имѣющія воспослѣдовать въ Новый годъ, собравшись въ кружокъ, съ восхищеніемъ передавали другъ другу свои надежды, догадки, рашипывали старшинство и законный срокъ выслуги со дня полученія послѣдней награды.

Гости, казалось, всѣ уже съѣхались; хозяинъ усадилъ стариковъ и пожилыхъ дамъ за вистъ; музыканты ожидали только приказанія играть вальсъ; маменьки и пѣпунки, не играющія въ карты, поднимались уже со своихъ мѣстъ, чтобы итти въ залу любоваться своими дочерьми и племянницами, рисующимися въ вальсѣ и Французскомъ кадрилѣ . . . вдругъ вошедшій слуга подалъ хозянкѣ полстый пакетъ, принесенный по городской почтѣ. Хозяйка съ неперпѣніемъ вскрываетъ конвертъ — это былъ журналъ *Смирдина: Библіотека для чтенія*. Можетъ ли быть что нибудь болѣе ксташи и лучше придумано, какъ это подарокъ наканунѣ Нового года, истинно драгоценный для всякаго Русскаго, хотя немного любящаго отечественную словесность и осо-

бенно важный по своимъ благодѣтельнымъ послѣдствіямъ?

Дамы и мужчины, забывъ о панцахъ, съ любопытствомъ бросились на это журналъ, столь много надѣлавшій благоверменно шуму въ литературномъ и цѣлительномъ мірѣ; даже почтенные шарички, не докончивъ Роберта, оставивъ карточные столики, пѣснились вокругъ хозяйки, чтобы взглянуть хотя на обвертку этого журнала. Книга переходила съ беспропую изъ рукъ въ руки и, хозяйка, весьма образованная, любезная свѣтская дама, только къ сожалѣнію немного приспособилась къ драмамъ *Дюпаса*, романамъ *Евгенія Сю* и *Ж. Занда*, дабы удовлетворить общимъ просьбамъ и любопытству своихъ гостей, рѣшилась взять на себя въ это вечеръ обязанность чтеца Русской книги — такъ сильно благообразная наружность этого журнала предупредила всѣхъ въ свою пользу, а громкія имена первоклассныхъ нашихъ литераторовъ и знаменитыхъ поэтовъ, напечатанныя на оберткѣ, напередъ ручались за интересъ помѣщенныхъ въ ней статей!—

Въ одно мгновеніе составилась подлѣ стола, за которымъ сидѣла хозяйка, огромный кружокъ слушателей — всѣ усѣлись, инициация воцарилась, и чтеніе *comme de raison* началось стихотвореніемъ *А. С. Пушкина: Гусарь*; послѣ сего хозяйка, пробѣжавши мелькомъ нѣкоторыя стихотворенія, остановилась на повѣсти барона *Брамбеуса: Вся женская жизнь въ несколькихъ часахъ*; величина оной сначала ужаснула её, но рѣзкое, заманчивое начало: *скажите мнѣ, какъ раздается женщина?* . . . рѣшила судьбу сей повѣсти.—Читайте, ради Бога читайте, это должно быть очень интересно, — восклицали со всѣхъ сторонъ — и хозяйка въ угожденіе дорогимъ гостямъ начала чтеніе повѣсти, почти съ каждымъ періодомъ. Интересъ увеличивался болѣе и болѣе; слушатели то хохотали, то были расстрогиваемы до слезъ.—Ахъ! г. баронъ *Брамбеусъ*, какъ я сожалѣю, что вы не встрѣчали со мною вмѣстѣ Новый годъ въ домѣ ***!—

Какъ-бы вы не были хладнокровны къ похваламъ, но врядъ ли бы устояли противъ тысячи одобрительныхъ восклицаній, произносимыхъ миленькими дамскими ропиками при перевертываніи каждой странички вашей повѣсти. Вы своимъ рассказомъ, какъ талismanомъ, приковали слушаателей на цѣлый часъ къ кресламъ! Заставили забыть о панцахъ, висѣть и суешномъ празднованіи—не чудеса ли это? Вы по истинѣ новый пашъ Промей.... «Mes dames! Mes-sieurs! Vous etes servi.» Эпи слова, нѣсколько разъ повторенныя хозяиномъ, вдругъ вывели всѣхъ какъ-бы изъ самага пріятнаго, очаровательнаго упоенія; никто не хотѣлъ вѣрить, что уже первый часъ ночи; не дослушавъ окончанія повѣсти, гости насупясь пошли ужинать—и за ужиномъ вѣрно еще въ первый разъ въ жизни, между другими поздравительными тостами, провозглашены были единодушно въ избранномъ Петербургскомъ обществѣ тосты въ честь Русской литературы, и наконецъ, о чудо чудное и диво дивное: за здоровье Русскихъ литераторовъ, участвующихъ въ *Библиотекѣ для чтенія!*

До сихъ поръ мнѣ казалось, что легче пройди верблюду сквозь игольное ушко, нежели провести вечеръ у знашнаго барина, въ кругу лучшаго нашего общества, дышущаго Французскими романами, за чтеніемъ Русской книги—и какой еще вечеръ? Наканунъ Нового года, обыкновенно посвященный панцамъ и играмъ. Хвала и честь *Смирдину* и всѣмъ участвующимъ въ его общепольномъ предпріятіи!

Развѣзжалась, большая часть изъ собранія на другой же день непременно хотѣли, между другими визитами, сдѣлать визитъ и библиотекѣ *Смирдина*, чпобъ подписаться на журналъ его. Можно ли послѣ этого укорять Публику въ холодности къ Русской литературѣ и въ равнодушіи къ полезнымъ предпріятіямъ по часпи оной? Кажется нѣтъ! Надо только стараться заслужить любовь ея!

Не будучи литераторомъ, а слѣдовательно и участникомъ въ журналѣ *Смирдина*: Библиотека для чтенія, я, какъ безприсрасп-

ный членъ Публики, пламенно любящій Русскую литературу и, *ergo*, неравнодушный къ славѣ ея, не могу умолчать о видѣнномъ мною вчерашняго числа *удѣль-удиломъ* и *дивноломъ*; будучи увѣренъ, что послѣ этого каждый изъ литераторовъ подыметъ вершокъ выше, а можетъ быть и болѣе, пропиву ранжирнаго литературнаго списка; по выраженію извѣстнаго Публикѣ *Русскаго Инсалида*.

И. Л—чъ.

1-е Января 1854.

ДОХОДЫ АНГЛІЙСКИХЪ БОГАЧЕЙ.

Въ одной изъ Англійскихъ газетъ напечатано слѣдующее исчисленіе годоваго дохода главнѣйшихъ владѣльцевъ Великобританіи:

		Доходъ.
Герцогъ Норшумберландскій	150 тыс. ф. стер.	(3 м. 750 тыс. руб.)
— —	Девонширскій . . .	120 тыс. (3 мил.)
— —	Рушландскій . . .	105 п. (2 м. 625 п.)
— —	Бедфордскій . . .	100 п. (2 м. 500 п.)
Маркизь Букингамъ	94 п. (2 м. 350 п.)	
Герцогъ Норфолькскій	88 п. (2 м. 200 п.)	
— —	Малборугъ	85 п. (2 м. 125 п.)
Маркизь Гершфордъ	75 п. (1 м. 875 п.)	
— —	Спаффордъ	75 п. (1 м. 875 п.)
Герцогъ Буккейгъ	73 п. (1 м. 825 п.)	
Графъ Гросвеноръ	70 п. (1 м. 750 п.)	
— —	Лонедаль	70 п. (1 м. 750 п.)
— —	Фицвилліамъ	70 п. (1 м. 750 п.)
— —	Бриджватеръ	66 п. (1 м. 650 п.)
Маркизь Лансдоунъ	60 п. (1 м. 500 п.)	
— —	Девонширъ	58 п. (1 м. 450 п.)
Герцогъ Портландскій	56 п. (1 м. 400 п.)	
Г-нъ Кокъ (Норфолькъ)	54 п. (1 м. 350 п.)	
Маркизь Слиго	47 п. (1 м. 175 п.)	
Сиръ В. В. Виннъ	37 п. (925 п.)	
Сиръ В. Маннерсъ	31½ п. (792½ п.)	
Сиръ Ф. Бюрдептъ	30 п. (750 п.)	

Все это составляетъ сумму 1,614,500 ф. стерл. (40,362,500 руб.) дохода, распределеннаго между двадцатью двумя помѣщиками.

ВЪ РОССІИ ЛИТЕРАТОРЫ УВАЖАЮТСЯ
БОЛѢЕ, НЕЖЕЛИ ВЪ АНГЛІИ.

«У насъ во Франціи неслыханное дѣло,»
говорить *Виллеленъ*, переводчикъ *Шеридановой* комедіи: *Школа злословія*: «чтобы одинъ
человѣкъ былъ попеременно, а иногда въ од-
но и то же время, комикомъ и начальни-
комъ Парламентской оппозиціи, директоромъ
театра и государственнымъ министромъ.
Въ Англіи это случалось нѣсколько разъ—
и никого не удивляетъ.»

У насъ на Руси два славные поэта—*Державинъ* и *Дмитріевъ* были министрами, оп-
личный прозаикъ и стихотворецъ — М. Н.
Муравьевъ помощникомъ министра, законо-
датель Русскаго языка — А. С. *Шишковъ*
сперва государственнымъ секретаремъ, а по-
томъ министромъ; комикъ *Грибоедовъ* былъ
при Персидскомъ дворѣ посланникомъ.

ДОБРОЕ ДѢЛО ВѢЧНО.

Всякое удовольствіе, всякая приятность,
всякая услуга, нами ближнимъ оказанная,
доставляетъ намъ удовольствіе не только
въ ту минуту, когда сдѣлано, но и во всю
жизнь—въ воспоминаніи.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

МОТЫ ЛѢКЪ.

Порхай, порхай, небесъ-цвѣтокъ!

Внимай весны блаженство!

Тебя лелѣешь въперокъ,

Ты неба совершенство!

*

Твой міръ—лазурны небеса,

Ты въ нихъ безопасно рѣешь,

И какъ воздушная краса,

Какъ метеоръ свѣплѣешь.

*

Твоя вся жизнь—весѣлый часъ;

Твоя упраша—розы;

Ты не внималъ печали гласъ,
Тебя не знаютъ слѣзы.

*

А мнѣ иное рокъ судилъ,

Въ шномъ я міръ рѣю:

Я всѣ блаженства схоронилъ—

И ихъ желать не смѣю.

*

Но пвой удѣлъ меня плѣнилъ,

И свѣплыя надежды

Въ душѣ усатой пробудилъ

И успокоилъ вѣжды.

*

Порхай же чаще вокругъ меня

Прекрасное созданье,

Твое явленье, какъ заря,

Приносишь упованье.

Петръ Никифоровъ.

1828 г.

VERS ÉCRITS SUR UN ALBUM.

Sur cette page blanche où mes vers vont éclore,
Qu'un regard quelquefois ramène votre coeur;

De votre vie aussi la page est blanche encore,
Je voudrais la remplir d'un seul mot: *le bonheur*.

Le livre de la vie est un livre suprême,
Que l'on ne peut fermer ni rouvrir à son choix;

Le passage adoré ne s'y lit qu'une fois,
Et le feuillet fatal se tourne de lui-même:

On voudrait s'arrêter sur la page qu'on aime,
Et la page où l'on meurt est déjà sous nos doigts.

CHARADE.

Plus blanc qu'albâtre chez Edite,

Un *boa* sauve mon premier

De la rigueur de mon dernier.

Mais pour son coeur! pauvre petite!

Amour l'atteindrait même au sein de mon entier.

Въ No 3, помѣщенная шарада-омонимъ значить: *Буракъ.*

M O D E S.

Pour les robes du matin ou celles du soir, négligées, on fait beaucoup de corsages montans, plats, ayant le dos peu froncé du bas.

Les ceintures de ruban de satin se nouent par devant avec un nœud court en rosette.

Les écharpes de satin brodé sont toujours très-élégantes: elles sont charmantes à la lumière, se détachant sur une robe de velours ou de crêpe.

Les turbans de blonde sont très-recherchés, ils siéent parfaitement au visage; très-riches à la lumière, doux et brillans. On peut faire ces turbans avec une écharpe, en les soutenant avec un long morceau de satin roulé; ce satin est blanc ou de couleur selon le goût; la blonde est noire ou blanche.

Les turbans de cachemire se font avec plus de difficulté, en ce qu'un châle est presque toujours trop grand, et une écharpe ne suffit pas. Ils sont d'une grande élégance pour une toilette de soirée, même pour un bal.

Les petits chapeaux de velours, noirs ou de couleur, sans brides, avec une ou plusieurs plumes, sont convenables à une grande ou à une demi-toilette, selon la couleur du velours et des plumes. Velours noir et plumes blanches peut aller avec une toilette de bal ou une robe montante; velours brun et plumes de couleur est demi-habillé; velours pâle et plumes blanches est tout-à-fait paré.

Nous citerons aussi de charmans tabliers en gros de Naples noir; le milieu est tout uni; autour est une bordure en soie de couleur brochée, qui encadre en traçant plusieurs lignes larges de deux doigts de nuances différentes. Ces tabliers sont très-simples et de très-bon goût.

On annonce la fin complète des boas; les pélerines longues, qui les avaient déjà remplacés l'hiver passé, seront encore de mode cet hiver.

On voit déjà les manchons de fourrure doublés en soie de couleur voyante, avec une rosette à chaque ouverture; ceux-ci sont les seuls adoptés généralement; les fantaisies sont des exceptions rares, tels que les petits manchons en velours ou en satin brodé, ceux en peluche ou en satin imprimé.

M O D Ы.

Упренія плашья или вечернія, простыя, дѣлають по большой части съ гладкими, высокими лифами; спинка слегка собрана книзу.

Пояса изъ апласныхъ лентъ, завязывающяся спереди короткимъ банпомъ розеткою.

Вышитыя апласныя шарфы все весьма щеголеваты; они прелестны при огнѣ, опдѣляясь на бархатномъ или креповомъ плашья.

Блондовые шюрбаны въ весьма большомъ употребленіи; они очень идутъ къ лицу, очень пышны при огнѣ, нѣжны и блестящи. Можно дѣлать сіи шюрбаны изъ шарфовъ, поддерживая ихъ длиннымъ лоскушкомъ свернутого апласа; апласъ бѣлый или цвѣтной, смотря по желанію; блонда бѣлая или чѣрная.

Кашемировыя шюрбаны труднѣе дѣлать, потому что шаль всегда слишкомъ велика, а шарфа мало. Они весьма щеголеваты для вечерняго наряда, даже и для бала.

Небольшія шляпки, чѣрныя или цвѣсныя, безъ завязокъ, съ однимъ или нѣсколькими перьями, приличны къ большому наряду или полу-наряду, смотря по цвѣту бархата и перьевъ. Чѣрная бархатная съ бѣлыми перьями можетъ быть прилична къ бальному наряду или къ плашью съ высокимъ лифомъ. Тѣмный бархатъ съ цвѣсными перьями для полу-наряда; свѣтлый бархатъ съ бѣлыми перьями совершенно нарядно.

Мы упомянемъ также о прелестныхъ чѣрныхъ гроденаплевыхъ передничкахъ; середина гладкая, вокругъ зашканная каёмка цвѣснымъ шелкомъ, которая облегаетъ его, начерпывая нѣсколько полосъ, шириною въ два пальца, разныхъ цвѣтовъ. Передники сіи просты и въ хорошемъ вкусѣ.

Поговаривають о совершенномъ оставленіи хвостовъ; длинныя пелеринки, замѣнившія ихъ прошедшею зимою, будутъ въ употребленіи и нынѣшнею.

Видны уже мѣховыя муфты, подложенныя шелковою матеріею яркаго цвѣта, съ розетками у отверстій; онѣ одиѣ только въ общемъ употребленіи; необыкновенныя, — рѣдкое исключеніе, какъ на прим: небольшія муфты бархатныя или вышитыя апласныя, плюшевыя или изъ печатнаго апласа.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

•••••
ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.
•••••

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 5.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
ставкою и пересылкою
55 рублей.

СРЕДА, Генваря 17 дня, 1854 года.

Кто жилъ и мыслилъ, пошль не можешь
Въ душъ не презирашь людей;
Кто чувствовалъ, того тревожилъ
Призракъ невозвратимыхъ дней:
Тому ужъ нѣтъ очарованій,
Того змѣя воспоминаній,
Того раскаянье грызеть.

А. Пушкинъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ПРОДАЖНЫЙ ДОМЪ.

Глава первая.

Герцогъ *Лорвилль* усиленно побуждалъ къ женитьбѣ своего единственнаго сына. *Эдгаръ*, разочарованный свѣтомъ, который онъ узналъ очень коротко, самъ начиналъ мечтать о блаженствѣ жизни семейной, украшенной цвѣтами супружеской нѣжности. Онъ чувствовалъ потребность имѣть уголь, въ которомъ бы могъ надѣяться быть всегда неперпѣливо ожидаемъ и радостно встрѣченъ. Занятый такимъ неопредѣленнымъ предположеніемъ и еще болѣе неопредѣленнымъ выборомъ, онъ желалъ купить въ Парижѣ домъ, чтобы мысленно поселиться въ немъ съ спрассно-любимою жѣночкою-невидимкою, о которой мечталъ онъ. Въ одно утро, онъ отправился въ Бакскую улицу, осмотрѣвъ и спорговать большой прекрасный домъ,

который продавался; хозяинъ былъ давнишній его знакомецъ. Было одиннадцать часовъ утра; а въ эту пору все у жильцовъ на распашку; комнаты не подметены, поспели смяпы, вещи разбросаны; словомъ, для мирныхъ жильцевъ дома нѣтъ ничего несноснѣе, какъ неожиданное посѣщеніе покупателя, который, подъ предлогомъ этой покупки, не всегда запасшись для ней деньгами, приходитъ мѣшать имъ въ хозяйственныхъ или должностныхъ занятіяхъ, наблюдать ихъ нравы, ихъ привычки, и иногда подмѣчать ихъ тайны. Часъ, благопріятный семейнымъ ссорамъ, когда мать бранитъ дѣтей и слугъ, мужъ ссорится съ женою, начальникъ дѣлаетъ выговоръ своему секретарю, опкущикъ повѣренному; роковой часъ, когда повѣряются расходы и приходы, собираются привести въ исполненіе новыя планы, готовятся къ скучнымъ визитамъ, которые надобно сдѣлать вечеромъ, наконецъ, когда исполняются обязанности, самыя пятоспныя даже для кокетки; это:

примѣривать плаще и отвѣчать на записку!

Едва *Лорвиль*, вмѣстѣ съ хозяиномъ дома, вошелъ въ переднюю комнату нижняго этажа, какъ волненіе, причиненное его приходомъ, сдѣлалось замѣтнымъ не только въ комнатахъ, въ которыхъ хозяинъ велѣлъ доложить о себѣ, но и во всѣхъ верхнихъ этажахъ. Волшебныя слова: «вотъ покупатель, который пришелъ осматривать домъ,» произвели тревогу во всѣхъ углахъ его. Это былъ ужасный сигналъ съ быстрой переданъ изъ нижняго жилья въ бель-этажъ, изъ перваго во второй, изъ второго въ третій, изъ третьяго въ четвертый. Тамъ онъ потерялся въ скромномъ убѣжищѣ труда, гдѣ жизнь начинается вмѣстѣ съ разсвѣтомъ, и гдѣ это былъ спрашнй часъ, часъ столь ранній для прочихъ жителей дома, сидящихъ въ неглиже за кофе или чаемъ, есть уже часъ передобѣденный и назначенъ для упренныхъ посѣщеній.

Обитатели нижняго жилья завпракали, когда ихъ уведомили о приходѣ *Лорвилля*. Они говорили всѣ вмѣстѣ и очень громко, какъ будто за что нибудь ссорились; но вдругъ голоса утихли и глубочайшее молчаніе смѣнило эти семейственные крики.

Эдгаръ и хозяинъ продажнаго дома пришли въ гостиную, гдѣ ихъ просили подождать съ минутою.

— Эти комнаты довольно просторны, какъ видите; замѣтилъ хозяинъ: ихъ занимаетъ маркизъ *Шатолапси*, перъ Франціи. Въ прошломъ году онъ давалъ здѣсь чудесные праздники. Триста человекъ могутъ свободно здѣсь помѣститься; но теперь онъ сердится и не хочетъ больше давать баловъ, подъ предлогомъ, будто бы они разоряютъ его. Во всѣхъ моихъ комнатахъ онъ разставилъ кровати для дѣшей своихъ, которыхъ недавно взялъ изъ училища...—

Въ эту минуту вошелъ маркизъ; онъ былъ блѣденъ, какъ человекъ разсердившійся, но ласковъ и вѣжливъ, какъ житель большаго свѣта, умѣющій себя придурить.

«Извините, милостивые государи, сказалъ онъ, что я принимаю васъ въ комнату, гдѣ такой безпорядокъ.»

— Мнѣ должно извиняться передъ вами,—сказалъ хозяинъ: я боюсь васъ обезпокоить; но г. *Лорвиль*,—прибавилъ онъ, указывая на *Эдгара*: желаетъ купить мой домъ, и я осмѣлился привести его... Можетъ быть, мы пришли слишкомъ рано?—

«Нѣтъ, ничего,» отвѣчалъ маркизъ, не смотря на хозяина; потомъ, обратясь къ *Лорвиллю*, онъ сказалъ ему нѣсколько словъ съ привѣпливостью человека, принадлежащаго къ порядочному обществу и говорящаго съ равнымъ себѣ. Между тѣмъ, въ общеденіи съ хозяиномъ онъ прибѣгалъ къ той принужденной и холодной учливости, которая выражаетъ: «вы не принадлежите къ нашему кругу.»

Они обошли всѣ комнаты обширной квартиры маркиза. Проходя черезъ спальню, *Лорвиль* увидѣлъ даму, сидѣвшую за письменнымъ столомъ и занятую переписываніемъ письма, которое лежало предъ нею вчернѣ. Любопытствуя знать, что она пишетъ, и отъ чего происходитъ смѣшеніе, замѣченное имъ въ этомъ семействѣ, *Эдгаръ* посмотрѣлъ на маркизу въ лорнетъ неприемлемымъ для неѣ образомъ, и прочелъ въ ея мысляхъ слѣдующія слова, которыя она поговилась написать.

«Мужъ мой и я, почли бы за особенную честь имѣть зятемъ человека, вамъ подобнаго; но прежде данное обѣщаніе...»

Эдгаръ не могъ чинать далѣе, потому что въ эту минуту маркиза вспала и поклонилась ему; но какъ онъ не сомнѣвался, что планъ этаго письма былъ обдуманъ ею вмѣстѣ съ маркизомъ, то направилъ на него всепроницающій лорнетъ, который открылъ ему слѣдующее:

«Нѣтъ, думалъ онъ, никогда моя дочь не будетъ женою ничтожнаго выскочки. Я много потерялъ въ революцію, это правда; но пока я живъ, дѣвица изъ фамиліи *Шатолапси* не будетъ графиней *Шапоть!*»

Минупу спустя, прошла через комнату молодая дѣвица въ слезахъ, и путь *Лорвилль* узналъ всѣ тайны этого семейства, а также всѣ неудобства занимаемой имъ квартиры. При лучшемъ ея расположеніи, бѣдная дѣвушка не была бы принуждена проходить въ свою комнату черезъ залу и показываться въ слезахъ незнакомымъ людямъ.

Въ первомъ этажѣ жилъ бывший Наполеоновскій префектъ, и именно поэтъ самый графъ *Шапотье*, котораго старшій сынъ, очевидно умный и достойный молодой человекъ, умѣлъ понравиться дѣвицѣ *Шато-ланси*, и получилъ такой жестокой отказъ.

Графъ *Шапотье*, ничего не зная о любви своего старшаго сына, очень беспокоился о склонности меньшаго, пылкаго и рѣшительнаго молодаго человека, которымъ, казалось, не легко было управлять. Когда *Лорвилль* и хозяинъ дома вошли въ кабинетъ графа, молодой офицеръ, сидя въ креслахъ, спокойно читалъ журналъ, какъ-бы не слушая увѣщаній, которыя съ важностію дѣлалъ ему отецъ его, стоя передъ каминомъ, съ видомъ вмѣстѣ отеческимъ и префекторскимъ, совершенноприличнымъ сему обстоятельству. Въ то время, какъ отворилась дверь, онъ говорилъ: «подумай хорошенько, сынъ мой, это совершенно невозможно.» Видя, что кто-то вошелъ, онъ остановился; потомъ, сказавъ хозяйцу какую-то незначащую фразу, надменнымъ и покровительственнымъ тономъ, собирался продолжать свои увѣщанія, но имя *Лорвилль* обратило на себя его вниманіе. Онъ тотчасъ переѣхалъ коня, и съ особенною вѣжливостію, самъ показалъ сыну герцога *Лорвилль* всѣ комнаты своей квартиры.

— Этого домъ очень хорошъ, и намъ было бы весьма лестно имѣть васъ хозяиномъ, — говорилъ онъ, не заботясь о настоящемъ хозяинѣ, который шутъ присутствовалъ, и которому такое желаніе должно было не слишкомъ нравиться. — Комнаты прекрасныя, продолжалъ графъ, залы большія, въ передней и офиціантской можетъ помѣститься куча лакеевъ; все очень великолѣпно, но надобно быть богачемъ, чѣобы жить здѣсь. —

Онъ говорилъ съ четверть часа, но *Эдгаръ* не слушалъ его, будучи совершенно занятъ опкрытіемъ, которое онъ передъ этимъ сдѣлалъ. Между тѣмъ, какъ отецъ осыпалъ его словами, онъ смотрѣлъ въ лорнетъ на сына.

«Какъ не глупо со стороны моего опца, думалъ непокорный молодой человекъ, не позволяя мнѣ жениться на *Ангелингъ*, потому только, что она дочь адвоката! утверждать передо мною, что адвокатъ ничто иное, какъ болтунъ, который поругуетъ своими словами; говорунъ, который лжетъ за деньги; красобай, готовый все всклепать и опъ всего оппереться; что всѣ адвокаты нахалы; что ихъ мятежническія рѣчи погубили Францію своею полипическою болтовнею, и множество вздора въ этомъ родѣ, какъ будто наши знаменитѣйшіе правовѣдцы и большая часть нашихъ великихъ людей не были всѣ сначала адвокатами; какъ будто адвокаты не являются во всѣ эпохи нашей исторіи самыми страшными врагами злоупотребленій и самоуправства!»

— Хорошо, — подумалъ *Эдгаръ*: маркизъ отказывается въ своей дочери префекту, префектъ отказывается въ своемъ сынѣ адвокату; посмотримъ, до чего это можетъ проспираться и кому адвокатъ откажетъ въ рукъ своей дочери?

(*Окончаніе въ слѣд. листкѣ.*)

ПЕСТРОТА МОСК. ТЕЛЕГРАФА.

Въ немъ вы найдете статьи по части философіи, словесности, эстетики, исторіи, мнѣологіи, археологіи, филологіи, нумизматики, юриспруденціи, грамматики, экономіи политической, статистики, исторіи, литературы, библіографіи, высшей математики, статьи литературныя въ стихахъ и прозѣ, правы, путешествія, біографіи современниковъ, извѣстія политическія, ученія, литературныя, и проч. и проч. и проч.

Въ немъ же вы найдете пренія съ журналами: *Дамскимъ*, *Св. Пчелою*, *Вѣспнякомъ* Европы, *Славянскомъ*, *Сыномъ Отечества*,

Русскимъ Инвалидомъ, Апенеемъ, Телескопомъ, Молвою, Сѣв. Меркуриемъ, Моск. Въсп-никомъ, Галапеею, Сѣв. Архивомъ и всѣми другими.

Въ немъ читаются разборы книгъ, писанныхъ на языкахъ: Русскомъ, Французскомъ, Нѣмецкомъ, Англійскомъ, Далскомъ, Сербскомъ, Румынскомъ, Армянскомъ и проч.

Въ немъ находите ученыхъ и критическихъ извѣстiя о книгахъ, по содержанию своему литературныхъ, философическихъ, физическихъ, медицинскихъ, эстетическихъ, юридическихъ, математическихъ, богословскихъ, географическихъ, политическихъ, историческихъ, археологическихъ, хозяйственныхъ (по всѣмъ родамъ хозяйства: коневодствъ, овцеводствъ, садоводствъ), технологическихъ, филологическихъ, относящихся даже до языковъ: Арабскаго, Персидскаго, Санскритскаго и проч. и проч. и проч.

Въ немъ же заключающяся лѣтописи модъ, изображенiя и описанiя мужскихъ и дамскихъ плащевъ, шляпокъ, корсетовъ, косынокъ, лентъ, башмаковъ, чулокъ, булаковъ, образчики разныхъ тканей въ натуральномъ видѣ къ книжкамъ приклеенные, рисунки: каминновъ, спульевъ, креселъ, дивановъ, бюро, шкафовъ, споловъ, споликовъ, парадныхъ кроватей и даже колыбелей.

И эстампы съ картинъ: *Рафаэля*, *Доминикана*, *Вандика*, *Пуссеня*, *Корреджю*, *Рамбрента*, приложены.

И портреты: *Валтеръ-Скотта*, *Гёте*, *Шиллера*, *Байрона*, *Каннинга*, приклеены.

И снимки съ почерковъ: *Ломоносова*, князя *Потѣлкина - Таврическаго*, графа *Суворова*, *Пожарскаго*, *Мишина*, пришиты.

Однимъ словомъ: чего хочешь, того и получишь!

КОМПЛИМЕНТЪ НЕ ВЪ ПОПАДЪ.

Судья Н. посвятилъ какой-то писатель статью о взятiи одного города. «Спранно» замѣтилъ кто-то: «онъ никогда не бралъ городовъ, а только съ городовъ.»

СЛОВЕСНОСТЬ.

О РАЗВЕДЕНИИ ШЕЛКА.

Древнiе были мало знакомы съ употребленiемъ шелка и съ способомъ его обработки; они не подозрѣвали, чтобы сiи драгоценныя нити, служащiя нитѣ, во множествѣ различныхъ видовъ, для убранства женщинъ и для украшенiя внутренности домовъ нашихъ, были произведенiемъ червя, и совершенно не знали, какими средствами онѣ образуются. Во время *Виргилiя* и *Плини* говорили о шелкѣ, какъ о богатомъ нитѣ, которымъ покрывались деревья въ странѣ Сериковъ, землѣ по ту сторону Гангеса; отъ чего шелкъ и былъ названъ у Римлянъ *sericum*. Нѣкоторые же почитали его прядью пауковъ особаго рода, которые выпускаю оную изъ себя, обмазывали ею мелкiя древесныя вѣтви.

На островѣ Коссѣ открыто было искусство употреблять шелкъ въ дѣло. Если въришь *Аристотелю* и *Плинию*, то сiмъ родомъ промышленности обязаны мы *Памфили*, дочери *Платиса*.

Первыя ткани, которыя обрабатывались сначала изъ шелка, перемѣшаннаго со льномъ, весьма поздно сдѣлались извѣстными у Римлянъ. Они покупали ихъ у иноземныхъ торговцовъ, привозившихъ оныя съ острова Косса или изъ Ассирiи. При Императорахъ ткани сiи были еще такъ рѣдки, что *Аврелианъ* отвѣчалъ Императрицѣ, женѣ своей, на просьбу купить для неѣ шелковое платье: «Сохрани Богъ, чтобы я спалъ покупать пряжки на весь золот!»

Тацитъ повѣствуетъ (*Лѣтописи кн. 2*) что *Тиверiй* запретилъ употребленiе шелка мужчинамъ, изъ опасенiя, чтобы столь чрезмѣрная роскошь ихъ не развратила. Въ царствованiе *Гелиогабала* начали дѣлать матерiи изъ одного шелка. Невѣжество Римлянъ въ семъ отношенiи было причиною, что матерiи сiи долго оставались весьма рѣдкими и дорогими. Въ половинѣ пятаго столѣтiя, при *Юстинианѣ*, онѣ вошли въ большее употребленiе.

Прокопiй свидѣтельствуетъ, что два монаха, вхавшiе изъ Индiи въ 555 году, заве-

зли въ Константинополѣ яйца шелковыхъ червей, которыхъ имъ удалось вывести въ навозѣ. Они вскормили ихъ листьями пуповаго дерева и научили Римлянъ искусству выводитьъ, воспитывать и кормить червей, добывать изъ нихъ шелкъ, а также прядь и обрабатывать оный. Юстинианъ умѣлъ воспользоваться сими наставленіями; онъ поручилъ искуснымъ людямъ заняться разведеніемъ пуповыхъ деревьевъ, на которыхъ шелковые черви находятъ пищу, и скоро заведены были по его велѣнію первыя шелковыя мануфактуры въ Коринѣ, Афинахъ, Оивахъ и Константинополѣ.

Рогеръ, король Сицилійскій, завоевавъ города Греческіе, завелъ, въ 1130 году, шелковую фабрику въ Палермо. Искусство обрабатывать сіи богатыя и тонкія нити распространилось мало по малу въ Калабріи, Италіи, Испаніи, а отсюда проникло въ южныя части Франціи, гдѣ шелковичныя деревья растутъ гораздо скорѣе; наконецъ достигло оно и Парижа. Первые продавцы, привезшіе шелкъ въ сію столицу, были изъ Ломбардіи, и поселились въ улицѣ, донинѣ сохраняющей отъ нихъ свое названіе.

Къ царствованію *Людвика XI* относятся время заведенія первыхъ шелковыхъ фабрикъ во Франціи. Сей государь поручалъ заниматься обработываніемъ шелковицы въ Плесси, и основалъ въ Турѣ нѣсколько заведеній сего рода, подъ надзоромъ мастера, призваннаго имъ изъ Италіи. *Карль VIII* продолжалъ начатое отцемъ его.

Скоро новыя фабрики возникли въ Лионѣ, подъ покровительствомъ *Франциска I-го*, государя просвѣщеннаго, покровителя художествъ и промышленности, ободрявшаго разведеніе шелковичнаго дерева.

Во время междоусобныхъ войнъ шелковыя мануфактуры не мало потерпѣли. Настоящимъ образомъ только при *Генрихѣ IV-мѣ*, который завелъ первыя разсадники шелковицы, начали онѣ достигать высокой степени совершенства. Продвѣвая при *Кольбертѣ*, Лионскія мануфактуры долго соперничествовали въ отношеніи отдѣлки съ Авиньонскими, гдѣ, въ концѣ 13-го столѣтія, отпра-

ботывали, по приказанію Папъ, матеріи, въ которыхъ упокъ былъ шелковый, а основа нитяная; но Лионъ всегда бралъ перевѣсъ красою узоровъ и живостью цвѣтовъ. Число фабрикъ въ сихъ обоихъ городахъ было почти одинаковое, когда зараза, опустошившая Авиньонъ въ 1722 и 1723 годахъ, испребила значительное число его жителей. Большая часть работниковъ, чтобы скрыться отъ гибельныхъ дѣйствій сего естесвеннаго бича, перешла въ Лионъ. Это переселеніе нанесло Авиньонскимъ мануфактурамъ ощутительный вредъ.

Нынѣ изъ всѣхъ Европейскихъ государствъ во Франціи выдѣлываютъ наиболѣе шелковыхъ матерій; изъ неѣ же выходитъ лучшія въ семь родѣ издѣлія. Болѣе двадцати пяти городовъ преимущественно занимаютъ въ ней сею важною отраслью промышленности.

Съ Франц. *Бр.*

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ЧЕТЫРЕ НОВОСЕЛЬЯ.

(На новоселье *И. В. Киреевскому.*)

Здорово, другъ, на новосельѣ!

Да перейдешь сюда съ побой

Твой вѣрный другъ и домовой—

Твое душевное веселье,

И да опселя опгонитъ прочь

Нѣмую праздность—лѣни дочь,

Тоску и мерзвое бездѣлье!

Ты просишь дара, другъ?—Изволь:

Живи средь насъ, живи въкъ цѣлой,

Живи сто лѣтъ, да дѣло дѣлай!

Желанье дружбы въ чувствахъ зрѣлой

Тебѣ да будетъ хлѣбъ и соль!

Иду къ тебѣ не на бездѣлье;

Я задаю тебѣ вопросъ,

Чтобъ ты отвѣтъ мнѣ произнесъ:

Ты на которомъ новосельѣ

Пирюешь жизни свѣтлый пиръ,

Съ тѣхъ поръ, какъ выглянулъ на міръ?

Четыре раза, другъ, известно—
Судила намъ природа - мать
На новоселье пировать.

Когда изъ родины небесной
Въ страну выходимъ бышій,
(О помъ какъ часто слышалъ я
Въ часы бессонницы докучной
Разказы яни неоплучной)
И госпи юные земли,
Не знаемъ мы, за чѣмъ пришли:
За дѣломъ или за бездѣльемъ,
И не глядя на жизни цѣль,
Мы чиспымъ шѣшимся весельемъ,—

Тогда намъ служишь новосельемъ
Родная грудь и колыбель.
Пока мы въ силахъ не созрѣли,
Какъ сладко, беззаботно спимъ,
И какъ смирнехонько лежимъ,
Граждане пѣсной колыбели!
Вотъ изъ неѣ пускають насъ
И подъ присмотромъ зоркихъ глазъ
Чушь ножки начинаемъ двигать,
Попомъ ходимъ, попомъ и прыгаемъ,
Попомъ смѣлой — и съ глазъ долой
Мы скачемъ рѣзвою ногой
Сначала въ садъ, а тамъ и въ поле,
А тамъ на пиръ къ любезной волѣ
Лепимъ въ дремучіе лѣса,
На горы, въ волны, въ небеса.
Земля, огонь, эфиръ и волны
Спихинъ міра нами полны:
Вездѣ кочуемъ и живемъ,
Міры душою облетаемъ
И пѣсни звучныя поемъ
И ими небо оглашаемъ,
И населивъ собою міръ,
Граждане міра и свободы,
На новоселье у природы
Пируемъ мы веселый пиръ.

Но вдругъ, среди цвѣтѣвъ весны,
Межъ игръ, шруда и наслажденья,
Мелькнешь намъ свѣтлое видѣнье,
Какъ поспѣшилъ съ вышины,
Какъ неземное вдохновење:

Два солнца вспыхнушь въ двухъ очахъ,
Багрянецъ розъ въ успа сольешся—
И дѣвы въ пламенныхъ чертахъ
Вся прелесть міра разовьешся,
И звѣздъ блестящая краса,
И голубыя небеса.
Тогда въ восторгъ сердца ясномъ,
Узришь пылающей душой
Весь міръ гармоніи свяшой
Въ одномъ созданіи прекрасномъ,
Его своимъ ты назовешь,
И позабывъ о прежнихъ браняхъ,
О міръ—въ пламенныхъ объятыхъ
Ты всю вселенную сожмешь,
Обнимешь міръ двойной душой,
Двойную жизнь зажжешь въ крови,
Упешься сладостью двойною
На новоселье у любви.

Того судьба благословляетъ,
Тотъ сынъ возлюбленный боговъ,—
Кого до гроба провожаетъ
Подруга вѣрная—любовь.
О помъ всѣхъ душъ одно моленье;
Но слухъ зависливой судьбы
Не внимлетъ пламенной мольбы...
Она разрушитъ наслажденье,
Воздвигнетъ надъ побой грозу,
Перуномъ разорветъ объятія
И выжжетъ изъ очей слезу....
Тогда сдержки въ устахъ проклятыя,
Не извергай изъ нихъ хулы,
Но презрѣвъ ярость океана,
Сквозь мглу печальнаго шумана,
Ты бодро раздвигай валы
Рукою смѣлой и свободной,
И въ слѣдъ за вѣрой пупсводной
На гласъ ея плыви, спѣши
Ко свѣтлой пристани души.
Войди въ неѣ: тамъ міръ богатый
Предстанетъ плачущимъ очамъ,
Тамъ возвратишь свои упрасы
И щастье прочно будетъ тамъ.
Всѣ юпой жизни впечатлѣнья,
Всѣ мимолетныя видѣнья,
И всѣ сокровища швои,

Что собралъ ты въ злые годы
 На новоселье у природы,
 На новоселье у любви,
 Ты все найдешь въ швоей вселенной,
 Въспнишь всю жизнь въ душѣ своей,
 И вмѣсто солнца будетъ въ ней
 Свѣтшишь—въ красѣ преображенной,
 Подруги образъ возвращенной.
 Тогда въ самомъ себѣ, въ тиши
 Благоговѣнья, созерцанья,
 Ты утолишь свои желанья
 На новоселье у души.

И такъ, мой другъ, я жду отвѣту:
 Будь вѣренъ дружеска завѣту,
 Душою чистой безо-лжи
 Свящую правду мнѣ скажи:
 Ты на какомъ новоселье
 Въ гостяхъ у жизни пьешь веселье?
 Смѣлье, другъ!—Коль на вшоромъ,
 Скорѣ прешьяго желаю;
 А если ты уже на немъ,
 То чистымъ сердцемъ поздравляю.
 Господь тебя благослови
 На новоселье у любви!
 Пируй у ней, пируй, мой милый,
 И весели живую кровь,
 И проводи тебя любовь
 Спокойно, вѣрно до могилы!

С. Шевыревъ.

Л О Г О Г Р И Ф Ъ.

Когда я цѣлый, съ головой,
 Мое всегда въ степяхъ лешанье.
 А иногда годиною роковой
 И у царей имѣю пребыванье.
 Но только голову опущая,
 Я полчасъ исчезаю,
 И не за что пѣнять,
 Что по себѣ не спрахъ, лишь препенеть оставляю.

Л.

Въ No 4, помѣщенная шарада значить: *Covent*.

БИБЛИОГРАФІЯ.

Пѣщическіе опыты *Елисаветы Кульманъ*, 3 тома въ 8 д. 1833.

Спѣшимъ обратить вниманіе нашихъ читателей на новую книгу, вышедшую недавно подъ симъ названіемъ. Россійской Академіи обязаы мы изданіемъ сихъ занимательныхъ сочиненій, заслуживающихъ одобреніе просвѣщенной Публики, какъ по своему содержанию, такъ и по воспоминанію о поэтѣ, невольнымъ образомъ соединяющемся съ его стихотвореніями. Чтобы справедливо оцѣнить произведенія дѣвицы *Кульманъ*, необходимо отчасти знать исторію ея жизни, которую съ живѣйшимъ участіемъ читаемъ въ предисловіи. Съ девятилѣтняго возраста, при великія качества отличали сей нравственный феноменъ: эпо были необыкновенное прилежаніе, удивительная способность къ ученію, и воображеніе, исплинно пѣщическое. *Елисавета Кульманъ* ревностно занималась изученіемъ языковъ: Французскаго, Нѣмецкаго, Англійскаго, Итальянскаго, Испанскаго, Португальскаго, Новогреческаго, Латинскаго и древняго Греческаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ она оставалась поэтомъ и научилась Греческому языку только для того, чтобы вѣрнѣе оцѣнить *Гомера* и *Анакреона*. Сей послѣдній, какъ видно, былъ особенно предпочитаемъ ею; переводъ его одъ, переводъ вѣрный и сильный, составляетъ занимательную часть *Опытовъ*, которые споютъ быть прочтены въ цѣломъ. Посему-то мы не представляемъ читателямъ нашимъ разбора сихъ стихотвореній, но сохраняемъ для нихъ удовольствіе перваго впечатлѣнія. Они прочтутъ ихъ съ снисхожденіемъ: самый привязчивый критикъ оставляетъ свою строгость, внимая первымъ звукамъ лиры женщины-поэта, которой пѣсни исполнены силы и вдохновенія, и которой поприще, означенное споль блистательнымъ началомъ, было преграждено раннею смертію: дѣвица *Елисавета Кульманъ* умерла на 17-мъ году своего возраста!—Книга продается въ пользу семейства сочинительницы, у книгопродав-

ца *Смирдина*, по 10, а съ пересылкою по 12 рублей.

(*J. de S. P.*)

М О Д Е С.

La mode des manches collantes est décidément finie; toutes les robes de la saison ont des plis ou des poignets. Ces plis, au nombre de trois, retenus à l'intérieur, laissent le bas de la manche presque plat. Celles à poignet se font sur les modèles d'il y a quelques années, excepté le haut qui, malgré plusieurs tentatives, demeure toujours très-large. On a noué aussi deux petits bouillons garnissant la moitié de l'avant-bras; cette mode, déjà usée précédemment, est disgracieuse et lourde.

Rien n'est plus élégant pour les façons de robe de demi-toilette en riche étoffe qu'un corsage plat montant, ayant le dos plat sur les épaules, et légèrement froncé dans le bas. Avec cela on peut mettre un pierrot de tulle et blonde, fermé par une broche; ou, si la toilette est destinée à être portée dehors, on peut tourner autour du cou une écharpe de tulle qui retombe.

Le crêpe et le tulle seront les étoffes privilégiées comme robes de bal, avec des fleurs de couleur. Le noir, que l'on croyait devoir conserver une grande vogue, est déjà bien délaissé. Le noir restera comme demi-toilette, en satin brodé, en blonde à dessous de couleur; mais probablement fort peu en robes de bal, comme on l'avait pensé.

Les robes de velours montantes sont parfaitement comme *il faut*, en velours noir, bleu de la reine, sabbieuse, ou vert émeraude. Quelquefois on porte avec un mantelet de satin plain, de la même couleur que le velours.

Une grande élégance est de garnir, pour une demi-toilette, les sabots et le corsage d'une robe de velours avec *du point*.

Les bonnets du matin sont à basses garnitures, mais on peut étendre ces garnitures sur les côtés, de manière à garnir les tempes plus que le front. Les rubans que l'on place à ces bonnets sont en taffetas ou

en satin; la garniture est en tulle de soie uni, ou en dentelle; les coques doivent être extrêmement courtes et plates.

М О Д Ы.

Рукава въ обпьяжку совершенно вышли изъ упопробленія; у всѣхъ плашьевъ рукава со складками или съ обшивками. Эти при складки оставляютъ низъ рукава почти гладкой. Съ обшивками рукава дѣлаются какъ нѣсколько льтъ пому назадъ, исключая, что вверху, не смотря на многія покушенія, они все также широки. Дѣлаютъ также двѣ вздержки на верхней половинѣ руки; эта мода, упопробляемая уже прежде, не красива и не ловка.

Ничего нѣтъ щеголеватѣе для полу-нарядныхъ плашьевъ изъ дорогихъ матерій, гладкаго высокого лифа, съ гладкой спинкой опъ плечь, слегка собранной къ низу. При семъ можно надѣть pierrot изъ шюля съ блондою, зашпиленной булавкою; а если въ семъ плашьѣ выѣзжать, то можно обернуть около шеи шюлевый шарфъ.

Тюль и крепъ предпочтительнее будутъ упопробляться для бальныхъ плашьевъ, съ цвѣтными цвѣтами. Чѣрный цвѣтъ, который, думали, сохранился въ большомъ употребленіи, почти оставленъ. Опъ останется для полу-наряда въ вышитыхъ апласахъ, въ блондахъ на цвѣтныхъ подкладкахъ, но вѣроятно весьма мало для бальныхъ плашьевъ, какъ то полагали.

Бархатныя плашья съ высокими лифами чрезвычайно отличны: изъ чѣрнаго бархата, голубаго-королевина, скабіозы, или зелѣно-изумруднаго. Иногда надѣваютъ съ ними маншеты изъ гладкаго апласа, подъ цвѣтъ бархата.

Весьма щеголевато опдѣлывать, для полу-наряда, sabots и лифъ бархатнаго плашья шпшыми кружевами.

Упреннѣе чепчики съ узкими оборками, но можно ихъ расширить на бокахъ такъ, чтобъ на вискахъ было болѣе опдѣлано, нежели на лбу. Ленпы на такіе чепчики накалываются шафляныя или апласныя; оборка изъ гладкаго шелковаго шюля, или изъ кружевъ; пепли весьма королкія и плоскія.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.

Выходятъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 6.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 Но
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, Генваря 20 дня 1834 года.

Что человекъ? Паритъ ли къ солнцу,
Смирненно-ль идесть по земль:
Увы! Тамъ умъ его блуждаеть,
А здѣсь споны его скользятъ.
Подъ мракомъ, въ океанѣ жизни,
Пловець на утлой ладѣ,
Опдавши руль слѣпому року,
Онъ спитъ—и мчитъ на скаку.

Дмитріевъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ПРОДАЖНЫЙ ДОМЪ.

(Окончаніе.)

Глава вторая.

Адвокатъ жилъ во второмъ этажѣ; къ удивленію, всѣ эти свадебные планы составлялись въ одномъ домѣ. Адвокатъ принялъ хозяина какъ пріятеля, но при имени *Лорвилля*, споль известнаго при старомъ Дворѣ, онъ сдѣлалъ презрительную ужимку, которую *Эдгаръ* совершенно понялъ.

— Я васъ неперпѣливо ожидалъ, мой милый; — сказалъ адвокатъ хозяину: по нещасію, я долженъ оставить вашу квартиру; мнѣ невозможно въ ней долѣе оставаться. —

«Не ужели!» спросилъ хозяинъ, встревоженный этимъ известіемъ, хотя оно казалось болѣе слѣдствіемъ минушной досады,

нежели рѣшительнаго намѣренія. «Какая же причина заставляетъ васъ оставить меня прежде истечения срока найма?»

— Я съ вами поговорю объ этомъ, — возразилъ законникъ; потомъ, обратясь къ *Эдгару*, онъ прибавилъ: «извините, *господинъ Лорвилль*, что я оставляю васъ, мнѣ нужно сказать ему нѣсколько словъ.» Съ этимъ онъ увелъ хозяина въ другую комнату, и тамъ заговорилъ съ нимъ пошхоньку; между тѣмъ *Эдгаръ* просматривалъ лежавшіе на каминѣ журналы: *Стенографъ* и *Судную газету*. Парламентскія прѣнія, лѣтописи судебныхъ мѣстъ, подумалъ онъ, настоящее чтеніе адвоката.

Мужъ краснорѣчія не въ состояніи былъ долго вести разговоръ въ полголоса, и скоро слѣдующая длинная рѣчь, внушенная родителемъ негодованиемъ, поразила слухъ *Лорвилля* и убѣдила его, что въ этомъ случаѣ палисманъ его былъ бы бесполезенъ:

— Я не боюсь повторить вамъ, любезный другъ, что мнѣ невозможно болѣе жить въ этомъ домѣ. Вы знаете мою *Ангелину*? Нежный цвѣтокъ, который выросъ подъ тѣнью, на глазахъ моихъ, и которымъ я занимался со всею опеческою заботливостью! Умъ, дарованіа, пріятность, красота, молодость, ну словомъ все въ ней соединяется. Сама природа, казалось, убрала её при рожденіи на праздникъ будущности и приготовила къ самой блистательной участи. И, моими неусыпными стараніями, неупомимыми трудами, умѣлъ соединить съ щедростію благой природы дары фортуны; я умѣлъ избрать ей супруга, достойнаго обезпечить ея счастье. Очарованный такими добродѣтелями, можетъ быть и прельщенный мыслию вступить въ союзъ съ почтеннымъ семействомъ, котораго глава въ продолженіе двадцати лѣтъ упражнялся въ благороднѣйшемъ занятии, посвятилъ свою жизнь и дарованія защитѣ угнетеннаго, обличенію несправедливостей, примиренію семействъ, наконецъ, священнѣйшимъ въ жизни обязанностямъ! Щастливый и вмѣстѣ гордый, этотъ молодой человекъ, говорю я, съ неперпѣимъ желалъ приблизить время, назначенное для сего союза; недоставало только согласія отца его, достойнаго судьи, который, какъ вы знаете, живетъ подъ одною съ нами кровлею. (Тутъ, возвысивъ голосъ, какъ на кафедрѣ, онъ продолжалъ.) Это согласіе, *милостивый государь*, было несомнѣнно; ревностнѣйшія мои желанія готовы были совершиться; счастье уже манило меня своимъ призракомъ; моя *Ангелина*! . . . Тутъ вдругъ, раздраженный отецъ, обращенный гнѣвомъ къ дѣйствительности разговора, съ жаромъ вскричалъ: ну, мой другъ, посудите же, что дѣлаетъ эта дѣвчонка? Она отказывается отъ этаго выгоднаго замужства, отъ этой блестящей партіи; она осмѣливается влюбиться безъ моего согласія, не спросясь своихъ родителей! Она любитъ, любитъ! И прошу же отгадать, кого! . . .—

Такъ какъ хозяинъ не отгадывалъ и, по видимому, вовсе не надѣялся успѣть въ этомъ, то разгнѣванный адвокатъ продолжалъ:

Что я говорю! Кто можетъ отгадать такую глупость! Она любитъ . . . я не въ состояніи выговорить этаго слова . . . журналиста! мой милый . . . журналиста! ничтожнаго журналиста, газетчика, пасквилиста! Знаете ли, что такое журналистъ, мой другъ? Это человекъ, который живетъ ругательствами, карикатурами, клеветою, для котораго ничего нѣтъ священнаго, который насмѣхается надъ вашею женою, надъ вашимъ носомъ, надъ вашею походкою; перетолковываетъ въ худую сторону ваши слова, ваши поступки; ловитъ ваши слабости. Журналиста не прогаютъ ни печаль, ни бѣдствія ближняго: для оспраго слова, не пощадитъ онъ ни друга, ни роднаго отца; онъ холоднокровно обнаруживаетъ ваши домашнія шайны, смѣется надъ ними; оспрится надъ всеобщими несчастіями, опускаетъ каламбуры на бунтъ, на чуму, на холеру, шуточки на человека, ведомаго на казнь, весело рассказываетъ о смерти, о похоронахъ, объ убійствахъ; словомъ, чудовище, которое бы надобно было изгонять изъ общества. Скажу вамъ, что я скорѣе соглашусь отдать свою дочь за капоржнаго, да, сударь, за капоржнаго, чѣмъ позволю ей выйти за мужъ за журналиста!—

— Отъ часу не легче, — подумалъ *Лорвиль*; теперь, любопытно узнать, кого-то поставитъ ниже себя журналистъ?— Не смотря на твердое намѣреніе не покупать этаго дома, онъ изъявилъ владѣльцу его желаніе осмотрѣть и оспальныя отдѣленія. Это, казалось, смущило хозяина.

«Расположеніе комнатъ вездѣ одинакое,» отвѣчалъ онъ съ принужденіемъ; но видя, что *Лорвиль* рѣшился идти далѣе, прибавилъ:—извините меня; если позволите, я сей часъ прикажу дворнику проводить васъ наверхъ. . . . Вотъ, изволише ли видѣть . . . въ претвѣемъ этажѣ живетъ одна особа . . . съ которою мы въ понкихъ отношеніяхъ . . . мнѣ бы не хотѣлось теперь съ нею видѣться; скажу вамъ откровенно, продолжалъ онъ съ видомъ довѣренности, это вдова одного каменнаго мастера, которая хочетъ опять выйти за мужъ. Вы сами догадаетесь, что она до-

волью не дурна и не безъ состоянія, но вы знаете сами, что честному спрячшему, повѣренному по дѣламъ, какъ я, нельзя же засунушь мѣсто какого нибудь каменьщика.»

Изумленный эпимъ четвертымъ, вовсе неожиданнымъ сватовствомъ и неравенствомъ браковъ, *Лорвилъ* не могъ удержаться отъ смѣха, и чтобы скрыть его, поспѣшно взбѣжалъ по лѣспницѣ претяго эпажа, не слушая хозяйна, который просилъ его подождать провожааго.

У вдовы каменьщика *Эдгаръ* оставался очень не долго. Въ эпимъ посѣщеніи не представилось ему ничего замѣчательнаго, кромѣ голубаго бархатнаго берега и коралловаго ожерелья, которыми принарядилась жеманная вдова-невѣста для приѣма *Лорвилля*, и заботливости ея величать его герцогомъ, что она исполнила семь разъ въ продолженіе десяти минутъ.

Онъ скоро взшелъ въ четвертый этажъ и очутился у дверей журналиста; но прежде, чѣмъ отворилъ ихъ, остановился, ища въ умѣ удобнѣйшаго предлога начать разговоръ и продлить свое посѣщеніе. Между тѣмъ, какъ онъ споллъ въ нерѣшимости, дверь отворилась, и изъ комнаты вышелъ мальчикъ лѣтъ десяти, въ бумажномъ картузѣ, со связкою книгъ подъ мышкою. *Лорвилль* остановилъ его и спросилъ, дома ли журналистъ? *Yes*, отвѣчалъ мальчикъ съ наглымъ видомъ, восхищаясь тѣмъ, что знаетъ хопя одно иноспранное слово; потомъ, ухватясь за перила лѣспницы, онъ запрыгалъ по ступенямъ, нагвая *la Parisienne* и старался надѣлать какъ можно болѣе шуму.

Уходя, мальчикъ распорилъ всѣ двери, и потому *Лорвилль* вошелъ, не опасаясь быть замѣченнымъ. Онъ окинулъ взглядомъ рядъ комнатъ, которыхъ расположеніе спановилось ему очень хорошо извѣстнымъ. Столовая была убрана гравированными и липографированными эстампами; гостиная, служившая вмѣстѣ и библіотекою, была завалена книгами; на столѣ лежало множество

журналовъ; тутъ же споллъ бюсты *Наполеона*; на стѣнахъ висѣли портреты многихъ знаменитыхъ писателей: *Шатобриана*, г-жи *Сталь*, *А. Лартина*, *В. Гюго* и проч. Тамъ и сямъ замѣтны были дорогія каршины, которыя послужили бы украшеніемъ лучшей галереѣ, и которыя показывали, что житель эпима скромнаго приюта былъ другомъ славнѣйшихъ Французскихъ художниковъ.

Подходя, *Эдгаръ* замѣтилъ въ спальнѣ на стѣнѣ двѣ шпаги, нѣсколько книжаловъ, стрѣлъ и другаго оружія разныхъ странъ и народовъ. Онъ подошелъ еще ближе и увидѣлъ молодаго человѣка, который, сидя за письменнымъ столомъ, казался погруженнымъ въ глубокую думу, или сильное опечаленіе. Нѣсколько словарей и книгъ историческихъ, которыя можно было узнать по ихъ огромному формату, лежали передъ нимъ раскрытыя, и свидѣтельствовали, что онъ трудился надъ однимъ изъ тѣхъ сочиненій, которыя требуютъ глубокихъ изысканій. Молодой писатель время отъ времени неперѣменно билъ себя по лбу, и *Лорвилль* съ удовольствіемъ смотрѣлъ, какъ человѣкъ, одаренный умомъ, ломалъ голову надъ фразою и старался сладить съ своею мыслию.

Если бы *Эдгаръ* могъ видѣть черты молодаго автора: то съ помощію своего палисмана, ему легко было бы слѣдовать за нимъ и развивавшихся съ клубка идей его. Онъ увидѣлъ бы, какъ они плынулись, размахивались, рвались; съ какимъ искусствомъ онъ ихъ опять сращивалъ, или связывалъ, стараясь, чтобы узелъ былъ не замѣтенъ, перевивалъ еѣ разноцвѣтнымъ шелкомъ, серебряною и золотою биспью.

Лорвилль нашелъ бы удовольствіе въ семъ наблюденіи, но въ эту минуту оно было невозможно; ему должно было подойти ближе къ молодому писателю, если желалъ читать въ глазахъ его; но заслуживалъ ли онъ чтобы заботиться объ игрѣ и ходѣ его мыслей?

О ШЕКСПИРѢ И ГАРРИКѢ ВЪ ФИНАНСОВОМЪ ОТНОШЕНІИ.

Въ любопытной книгѣ *Choix de testaments anciens et modernes*, находимъ мы духовное завѣщаніе славнаго Англійскаго актёра *Гаррика*. Изъ онаго видно, какое богатство нажилъ сей артистъ, отказавъ женѣ своей и родственникамъ до 45,500 фунтовъ стерлинговъ (около 12-ти милліоновъ рублей). Кромѣ того, предоспавилъ онъ женѣ своей въ пожизненное владѣніе прекрасный домъ съ островами и мызами, помѣстье въ Гендонѣ, дома свои въ Лондонѣ, библіотеку, множество разной мебели, дорогой посуды, вещей, картинъ, статуи, винъ, лошадей, экипажей и пр. и пр., не говоря уже о зданіи Друри-Ленскаго театра, которое завѣщала онъ заведенію для вспомошествованія актёрамъ, находящимся въ бѣдности.

Если сравнимъ съ симъ завѣщаніемъ духовную *Шекспира*, который отказалъ женѣ своей только *лучшую свою постель съ приборомъ*: то выведемъ слѣдующее, не весьма удивительное заключеніе, что счастье гораздо болѣе благоприятствуетъ тому, кто умѣетъ хорошо передавать гениальныя произведенія, нежели самому гению, создавшему оныя.

НАРОДНЫЙ ХАРАКТЕРЪ РОМАНОВЪ.

Въ Англійскихъ романахъ: путешествуютъ, выходятъ на поединокъ, убиваютъ самихъ себя, преперпѣваютъ кораблекрушенія, составляютъ заговоры, рѣжуются за вѣру, за Стуратовъ, за свободу, скачутъ за охотю.

Въ Нѣмецкихъ: курятъ трубки, пьютъ пиво, кофе, ѣдятъ бушперъ-бродъ, влюбляются платонически, мечтаютъ, философствуютъ, щастливо женятся и начинаютъ жить да поживать, да добро наживать. Въ ихъ романахъ дѣйствуютъ рыцари, пасторы, черти, мертвецы и домовые.

Въ новѣйшихъ Французскихъ: пытка, палачи, казни, оправленіе ядомъ, смертныя судороги, кровосмѣшеніе, опцеубійство, дѣ-

поубійство, чудовища и уроды пѣломъ и духомъ, развратныя женщины, пономари, цыганки, гадапельницы на кофе.

Въ Русскихъ: наши князья, бояре, шуты, дуры, юродивые, Татарскіе мурзы, Польскіе ясновельможныя паны, спирѣльцы, казаки, Волжскіе разбойники и самозванцы.

УМЪ И ГЛУПОСТЬ.

И глупость и разумъ рождаются въ головѣ: только эти брагепъ съ сестрицей не похожи другъ на друга, какъ Арапъ и Чухонецъ, и вѣчно ссорятся, и вѣчно щиплются.

ДВОЙНОЙ РУССКІЙ КАЛАМБУРЪ.

Часы съ курандами сперва *бьютъ*, а потомъ *играютъ*; картѣжники сперва *играютъ*, а потомъ уже *бьютъ* другъ друга.

СЛОВЕСНОСТЬ.

СМЕРТЬ КАРАВАДЖА.

Знаменитый *Мишель Анджело дѣ Караваджъ*, прежде простой каменщикъ, а въ послѣдствіи одинъ изъ превосходнѣйшихъ живописцевъ, палъ жертвою гибельной и немолимой страсти. Страсть эша не принадлежала къ числу тѣхъ, которыя исторгаютъ сладостныя слезы и производятъ восхищительныя впечатлѣнія; она не принадлежала къ числу страстей, свойственныхъ только художникамъ, знакомыхъ и понятныхъ однимъ художникамъ; нѣтъ! — то была страсть, общая крестьянину и художнику, вельможѣ и нищему, страсть, если можно такъ выразиться, общепонятная и доступная для всякаго. Страсть эша называется — мщеніемъ!

Случилось однажды, что *Караваджъ*, по привычной своей опкровенности и любви къ искусству, похулилъ какую-то ничтожную картину *Жозефа Цезари*, кавалера д'Арпино, и приномъ похулилъ въ глаза самому

артисту, этому кавалеру-живописцу. Тогда бывали живописцы - кавалеры, также, как теперь бывают живописцы-бароны, и кажется, что тогда, как и нынѣ, артисты пшпуловались не по достоинству: ибо *д'Арпино* былъ знатный дворянинъ, *Караваджъ* просто живописецъ.

Такимъ образомъ, искренно объявивъ дворянину, что рисунокъ его никуда не годится, простолюдинъ, неизвѣстно почему, почелъ себя обиженнымъ, и вызвалъ *Жозефа* на дуэль за то, что картина его не имѣла щастія ему понравиться. Но *д'Арпино* отвѣчалъ на вызовъ *Караваджи* обидою, гораздо дѣйствительнѣйшею, обидою истинною, говоря, что онъ не можетъ драться съ человѣкомъ неблагороднымъ. Можно представить себѣ, какъ оскорбилась симъ опказомъ великая, и гордая душа *Мишель-Анджело*. Какъ! онъ, *Караваджъ*, первый живописецъ своего времени, пользовавшійся огромною славою, не могъ положить на вѣсы своего имени, своей знаменитости, своихъ надеждъ, прошивъ пустяго кавалерскаго пшпула! Человѣкъ, который сполъ на высоту, недостижимой для его непріятеля, который чувствовалъ въ себѣ такое величіе и силу, который сознавалъ свое превосходство, въ этомъ случаѣ видѣлъ, что его презираетъ ничтожный пачкунъ, и за то единственно, что у него недоставало листочка пергамента! Онъ поклялся достать себѣ пергамень. Съ этой минуты онъ спалъ думая только о томъ, какъ-бы опмспить за себя, и увлекаясь желаніемъ мести, не видя другаго способа совершить его, остановился на непоколебимой идее о пергаменѣ.

И вопъ *Караваджъ* покидаетъ друзей, опечество, и отпраляется въ Мальту, чтобы сдѣлаться рыцаремъ; и вопъ живописецъ становится воиномъ. Такъ много значить сила воли! *Караваджъ* жертвуетъ своими склонностями, удовольствіями, привычками, своею мирною и безпечною художническою жизнью, чтобы обратиться къ сильной дѣятельности, подчинить себя строгой дисциплинѣ, онъ, допоть споль свободный и мечтательный! Простите, священныя вдохно-

венія, восхитительныя мечты искусства! Простите, кисть и краски!.... У него въ рукѣ не кисть, а копье, на груди лапы. Тѣло его крѣпнеть среди воинскихъ упражненій, душа его прогаεται только военными кликами и звукомъ оружія; теперь его рука, привыкшая безъ усали носитьъ тяжелый мечъ, задрожала бы, взявшись за кисть; она разучивается за желзомъ; воображеніе его спускнѣетъ, и все это опъ одной мысли, которая преслѣдуетъ его днемъ и ночью, днемъ на яву, ночью въ сновидѣніяхъ; мысль, которая не оставляетъ ему ни минуты покоя, перзааетъ и волнуется его безирерывно; мысль, которая впиалась въ мозгъ его, какъ летучая мышъ вцѣпляется въ своды разваливающагося зданія. Кто хочеть чего либо споль постоянно, съ такимъ упорствомъ, кто все приноситъ въ жертву опому желанію, все, даже званіе, къ которому призванъ выше, споль конечно заслуживаетъ, чтобы эта непоколебимая воля была наконецъ удовлетворена.

Такимъ образомъ *Караваджъ* былъ принятъ въ число рыцарей; и вскоре отправился обратно въ опечество. Упомясь опъ прудности далекаго спранствія, въ безпкойствѣ о своемъ мщеніи, объ участи *Жозефа*, который, можетъ быть, давно уже лежалъ въ могилѣ, грустный и больной, по вѣчно подкрѣпляемый жаромъ и силою спраспи, замѣнившей въ немъ всѣ прочія, онъ пріѣхалъ наконецъ въ Миланъ. Ему было тогда сорокъ лѣтъ, и онъ удивительно перемѣнился. По пріѣздѣ, болѣзнь его еще болѣе усилилась, и радость, какую приносила ему надежда на близкое исполненіе желанія, послѣ споль продолжительнаго ожиданія, привела его въ опчаянное положеніе. Горлячка оставила однакоже *Караваджу* одинъ свободный день, которымъ онъ непременно захотѣлъ воспользоваться, чтобы увѣдомить о себѣ *Жозефа* (*). Опъ заранѣе при-

(*) Какаа адская злоба! И опомъ человекъ называлъ себя Христіаниномъ, ходилъ на исповѣдь, приобщался св. Таинъ! Но таковы понятія о религии у Италіанцевъ, у Испанцевъ! Они умерщвляютъ, оправдываютъ — и потомъ бѣгутъ исповѣдываться. — В.

звать лекаря, спокойно спать спрашивать его о своей болезни, и, решившись без спроса выслушать истину, сказать угасшим, но твердым голосом:

«Сколько времени мне остается жить, доктор?»— И онъ привсталъ на своей постели, чтобы не проронить ни слова изъ отвѣта.

— При большой осторожности и совершенномъ спокойствіи духа.... — возразилъ врачъ.

«Вамъ отвѣтъ не удовлетворительнъ.... Говорите прямо, докторъ. Мне нужно двадцать четыре часа; можете ли вы мне обѣщать сполно?»

— Разумѣется,—отвѣчалъ докторъ, съ которыми замѣшательствомъ.

«Благодарю васъ! Теперь подайте мне бумаги... Подумайте хорошенько о томъ, что вы мне говорите. Надобно, чтобы вы обезпечили меня на эту ночь и на завтрашнее утро.... Это необходимо.... После, когда вамъ будетъ угодно.»

— Но почему вы желаете прожить не долѣе завтрашняго утра? —

«Чтобы подрабѣть съ однимъ кавалеромъ.»
Лекарь подумалъ, что онъ бредитъ.

— Вамъ драбѣть! — вскричалъ онъ: въ шеперешнемъ вашемъ положеніи?... —

«Вы не можете понимать меня,» возразилъ *Караваджъ* съ терпѣніемъ и кротостію, которыя служатъ спрашными признаками въ больномъ. «Въ этомъ заключается моя пайна, моя жизнь, и я чувствую, что могу ожидать отъ васъ только одной услуги; выслушайте меня.»—Голосъ его, болѣе и болѣе ослабѣвавшій, принялъ тогда выраженіе какой-то веселости, которую прискорбно было видѣть.

«Есть ли въ наукѣ вашей средство, какойнибудь вѣрный способъ, привести въ одинъ день силы и жизни недѣлю спраданія? способъ пожертвовать количествомъ качества? Можете ли вы отнять у меня часть будущаго въ пользу настоящаго? Можете ли вы, если мне остается, какъ полагаю я,

двѣ недѣли умирать, заставивъ меня прожить одинъ только день, хотя бы съ условіемъ, что послѣ я тотчасъ же погибну? Дайте мне крѣпительнаго лекарства, однимъ словомъ, чегонибудь, возбуждающаго жизненные силы, чегонибудь такого, что произвело бы удовлетворительный плодъ, чтобы составило мне одни сутки здороваго существованія изъ всѣхъ часпицъ жизни, которыхъ разсыяно во мне, можетъ быть, на мѣсяць; вы видите, что я не слишкомъ забочусь продлить дни свои.»

Врачъ отнѣмъ отъ изумленія; онъ никакъ не понималъ этой странности и внутренно называлъ еѣ причудою артиста.

«Кто молчитъ, тотъ соглашается, — продолжалъ больной; я на васъ надѣюсь; подайте же мне листъ бумаги.»

Тогда *Мишель-Анджело* принялся писать письмо, заключавшееся въ слѣдующихъ словахъ:

Живописцу *Жозефу Цезари*, кавалеру *д' Арпино*.

«Завтра, на разсвѣтъ, приходите съ оружіемъ и свидѣтелями къ монастырю св. *Маріи*. Я буду васъ ждать тамъ съ своимъ оружіемъ и своими свидѣтелями.»

Мальпійскій кавалеръ *Мишель-Анджело дѣ Караваджъ*»

Помомъ онъ послалъ сей лаконическій вызовъ къ кавалеру *д' Арпино*, а лекарь, никакъ не понимая этой странности, и находя въ ней одно только безпрерывно возрастающее волненіе больного, приготовилъ усыпительное, чтобы ослабить силу горячки, начавшей дѣйствовать въ *Караваджъ* сильнѣе и разрушительнѣе прежняго. Скоро больной впалъ въ глубокое усыпленіе, и умомъ его овладѣли мрачныя сновидѣнія, относящіяся къ мысли, господствовавшей въ немъ во время бодрствованія. Мщеніе являлось ему въ разныхъ видахъ; по увлекался онъ надеждою видѣть его исполненнымъ, по трепеталъ отъ боязни, что ожиданіе его не сбывается... по видѣлъ онъ врага своего передъ собою; кавалеръ отспуналъ отъ него, или шпага *Мишель-Анджело* ломалась въ мину-

пу рѣшительнаго удара. Всего болѣе превозжила его въ семь бреду болѣзнь не удовлетворить своему мщенію. Тогда мускулы его сжимались, лице судорожно искривлялось, невнятные звуки вылепали изъ груди его, и онъ задышался, какъ-бы кого нибудь преслѣдуя... Спраданія его превосходили всякое описаніе. То были истинныя муки ада, казнь *Тантала!* Спросите лучше у дѣлшши, что чувствуетъ оно, когда вы опрокидываете его карпачный домикъ, построенный съ такимъ терпѣніемъ, постоянствомъ, наслажденіемъ... Вообразите перзанія утопающаго, когда его полумертвыя руки упускаютъ доску; служившую ему надеждою къ спасенію; представьте, если можете, ощущенія матери, которая видитъ предсмертныя судороги своего единственнаго сына, ею вскормленнаго, воспитаннаго, одну ея надежду, всю жизнь ея!...

На другой день, на разсвѣтѣ, прое вооруженныхъ людей спояли въ ожиданіи позади монастыря св. *Маріи*; одинъ изъ нихъ смотрѣлъ на солнце, весело освобождавшееся изъ загроможденныхъ пеленъ своихъ.

— Мы явились прежде, — сказалъ онъ, и солнце уже взошло... Онъ писалъ однакоже, что будете ожидать насъ!—

Это говорилъ кавалеръ *Жозефъ д' Арпино*, сопровождаемый двумя свидѣтелями.

Они ждали съ часъ или два подъ деревьями, бесѣдуя о новомъ дворянинѣ, такъ долго сохранившемъ память о нанесенномъ ему оскорбленіи. Мало по малу спали они чувствовати нужду укрыться подъ тѣнью отъ палящаго солнечнаго зноя. Наконецъ, накутивъ ждати, они собирались уже идти, когда замѣтили черную группу, которая издали къ нимъ приближалась.

— Вотъ они!—сказалъ кавалеръ *д' Арпино*, и прое поварищей остановились. — Скоро потомъ они обнажили головы.

И черная группа проходила уже предъ ними; впереди блистала серебряный крестъ, пылали восковыя свѣчи, священники шли съ пѣніемъ, а за ними показывался гробъ, украшенный знаками Мальтійскаго Ордена, не-

сомый одѣтыми въ прауръ служившими, имѣвшими въ рукахъ кипарисныя и лавровыя вѣтви; толпа народа, шедшая за гробомъ, восклицала: Хвала и честь *Мишель-Анджело дѣ Караваджо!*

То были дѣйствительно похороны *Караваджо*, скончавшагося наканунѣ вечеромъ, отъ усилившейся горячки, въ 1609-мъ году.

Пер. *Ил. Г—въ.*

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ПѢСНЬ ГОРЦЕВЪ.

Други! лѣтомъ орла
Полетимъ на брега,
Гдѣ крутая скала
Сокрываетъ врага!

Гдѣ гремучій попокъ
Подмываетъ скалу,
Гдѣ летучій челнокъ
Разсѣкаетъ волну.

Кто отважнѣй, смѣлѣй,
Тотъ впередъ, на шпыки!
И на горахъ костей
Остановимъ полки!—

Намъ ли други робѣть,
Мы въ горахъ рождены!
Будемъ тверже скалы,
Чтобъ злодѣвъ сплестъ.

Сквозь вечерній туманъ
Выплываетъ луна,
Грозный вражескій станъ
Отражаетъ волна.

Други, други скорѣй!
Ужъ заря занялась—
И на спали мечей,
Какъ змія извилась.

Петръ Никифоровъ.

C H A R A D E.

Mon premier dans les airs lève sa noble tige;
 Mon second s'y propage, et mon tout y voltige.

Въ № 5, помѣщенный логотифъ значить: *Стрелеть*.

M O D E S.

Un joli petit chapeau de soirée que nous avons remarqué dans le magasin de Mme Lepetit est en velours bleu ciel, à forme rondo, relevée en auréole; la calotte froncée, arrondie; sur la forme un oiseau de paradis et un nœud de satin bleu.

Un autre plus simple, en velours marron, avait une seule plume courbée en arrière, moitié verte et moitié marron. Un ruban de satin marron tournait autour de la calotte et formait un nœud au pied de la plume.

Pour demi-toilette simple, pour sortir en voiture par un temps froid, on portera des demi-bottes en velours, garnies de fourrures.

Objets d'étrennes.—Roche, passage de l'Opéra. Ce magasin se distingue chaque saison par un choix brillant d'articles nouveaux et de très-bon goût. Cette année surtout M. Roche a réuni une quantité considérable de fantaisies de jour de l'an, ce qui donne plus de facilité à choisir, et lui permet de laisser ces objets à un prix peu élevé. Un grand mérite de cette maison est le soin scrupuleux avec lequel sont achevées les moindres petites choses et les plus simples.

Les meubles les plus importants sont les coffres en palissandre incrustés de citron ou d'érable, et doublés en cèdre. Cette année, les coffres à fourrures sont venus se joindre aux coffres à cachemires. Ces premiers sont encore plus grands; le cèdre, comme l'on sait, a la propriété d'éloigner les insectes, ce qui donne à ce meuble un avantage d'utilité joint à celui de son élégance.

Les coffrets à visites sont petits et élevés; ils ont deux fentes parallèles, ouvrant sur deux cases dans lesquelles tombent les cartes. Ces coffrets ont cette différence avec ceux des années précédentes, que cha-

que case est désignée pour recevoir les cartes de visites rendues et celles à rendre.

Pl. No 4. Nouveau costume de Cour.

M O Д Ы.

Красивая вечерняя шляпка, которую мы замѣтили въ магазинѣ г-жи *Lepetit*, изъ небесно-голубаго бархата, поле круглое, поднятое сияьемъ; пушля на сборкахъ, округленная; на полѣ райская пшичка и голубой апласный бантъ.

Другая простѣе, изъ кашпановаго бархата, съ однимъ перомъ, загнутымъ назадъ, кашпановаго цвѣта пополамъ съ зеленымъ. Апласная лента кашпановаго цвѣта, обернутая около пушлы, составляла бантъ у начала пера.

Въ полу-нарядѣ за-просто, для выѣзда въ каретѣ, носятъ бархатные полу-сапожки, обшитые мѣхомъ.

Вещи для подарковъ на новый годъ.—Roche, проездъ въ Оперу. Этотъ магазинъ отличаетъ во всякое время года блестящимъ выборомъ новыхъ предметовъ хорошаго вкуса. Этотъ годъ особенно г. Roche соединилъ большое количество прихотливыхъ вещей на новый годъ, отъ чего удобнѣе выбирать, и ему можно отдавать съ вещи по сходной цѣнѣ. Большое достоинство сего дома состоить въ тщательной ошдѣлкѣ самыхъ мелкихъ и простыхъ вещей.

Главная мебель.—Сундуки изъ палисандра, выклеенные лимоннымъ деревомъ или кленомъ, и выложенные внутри кедровымъ деревомъ. Нынѣшній годъ присоединились къ сундукамъ для шалей, сундуки для мѣховъ. Сѣмъ послѣднѣе болѣе; кедръ, какъ извѣстно, имѣетъ свойство удалять насекомыхъ: это соединяетъ въ этой мебели пользу съ щеголеватостію.

Сундучки визитные маленькіе, высокіе, на нихъ двѣ параллельныя скважины, открывающіяся надъ двумя ящичками, въ которые упадаютъ карты. Эти сундучки отличаются отъ прошлагоднихъ тѣмъ, что каждый ящикъ назначенъ, одинъ для ошданныхъ визитовъ, а другой для пѣхъ, копорые надо ошдавать.

Карш. No 4. Новый придворный дамскій костюмъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

•••••
ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.
•••••

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 7.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 Но
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, Генваря 24 дня, 1854 года.

А все Кузнецкой мостъ и вѣчные Французы,
Опшуда моды къ намъ и Авшоры и Музы.
Губителни кармановъ и сердець!
Когда избавишь насъ Творецъ
Опш шляпокъ ихъ, чепцовъ и шпидекъ и булавокъ?
И книжныхъ и бисквитныхъ лавокъ?

Грибодовъ.

ПЕРЕСМЪШНИКЪ.

Д Р У З Ъ Я.

Про нынѣшнихъ друзей лъзя молвить не грѣша,
Что въ дружбѣ всѣ они едва-ль не одинаки;
Послушашъ, кажешся, одна у нихъ душа:
А шолько кинь имъ кость, такъ что швой собаки!

Крыловъ.

Немногіе могутъ похвалиться на эпомъ
свѣтѣ пѣмъ, что имѣютъ истиннаго друга;
никто еще опъ Адама до нашихъ дней не
похвастался, что ему Господь послалъ нѣ-
сколько друзей искреннихъ, вѣчно-вѣрныхъ,
безкорыстныхъ. Благоразумный человекъ и
добиваться такого сокровища не спанетъ;
это все равно, что искашь философскаго кам-
ня, всеобщаго лекарства, или квадратуры
круга.

Все такъ, но уже несчастливѣе въ друж-
лхъ пріятеля моего, коллежскаго совѣтника
Ардалиона Александровича Невзгодова, я не па-
хаживалъ, и въ сказкахъ не начинывалъ.

Въ младенческихъ лѣтахъ онъ подружил-
ся съ дѣшми сосѣдей своихъ, водившихъ
хлѣбъ-соль съ его родителями. Зимой, ребл-
тишки хаживали другъ къ другу въ гости:
играли въ гулючьи, въ жмурки, кашались
на конькахъ, на салазкахъ; лѣпомъ, вмѣстѣ
игрывали на дворѣ въ горѣлки, въ верѣвочку,
взжали верхомъ на палочкахъ, спускали змѣя.
Добронравному *Ардалионъ* никогда на умъ
не всходило пошѣшиться на щѣтъ ихъ, или
со вредомъ ихъ здоровья; по маленькіе друзья
его—были настоящіе чертенята. Они из-
подтишка щипали его до синихъ пятенъ,
спалкивали въ грязь, подставляли ему по-
гу—упасли и расквасили носъ; лѣбничали
на него маперы, какъ на зачинщика ссоръ
и обидчика. Доказательства нѣжной пріязни
маленькихъ друзей маленькаго нашего героя
еще бы долго писались на лицѣ его царапань-
емъ, а на бокахъ синевами, еслибъ судьба не
поднесла ему однимъ разомъ выпиты до дна
попынное вино дружества и не заслонила ру-
кою, какъ непроницаемымъ щитомъ праваго
ока его. Добрый мальчикъ смотрѣлъ въ сква-

жину забора, изъ барочныхъ досокъ поспроеннаго, какъ на софднемъ дворѣ сестры друзей его прыгали на доскѣ, и разговаривалъ съ однимъ изъ нихъ, когда другой, злой-сорванецъ шкнулъ его въ глазъ палкою пакъ, что малюпка безъ памяти опрокинулся навзничь. На вопль няни прибѣжали испуганные его родители, бранья, сестры, перепалили его въ компану; послали слугу за лекаремъ, другаго въ цирюльню за пивками.

Между тѣмъ, глазъ чрезвычайно распухъ, вѣка и все лицо около глаза побагровѣли. Прискакалъ лекарь, осмотрѣлъ зрачокъ, успокоилъ испуганную мать въ цѣлоспи глаза, велѣлъ приставить пивокъ и прописалъ примочку. Когда миновалась суматоха: тогда няня обспоянительно донесла своимъ господамъ о случившемся. Они запретили своему малюнкѣ всякое сношеніе съ маленькими-негодяями. Такъ кончился первый періодъ дружества.

Черезъ шесть недѣль, ушибенный глазъ зажилъ—и нашего *Ардалиона* записали въ училище. Вскорѣ приобрѣлъ онъ шамъ друзей, ласковое обхожденіе копъ изгладило изъ его рѣшпаго сердца прежнія неудовольствія. Новые друзья брали изъ его ученической сумки бумагу, карандаши, перья, помогали ему вѣсть крендели и булки, которыя приносилъ онъ изъ дома, а онъ рѣшалъ за нихъ задачи, дѣлалъ переводы, подсказывалъ имъ уроки, съ опасностью получить отъ учителя выговоръ; великодушно снималъ на себя ихъ впы и былъ за то наказываемъ. Черезъ три года, когда, по выдержаніи испытанія, онъ далъ своимъ прежнимъ товарищамъ великолѣпную пирушку: друзья не щадили никакихъ увеселеній.

И вотъ *Ардалиона*, сдѣлавшись *Ардалиономъ*, зажилъ съ однимъ изъ своихъ товарищей дружески. Всѣ знаютъ, что значить дружба молодыхъ людей безъ душеводителя, живущихъ въ одной компанѣ, пользующихся однимъ кошелькомъ; они курятъ изъ одной трубки; вмѣстѣ хохочутъ при пробаужденіи, вмѣстѣ лѣнятся, шалятъ, мотаются, повѣсничаютъ, и проч. Одинъ оп-

гадываетъ мысль другаго; удовольствіе одного есть наслажденіе для его поваривца; успѣхъ доставляетъ побѣду обоимъ. Прибавьте къ этому спектакли, балы, гулянья. Однако не все для *Невзгодова* и друга его...

Тѣ дни лепѣли, какъ стрѣла,
Могучимъ кинушая лукомъ.

Не все

Они звучали яркимъ звукомъ
Разгульныхъ пѣсень и спекла.

Не все

Какъ искры брызжущія спали
На поединкѣ роковомъ,
Какъ очи свѣщались виномъ,
Они илѣнипельно блискали.

Случались между ними и размолвки: они чепыре раза разѣзжались, два раза плалили дань ложной чеспи, сирѣчь: рубились на сабляхъ; но послѣ каждой ссоры юноши спановились дружнѣе и дружнѣе. Надобно объяснить, что хотя другъ *Невзгодова* былъ во сто крапъ его богатѣе, и получалъ изъ дома постоянно по 500 рублей въ мѣсяць, но онъ любилъ помопать, и сихъ денегъ спановилось ему много что на недѣлю, а потомъ онъ перебивался съ копѣйки на копѣйку. Еслибъ *Невзгодовъ* не поилъ и не кормилъ его, и не платилъ за квартиру: то ему пришлось бы иногда ночевать на бивакахъ среди улицы. Сихъ денегъ въ 2½ года набралось бы до полупысячи; но великодушный другъ, хотя получалъ отъ родителей не болѣе 800 рублей въ годъ, однако не вѣлъ щѣповъ съ другомъ души своей.

Невидимкою промчалось время. Родители друга нашего *Невзгодова* наспоятельно пребывали, чтобы онъ вѣхалъ въ Пепербургъ, гдѣ они имѣли собственный домъ. Надлежало повиноваться! Разспавапья были горькія; оба напились до безпамятства: одного изъ нихъ уложили въ бричку, другаго въ постелю. Въ послѣднія минуны, опѣзжающій, пошатаываясь и едва шевелъ языкомъ, заклиналъ оспающагося друга по-

скорѣе прїѣзжать въ столицу, и прямо къ нему въ домъ, гдѣ будетъ для него готовалъ квартира, споль, отопка и услуга. «Мое семейство будетъ твоимъ роднымъ семействомъ; мой кругъ знакомства твоимъ кругомъ;» говорилъ онъ.

Оно такъ бы сбилось и на яву, какъ они бредили въ первической горячкѣ дружбы, еслибъ *Пиладъ* пустился въ дорогу дни черезъ три, или много черезъ недѣлю послѣ *Ореста*. Но онъ пробылъ полгода у родителей въ степной деревушкѣ. И такъ, ни чуть не чудно, что сердце друга его перемѣнилось въ столицѣ. *Невзгодовъ*, по какому-то внутреннему убѣжденію, остановился въ Ямской на постояломъ дворѣ — и поступилъ препохвально. Его бы могло убить, еслибъ у него подъ носомъ захлопнулись для него дружескія двери. Его соученикъ-должникъ, успѣлъ уже завербовать себѣ дюжину друзей, которые выпѣснили педанша-школьника, неуклюжаго уѣзднаго дворянчика изъ квартиры его, по модѣ передѣланнаго сердца. Свѣтскій франтикъ смутился, увидя прежняго поварища, обнялъ его съ какою-то боязнью, какъ будто бы зачумленнаго, поцѣловалъ (по естѣ, допронулся щеками до его щекъ), и извинился, что, не ожидая его такъ скоро, не имѣетъ для него порожней комнаты; однакожь, если вы рѣшились сдѣлать намъ честь—переехать къ намъ: то я велю очистить для васъ комнату; но прежде, не угодно ли вамъ будетъ взглянуть на неѣ? Можетъ быть, она вамъ не понравится. Онъ предузналъ: темная, проходная коморка, похожая больше на чуланъ, нежели на порядочную комнату, съ однимъ окномъ, которое глядѣло прямо въ помойную яму, не могла прийти по праву деревенскому жилью, привыкшему смотрѣть на свѣтлый Божій міръ и дышать чистымъ воздухомъ. Возвратясь на свою пышно-убранную половину и, усадивъ *Невзгодова* на низенькій полосатый диванъ, гдѣ солнце разливало прїятный полусвѣтъ сквозь разноцвѣтные стекла готическихъ оконъ, узкихъ и длинныхъ, онъ распроспирался въ вѣж-

ливоспяхъ и, могло бы спастись, что въ подкипечѣныхъ на огнѣ воспоминанія мечтахъ бывало-минувшаго, ушедшаго-отцвѣтшаго, онъ могъ бы проговориться и зваться на какую нибудь услугу; но догадливая маменька его прислала къ нему лакея на выручку. Его просили пожаловать къ ней... Напурально, что дружбою подлежало пожертвовать приказанію родительницы. Фашіонабель-Данди вскочивъ съ дивана, слегка пожалъ ему руку, просилъ извинить его, любить его по прежнему, не чиниться, жаловать по-чаще; но лишь успѣлъ другъ, котораго ждали споль неперпѣливо, споль пламенно, перешагнуть за порогъ, какъ дано спрожайшее повелѣніе швейцару—вѣчно ему отказывать. Грѣхъ однакожь умолчать о томъ, что въ первый, послѣ сего приходъ *Невзгодова*, камердинеръ друга его, доложивъ ему, что молодой баринъ изволилъ кушать у тѣтушки *Аксиньи Поликарповны*, и еще не возвращался, вручилъ ему, отъ имени его, запечатанный пакетъ, въ которомъ онъ нашель 700 рублей ассигнаціями и записочку, въ которой благодарилъ его за одолженіе и влагаяють деньги, коими были должны ему.

Уѣздные наши дворяне не догадливы; они принимаютъ за Голландскіе червонцы форменныя фразы, пустыя, какъ надутый пузырь, неимѣющія никакой внутренней цѣны, какъ билетъ на *Сѣверный Меркурій*, или на *Исторію Русскаго Нарада*. И нашъ герой не преминулъ приписать уплату школьнаго долга искреннему расположенію, и не принялъ оную, какъ-бы слѣдовало, п. е. за визитный билетъ: pour prendre congé. Онъ прибрелъ въ претій и въ четвертый разъ, и услыхалъ отъ швейцара, что молодой баринъ уѣхалъ на недѣлю въ Царское село... переехалъ на дагу... получилъ новое назначеніе и почти живетъ въ канцеляріи... Не смотря на сіи фразы, совсѣмъ недвусмысленныя, *Невзгодовъ* еще двадцать разъ попустякамъ совершилъ, по образу пѣшаго хлѣденія, дальній путь изъ Коломны, спилигримсовалъ бы, можетъ быть и еще разъ десять, еслибъ не надоѣлъ, какъ горькая рѣдка, холопимъ

своего эхсъ-друга, которые рѣшились однимъ разомъ навсегда отъ него отдѣлаться. «*Я о васъ докладывалъ,*» сказалъ ему швейцаръ съ насмѣшливою улыбкою и пожимая плечами: «*Баринъ извиняется, онъ занятъ, никого не принимаетъ.*» Сн убійственныя слова подкосили ноги у моего добросердечнаго простака. Насилу-то онъ понялъ, что

Les amis de l'heure présente
Ont le naturel du mélon:
Il faut en essayer cinquante,
Avant que d'en trouver un bon.

Онъ опредѣлился въ одну изъ минисперскихъ канцелярій; служилъ усердно, выскнулъ въ дѣла; но самая припная, самая щастливая служба не липаетъ души. Ему исполнилось 23 года; поварищи любили его, начальники обращались съ благоволеніемъ. Обманутое сердце его залечило свои раны; оно сдѣлалось опять легковѣрнымъ, опять просило дружбы.

Онъ вѣрилъ, что душа родная
Соединиться съ нимъ должна;
Что, безоправно изнывая,
Его вседневно ждетъ она.

Его не улаждалъ ни чинъ коллежскаго секретаря, недавно имъ полученный, ни даже вакансія помощника сполначальника, копорая вскорѣ долженствовала открыться, и копорая ему торжественно обѣщана директоромъ. Но по пословицѣ: *обжегшись на молокѣ, станешь на водѣ дутьъ*, онъ спалъ оспорожнѣе, разборчивѣе въ выборѣ друзей; слѣдуя другой народной поговоркѣ: *суженаго на конѣ не объѣдешь*, онъ всею сердцемъ полюбилъ одного изъ своихъ знакомыхъ. Пріязнь ихъ началась вечернимъ посѣщеніемъ, и превратилась черезъ три недѣли въ родъ дружбы. Они согласились жить вмѣстѣ и держать общій споль

Сначала всяко дѣло строга
И въ спрокую такъ идешь,
Что и приспуну нѣтъ;
А тамъ, перегода немного,
Пошло и вкриво все и вкось.

И опчасу все хуже, хуже,
Покуда, наконецъ, хоть брось.

Они почли достачочнымъ складываться по 35 рублей съ брата въ мѣсяцъ на споль, чай, наёмъ кухарки и другія мелочи, кромѣ кварширы. Въ первый мѣсяцъ—новый другъ *Невзгодова*, взявшій на себя изъ усердія должность расходчика, не потребовалъ отъ него ни копѣйки. Къ 15-му числу впораго, онъ весьма спонко далъ ему почувствовать, что у него нѣтъ денегъ. *Невзгодовъ* заплашилъ ему за два мѣсяца. Расходчикъ коѣ-какъ держалъ споль до 1-го числа, послѣ котораго, нашъ герой, спѣша въ 4 часа по полудни изъ канцеляріи къ горячимъ щамъ, часто не заставалъ своего товарища на кварширѣ, и узнавъ отъ кухарки, что ничего къ сполу не приготовлено, бралъ обѣдъ изъ харчевни. Къ пущему же его нещастію, онъ слѣгъ горячкою. Она началась по упру головную болью; послѣ обѣда сдѣлался ознобъ, за нимъ жаръ съ бредомъ, копорый не проходилъ уже. Другъ его, видя его въ безпамятствѣ, вынулъ изъ подъязыголова его ключикъ отъ шкапулки, опнеръ её, взялъ деньги, оставилъ изъ нихъ рубль серебра кухаркѣ и ушелъ со двора. Прошло восемь дней, а онъ не возвращался—и даже не навѣдывался о больномъ другѣ, копорому спановилось все хуже и хуже. Въ девятый день нашъ простосердечный пришелъ въ память. Старушка-кухарка обстоятельно рассказала ему о поступкахъ его друга. Досада, дошедшая до бѣшенства, произвела въ нёмъ спасительный переломъ: онъ выздоровѣлъ. Предоставляю медицинскому факультету изслѣдовать сіе чудное явленіе. Пока нашъ спрадалецъ обмогался и собирался съ силами, обобравшій его другъ нашелъ выгоднѣйшее мѣсто и оставилъ прежнее.

Прошло около шести мѣсяцевъ.

Въ одинъ день... Нѣтъ, въ одинъ вечеръ, нашъ простосердечный встрѣпилъ друга своего здоровымъ и въ хорошемъ расположеніи духа; но видъ разбойнически имъ ограбленнаго добряка окаменилъ его—и задумчивое лицо *Невзгодова* показалось бы весѣлымъ

въ сравненіи съ блѣдностью уличеннаго преступника.

Есть какая-то застѣнчивость у простаковъ-друзей, а у нашего героя её было вдвое больше, прошивъ всякаго. Ему надобно было сдѣлать въ разговорѣ съ нимъ верстъ пять крюку, чшобы пихонько подѣхавъ и слегка коснувшись щекотливаго предмета... по есть, сдѣлать ему вопросъ: какъ могъ онъ бросить друга на смертномъ одрѣ, не оставя ему денегъ даже на покупку савана?

«О!» отвѣчалъ грабитель - другъ съ рѣдкимъ чистосердечіемъ: «я нашелъ себя въ крайнемъ изнеможеніи, при послѣднемъ издыханіи, съ сухлыми глазами, съ перемѣжающимся дыханіемъ; думалъ, что себя прочли уже опходную, что ты испускаешь послѣдній вздохъ и не переживешь одной ночи. Увы! сказалъ я самъ себя, мертвымъ не нужны ни друзья, ни деньги, и удалился съ печалью въ душѣ, съ своими деньгами въ карманѣ.» — *Невзгодовъ* поспарался утѣшить нѣжнаго друга, какъ умѣлъ—и всякой разъ, когда встрѣчается съ нимъ, дѣлаешь ему ручку.

(Продолженіе въ слѣд. листкѣ.)

ХВАТЬ КАМНЕМЪ ДРУГА ВЪ ЛОБЪ.

По выходѣ въ свѣтъ историческаго романа *Димитрія Самозванца*, сочиненнаго г. *Булгариньмъ*, В. А. *Ушаковъ*, разбирая оный въ *Моск. Телеграфѣ* воскликнулъ: «Прислушаю къ разсмотрѣнію романа, сочиненнаго моимъ короткимъ пріятелемъ, и о сихъ моихъ сношеніяхъ съ авторомъ предварительно увѣдомляю всѣхъ, оспрашивъ жало «на новое произведение моего друга.»

Потомъ, говоря вообще объ успѣхахъ словесности въ нашемъ отечествѣ, *Василій Аполлоновичъ* признался, что—«она едва дошла до азбучныхъ тройныхъ слоговъ.»

Потомъ прибавилъ, что—«романъ г. *Булгарина* достоинъ той степени Европейской образованности, на которой стоимъ «наше отечество.»

ХВАСТОВСТВО.

Въ путешествіи лорда *Байрона* по Рейну, докторъ *Поллатори* похвастался передъ нимъ, что можетъ сдѣлать все то, что онъ.

Чесподобивый *Британецъ* вспыхнулъ и отвѣчалъ ему: «Если такъ: то я вызываю васъ на при дѣла, и увѣренъ, что вы ни за одно изъ нихъ не возьметесь. *Первое:* я могу переплыть Рейнъ; *второе:* пистолепшою пулею гашу свѣчу въ двадцати шагахъ; *третье:* я написалъ стихотвореніе, копорого разошлось 14,000 экземпляровъ въ одинъ день.»

Докторъ *Поллатори* прикусилъ языкъ.

ЛЮДИ ВЪ ЧУЖОМЪ ГЛАЗУ ПОРОШИНКУ ЗАМѢЧАЮТЪ, А ВЪ СВОЕМЪ БРЕВНА НЕ ВИДЯТЪ.

Одинъ литераторъ-журналистъ найдя въ *Славянникѣ*, что ошибкою переводчика пушечные *картузы* названы *патронами*, написалъ предлинную статью, въ копорой доказывалъ невѣжество издателя *Восикова* въ тактикѣ и стратегіи, въ артиллеріи и фортификаціи.

А самъ?... А самъ написалъ: «Бросали въ Данцигъ ядра и мортиры!!!»... Напечаталъ, и признался, что эта ошибка сдѣлана имъ самимъ, а не сопридниками его.

На замѣтку, по сему случаю ему сдѣланную, онъ напечаталъ: *Эта несчастная фраза находится въ моемъ журналѣ. Другіе признаться, пока не уличили!*

И ЕЩЕ РУССКІЙ КАЛАМБУРЪ.

Одинъ извѣстный своимъ остроуміемъ генералъ, осматривая во время кампаніи военный госпиталь, и не видя въ немъ по теплотѣ климата ни одной пещи, вскричалъ: *Какая безпечность!*

НЕБЛАГОПРИСТОЙНОСТЬ.

Простакъ заговорилъ было что-то о *Булносъ* на балѣ у князя — каго. Пріятель его зажалъ ему ротъ и шепнулъ на ухо, что о такихъ неблагопристойностяхъ не говорятъ въ хорошихъ обществахъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ГРЕНЛАНДСКАЯ ЛЕГЕНДА.

I.

«Дѣва Гренландіи! красота пвои помрачаепъ красосу весенней ивы, дыханіе пвое сладостно, какъ вечерняя прохлада, пальцы пвои равняются бѣлизною зубамъ Гиппопотама! Чтобы обладапъ побою, я отважусь на всѣ опасности; никакая препона не остановитъ меня; ноги мои будутъ попирапъ снѣгъ, покрывающій горныя вершины; я готовъ искать пристанища въ берлогахъ воспочныхъ людоедовъ, и испоргнуть себя изъ рукъ горнаго духа, изъ когтей *Амарока* и пропастей Гафгуфы, если только это можетъ пронупъ пвое сердце. Вспомни, *Ажута*, что зимніе дни долги, какъ печаль, а дни ясные кратки, какъ людское счастье!

«Дражайшая душа души моей, дѣва солнца, общай мнѣ, именемъ *Ангеккока* (*), никогда не имѣпъ другаго супруга, кроме *Аннингайт*; или горе тому, который дерзнетъ возвыспъся до тебя мыслію; за это онъ будетъ погребенъ безъ своего лука, и въ царствѣ пѣней, кипящее масло адскихъ свѣщельниковъ спруею будетъ липъся въ его черепъ.»

Такъ говорилъ юный и неустрашимый сынъ сѣвера, прекрасной *Ажуты*, дѣвъ озеръ, съ мягкими русыми кудрями и коралловыми уснами. Онъ встрѣпилъ еѣ близъ пещеры, въ которой укрывался онъ суровости зимы, и восхищительный взглядъ голубыхъ очей ея проникъ въ его сердце, какъ спрѣла, пущенная искуснымъ звѣрловцемъ, вонзаепся

въ бока разъяреннаго вепря. Чтобы смягчить жестокость молодой дѣвушки, онъ спарался отличиться многими блистательными подвигами, нападапъ среди льда на бегемотовъ, преслѣдовалъ подъ водою пюленей и вспрыгивалъ на спину китамъ погда, какъ они еще сопротивлялись. Новые цвѣты не украшали болѣе зеленѣющаго дерна, ибо онъ плелъ изъ нихъ гирлянды, которыми украшалъ шаперъ своей возлюбленной; лица птицъ не оставались болѣе въ гнѣздахъ подъ защипою бдительныхъ матерей, ибо онъ относилъ ихъ къ *Ажутѣ*; наконецъ, онъ отважился однажды поднести ей киповый хвостъ. Не равнодушная къ сему послѣднему изъявлению любви, она спала съ пѣхъ поръ показываться въ народъ не иначе, какъ въ одеждѣ изъ бѣлаго мѣха, вымазала свое лицо и руки самыми яркими красками, украсила нарядъ свой коралловыми вѣпками, и заплепа въ косы свои длинныя волосы, убравъ ихъ мелкими раковинами.

Молодая Гренландка горделиво улыбалась на спраспныя рѣчи *Аннингайт*; ей нравилось видѣпъ въ немъ такую пламенную къ пей любовь, и она общала ондапъ ему свою руку по возвращеніи его изъ далекаго спраспвія, которое предпринималъ онъ.

II.

«Прости, милая *Ажута*! я возвращусь, когда листья спанутъ валипъся съ деревьевъ.» И легкая ладья успремилась въ безпредѣльную даль океана, и *Аннингайтъ*, съ сердцемъ, исполненнымъ надеждъ, погрузился въ спраспныя мечпанія. Онъ упѣшался, думая о ловлѣ, которая должна была обогатить его; о подаркахъ, которыми онъ намѣренъ былъ осыпавъ *Ажуту*, и о медвѣжьихъ и соболиныхъ мѣхахъ, которыми хотѣлъ украсить спѣны своего жилища.

Ажута долго слѣдовала взорами за ладью, на которой отправился милый ея сердцу; попомъ возвратилась въ шаперъ свой, блѣдная, какъ лилія, цвѣщущая въ горахъ. Она не стала болѣе употребляпъ для одежды бѣлый мѣхъ, забыла о русыхъ кудряхъ своихъ, и думалъ только о немъ одномъ, со-

(*) Предвѣщателя.

бирала мохъ для зимнихъ свѣпочей, и въ жалобныхъ пѣсняхъ выражала горестъ разлуки и печаль души своей.

Терзаемая продолжительнымъ отсутствіемъ *Аннингайта*, она прибѣгла къ совѣщанью *Ангеккока*, который объявилъ ей, что ея любезный убилъ нѣсколько киповъ и готовился пуститься въ обратный путь. Тогда молодая дѣвушка, забывъ свою гордость и повинулся единственно владѣвшему ею чувству, отправилась къ берегу, чптобы первой встрѣпить юнаго и мужественнаго спранника; она проводила памъ цѣлые дни, но не видала ничего, кромѣ неизмѣримаго пространства океана, кромѣ валовъ, гонимыхъ вѣтромъ. Наконецъ показалась ладья, на которой онъ отправился, но пустая, одинокая.

III.

Уплыль чолнъ быстро удаляется отъ роковаго берега, блѣдная и убивая горестію женщина сидитъ въ немъ и поручаетъ жребій свой игрѣ случая. Это дѣва озеръ... Несомая вѣпрами, буншующими въ своихъ коралловыхъ гропахъ, она отправляется узнать отъ бога бурь, что сдѣлалось съ ея любовникомъ... Долго ждали ея возвращенія; прошли недѣли, мѣсяцы и годы, но и она не возвратилась.

Тогда полагали, что несчастные любовники превращены богами той земли въ созвѣздія, или чпто *Ажута*, сдѣлавшаяся Сиреною, продолжаетъ искать въ безпредѣльныхъ пустыняхъ океана *Аннингайта*, похищеннаго горными духами. Но теперь общее мнѣніе согласно въ томъ, чпто они соединились въ мѣстопребываніи душъ блаженныхъ, гдѣ мало вѣчно усладительно для вкуса, а пища всегда согрѣта пріятною теплотою.

Часто юныя Гренландки приходятъ въ то мѣсто, откуда началось вѣчное спранствованіе ихъ прекрасной подруги, и когда хоплятъ превознесши память двухъ вѣрныхъ любовниковъ, по сравниваютъ ихъ съ *Аннингайтотомъ* и *Ажутотомъ*.

N. N.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ВЪ АЛЬБОМЪ Н. П. Ш—ВУ.

Сердца, Амуры, спрѣлы, розы—
Девизы избранныхъ спешковъ:
То новенькихъ—подъ звуки прозы;
То старенькихъ—гдѣ есть любовь.
Разлука, дружба, грусть и слѣзы,
Ну, словомъ: кисти и пера,
Ума и чувствъ et cetera,
И лести... (и жестокой даже:
Тамъ *Харина* слыветъ цвѣткоюъ,
Когда она, чпто день, то гаже
Увидшей грудью и лицомъ)...
Всю эту смѣсь зовутъ—альбомъ.

Бывало, чптобъ не разнишь хору,
Поюще въ альбомахъ дѣвъ,
Я прибавлялъ довольно вздору
На томъ же рѣменный напѣвъ.
Еще я помню эти глазки,
Споль благосклонные пѣвцу:
Иной—онѣ не шли къ лицу;
Иной—не нужно было маски,
Чптобъ нагримасничать льстецу.
Все это кончилось. Конечно,
Лгуну немного похвалы;
Но, другъ, по мнѣ безчеловѣчно
И *Хариной* писать хулы.

Какая дѣвушка не хочетъ
Понравиться, хотя на часъ?
И долго, какъ, и сколько разъ
За шѣмъ предъ зеркаломъ хлопочетъ!

Вотъ другу исповѣдь моя
И эпиграмма на альбомы,
Но грустью къ юности влекомый,
Мнѣ кажется, чпто вновь бы я
Вписалъ свой спихъ въ альбомъ знакомый...
О нѣтъ, за чѣмъ? Не ша пора;
Ужъ годы щастье измѣнили
И нужны спрасити для пера;
А мнѣ ихъ—думы замѣнили.

И. Кословскій.

Ш А Р А Д А.

Разбойникамъ и дикарямъ
Служу оружіемъ, руковожу къ побѣдѣ;
Для просвѣщенныхъ я служу лишь при обѣдѣ.
Я, по ешь, *первый* слогъ: знашь эпо нужно вамъ.
Второй всегда найдѣте,
Когда свой календарь, иль карту развернѣте;
Оцъ завсегда вблизи людей,
Что *цѣлому* весьма завидно.
Оно то подъ споломъ,
Подъ скверною скамьей, подъ грубымъ верспакомъ.
И впрямъ, кому презрѣнне не обидно?

III.

Въ No 6, помѣщенная шарада значить: *Pinson*.

M O D E S.

De jolis *écrans* sont en satin peint ou brodé, carrés, montés sur un petit tour doré, et garnis d'un ruban de satin plissé avec des nœuds de satin à chaque coin. Encore une physionomie de 1700.

De charmans *paniers à ouvrage* en palissandre et en cèdre, forme de bateau, fermés par des couvercles à coulisse qui s'ouvrent en dedans, une anse et des petites griffes de palissandre ou de cèdre.

Des *corbeilles ménagères* en satin peint en or, l'intérieur est doublé en taffetas de couleur piqué à petits points. Une petite pelotté tient à ces corbeilles; un sac intérieur, qui ne s'élève pas plus haut que le bord de la corbeille, est destiné à recevoir le dé, les fils, etc.

Les coffres en maroquin mosaïque, appelés *papeteries*, sont un élégant meuble de bureau. Ces boîtes, assez grandes, n'ont d'autre destination que de renfermer les papiers de toutes grandeurs.

De belles grandes boîtes, que nous désignerons par *toilettes*, sont séparées à l'intérieur en plusieurs cases; l'une pour serrer les gants, une autre les mouchoirs, le milieu reste pour les ceintures ou un sachet qui parfume la boîte. Au fond, est une case qui contient des flacons à odeur.

Des boîtes à thé de mille formes nouvelles, des boîtes à bretelles, des nécessaires à ouvrage aussi soignés que possible, seraient trop multipliés pour entreprendre de les désigner. Nous terminerons par l'instrument en grande faveur, l'*accordion* avec sa méthode. Il est en bois de palissandre, renfermé dans une boîte, et monté avec recherche.

M O Д Ы.

Красивые экраны изъ печатнаго или вышитаго апласа, чепвероугольные, поспавленные на маленькую вызолоченную башенку, и опдѣланные апласною ленною, сложенною складочками, съ апласными баншиками на углахъ, еще оппечашокъ 1700 годовъ.

Прелестныя корзинки для работы изъ палисандра или кедра, форма лодки, закрывающя крышками на пепляхъ, копорья опкрывающя внупръ, ручки и маленькія когши изъ палисандра или кедра.

Корзинки *ménagères* изъ апласа, разрисованнаго золопомъ, внупръ выложены цвѣшною папшою съ мелкими мушками. Маленькой подмопокъ придѣланъ къ корзинкѣ; внупръ мешокъ, не возвышающійся выше края корзинки, въ копорой кладутся наперспокъ, нитки, и проч.

Сундуки изъ мозаическаго сабяна, называемые *бумажники*, щеголеватая мебель для письменнаго стола. Эпи ящички, довольно большіе, употребляются шолько для поклажи бумаги всякой величины.

Прекрасные большіе ящички, копорые мы назовемъ *туалетали*, раздѣлены внупръ на много ящичковъ: одинъ для перчашокъ, другой для плашковъ, середина остається для поясовъ или для ароматной подушечки; внизу ящичъ для скляннокъ съ духами.

Ящички для чаю тысячи разныхъ разборовъ, ящички для подпяжекъ, ящички для работы, сдѣланные со всевозможнымъ пщаніемъ; слишкомъ долго было бы ихъ описывать. Мы окончимъ, назвавши инструментъ въ большомъ употребленіи, *аккордионъ* съ его методомъ. Онъ изъ дерева палисандра, въ ящичъ опдѣланъ съ большимъ пщаніемъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 8.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 No
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургѣ 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, Генваря 27 дня 1854 года.

Какъ въ дѣсь зелѣный изъ шпюрмы
Перенесенъ колодникъ сонной,
Такъ уносились мы мечпой
Къ началу жизни молодой.

А. Пушкинъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

Д Р У З Ъ Я.

(Продолженіе.)

Итакъ въ отставку ны уведенъ;
Чтожь дѣлашь, миленькій дружокъ!
Взявъ въ руки шляпу, посошокъ,
Сказать: спасибо, я доволенъ!
Ипши—и слезки не пролишь.

Такъ и поступилъ незапамятный нашъ герой. Намъ нечего сказать проливъ эпого, но нельзя же не поспавить на видъ чпшапелямъ, что въ его характерѣ еспъ какалпо оплошность, имѣющая для него непріятныя слѣдствія; онъ не въпренъ, не поступаетъ на удачу, а между тѣмъ, на каждомъ шагу спотыкается. Кажись, онъ думаетъ, обдумываетъ, передумываетъ, раздумываетъ, а вѣчно выдумаетъ что нибудь на свою шею. Онъ не опромѣтчивъ при исполненіи самаго маловажнаго предпріянія, подается впередъ съ ноги на ногу, а никто не дѣлаетъ такихъ промаховъ. Мнѣ даже начинается казаться, что въ головѣ его еспъ гвоздикъ,

idée fixe на щѣтъ дружбы. Вы сами согласитесь въ эпомъ, прочитавъ его приключенія; хопя они не столь чудны, какъ героевъ превозносимаго Французскаго романа *La danse Macabre*, въ которомъ на взгроможденныхъ на кладбищѣ подмоствкахъ представляють комедію, хоронящъ живаго, потомъ опкапываютъ, а на его мѣсто кладуть въ гробъ и зарывають пьянаго бродягу; жена спалкиваетъ съ колокольни мужа, котораго мозгъ и кровь разбрызгало по могиламъ и надгробнымъ камнямъ; спарухъ, убійцъ мужа, ограбившей его, проламывають каменьчики голову ломомъ и также граблящъ; Жида распинають на крестѣ чепырехлѣпниго Христіанскаго младенца, собирають кровь его въ чашу, мѣсятъ на ней тѣсто для пасхи—и ѣдятъ съ такимъ апетитомъ, какъ будто бы эпо былъ Стразбургскій пирогъ съ прюфелями; потомъ, какъ будто соревнуд имъ, Парижане на площади варятъ въ прованскомъ маслѣ двухъ откормленныхъ Жидовъ, собираются содрать кожу съ претьяго, но благородная дама, возвращавшаяся съ погребенія своего супруга, вызвалась выпши за не-

го за мужъ (а сіе по погдашнимъ законамъ освобождало Еврея отъ казни), взяла его подъ ручку и отправила съ нимъ прямо въ церковь, гдѣ и обвѣчалась. Но оставимъ въ покоѣ господъ Французовъ съ ихъ *Викторомъ Гюго*, *Библиофиломъ Жакобомъ* и *Поль-дѣ-Коллемъ*, а займемся своимъ соотечественникомъ.

У *Невзгодова* былъ двоюродный братецъ, по имени *Нарцисъ*, по опеческву *Ивановичъ*, по прозвищу *Баклушинъ*; впаперо его богаче, годами пятью старше. Онъ занималъ выгодное мѣсто по службѣ; но до того худо зналъ Русскую грамоту, что былъ не въ состояніи написать объявленіе о пропажѣ собаки (*); за то бѣгло болталъ по Французски, щегольски одѣвался, соблюдалъ всѣ обычаи свѣта, велъ большую игру въ вистъ, былъ вкрадчивъ, распоропъ, умѣлъ поддѣлываться къ начальникамъ, угодишь ихъ супругамъ и даже любовницамъ. *Баклушинъ* могъ бы о себѣ сказать то же, что говоришь *Молчалинъ* въ комедіи *Грибоедова*:

Мнѣ завѣщаль отецъ

Вопервыхъ, угождать всѣмъ людямъ безъ изьянъя:

Начальнику, съ кѣмъ буду я служить,

Слугъ его, который числится плашья,

Швейцару, дворнику, для избѣжанья зла,

Собакъ дворника, чпобъ ласкова была!

Онъ рѣдко посѣщалъ нашего *Невзгодова*, который прослужа шестъ лѣтъ, едва попалъ въ сподопачальническіе помощники. И посѣщенія его никогда не были безкорыстны: онъ привозилъ съ собою кипу бумагъ— и упрасивалъ милаго брата обработать. Разумѣется, что проспросердечный не отказывался и, вмѣсто того, чпобы, вышедъ въ 4 часа по полудни изъ канцеляріи, отобѣдавъ и отдохнувъ, вппи въ театръ для разсѣянія, или въ пріятельское общество, онъ садился за письменный столъ и занимался дѣлами, которыя навязалъ на него эгонсптъ-братецъ, иногда до полуночи. Здоровье брата перпѣло уцербъ, за то другому братцу было барышно: ибо началь-

никъ, замѣпивъ основательность сужденій, знаніе законовъ, и ясность изложенія въ бумагахъ *Баклушина*, началъ его опличать, и не разъ опзывался о немъ высшему начальству, какъ о чиновникѣ способномъ и благонадежномъ. Нельзя сказать, чпобъ cousin не былъ за то признапеленъ: онъ подарилъ грамотному кузену въ именины его модный жилетъ, а въ Новый годъ богатую фарфоровую чашку. Навѣстя брата въ первый разъ послѣ его болѣзни, *Баклушинъ* ужасно осердился: за чѣмъ не дали ему знать объ эпномъ, и парубилъ кухаркѣ на носъ, чпобы она присылала къ нему, какъ скоро *Ардалиоша* прихворнѣтъ хоть слегка. На другой день прислалъ cousin ему шестъ бупылокъ спараго рейнвейна. Въ первое послѣ того воскресенье заѣхалъ онъ за нимъ въ коляскѣ, и повезъ съ собою на Кресповскій оспровъ подышать чистымъ воздухомъ. Прощаясь, позвалъ его на другой день обѣдать; за споломъ *Невзгодовъ* промолвился, чпю ему бы хотѣлось быть въ театрѣ: услужливый братецъ подарилъ ему билетъ въ кресла. Не ужели всё сіе даромъ? О, нѣтъ! *Баклушинъ* былъ изъ пѣхъ людей, которые даромъ не пошевелишь мизинцомъ, и которые въ состояніи зачесть чужой домъ, чпобъ сварить себѣ личницу.

Его начальникъ поручилъ ему одно важное дѣло. *Баклушинъ* хорошо зналъ, чпю за успѣшное совершеніе сего порученія, онъ получитъ значительную награду, и охотно взялся за сіе; но не умѣя пріняться за перо, онъ искалъ, кого бы запречь въ эпо ярмо, и обратилъ взоры на прудолобиваго родспвенника: ему уже не одинъ разъ удавалось чужими руками жаръ загребать. Вотъ онъ и спалъ издалика подвѣзжая къ нашему грамотному проспаку, у котораго опять заиграли въ ухахъ куранты дружества. «Ты служишь не совсемъ щасливо;» слегка замѣпилъ ему *Баклушинъ* съ дружескимъ учаспьемъ: «въ шестъ лѣтъ изъ дѣйсвипельныхъ университетскихъ студентовъ—ты только коллежскій секретарь.»—Эпо по законамъ;—опвѣчалъ *Невзгодовъ*.—«Понимаю, п. е. за выслугу двухъ

(*) За 25 и даже за 20 лѣтъ эпо была еовсѣмъ перѣдкость.—*А. Кораблинскій*.

прехлѣпій; такъ идущъ чины и въ Земскихъ судахъ; такъ получающъ ихъ и всѣ канцелярскіе служители, занимающіеся одною перепискою бумагъ на-бѣло. Ты человекъ съ головою, съ образованіемъ; тебя бы можно произвести за опличіе.»— Сперва должно сдѣлать его.— «Такъ, но дашь средствъ къ этому въ волѣ начальника. Переходи къ намъ; увѣрю тебя, что по сихъ поръ ты былъ бы обвѣшанъ крестами.»— Я не жалуясь на своихъ начальниковъ; скромно отвѣчалъ *Невзгодовъ*: однакожь еслибъ выискалось мѣстечко повыгоднѣе, то не остановился бы... но мудроно это сдѣлать.— «Мудрено для тебя, конечно; а развѣ у тебя нѣтъ брата и друга? Развѣ мапушка *Анна Ивановна* не родная сестра опцу пвоему, дядюшкѣ *Александрю Ивановичу*? Я уже намѣкалъ начальству; пока еще ничего рѣшительнаго не послѣдовало. Завтре мой докладной день: я мимоходомъ доложу о тебѣ—и испрошу его согласіе.»—

Черезъ два дни послѣ сего объясненія, при которомъ братецъ не жалѣлъ ладану: ибо онъ всегда дороже сподѣлать тому, кого имъ окуриваютъ, нежели тому, кто окуриваетъ, покровитель нашего героя примчался къ нему въ модной коляскѣ—и задушилъ было его въ своихъ объятіяхъ. «Дѣло идетъ на ладъ, ты будешь сдѣланъ у насъ сполначальникомъ новаго отдѣленія, которое предположено открыть къ Новому году; но желаютъ предварительно испытать твои способности. Начальство поручаетъ тебѣ написать сочиненіе, право не знаю, какое; вошь всѣ нужныя бумаги; вошь и основанія, на коихъ оно должно быть написано. Если же тебѣ сверхъ того понадобится какія нибудь справки, или прежнія по сему предмету поспановленія: то я, по волѣ его превосходительства, тебѣ ихъ доставлю.»— Оглушенный бурнымъ потокомъ хипраго своего роденки, подобно человекѣ, которому залпомъ прочитали бы весь четвертый томъ *Клятвы при гробѣ Господнемъ*, провинціалъ нашъ осполбенѣлъ и, не желая отказать опъ предложенной чести, въ смятеніи произнесъ: *Хорошо, я согласенъ; я сегодня же примусь за работу!*— «Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, лю-

безный другъ; попъ, опъ кого зависитъ пвое повышение, увидитъ, что кромѣ обширныхъ свѣдѣній и природнаго ума, ты работаешь скоро, а это въ службѣ не бездѣлица... Прощай!... Нѣтъ, еще полсловечка... гдѣ ты завтре объдаешь? Если никому не дашь слова: то объдай у меня.» И исчезъ въ облакъ пыли и громъ колѣсъ, прыгавшихъ экосезъ по исковерканной мостовой, которая, со временъ Императрицы *Анны Иоанновны*, ни разу не была починена въ той глухой части города, гдѣ жилъ бѣдный нашъ чиновникъ.

Невзгодовъ, оставшись на-единѣ съ собою, радовался, что Богъ послалъ ему въ родспвенникѣ друга. Выщипывая всѣ его одолженія, онъ вообразилъ, что вырылъ кладъ, что переселился изъ желѣзнаго вѣка въ золотой и что въ ихъ сердцахъ зажглась живая искра небеснаго огня. Тогда, какъ онъ роскошно плавалъ въ морѣ блаженства...

Блгспательнымъ дождемъ

Взлетали брызги водяныя:

Какая сильная волна!

Какая свѣжесть и прохлада!

Какъ сладострастная, какъ нѣжна

Его обнявшая Наида!

Дышущъ вольнѣе, свѣтелъ взоръ,

Въ холодной нѣгѣ оживася,

И бодръ и веселъ выбѣгаетъ

Травы на бархатный коверъ.

Увы! все это происходило въ радужномъ царствѣ мечпательности, въ царствѣ же дѣйствительности—усѣлся онъ на изломанный спуль, передъ словымъ споломъ, и погрузился въ океанъ бумагъ и книгъ, изъ коихъ назову: Памятникъ изъ законовъ, *Федора Правикова*; Новый памятникъ законовъ Имперіи Россійской, составленный *Фіалковскимъ*; Словарь юридическій, *Михайлы Чулкова*; Указатель Россійскихъ законовъ, *Льва Максимовича*; Разсужденіе о законодательствѣ вообще, *Евстифіл Станевича*; Зерцало правосудія, *Петра Риткевича*; книги, напечатанныя на иждивеніи *Ильи Глазунова* и *Матвѣя Заикина*, многопомныя, полновѣсныя. Прибавьте къ этому гуды книгъ Ла-

пинскихъ, Нѣмецкихъ, Французскихъ, выписки изъ дѣлъ и справки, изъ разныхъ присутственныхъ мѣстъ собранныя.

Заботливый другъ и братъ, предвидя, что нашъ простосердечный отслужить не одно всенощное бдѣніе, прислалъ ему полпуда восковыхъ свѣчъ, долговязый письменный споль краснаго дерева съ зелѣнымъ сафьяномъ и Вольтерскія краснаго дерева кресла. Все это принято было простосердечнымъ за знакъ искривнѣйшей дружбы.

Работа продолжалась около прехъ мѣсяцовъ,—и стоила ему трудовъ неимовѣрныхъ: поелки, отъ девяти часовъ утра до прехъ по полудни проводилъ онъ на службѣ, гдѣ также его не щадили; возвращаясь домой и по солдатски похлѣбавъ щей, принимался за проэктъ—и часто не ложился спать до 4-хъ часовъ утра. Онъ мало выходилъ со двора, не имѣлъ никакого разсѣянія, попералъ сонъ и позывъ на пищу—и совсѣмъ изнурилъ себя; по присутствію друга и желаніе угодишь ему, подкрѣпляло его душевныя и тѣлесныя силы: другъ посѣщалъ его сперва черезъ день, потомъ ежедневно, потомъ въ день по три и по чепыре раза. Каждый, написанный *Невзгодовымъ* параграфъ, былъ отбираемъ другомъ и братомъ, переписываемъ опличнымъ писцомъ на веленовой бумагѣ, и хранимъ въ особомъ картонѣ за замкомъ.

Чѣмъ ближе дѣло подвигалось къ цѣли: тѣмъ ласковѣе, увивистѣе, нѣжнѣе, любящѣе становился другъ простодушнаго нашего героя: онъ глядѣлъ ему въ глаза, рассыпался мелкимъ бѣсомъ. Finis! *Баклушинъ* расхвалилъ до небесъ сочиненіе своего друга; насулилъ ему множество выгодъ; сконкалъ послѣдній листъ въ мундирный карманъ—и поскакалъ домой, радуясь, что поддѣлъ протскака-брата, какъ рыбку на уду. А братецъ оспался дома съ больною грудью, красными глазами и пуснымъ карманомъ.

«Нынѣ на свѣстѣ, бапюшка, все такъ; бѣда на бѣдѣ, бѣдой погоняешь, бѣду родишь, бѣдою сгубишь, бѣдой поминаешь! За грѣхи тяжкіе Господь насъ караешь; нынѣ, малый хлѣбъ ѣсть, а крестнаго знаменія со-

творити не знаешь;—а большой, правую крестится, а лѣвую въ чужіе карманы запускаешь»

Такъ поступилъ и *Баклушинъ*. Съ того роковаго дня, въ который выманилъ онъ у двоюроднаго своего брата, честнаго протскака, окончаніе извѣснаго чинапелямъ проэкта, онъ спалъ вздвпъ къ нему рѣже и рѣже, сидѣлъ у его меньше и меньше. Винъ не присылалъ, обѣдашь не приглашалъ, о переводѣ и повышеніи благоразумно посмалчивалъ, а о важномъ по содержанію, зрѣло обдуманномъ, превосходно написанномъ, огромномъ сочиненіи брата—никогда не заикался. Передъ самымъ же Новымъ годомъ *Невзгодовъ* не видался съ нимъ болѣе мѣсяца: самъ *Баклушинъ* сдѣлался тяжель на ногу; когда же *Невзгодовъ* удосуживался прийти къ другу своего сердца, чувствившелъному, безкорыстному: то находилъ двери его запертыми и вѣчное дома нѣтъ!

Между тѣмъ *Баклушинъ* выдалъ братцево сочиненіе за собственное свое его нашли во всемъ согласнымъ съ даннымъ предначертаніемъ; сочинилъ смотрѣлъ на свой предметъ съ новой точки зрѣнія; обнялъ его во всей обширности; раздробилъ смѣлою рукою на часпи, въ каждой часпи показалъ хорошую и дурную сторону, средства обратишь въ выгоду казнѣ убыточное и усилишь полезное. Сочинилъ съ небольшими поправками было утверждено—и *Баклушинъ* получилъ за чужіе труды значительное вознагражденіе.

А другъ его? Въ попыхахъ и блескѣ, въ прогонѣ *Баклушинъ* и не вспомнилъ бы о немъ, еслибъ не боялся, что его пайна можетъ бышь выскочишь наружу, и что тогда его съ безчестіемъ выгоняшь изъ службы. Дружба была для него ступенькою къ щастію; но въ черное сердце его чисто-плотная дружба никогда не заглядывала: ей бы сдѣлался обморокъ. У него ращѣтъ и буква я замѣняли всѣ чувства; онъ лукаво усмѣхался, когда говорили объ общемъ благѣ; для обогащенія себя готовъ былъ все

пожрать, для полученія почести все обезсипшпъ.

Онъ опметалъ законъ, если ему выгодно было беззаконіе; умѣлъ выставлятъ свою должностъ въ такомъ видѣ, что должно было награждать его! Упрю занимался онъ въ департаментѣ, обѣдалъ у кого нибудь изъ Петербургскихъ обжоръ, вечеръ проводилъ въ театрѣ, ужиналъ у кого нибудь изъ вельможъ, въ коихъ искалъ и передъ коими пресмыкался, или у богача, ищущаго въ немъ, или черезъ него у его пріятелей. Досужно ли ему было вспоминать о томъ, сытъ ли другъ его! И что за бѣда, еслибъ онъ и умеръ, лишь бы Богъ продлилъ собственную безцѣнную жизнь его!...

Но въ томъ-то и сила, что *Баклушинъ* боялся потерять благоволеніе начальства, боялся, что на него, какъ на человека, очернивашаго себя неблагородными поступками, спануть указывають пальцами. Это заставило его начать переговоры съ простосердечнымъ *Невзгодовымъ*. Онъ послалъ навѣдаться объ его здоровьѣ—и сказать, что онъ самъ бы заххалъ, но продолжительный насморкъ, засадившій его надолго дома, лишилъ его удовольствія бесѣдовать съ пріятелями: ибо медики на-крѣпко запретили ему громко говорить, спорить и горячиться. *Невзгодъ* весьма сухо поблагодарилъ его за память и приказалъ кланяться. Черезъ нѣсколько дней *Баклушинъ* опять прислалъ навѣдаться о здоровьѣ своего друга и попенять, что не навѣспитъ больного. Въ отвѣтъ посланному сказано, что онъ самъ чувствуетъ себя нехорошо и въ гости ходитъ не въ состояніи. Въ тотъ же день получилъ онъ отъ друга 1,000 рублей при запискѣ, въ которой *Баклушинъ* просилъ его принять эту бездѣлку отъ друга, который случайно узнавъ, что у отца его сгорѣлъ домъ, спѣшилъ показать ему родственное свое участіе. Онъ обчѣлся въ своихъ математическихъ выкладкахъ: какъ ни нуждался его простосердечный другъ, опказавшійся, по случаю пожара, отъ 800 рублей, присылаемыхъ ему ежегодно родителями, но благородное негодованіе одержало верхъ—

и онъ, запечатавъ деньги въ другой конвертѣ, препроводилъ обратно при весьма вѣжливомъ отвѣтѣ къ другу, который удѣляя ему 1,000 р. хотѣлъ поступить съ другомъ, какъ *Верхолетъ* (въ комедіи *Лваспунъ*, соч. Я. Б. *Князевича*). Эпопъ *Верхолетъ*, выманивъ у дяди 3,000 рублей, великодушно подарилъ ему изъ нихъ 100 рублей на платье, а дядя съ благодарностыю рассказываетъ:

Изъ денегъ мнѣ моихъ пожаловалъ на шару!

Баклушинъ, испугавшись еще болѣе такой рѣшимости, самъ безъ души примчался къ обманутому имъ другу и брапу; но удостоверясь, что онъ только презираетъ его, и щипаетъ подлостыю изобличать его, успокоился: эгоистъ не имѣетъ понятія объ истинной чести, на добродѣтели основанной. У него не дрогнетъ рука зарѣзавъ человека, лишь бы не попасить подъ кнутъ; онъ не посовѣспился обыграть лучшаго пріятеля, лишь бы объ этомъ не проведали.

А совѣспъ? Слабыхъ душь тревога!

Нѣтъ добродѣтели, нѣтъ Бога!

Между тѣмъ и непосредственное начальство простосердечнаго нашего героя поощряло его просвѣщенную, постоянную ревностъ къ службѣ. Получа чинъ популярнаго совѣспника за выслугу лѣтъ, онъ произведенъ въ коллежскіе ассесоры, украшенъ орденомъ св. Владиміра 4-й степени и сдѣланъ сподопачальникомъ за отличіе.

(*Окончаніе въ слѣд. листкѣ.*)

П И Р О Н Ъ.

Пиронъ часто былъ весьма неоспороженъ въ рѣчахъ своихъ. Однажды за обѣдомъ у маркизы *Ш.*... онъ дозволилъ себѣ выраженія, преступающія границы благоприспосности. Маркиза сказала съ негодованіемъ: «Вы говорите, какъ лошадь!» *Пиронъ* вспалъ изъ за стола съ салфеткою въ рукахъ.

«Куда вы идете?» спросила маркиза.—*Въ контошню!*—отвѣчалъ *Пиронъ* съ досадою.—«Такъ, по крайней мѣрѣ, оставьте салфетку; вамъ она тамъ не нужна;» замѣтила ему маркиза.

ПЛЕТЁНЫЙ ДОМЪ.

Одинъ масперовой въ Брейзгау, который плёлъ на продажу корзины, сплёлъ себѣ изъ ивовыхъ прутьевъ лѣпнѣй домъ, который почищается образцемъ корзиннаго ремесла. Всѣ частнѣ дома, крышка, стѣны, двери и упварь плетеныя. Даже вислиця по стѣнамъ каршины сплетены изъ разноцвѣтныхъ прутьевъ и въ нѣкоторомъ разположеніи обманываютъ глаза зрителей. Хозяинъ-зодчій на этой сплетенной имъ дачѣ недавно праздновалъ свою золотую свадьбу.

ЧТО ЕСТЬ ПОЩЕЧИНО?

Г. N. N. утверждалъ въ одномъ обществѣ, что не трудно сдѣлать въ минуточку случая короткое ясное опредѣленіе всякаго предмета, и даже вдругъ отвѣчать на всякой вопросъ. Многіе противъ этого спорили. N. N. предложилъ, чтобы его испытали.— А что такое *пощечина*? спросилъ у него одинъ изъ собесѣдниковъ.» *Концецъ разговора и начало драки*; отвѣчалъ онъ.

ГЛУПАЯ ОШИБКА.

Одинъ госпіндворецъ, чина въ 1830 году въ газетахъ по о Холерѣ, по о пѣвицѣ *Зонтагъ*, сбился съ толку и, разговаривая съ поварищами, сказалъ имъ: «Холера-по уѣхала за-море, а *Зонтагъ*-по, Богъ дастъ, сюда не впускайтъ.»

СЛОВЕСНОСТЬ.

ТОЛЕДСКАЯ КРАСАВИЦА.

(Баллада.—Подражаніе Испанскому; соч. Мериле).

Кто скажетъ мнѣ: когда прекраснѣе солнце, при восходѣ своемъ, или при закатѣ?— Кто скажетъ мнѣ: что красивѣе, масличное, или миндальное дерево? Кто скажетъ мнѣ: кто храбрѣе, жители Валенціи, или Анда-

лузіи? Кто скажетъ мнѣ: какая женщина всѣхъ пригожѣе?—Я скажу вамъ, какая женщина всѣхъ пригожѣе: это *Аврора дѣ Варгасъ*, Толедская жемчужина.

Черный *Туцани* попребовалъ копье свое, попребовалъ щипъ свой: онъ держитъ копье въ правой рукѣ, щипъ закинулъ за плечами. Онъ идетъ въ конюшню, осмаприваетъ сорокъ кобылицъ своихъ и говоритъ: «*Бержа* всѣхъ быспрѣе, на широкомъ хребтѣ ея увезу красавицу Толедскую, или, клинусь Алахомъ, Кордова никогда не увидитъ меня.»

Онъ мчился, онъ прискакалъ въ Толедо и встрѣчаетъ спарца близъ Цакапина. «Съдой спарикъ, отнеси письмо это къ дону *Гуттиере*, къ дону *Гуттиере дѣ Салдана*. Если онъ благородный человекъ, то явится единоборствовать со мною къ фонпану Альмамскому. Толедская жемчужина должна принадлежать одному изъ насъ.»

Спарецъ взялъ письмо, взялъ и снесъ его къ графу *Салданъ*, который въ то время игралъ въ шашки съ красавицею Толедскою. Графъ прочиталъ письмо; прочиталъ вызовъ, и ударилъ по столу рукою такъ сильно, что всѣ шашки попадали. Онъ вспалъ — и попребовалъ копьа своего и лучшаго коня. И Толедская красавица вспала также препеча: ибо поняла, что онъ вызванъ на поединокъ.

«Синьоръ *Гуттиере*, донъ *Гуттиере дѣ Салдана*, останься, прошу тебя, и продолжай играть.»— Я не хочу болѣе играть въ шашки, я пойду играть въ копьа къ фонпану Альмамскому!— Слезы испуганной *Авроры* не могли остановить его: ибо ничто не остановитъ рыцаря, фаущаго на поединокъ. Тогда красавица Толедская надѣла плащъ свой, съѣла на лошака и поѣхала къ фонпану Альмамскому.

Подлѣ фонпана права алѣетъ и вода фонпана также алѣетъ: но не Христіанская кровь оросила праву и растворилась въ водѣ. Черный *Туцани* лежалъ на спинѣ распростертый; копье донъ *Гуттиере* переломилось въ груди его; онъ испекаетъ кровію. Кобылица его *Бержа* смотритъ на него со

слезами, потому что не можешь исцѣлить раны своего господина.

Красавица сходилъ съ лошака: «Не перый бодрости, всадникъ; ты будешь еще живъ и женишься на прекрасной Мавричанкѣ; рука моя исцѣлитъ раны, нанесенныя тебѣ моимъ рыцаремъ.»— О блестящая блузною красавица, о прекрасная женщина! вынь изъ груди моей эпитомъ обломокъ копья, онъ перзаемъ её: я дрожу и цѣпенью отъ этаго спального орудія.— Она доверчиво подошла къ нему; онъ собралъ силы свои и осприемъ сабли зарубилъ рубецъ на прекрасномъ лицѣ ея.

И. Д.

У Р О Д С Т В О .

Замѣчали-ль вы, какъ всѣ больные гнушаются своими ранами, какъ уродамъ ненавистна ихъ уродливость, какъ пшѣ и другіе тщательнo стараются скрыть ихъ не только отъ посторонняго, но и отъ своего собственнаго глаза?

Еще болѣе человекъ порочный прилагаетъ попеченій скрывать отъ другихъ и даже онъ самаго себя душевное уродство и безобразіе.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ГРЕЧАНКѢ.

Царицей дѣвъ наречена
 Ты вдохновеніемъ Поэта:
 Гордись! ты будешь имъ воспѣта,
 Ты будешь по свѣту слышна.
 На рѣзвѣхъ играхъ Терпсихоры,
 Гдѣ звонъ музыки, гулъ рѣчей,
 Мельканье ножекъ, блескъ огней
 Обворожаютъ слухъ и взоры;
 Гдѣ удалъ праздниковъ любя,
 Весельемъ жаркимъ младость дышетъ,
 Одну тебя онъ въ шумѣ слышитъ,
 Въ полнѣ онъ зрѣтъ одну тебя.

Прелестнымъ спаномъ упоенный,
 Влекомый спирально мечтой,
 Не разъ онъ въ пляскѣ окрыленной
 Кружился радостно съ побой.
 Когда же локонъ швой касался
 Его влюбленнаго чела,
 Какой въ немъ пренептъ разливался!
 Какъ рѣво кровь его текла!
 Гордись, гордись! Онъ въ лиру грянетъ!
 Онъ швой!... какъ блѣдный цвѣтъ пустынь,
 Ужъ нынѣ въ мракѣ не увянешъ
 Краса достойная богинь.
 Обречена любви и славы,
 Двойнымъ увѣчана вѣнкомъ,
 Ты въ пшпической державѣ
 Предстанешь съ царственнѣмъ челомъ.
 И вѣря гордому напѣву
 Пѣвца—наперсника Харитъ,
 Про побѣдншельную дѣву
 Съ воспоргомъ мѣръ заговоритъ...

Я въ дивный поясъ Аэродипсы
 Твой спанъ воздушный облеку;
 Сопку изъ розъ швой ланипы,
 Изъ розъ швой уста сопку.
 Въ глаза, подъ гордыя рѣсницы,
 Я брошу быспрый огнь зарницы,
 И въ нихъ зажгу я шпхій свѣтъ—
 Любви шамисвенный привѣтъ.
 Какъ съ дѣвственнѣмъ челомъ Діаны
 Порой играють облака—
 То въ среброшканные шуманы
 Её опушаютъ слегка,
 То разбѣгаясь мповенно
 Какъ шпни шворческой мечты,
 Вновь кажутъ ночи усыпленной
 Ея алмазныя черпты—
 Такъ будутъ кольца шелковыя
 Лепучихъ облачныхъ кудрей
 Играють небрежно разсыпныя
 Съ красой блистательной швойей.
 Я полнъ швоимъ очарованьемъ,
 Тебѣ Олимпъ я покорю:
 Всю блескомъ дивнымъ озарю,
 Всю обовью благоуханьемъ!
 Пѣвца всемошная любовь

Тебя безсмертьемъ увѣнчаютъ;
Пою—во мнѣ самъ Фебъ пылаешь!
А ты награду мнѣ готовь!

В. Тулманскій.

Февраль, 1827.

LOGOGRIPHE.

Je prends naissance dans les bois,
A répandre le sang, je m'y tiens toujours prête;
Mais je deviens un petit poids,
Si t'ayant outragé, tu me tranches la tête.

Въ No 7, помещенная шарада значить: *Ножка*.

MODES.

Les corsages plats sont à la mode pour toutes sortes de toilettes. Les robes montantes pour la promenade et les négligés du soir sont plates devant; les sévignés garnies d'une blonde tendue doivent être aussi tout-à-lait plates. Une jolie façon est une vierge assez basse, le devant se terminant en pointe et garni de nœuds courts. Quelques jolies robes, qui nous ont été montrées dans l'atelier de Mlle Deribeaucourt, rue Bonne-Nouvelle, étaient destinées à une corbeille de mariage, toutes assez simples, et d'un goût parfait L'une, en organdi très-fin, était à corsage plat, garni d'une superbe mantille en point d'Angleterre; les manches courtes, à sabots pareils; de distance en distance, sur la mantille, au bord du corsage, de petites rosettes en satin cerise; au milieu des sabots se retrouve un nœud à longs pans.

Une robe de velours noir, à corsage plat en pointe, avait aussi des manches à doubles bouillons, et grands sabots de tulle français blanc, rattachés par un long nœud de satin noir.

Une jolie redingote du soir, en satin bleu de la reine, broché à larges fleurs, était en corsage à châle décolleté. La pélerine, ronde dans le dos, croisait avec la jupe, et tous deux étaient bordés d'une dent formée par trois passepoils.

La même façon nous a été présentée sous deux autres formes; en crêpe blanc, doublé de satin et bor-

dé d'une petite blonde blanche, et en crêpe rose doublé, bordé d'une petite blonde noire.

Puis enfin une robe de gaze, bleu ciel, à raies faconnées de satin; les manches à doubles bouillons, très-longues; le corsage à la Sévigné, en satin bleu, sans doublure de gaze.

МОДЫ.

Гладкіе лифы въ употребленіи для всякаго наряда. Высокіе лифы у платьевъ для прогулокъ и простыхъ для вечера; спереди гладкіе Sévigné, отдѣланные блондою вгладь, также должны быть совсѣмъ гладкіе. Красивый покрой лифа, довольно низкой à la vierge, спереди оканчивается мыскомъ, отдѣляя коронками баншами. Намъ показывали нѣсколько красивыхъ платьевъ въ рабочихъ г-жи *Deribeaucourt*, назначенныхъ для приданого, всѣ довольно просты, и сдѣланы съ отличнымъ вкусомъ. Одно, изъ весьма тонкаго органди, съ гладкимъ лифомъ, обшитымъ прекрасною маншилкою, изъ Англійскихъ кружевовъ; рукава коронкіе, sabots такіе же; въ нѣкоторомъ разстояніи одна опъ другой, на маншилкѣ по краю лифа, небольшія розетки изъ алаго апласа; въ срединѣ sabots банши съ длинными концами.

Чѣрное бархатное платье, лифъ гладкой съ мыскомъ, рукава также съ двойной вздѣржкой, съ большими sabots изъ блага Французскаго шюля, прихваченныя длинными черными апласными баншами.

Красивый рединготъ для вечера, изъ голубаго апласа, зашканнаго большими цвѣтами; лифъ открытой съ шалью. Пелеринка, круглая на спинѣ, перекрецивалась вмѣстѣ съ юбкой, и обѣ отдѣланы были зубцами, сосавленными изъ шрехъ вичушекъ.

Эпошь же самой фасонъ показывали намъ въ другихъ двухъ видахъ; одинъ изъ блага крепа, подложенъ апласомъ и обшитъ узенькою блондою; а другой изъ розоваго крепа на подкладкѣ, обшитъ узенькою чѣрною блондою.

Наконецъ газовое платье, небесно-голубаго цвѣта, съ шшшенными апласными полосами; рукава двойные, чрезвычайно длинныя, лифъ à la Sévigné, изъ голубаго апласа, безъ газа.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

•••••
ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.
•••••

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 9 и 10.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 No
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
ставкою и пересылкою
3ъ рублей.

СРЕДА, Генваря 31 дня, 1834 года.

«Скажи мнѣ, Липочка, что такъ ты подурнѣла?
Куда дѣвала ты всю красоту свою?»
—Ахъ! я при солнышкѣ росла и зелѣнка;
Теперь—въ тѣни спую.—
Легко къ сей баснѣ примѣненъ:
Таланты липочка, а солнце одобренье.

Н. Остолоповъ.

ПЕРЕСМѢННИКЪ.

Д Р У З Ъ Я.

(Окончаніе.)

Въ девятилѣтнее служеніе, просердечный *Невзгодъ* ни разу не просился въ отпускъ, и многіе поварищи его успѣли по два раза выжить дома, каждый разъ по чепыре мѣсяца. Весьма еспешвенно, что они подъ крылышкомъ родныхъ мапущекъ, въ благодапномъ Замосковномъ краю, запаслись здоровьемъ и могли смѣло прошивоборспивовать чахоткѣ и почечую, подкашивающимъ нашу цвѣтущую молодѣжь въ сѣверной Пальмирѣ. Я согласенъ, что онъ выигралъ передъ ними по службѣ; но погубилъ почти безвозвратно самое большое, самое драгоценное благо—здоровье. Онъ исхудалъ, какъ скелеть; щеки его, на которыхъ часто выступалъ багрово-синій цвѣтъ, впали, глаза попухли, сухой кашель безпреспанно надрывалъ его легкія; но онъ продолжалъ ходитъ въ кашцеларію. Въ Великій постъ привяза-

лась къ нему лихорадка; эта гостья шупитъ не любитъ; она уложила его въ постель. Начальникъ его, съ уваженіемъ къ нему привязанный, навѣспивъ его, увидѣлъ, что болѣзнь его не изъ тѣхъ, опъ копорыхъ шесть порошковъ Хпны вылечиваюптъ. Онъ прислалъ къ нему своего медика, копорый, распросивъ спраждаущаго о его припакахъ, рѣшишельно объявилъ, что единспвенное средство къ спасенію—переездъ въ лучшій климатъ—въ Курскъ, Воронежъ, или, еще лучше въ Крымъ.

Онъ уволенъ на шесть мѣсяцевъ съ окладомъ, и получилъ 1,500 рублей на пушесвил издержки. Это происходило въ концѣ Марпа, а 17 Апрелья коллежскій ассесоръ и кавалеръ *Ардаліонъ Александровъ сынъ Невзгодъ* сълъ въ дилижансѣ и помчался по укапу (шоссе) въ Москву. Тамъ прожилъ онъ до 2-го Мая, повидался съ родными, съ пріятелями, съ земляками, купилъ повъзженую бричку—и на пройтѣ *разухабистыхъ* помчался въ Воронежъ—къ опцу, къ мапери, къ сеспрампъ, съ копорыми болѣе десяти лѣпъ не вдал-

ся, по которымъ любовь пишала, грѣла, утѣшала, веселила его младенчество, была первымъ впечатлѣніемъ его души, первую краскою, первую черпою на *бѣломъ листѣ ея чувствительности*. Въ семейномъ кругу душа его образовалась для любви, для дружбы. Не стану описывать ни пріѣзда его въ домъ опеческій, ни встрѣчи съ ближними-родными; это нынче не въ модѣ: ибо слишкомъ просто, слишкомъ невинно, слишкомъ ребячески, слѣдственно—слишкомъ. Прошу не думать однакожь, что я боюсь, послѣ *Августа Лафонтена* и сочинителя *Холлсвихъ*, описывать семейственные картины попому, что не умѣю. Право, вѣдь! Клянусь никѣмъ нечитанными романами *Гурьянова*, умершими въ день рожденія повѣстями *Сигова*, сочиненіями г. *Свиньина*, что я могъ бы для украшенія сего описанія нарвать довольно цвѣтковъ даже послѣ *Погодина*, *Погорельскаго* и *Карлгофа*; могъ бы, не опшода опъ истины, изобразить яркими красками вѣмой воспоргъ матери, радостныя крики сестѣрь, распуценныя сѣдыя кудри по плечамъ и крупныя слѣзы на очахъ спарикаопца, прижавшагося къ нему лицомъ, на которомъ походы и годы провели глубокия борозды. Я могъ бы... но держусь того мнѣнія, что недогадливъ писатель, который все высказываетъ читателямъ, какъ будто бы не надѣется на ихъ прозорливость, на ихъ собственное соображеніе. Я безъ словонизвнпій доложу вамъ, что нашъ герой и въ спудѣномъ климатѣ сѣверной Пальмиры не охолодѣлъ, не зачѣрствѣлъ душою, а оспался, какъ былъ, просподушнымъ, мягкосердечнымъ.

Въ родимомъ гнѣздѣ—его пріютили, приласкали, приголубили—и онъ, какъ цвѣпокъ опъ росы, какъ дѣвица опъ поцѣлуя своего жениха, расцвѣлъ здоровьемъ. Впрочемъ, не онъ одинъ, а всякій чиновникъ раздобрѣлъ бы и порумянѣлъ на его мѣспѣ. Вообрази-те: шесть мѣсдцевъ не брать въ руки пера, не размахивать по гербовой, не читать даже интѣресныхъ *Московскихъ* газетъ, издаваемыхъ княземъ *Петромъ Ивановичемъ Шамиковымъ*! Четыре мѣсяца пить сливки, не

подболшанныя каршофельною мукою, ѣспъ не пропуклыя яйца, не червивую малину, не гнилыя яблоки; купаться въ рѣкѣ, на которой нѣспъ ни одного гошпишала, ни одной прачешной,—и послѣ этаго дивитесь, что въ Сибири, гдѣ фунтъ говядины по копѣйкѣ, и въ Малороссіи, гдѣ ѣдятъ одни пшеничныя хлѣбы—рождаются чудо-богатыри и великаны.

Блаженъ, блаженъ, кто жизни мигъ крышамы

Своимъ богамъ-пенашамъ посвящилъ;

Блаженъ, блаженъ, кто дымя родимой ханы

Дороже розъ чужбины оцѣнилъ!

Настала осень. Надъ холмами

Туманы вязкіе висали;

За-море лебеди летали;

Овинъ наполнился снопами;

Ружьяныя блескомъ боръ покрыли;

Ловилы рогъ въ горахъ звучилъ;

Съ рукавомъ, съ сосѣдомъ, въ полѣ чистомъ

Гарцуешь мирный домохъдъ.

1-го Октябрия, *Невзгодоевъ*, опспраздновать день рожденія своей вѣдной родимельницы, спналъ собираешься въ Петроградъ. 10-го онъ пуспился въ дорогу. Опяшь увольняю своихъ читателей опъ пошнаго описанія разлуки его съ родными: у каждаго изъ нихъ есть сердце; каждаго, и вѣрно не одинъ разъ распавался съ своими милыми: жизнь спскана изъ тонкихъ нитей печали и радости, свиданій и распаваній, надежды и спраха. Дай Богъ распаваться—на время, а не на вѣчность!

Однажды, въ груспной думѣ, плетясь съ ноги на ногу на крупую гору, онъ увидѣлъ, что на встрѣчу ему шесть лошадей, попереявъ фореяспора, несли во весь опоръ чепверомѣспную карешу подъ гору, къ узкому, безперильному мосту: увидѣль, бросишься, схватишь переднихъ лошадей за новодья, поворошишь ихъ въ гору (опъ чего коренныя, запутавшись въ поспромкахъ, упали; экипажъ, чушь не опрокинувшись, оспановился), дашь время лакеямъ подбѣжать на помощь и отворишь дверцы, чтообы принять изъ кареты дамъ, чрезвычайно испугавшихся—было для него дѣломъ одной минуы.

Пожилая дама, выпрыгнувъ изъ кареты, упала на правую безъ памяти; двѣца, лѣтъ семнадцати, не красавица, но очень милостивая (дочь ея, какъ оказалось въ послѣдствіи), спояла передъ нею на колѣняхъ и перла ей виски; горничная держала склянку съ eau de Cologne, другая подкладывала подъ голову подушки: въ эпоху суматохъ имъ было недо благодарности... Спаситель бросился въ бричку и исчезъ. Оправясь отъ испуга, барыни искали его глазами, но онъ былъ уже далѣко, далѣко на спанціи. По почтовой книгѣ узнали они фамилію молодого человека, подвергавшаго за нихъ жизнь свою явной опасности, избитаго, израненаго, и, можетъ быть, опасно: ибо молодая двѣца видѣла, что плащъ его было изорвано и кровь пѣкла изъ правой руки, наскоро имъ плапкомъ перевязанной. Пріѣхавъ черезъ годъ въ Петербургъ, пожилая дама рассказала объ эпохѣ случаю своему супругу: онъ былъ пронухъ, общался омыскашь и поблагодарилъ его.

Невзгодоевъ, пріѣхавъ въ Писерь 51-ю недѣлю прежде ихъ, вступилъ въ должность. Душа его посковала на чужбинѣ въ одиночествѣ. Случай свѣлъ его въ пеапрѣ съ *Дунаевымъ*, оплично образованнымъ молодымъ человекомъ, нѣкогда весьма богатымъ, но въ 1812 году потерявшимъ въ Москвѣ почти все достояніе. Онъ возобновилъ съ нимъ прежнее знакомство. *Дунаевъ* былъ пріятнаго ума, любезенъ; нещастье ни крошечки не перемяило его веселаго характера. Онъ былъ легкомысленъ, но услужливъ и добродушенъ. Начипанный романовъ и имѣя отъ природы пылкую душу, онъ былъ шакой же фанатикъ дружбы, какъ нашъ простосердечный; изъяснялся о ней съ великимъ жаромъ и со всѣмъ романпизмомъ *Малекъ-Аделя* и *Сень-Прѣ*.

Два сіи энтузіаста впились другъ въ друга, и не расставались бы, еслибъ одинъ не былъ пристрастенъ къ забавамъ большаго свѣпа, а другой не споль рѣдко въ него заглядывалъ. Однако, ихъ связь укрѣплалась— и въ годъ узелъ ихъ дружбы замянулся, какъ славный *Гордѣевъ*. Въ сей промежутокъ

времени состояніе *Дунаева* поправилось; опцу его выданы деньги на отспройку сгорѣвшихъ домовъ. Онъ выгодно продалъ Калужскую деревню и, ободренный охранительнымъ тарифомъ, завѣлъ въ Подмосковной суконную фабрику, снялъ большую поставку армейскихъ суконъ. Изъ трепной суммы, полученной имъ за нихъ впередъ изъ Комиссаріата, онъ прислалъ сыну 5,000 рублей на прожитокъ. Онъ нанялъ въ Графскомъ переулкѣ веселенькій деревянный домикъ съ цѣльными стѣклами, съ небольшимъ садикомъ, отвелъ въ немъ лучшую комнату для *Невзгодова*, склалъ въ ней чугунный каминъ, полъ обилъ ковромъ, повѣсилъ бѣлую лампу, поставилъ длинный споль съ бронзовою чернилицею, серебряными шандалами и со всѣми прихотливыми письменными приборами; около стѣны устроилъ краснаго дерева шкафы для книгъ, и въ день именинъ друга своего *Ардаліона Александровича*, когда онъ ушелъ къ обѣднѣ, перенѣсъ всѣ его вещи и утварь, размѣспилъ ихъ по его нраву, и самаго его привезъ прямо изъ церкви на новоселье, гдѣ пріятели именинника и вкусный завтракъ его ожидали. Простосердечный заливался горячими слезами, обнималъ и цѣловалъ всѣхъ, кто попадался ему подъ руки, а за обѣдомъ порлочно подгулялъ, чего не случалось съ нимъ въ 27 лѣтъ ни однажды.

О дружба, это ты!

Другой, еще благопріятнѣйшій случай, напикнулъ его на семейство *Ободова*, у пѣснаго подѣзда блаженной памяти Малаго пеапра. Онъ взглянулъ, и съ пріятнымъ изумленіемъ увидѣлъ ту барыню, которую спасъ онъ прошлымъ лѣтомъ на большой Воронежской дорогѣ. *Надежда Николавна* также вскрикнула отъ удивленія, шепнула на ухо мапери, а ша опцу, и присѣвъ, назвала его *незнакомцель-спасителемъ*. Отецъ, знавшій ихъ испорію, изо всей силы пожалъ руку его, поблагодарилъ въ искреннихъ выраженіяхъ и, распросивъ о мѣспѣ его служенія и жительства, на другой же день сѣлалъ ему визитъ, но не заславъ дома, вызвалъ его камердинера, отдалъ карточку и поручилъ сказать, что онъ былъ лично, что проситъ

сдѣлать ему честь жаловать къ нему всегда обѣдать и ужинашь; *Невзгодовъ* воспользовался ласковымъ приглашеніемъ *Ободова*. Непищеславіе обѣдать у превосходительнаго, не обжорство заспаивало его часпо ходить къ нему, по сердчишко его ныло. Опець, долго жившій въ Англіи и прозванный Англоманомъ, крѣпко жалъ ему руку; мать сажала подлѣ себя; а дочь обходилась съ нимъ привѣпливо. Она хорошо говорила по Французски, еще лучше по Англійски, съ чувствомъ играла на фортепіано и любила читать книги. У отца были большія волосы въ —ской губерніи, винные заводы и земледѣльство въ обширномъ видѣ. Однажды, говоря о нихъ, *Ободовъ* упомянулъ о его родномъ дядѣ по матери, какъ о человѣкѣ, который оказалъ ему важныя услуги. У *Невзгодова* показались слезы на глазахъ; спарикъ замѣтилъ ихъ и хотѣлъ знать причину. Проспосердечный недолго колебался и открылъ ему всю правду.—«Какъ! ты племянникъ моего друга? Опъ чего же не называешься ты его именемъ?»—Онъ мнѣ дядя по матери, родной братъ ея!—Спарикъ *Ободовъ* призадумался и пожалъ ему руку; вспаль, сдѣлалъ крупныхъ шаговъ пять, оборотился, и сказалъ: «Я докажу своему дядѣ, что умѣю быть благодарнымъ!»— — Такъ сильно сжалъ онъ ему руку, что золотое кольцо его вѣзлось ему въ палець; однакожь нашъ герой не закричалъ, и былъ пронуть въ душѣ своей такую сердчною ласкою.

Другъ его *Дунаевъ*, слыша опъ него разсказъ о сей послѣдней сценѣ, и смотря на его посинѣлый палець, сказалъ: «Англоманъ даромъ не ломаетъ пальцевъ. Головою опѣвчаю тебѣ, милый другъ, что спарикъ Квакеръ хочеть опдать за тебя дочь свою. Это сннее пятно стоить обязательства.»

Не смотря на его увѣренія и на пайное свое предчувствіе, *Невзгодовъ*, имѣвшій о своихъ достоинствахъ самое невыгодное мнѣніе, боялся предаваться надеждѣ; но скоро будущее передъ нимъ разоблачилось. *Ободовъ*, Русскій баринъ на спаринный манеръ *Долгорукихъ*, *Разумовскихъ*, *Паниныхъ*, на-

прямки объявилъ ему, что хочеть быть ему пестемъ, если дочь его согласится; что онъ уже обинякомъ намѣкалъ ей о томъ; что сердце ея свободно; что она почитаетъ его, какъ своего спасителя и какъ человѣка, образъ мыслей котораго пришелся ей по сердцу; она проситъ только не поропить её, а дать время подумать.

Нашъ энтузіасмъ любви и дружбы восхищенъ былъ до претяго неба. Господь послалъ ему друга, пеперь посылаетъ невѣсту, молодую, пріятную лицомъ, образованную, дочь почтеннаго и богатаго человѣка и, что всего эпаго важнѣе—его любящую. Онъ черезъ 10 лѣтъ признавался мнѣ, что совсѣмъ тѣмъ, онъ до смерти боялся показаться ей на глаза, воображая, что она будетъ его повѣршывать на всѣ чепыре спорны и осмапривать съ ногъ до головы и съ шее до пяты. Въ самомъ дѣлѣ, доброумная *Надежда Николавна*, начавъ обходиться съ нимъ еще ласковѣе, встрѣчась еще радушнѣе, удвоила свое вниманіе и, такъ сказать, подкарауливала его слова и поступки. Онъ сдѣлался робокъ въ самыхъ бездѣлицахъ; боялся войти въ комнату, не такъ ступить, не такъ поклониться; боялся показаться холоднымъ, равнодушнымъ. Чувствуя нужду въ совѣтникахъ, въ человѣкѣ, который былъ бы ему преданъ и поддерживалъ бы его, онъ естественнo остановился на другѣ своемъ *Дунаевъ*, знавшемъ свѣтъ. Онъ ввелъ его въ домъ будущаго своего пестя.

Другъ его, не будучи подлецомъ, былъ мастерь подлаживанъ спарикамъ; не будучи волокитною, умѣлъ угождать прекрасному полу. Ловкій на маленькія услуги, съ умомъ напѣртымъ, какъ паркетъ госпинныхъ и выполированныхъ, какъ мраморъ ихъ колоннъ и карнизовъ, онъ чрезвычайно понравился спарикку *Ободову*, играя съ нимъ до полуночи въ пикетъ; никогда, какъ деревянный мужичокъ, не опказываясь опъ паріи въ виспъ и терпѣливо слушая, или показывая, что слушаетъ его безконечныя разсказы о земледѣліи, винокурении, опкупахъ, поставкахъ. Добренькой спарушкѣ матери рабо-

лѣтспововаль онъ, играя съ нею въ лото, исполняя еѣ комиссіи, т. е. покупая ей шёлкъ, гарусъ, сипцы и кисей за полцѣны и приплачивая свои деньги, провожая еѣ въ церковь и доставая ложу въ бенедиксы.

Прошло два цѣлыхъ мѣсяца, а нашъ женихъ все еще не зналъ, начинаеть ли его нареченная любить его; примѣчалъ только, что обходясь съ нимъ споль же ласково, она уже менѣе занималась имъ и чаще грустила; ему вообразилось, что *Надежда Николаевна*, узнавъ его коротко, считаеть излишнимъ имѣть прежній надзоръ за его разговорами и обхожденіемъ, а грустила опть того, что рѣшилась отдасть ему руку и сердце и, по дѣвической спыдливости, не можетъ безъ нѣкотораго безпокойства предспавить себѣ такой перемѣны. — «Робость ея въ обращеніи со мною;» пересказываль мнѣ, много лѣтъ спустя, *Невзгодовъ*: «сильнѣе утверждала меня въ семъ мнѣніи: бѣдная боялась, наконецъ, взглянуть на меня прямо, боялась начать говорить со мною. Я не хощьль оскорблять ея спыдливости, не искалъ оставаться съ нею наединѣ — и даже не подходилъ къ ней. За что она съ живѣйшею чувствительностію изьявляла мнѣ свою признапельность и, при всякомъ случаѣ, превозносила мою нѣжность. Я надѣялся, что эта нѣжность довершила мою побѣду. Между тѣмъ, другъ мой *Дунаевъ* сѣлался вседневымъ у *Ободовыхъ*, и тѣмъ большей достоинъ былъ съ моей стороны благодарности, что не принималъ за то моей дружеской благодарности. Мнѣ только прискорбно было, что онъ отказывался быть моимъ совѣтникомъ, опговариваясь тѣмъ, что его собственное сердце въ крайнемъ волненіи, и что ему самому нужны совѣты и подкрѣпленіе. Я зналъ любовную связь его съ одною дамою; полагаалъ, что она причиною его тайной задумчивости и не требоваль опть него опкровенности.

«Между тѣмъ, я получилъ согласіе и благословеніе моихъ родителей; будущій тещъ мой вмѣстѣ со мною былъ увѣренъ въ согласіи дочери; тѣща моя закупала и шила приданое.

«Мнѣ пріятно воспоминаеть сію эпоху, — щасливѣйшую въ моей жизни;» съ чувствомъ рассказываль мнѣ проспосердечный *Ардалионъ Александровичъ*: «не знаю, былъ ли я влюбленъ въ свою невѣсту; по вѣрно то, что находилъ еѣ милою; любилъ пареченнаго тещя какъ опца, и чувствоваль всѣ выгоды союза, которому надлежало утвердить щастіе моей жизни. Тещъ и тѣща мои назначили и день брака — 21-е число Мая: оставалось ждать двѣ недѣли.

Я рѣшился окончательно объясниться съ моею невѣстою. Она приняла меня ласково, но была еще грустнѣе и задумчивѣе прежняго. Другъ мой въ тотъ день не показывался. У тещя моего обѣдали гости. Всплавъ изъ за-стола, онъ сѣлъ играть въ виснѣ, тѣща въ боспонъ, а дочь за форпешіано. Въ 8 часовъ она разливала чай; подозвала меня къ себѣ, и подала мнѣ чашку чаю. На глазахъ у неѣ сверкали слѣзы. Я спросилъ шчонько о причинѣ. — «Приходите въ 10 часовъ;» шепнула она: «и вы узнаете.» — Я просидѣлъ съ часъ, ушелъ и явился въ десять. Мнѣ сказали, что его превосходительства не было дома, но что *Надежда Николаевна* ожидаетъ меня въ гостиной комнашѣ. Она сѣла одна, въ глубокой думѣ, держала въ рукѣ склипку съ крѣпкимъ укусомъ и безпрестанно его нюхала.

Она указала мнѣ кресла противъ себя. Я повиновался машинально. Минуть десять она вздыхала, продолжала нюхать спиртъ и не начинала говорить. Хотя здоровый и румяный цвѣтъ лица ея (продолжалъ *Невзгодовъ*) не пугаль меня на шѣнь ея здоровья; однакожь сердце мое находилось въ спральной превогѣ. Наконецъ, преодолевъ себя, начала она говорить и, послѣ длиннаго вслупленія, объявила сквозь слѣзь и рыданій, что сердце ея занято; что она долго боролась съ любовію, никому не повѣрла тайны своей, и тотъ, кто ей милъ, также никогда не обмолвился ни однимъ словомъ!... Тутъ, въ смященіи, она остановилась; но видя мое безмолвіе, понюхала спиртъ, отерла слѣзы, приложила руку ко лбу и чуть слышнымъ голосомъ произнесла имя *Дунаева*.... друга

моего *Дунаева!*.... Я задрожалъ всѣми членами; онъ былъ моимъ щаспливымъ соперникомъ!... «Признаюсь, сударыня!» сказала я, оправившись: «признаюсь, что мнѣ это очень больно; но когда вы уже любите друга: то для меня утѣшительнѣе похвалить щастіемъ моему другу, нежели поспороннему.»

«Обреченная мнѣ, нареченная мнѣ;» говорилъ *Невзгодовъ*: «безъ сомнѣнія не ожидала такой снисходительности; радость блеснула въ глазахъ ея...»—Ахъ, я не перемѣнилась къ вамъ, сказала она: и люблю васъ съ нѣжностію, какъ моего почтеннаго друга; но *Дунаева* люблю спраспно. Я должна была открыть вамъ мое сердце; однакожь не разрушаю обязательствъ, на которомъ родилась моя основывается все будущее свое благоденствіе; я готова быть вашею женою. Моя опкровенность служила доказательствомъ чистоты души моей; не буду щасплива, но исполню должность свою — и никогда не увижу *Дунаева*...—«Нѣтъ, нѣтъ, сударыня! вскричалъ я: ваше щастіе всего дороже; вы должны быть супругою моего друга — и я беру на себя уговорить вашихъ родителей.»—О великодушный человекъ! — воскликнула влюбленная красавица, заливаясь слезами и схвативъ меня за руку. Въ сію минуту она казалась ангеломъ, и жалостнымъ видомъ своимъ плѣнила меня совершенно; ея слезы смѣшались съ моими.—«Будьте щаспливы;» вскричалъ я въ свою очередь: «щипайте меня только другомъ своимъ и брагомъ; дайте мнѣ право имѣть нѣжнѣйшее попеченіе о вашемъ благополучіи.»—Вы должны знать, — отвѣчала воспорженная моимъ великодушіемъ дѣвица: что не выдавъ еще вашего друга, я дала бабюшкѣ вѣрное слово выпить за васъ, но просила его не говорить вамъ о томъ до поры, до времени: вопль почему онъ съ такою рѣшимостью назначилъ день нашей свадьбы! Ахъ, его удивленіе будетъ чрезмѣрно.— «Нѣтъ нужды; прервалъ я: успокойтесь и положитесь во всемъ на меня.»—Могу ли не вѣрить вамъ!—воскликнула она, прижавъ руки мои къ своему сердцу: могу ли, безъ самой гнус-

ной неблагодарности, сомнѣваться въ вашей искренней дружбѣ, благородный другъ мой! — Въ эту минуту мы услышали голосъ отца ея.—«Подите въ свою комнату, сказалъ я: мнѣ должно переговорить съ нимъ глазъ на глазъ.»—Она вспала, пошла, ворочилась ко мнѣ и сказала съ милымъ, протопельнымъ видомъ: несравненный человекъ! я докажу вамъ, сколько надѣюсь на вашу честность. Можетъ быть бабюшка не согласится на мой бракъ съ *Дунаевымъ*: въ такомъ случаѣ, дайте мнѣ слово принять эту руку... (она подала мнѣ еѣ). И вы найдете во мнѣ вѣрную подругу.—

—Если не могу жить для любви: то, по крайней мѣрѣ, нѣжная дружба должна быть моей утѣшительницею.— «Такая довѣренность, отвѣчалъ я: будетъ оправдана моимъ усердіемъ; вы возвысили цѣну его, и теперь увидите, есть ли во мнѣ самоопроверженіе.» Спарикъ *Ободовъ* вошелъ — а дочь его едва успѣла скрыться.

Я въ ту же минуту открылъ ему все, кромѣ послѣдняго, столь любезнаго увѣренія дочери его, зная, что онъ не согласится бы опдаться за *Дунаева*, если бы свѣдалъ ея расположеніе ко мнѣ. Не смогши на молчаливость, спарикъ сто разъ повпорилъ, что дочь его дала ему слово; что онъ не согласится удовлетворить минутному заблужденію; что одинъ я могу быть ему зятемъ по сердцу, и что *Дунаевъ*, сдѣлавшись моимъ соперникомъ, заслуживаетъ презрѣніе. Я оправдывалъ его изъ всѣхъ силъ, увѣряя, по словамъ его дочери, что онъ не думалъ нравиться, и говоря, что ни *Дунаевъ*, ни *Надежда Николавна* не виноваты, но что я, по справедливости, долженъ быть наказанъ за свою неоспорность и глупость, познакомивъ съ самымъ любезнѣйшимъ свѣтскимъ человекомъ молодую дѣвицу, которая умѣетъ живо чувствовать достоинство и пріятности ума.

Спарикъ, облокотясь на каминъ, слушалъ меня съ глубокимъ вниманіемъ и горестнымъ видомъ. Полагая, что краснорѣчіе мое побѣдило его твердость, я пребывалъ отвѣща.—Хорошо, — сказалъ онъ: ты, ты будешь мо-

имъ зяпемъ!.. — «Нѣпъ, нѣпъ! опвѣчалъ я съ жаромъ: никогда не буду имъ. Безъэпаго названія спану любипъ, почипапъ васъ какъ опца до послѣдней минушы жизни мой; но, клянусь чеспью и дружбою, что никогда не женюсь на вашей дочери!..» Тутъ снова, взявъ его за руку, я началъ описывать достоинства моего друга, нѣжную спраспъ къ нему его дочери, ея преданность родипелямъ, и видя слезы на глазахъ его, позвонилъ въ колокольчикъ. — Чего ты хочешь? — спросилъ онъ. Въмѣсто опвѣта, я оборопилъ къ вошедшему слугѣ и сказалъ ему, что бы онъ попросилъ *Надежду Николавну* къ батюшкѣ. — Ахъ, другъ мой! воскликнулъ, сплеснувъ руками, добродушный спарикъ: ты разрушаешь всѣ планы моего благополучія! — Онъ упалъ на кресла, закрывъ руками лицо свое. Она вошла, блѣдная и препещущая. «Подипе, сказала я, подипе благодарипъ нѣжнѣйшаго родипеля.» Она зарыдала и бросилась къ ногамъ его... «*Надинька!*» сказалъ опецъ, обнявъ её: «не могу пропипеть слезамъ твоимъ. Дай Богъ, что бы ты была щасплива, и никогда, никогда не раскаялась, опвергнувъ великодушнаго человека, избраннаго моею опынностью для твоего благоденствія!..» — Родипель мой, родипель мой! — вскричала она, рыдая: мнѣ дорого спобипъ имъ пожертвовать! Ахъ, для чего онъ не братъ мнѣ! — «Перестаньте надрывать грудь!» перервалъ я её: «до гроба сохраню къ вамъ братскія чувствования!» Тутъ распроганная дѣвица обняла меня обѣими руками и поцѣловала, обливъ слезами лицо мое... Я прижалъ её къ своему сердцу съ самымъ живѣйшимъ, съ самымъ пламеннымъ чувствомъ; подвелъ её къ опцу — и выбѣжалъ изъ комнапы... Мнѣ послышалось, что она кличетъ меня; сердце мое крѣпко забилось; но, задуша въ себѣ любовь въ пользу дружества, я не воропился, сълъ на извощика — и велѣлъ везпи себя домой, т. е. къ моему другу. Душа моя находилась въ непоняпномъ для меня волненіи: огненный поцѣлуй дѣвицы, въ которую я спраспно влюбленъ былъ, сдѣлалъ во мнѣ невѣроятную перемѣну. Она звала меня: за чѣмъ? Я раскаявался, что не воропился; какое-то

мучипельное безпокойство овладѣло мною... Извоцикъ оспановился у нашей кварпиры. На колокольнѣ Преображенскаго собора пробило одинадцать часовъ... Другъ мой встрѣпилъ меня на крыльцѣ; онъ шелъ со двора и воропился назадъ, желая поговорипъ со мною. Сердце мое сжималось; я насилу дышалъ; я не могъ опвѣчать ему. Вошедъ въ мою комнапу, онъ взглянулъ на меня и съ удивленіемъ сказалъ: «Боже мой! что сдѣлалось съ тобою?...» Дружескій видъ и голосъ его пронули меня. Я вооружился всѣмъ разсудкомъ своимъ и, спараясь казаться веселымъ, увѣдомилъ о его щаспії. Удивленіе, радость, признапельность его были чрезмѣрны; я же оспавилъ всю свою чувствипельность въ домѣ бывшей моей невѣсты: сердце мое окаменѣло. Мнѣ хотѣлось быть одному. Щаспливецъ ушелъ. Я все ему высказалъ; рѣшилъ учаспъ *Наденьки*; но тутъ попалъ на меня какой-то непоняпный ужасъ. Опъ чего произошелъ онъ, самъ не вѣдаю. Спо разъ повторялъ я съ горестью: «ты лишился *Наденьки* на вѣки! а она звала тебя!... Боже мой! если она, пронупая моимъ пожертвованіемъ, по движенію благороднаго сердца, рѣшалась уже быть моею! — — — Эта мысль еще въ первый разъ представилась ясно моему воображенію — и перзала мою душу... Я ходилъ большими шагами по горницѣ, когда мнѣ принесли записку — опъ *Надины*. Рука моя дрожала... въ смященіи сорвалъ я печать. «Судипте о моихъ чувстввахъ, узнавъ содержаніе письма;» со слезами говорилъ мнѣ *Невзгодовъ*:

«Я звала васъ, когда вы оспавили меня: «для чего сердце мое не было вамъ опкрыто? О другъ милый и великодушный! Если «вы еще не объявили (какъ я надѣюсь): то «не говорите ни слова — и завпра по упру при- «ходите ко мнѣ.»

Я опвѣчалъ:

«Теперь уже поздно... Я хотѣлъ угодипъ «вамъ, хотѣлъ доказать, что и въ нашъ «вѣкъ есть друзья испипные, способные по- «жертвовать собою другу, и все опкрылъ «*Дунаеву*: онъ васъ обожаешь, онъ въ во-

«спортъ . . . будьте щасливы—и я буду вознагражденъ, и я найду утѣшеніе.»—

Черезъ недѣлю они обвинчались. *Невозможно* держалъ вѣнецъ надъ невѣстою. Это было послѣднее усиліе, послѣдній *рыцарскій* подвигъ дружества.

Онъ гораздо прежде перепросился въ совѣтники Уголовной Палаты въ отдаленную губернію, куда и отправился прямо съ свадебнаго пира,

А. Кораблинскій.

СЛОВЕСНОСТЬ.

В И Д Ъ Н І Я.

Съ тѣхъ поръ, какъ хаосъ составилъ прекрасною и порядочною матеріею, Духъ, правящій вселенною, образуетъ изъ эпохъ матеріи всѣ существа. Отсюда происходятъ также сны и ихъ видѣнія, которыя суть образы того, что было, можетъ быть, или будетъ когда нибудь. Душа воспрѣчаетъ ихъ случайно, когда пиранъ шло позволяетъ ей, въ продолженіи сна, блуждать нѣсколько времени въ проспранствѣ.

I.

Задумавшись, сидѣлъ я одинъ въ моей пѣсной армейской квартирѣ—и взгляды мои часто обращались на портретъ прекрасной молодой женщины. Это была звѣзда первой моей любви, любви пламенной, возвышенной, часто увлекавшей меня за предѣлы существоваемаго міра и представлявшей пылкому воображенію несбыточные мечты фантазіи. Я жилъ только эпою любовью; она пробудила во мнѣ небесныя откровенія поэтической жизни; обвила гармоніею эпохъ божественной поэзіи чувства и показала назначеніе человека. Я думалъ, что это та, которая должна будетъ назначить правильный ходъ блуждающей кометѣ моей жизни,—я мечталъ о щастіи,—я искалъ ея руки . . . но половина души моей, моя *Адельгейда*—не узнала меня въ то время . . . теперь она супруга, мать . . . и я, скрѣпя сердце, перенесъ эпо; хотя тяжело было отказаться отъ мечтаний щастія, но я отдался судьбѣ:

пусть она сама ведетъ меня къ назначенной цѣли. . . Кто знаетъ, можетъ быть дѣйствительно все къ лучшему—я хочу этому вѣрить. Можетъ быть, соединясь съ нею, я открылъ бы въ ней недостатки самыя ничтожныя, черты характера самыя прозаическія—и страшное разочарованіе поздно охладило бы душу, ужасныя мученія отправляли бы нашу жизнь,—теперь же, почитая ея идеаломъ всего прекраснаго, любовь моя окончилась только съ моею жизнью; она будетъ моею звѣздой путеводительницею; мысль о ней будетъ оспанавливать меня отъ всего предосудительнаго; она будетъ руководить мною во всѣхъ начинаніяхъ и, можетъ быть, во имя ея, слава осенитъ меня своимъ крыломъ.

Мечтанія мои были прерваны приходомъ ея брата. «Здравствуй, товарищъ, сказалъ онъ: не спыдно ли, ты совсѣмъ забылъ насъ. Сколько времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ ты переспалъ навѣщанъ людей, истинно къ тебѣ расположенныхъ.—Сегодня именины моей младшей сестры; ты непременно долженъ провести съ нами эпохъ день, ежели не хочешь огорчить всѣхъ насъ—она объ этомъ тебя проситъ.»—Я согласился. Мы ѣхали верхомъ; надобно было переѣзжать въ бродъ небольшой ручей; на другомъ его берегу, во всю длину, простиралась ужасная каменная стѣна, и въ ней, какъ-бы ворота, прорѣзанъ узкой проходъ. Я первый вошелъ въ воду, но лошадь начала понуть—и я воропился. «Выходи скорѣе на берегъ, закричалъ мой товарищъ: берегъ поднимается.» Я спрыгнулъ съ лошади и схватился за береговую упесь, который безпрестанно возвышался. Мы пошли по лѣспницѣ, ведущей во второй этажъ какого-то жилья; я все впереди; не успѣлъ я пройти послѣднюю ступень, какъ товарищъ мой закричалъ, чибобы я сходилъ внизъ, ибо лѣспница готова обрушиться—но уже было поздно. Я пошелъ впередъ; прошедъ много комнатъ, богато убранныхъ, но не имѣвшихъ никакой мебели, я остановился въ одной изъ нихъ . . . она сидѣла въ углубленіи окна, опершись на него рукой. Прекрасный, какъ амуръ, двухлѣпный мальчикъ игралъ у ней на колѣняхъ.

Прелестная, какъ весна, она была грустна, какъ осень, и не замѣтила моего прихода.— Долго стоялъ я неподвижно, смотря на неё; наконецъ, волненіе груди превозмогло приличія— я бросился къ ней и схватилъ ея руку; тогда только она опомнилась. «Ахъ! какъ давно я не видала васъ... Я была увѣрена, что вы будете сегодня къ намъ—и теперь думала васъ... Я вспоминала прошедшее и жалѣла, что не умѣла пользоваться будущимъ прошедшаго.» Слеза-измѣнища блеснула въ глазахъ ея.—Щасливы ли вы?—спросилъ я. Она не отвѣчала; но слеза выкапалась и упала мнѣ на руку. Я понялъ все. Сначала мнѣ пришла было жестокая мысль,—упрекать её за то, что она отвергла мою любовь и отказалась, можетъ быть, отъ своего счастья. Такъ! она была бы счастлива со мной, я въ этомъ увѣренъ... Но я отбросилъ эту мысль. Зачѣмъ къ упрекамъ собственнаго сердца присоединять еще другіе?... Я, напроивъ, старался утѣшить её.

«Что тайнѣсь?» сказала она: «я люблю васъ. Въ то время, когда мы могли принадлежать другъ другу, я не умѣла оценитьъ вашихъ чувствъ и вашихъ достоинствъ; я была равнодушна;... но когда я сопдала свою свободу другому, когда надежды на счастье исчезли безвозвратно... когда уже невозможно было переѣннить сдѣланнаго, я вспомнила васъ—любовь запылала въ моемъ сердцѣ... Не удивляйтесь, что я такъ опкровенна съ вами: я знаю вашъ благородный характеръ, вашъ чистый образъ мыслей и увѣрена, что вы не будете имѣть и самой мысли—отвратить меня отъ моихъ обязанностей и положить вѣчный упрекъ на мою совѣсть.—Нѣтъ! я не смогла бы любить человека порочнаго и, еще болѣе, сказать ему это; но, повпорю, вы благородны—и я смѣло ввѣрила вамъ тайну моего сердца.»

Я палъ къ ногамъ ея, руки ея покрылъ поцѣлуями, и слезы наши смѣшались. «О, какъ мнѣ сладостны эти слезы любви чистой, божественной, безсмертной!... Ахъ! какъ я счастлива въ эту минушу.... Но что

это?... Я чувствую въ себѣ сверхъестественныя силы—душа рвется въ эфиръ... другъ мой! пойдѣмъ... насъ ожидаетъ лучшій міръ.»

Мы неслись по воздуху и скоро всступили въ какой-то новый, очаровательный міръ. Передъ нами, какъ дымъ, мелькали селенія воздушныя горѣли солнца, сверкали звѣзды, сладосприятныя группы облаковъ переливались дивнымъ блескомъ, какое-то припорное благоуханіе, къ которому не привыкъ я, обитатель земли, пѣснило грудь мою.

—Куда летимъ мы?—спросилъ я.

«Въ мое опечество; туда, гдѣ родилась я изъ ароматовъ цвѣтовъ и звуковъ музыки; туда, гдѣ нѣтъ земныхъ страстей, гдѣ все прекрасно, все возвышенно, гдѣ царствуетъ одна любовь, понятная только намъ,—и такъ и ты, другъ мой, любишь,—и эта любовь испоргнула тебя изъ низкихъ нуждъ земныхъ; она доставляетъ тебѣ новое опечество эфирное.»

—Но кто же ты, божественная!—

«Я Пери....»

«Одна изъ Пери, за какой-то проступокъ, была сослана на землю и должна была принять всѣ опношенія человѣческія и даже умереть землею смертію; она сочелась бракомъ съ человекомъ, и отъ сего брака родились—я и мои сестры; попомство наше должно было поминься на землѣ опредѣленное время. Я до сего дня не знала своего происхожденія,—но тяжелое испытаніе кончилось; въ памяти моей зазвучали струны прошедшаго, мнѣ неизвѣстно; я почувствовала въ себѣ данныя намъ силы, и любовь моя къ тебѣ сдѣлала и тебѣ участникомъ моего блаженства.»

—Но объясни мнѣ, что такое вашъ родъ?— что такое Пери?—

«Нить существъ земныхъ не могла быть прервана какимъ нибудь рѣзкимъ опспусленіемъ и переходомъ, и въ родѣ ихъ существуетъ порядочная постепенность. Возьми первоначальное всего видимаго—землю. Крипализуясь, она обращается въ ка-

«мень, но не лишается жизни—доказательством пому служилъ мохъ и деревья, распуція на скалахъ. Земля производитъ растение, —проходя постепенно въ высшій рядъ существъ, видимъ въ нихъ самую правильную послѣдовательность: поливъ, живоотно-распѣніе, внушенность копораго наполнена множествомъ различныхъ насѣкомыхъ; изъ нихъ, по одной лѣспницѣ, происходятъ мухи, тамъ бабочки, потомъ кризалиды; опшуда можно перейти къ червямъ, змѣямъ, рыбамъ; опсюда идутъ двѣ опраслы, соединяющіяся въ одной: летяющія рыбы, — пшпцы, — летучая мышъ, спшпца-живоотно; — другая опрасль: земноводныя, — живоотноныя; наконецъ обезьяны, существва самыя приближенныя къ человеку, —но здѣсь вашимъ познаніямъ Геркулесовъ сполбъ. Жшпели земли думаютъ, что между ними и Богомъ нѣтъ уже другихъ посредспвенныхъ существъ; — но вникни хорошенъко въ существо человека, разбори его недоспашки, несовершенство—и какое безмѣрное проспранство увидишь пы между Творцомъ и Его швореніемъ!... Въ неизмѣняемомъ порядкѣ вещей должны бытъ другія, совершеннѣйшія существва; болѣе къ нему приближенныя существва эти: Перри. Мы живемъ въ воздухѣ; но въ воздухѣ вышемъ, куда человекъ никогда не достигнетъ; родимся дыханіемъ Всесильнаго; матерію нашу составляютъ чистѣйшіе соки цвѣтшвъ, звуки музыки, вздохи и поцѣлуй любви,—но любви не земной, а идеальной, подобной швоей. Эта небесная гармонія есть наша пища; но жшпелямъ земли не ссуждено наслаждаться ничѣмъ небеснымъ. Любовь они обратили въ минувныя, чувстввенныя удовольствія, поцѣлуй въ орудіе оболъщенія, а музыку . . . о, какъ они её унизили! Слушая и не понимая эпощъ разговоръ ангеловъ, люди, подъ мѣру кривляющшся, двигаютъ, шаркаютъ ногами, — и это называютъ удовольствіемъ. Музыка смачетъ; спенанія ея раздражаютъ воздухъ; свошди попрясаютъ нервы тонкаго чувствшптельнаго міра; жилы ея разрываютъ; кровь льетъся; но она не можетъ исхшпшптъся изъ власшп сильнаго своего пршпшпни-

«спеля—человѣка. Онъ имѣетъ пализмапъ, заставляющій музыку повиноваться ему безспрекословно. Но такова судьба всего возвышеннаго на землѣ—оно должно спрадапъ; срѣдкой пойметъ его и испшпннымъ участіемъ и взаимностью постпается уптшпшп. Теперь я живо вижу предъ собой всѣ твои спрошедшія муки любви безвзаимной, я вижу весь порывъ ея; но проспши бѣдную изгнанницу за мученія земныя; существо надземное даритъ тебя любовью, выше той, которой не суждено было испытать тебѣ на землѣ.»

.....

Легкій эфиръ не могъ выдержать тяжелой мысли земной. Я летѣлъ внизъ; хотѣлъ держаться—и не могъ. Взглянулъ вверхъ—Перри исчезла;—надо мной висѣлъ необъяпный куполь чистаго неба; двѣ капли упали мнѣ на голову,—онѣ жгли меня огнемъ неуничтожающимъ, вѣчнымъ: эпо вѣрно слезы Перри!... Взглянулъ внизъ—подо мной расплалось необозримое проспранство океана—и между лазурью неба и воды я висѣлъ, или, лучше сказать, летѣлъ внизъ, съ какою-то медлительно-тягчащею силою. Наконецъ, море приняло меня на свое лоно. Смерть была неизбѣжна. О! какъ не хотѣлось мнѣ умерать—и умирать въ неизвѣспности! — Не спрахъ смерти мучилъ меня;—но неудовлетворенное честшлюбіе, желаніе славы сильно волновались въ груди. Я бы безъ препята бросился на смертоносное желѣзо, съ крикомъ радости вскочилъ бы на вражеской окопъ, пренебрегая и каршечами и пулами,—но шамъ, гдѣ бы видѣли мое самоопверженіе, руководимое эгоизмомъ; шамъ, гдѣ бы, не разсмапривая внушенныхъ моихъ побужденій, опдали бы ему должную цѣну и заслуженную награду,—но въ безпредѣльной пустынѣ моря, гдѣ нѣтъ ни одного живаго существва, погибнуть безвременною смертію... о, какъ ужасно!...

Я понуль въ какой-то новой сферѣ. Чувство жизни, времени и проспранства не уничтожилось во мнѣ; все приняло вокругъ меня зелено-желтый цвѣшпъ; я видѣлъ на днѣ морскомъ совершенно новые для меня преф-

мелы, привлекабельные, чистые; я видѣлъ и памъ жизнь, любовь... Но вдругъ огромный кипѣтъ, съ разверзною паспью, идетъ прошивъ меня. Ужась спѣснилъ мою грудь; я силится уклониться въ сторону, спарался съспъ ему на спину и заставилъ его выпши на поверхность воды и, можешъ бышь, опыскашь берегъ... вдругъ я почувствовалъ боль и подъ собой что-то жѣспкое: во время сонной борьбы я упалъ съ кровати;—солнце было уже высоко; передо мной споялъ мой слуга съ трубкой шабаку и спаканомъ горячаго чая.

(*Окончаніе въ слѣд. листкѣ.*)

МЫСЛИ.

Исторія нашего таланта еспъ почти всегда исторія нашей жизни.

*

Не громкія рукоплесканія учтивыхъ знакомыхъ, но время, благотворно охлаждающее родительское приспращіе авпоровъ къ ихъ произведеніямъ, и спрогій, всегда полезный судъ безприспращіи друзей, вспомоществующъ хорошему созрѣнію дарованій поэтическихъ.

*

«Несносная книга! Безконечные, скучные монологи, безхарактерныя лица! Нѣтъ ни исторической правды въ нравахъ; ни даже хорошаго, живаго слога! И все это такъ *длинно, длинно, длинно!*» вскрикиваетъ въ неперпѣливой досадѣ чипатель — и съ размаху бросаетъ подъ споль недочипанный томъ новаго романа.

*

Повѣряетъ ли? Авпорское самолюбіе или (употребимъ выраженіе почнѣе) авпорское самохвальство умѣетъ и здѣсь перетолковать слова и дѣла въ свою пользу: быспрый полетъ пучнаго романа подъ споль, называетъ оно *жаркимъ ему пріемлемъ отъ читающей публики*. On est toujours un peu Gascon!

СТИХОТВОРЕНІЯ.

СУДЪ БОЖІЙ (*).

Народный рассказъ.

«Вотъ уже и смеркось!... Куда дни коротки зимою, *Петруша!*

Сѣмъ, засвѣпи-ка лучину!»... Лучина трещитъ, загорѣлась:

Дымъ высоко побѣжалъ и въ свѣплищѣ свѣплѣ....
А *Катя*,

Брату сказавши: «спасибо!» кудѣль допрядать начинаешъ.—

«Что же? и мнѣ не гулять!»... И садится плести съ *переборомъ*

Лапти ... *Петруша*.—Въ углу, прислонившись къ спѣнкѣ, *слыня*

Бабушка смирно сидитъ и по чешкамъ моливвы чипаетъ.—

Чешки-жъ тѣ давній подарокъ — Схимника мужа свяшаго.—

«Бабушка, свѣпикъ ты нашъ! Расскажи намъ пожалуй, какъ помнишь

Въ Кіевъ когда-то пѣшкомъ ты ходила....»
—Извольте, дружечки!

Я на рассказъ не скупа, да съ чего бы начать лишь, не знаю!...

Было-то, дѣшущки! время, прошло золотое... Ахъ, дѣпки!

То, что прошло, не придетъ ужъ!... Старое доброе время

Гдѣ ты?—Куда подѣвалось? На Русь у насъ шихо все было:

Всякъ поживалъ припѣвая: судовъ, ни подъячихъ не знали;

Дешевъ былъ хлѣбъ, калачи и рубли полновѣсны... По селамъ

Свадьбы, потѣхи, пиры, особливо подъ осень... варили

Браги, сыпили меды, и, кручины не зная, гуляли.

Не было лишнихъ хлопотъ: не кормили приказныхъ, а прямо

Били челомъ Воеводѣ; вершили дѣла безъ бумаги....

Пьянства же Богъ упаси!.... Въ кабакъ не попились,—а церкви

Полны и въ будни..... За то благодать надъ землей почивала:

(*) Изъ Русскаго Альманаха на 1832 и 1833 годы, изданнаго *В. Эртелемъ* и *А. Глыбовымъ*.

Жили до правнуковъ дѣды, младенцевъ роди-
лося много!
Въ это-то время, друзья! захотѣлось мнѣ въ
Кіевъ..... и пошчасъ
Въ пущь, помолясь, во дорогу..... была вѣдь
погда я моложе!—
Лѣгко мнѣ было въ пущи: словно рыбка въ во-
дищѣ..... насъ было
Много молеыщицъ..... Вездѣ намъ давали
почлегъ..... Распѣвая
Писли свѣтлы, мы шли на *Орелъ*, на *Карагвѣ*—и
пущь-то,
Правду сказашъ не смолчать — паперѣлись
мы смертнаго спраху:
Ночь насъ заспигла—да гдѣ-жъ?—*На криволи на*
лѣсу (*) и въ пенаспѣ!
Вошъ, какъ шеперь это помню, селенія пѣшъ.—
Мы въ пошемкахъ.—
Глухо!..... ни конь не бѣжипъ, ни колесъ парак-
панья... Вдругъ спрашно!...
Лѣсъ зашумѣлъ, а въ лѣсу какъ засвищупъ,
загаркаюшъ..... Вошъ мы
Дай Богъ съ дороги, да въ глушь: припацисъ...
А ихъ пущь вапаги
Рыщупъ шуда и сюда..... изъ пищалей
спрѣляюшъ и вонаяшъ;
Кони-жъ ихъ, сарпая, ржупъ и моспы подѣ ко-
нлями грохочупъ.....
Скликнулись всѣ и огни развели на лѣсу, —
душегубцы!.....
Тихо, раздвинувши вѣшки, мы смопримъ—огни
какъ пожары!
Смопримъ: голпояшъ ножи, киспени и пи-
щали;—другіе-жъ
Копей поляшъ!..... разлегисъ, словно дома, зло-
дѣи! и всякій,
Кто чѣмъ гораздъ: на ножи поднимаюшъ овецъ
и барановъ.
Кровь такъ и брызжешъ, а дичь на рогачинахъ
жаряшъ..... И пущь же
Бочки съ виномъ подкапя, разливаюшъ вино
по баклагамъ.....
Вошъ напилисъ и храпяшъ..... намъ жупко!.....
мы не оглядкой
Цѣлую ночь по куспамъ, спопыкался, бѣжа-
ли..... Но къ свѣту
Даль Богъ припши въ слободу..... Слобода хо-
денемъ заходила:
Тамъ Воевода—гроза!..... Кликнули кличъ—
и народу

Валяшъ полны: кто съ косой, кто съ рожномъ,
съ попоромъ или съ вилой.
Дружно впередъ.... И весь лѣсъ обложили
облавой..... Злодѣи,
Видя себѣ неминучу, коспы раскладаюшъ—и въ
пламя
Ринулисъ всѣ!..... и пошли печеспивцы на
дымъ и на вѣперъ!...
Проклято мѣсто, гдѣ ихъ исплѣваюшъ горѣлы
коспы,
Спада паспухъ не гоняешъ въ шо мѣсто...
Когда-жъ, запоздалый,
Скачепъ ѣздокъ по зарѣ-ль, по полночи, ихъ огнен-
ны пѣни
Воюшъ, бѣгупъ и кричапъ: *«помолитесь за*
насъ, мы погибли!»
Только и было намъ спраху! За шѣмъ же Десни-
ца Господня
Всѣхъ невидимо вела насъ... Ахъ! свѣпъ Ма-
лороссія наша!
То-то былъ край!—Какъ вошли мы въ неѣ, сло-
вно въ Райскія сѣни:
Все во цвѣшу: и сады и поля и лѣса... намъ
раздолье!
Добрые люди!... съ насъ ни за что ни алпына!...
Ночлеги
Даромъ! Но я ночевашъ не любила по ха-
памъ..... полъ дѣло
Спашъ въ холодкѣ на лугу на цвѣпахъ и на свѣ
душиномъ.
Любо!..... кругомъ соловьи заливаюшся....
Перенель поже
Въ жипъ, жируя, вавачешъ..... Черѣмхи по
шептому вѣшру
Запахъ медовой..... А звѣзды!—Когдабы-шо
знали вы дѣщи!
Чшо памъ за звѣзды!... горяпъ *золотыи!*... Бы-
вало я ночь всю
Съ сердцемъ веселымъ гляжу на прекрасное
Божіе небо!—
Такъ говорила, разнѣжась, Спарушка... вдругъ
скрыпъ воротами,
Шаспъ и на дворъ.— То Ванюша! прямо въ
свѣщлицу обмерзый!
«Ухъ, зазѣбило! прещипъ!... Улеглася мяшель—
къ морозу
Небо яснѣшъ..... У насъ, по сосѣдству, слы-
хали-ль?—новинка:
Тѣло нашли, и весь Судъ поднялся!... За горей
и за лѣсомъ
Такъ и звеняшъ колокольчики!... Парень уби-
тый, бѣдняга

(*) Известный притонъ разбойниковъ въ старину.

Видно купецъ молодой!... лежишь съ перерѣзан-
нымъ горломъ.
Кровь такъ и свищетъ...»—Ахши! да найдеш-
ся-ль злодѣй, кто зарѣзалъ?—
Въ голосъ всѣ дѣши.... «Господь покараешъ
убійцу—смотрише
Вѣрно найдешся и скоро!... не дремлетъ Судъ
Божій!» . . . однако-жь
Трудно найми! Вѣдь и воръ не плохой: онъ, по-
чуя погоно,
Лыжи навосприши въ лѣса! Побѣжалъ не огляд-
кой.... Ищи же!
Судъ пошумишь и уѣдешъ!—Ахъ дѣши! сказала
Спарушка:
Пшицейъ взлещи къ небесамъ, и въ пучину
бездоннаго моря
Рыбой нырли: не уйдешъ опъ всезрящаго Божья-
го ока!.....
Громы у Бога въ рукъ!..... Злодѣй душегу-
бецъ гдѣ-бъ ни былъ,
Спрахомъ вездѣ обгороженъ.... Трясется какъ
Каинъ... Ну дѣши!—
Такъ ужъ и бышь: расскажу я вамъ *давнiю*
быль, какъ Всевышній
Чудно злодѣя открыль и подвелъ подъ сѣкиру!...—
«Пожалуй!
Бабушка, свѣшь! расскажи, мы гошповы послу-
шашъ...»—Инь былъ такъ!...
Гдѣ-то въ Руси далеко и давнымъ давно ужъ шо
было:
Ѣхалъ самъ Воевода, — дѣши! шо было зи-
мою —
Поѣздомъ длиннымъ, конь предъ конемъ, какъ во-
дилося, *гусель*....
Къ ночи взвилася мяпель: ни слѣда, ни до-
роги!..... слышуть
Лаянъ псовъ въ споронъ.... «Воропи!» закри-
чалъ Воевода;
Въ спорону поѣздъ свернулъ, и пробились
проселкомъ къ деревнѣ.
Слышно: пируютъ, поютъ въ крайней избѣ; лу-
чина
Ярко горипъ; на дворѣ смоленая бочка пы-
лаешъ.
Много народу въ избѣ: «Православные, миръ вамъ
и здорově!»
Рекъ Воевода: «У васъ, други! свадьба,—мы
ваши гости!
Пейше, гуляйте, друзья!—На пиру Воевода вамъ
ровень.»
Всѣ поклонились, и госпи на кушъ, на по-
чешное мѣсто.—

Пиръ зашумѣлъ; женихъ, молодецъ ужъ въ порѣ,—
а невѣста
Дѣвка еще молодая, вмѣстѣ сядяпъ, весе-
лился;
Медъ понесли; гудки загудѣли, цымбали звя-
цали;
Все ликовало;—въ углу-жь, какъ голубчики,
дѣпочекъ *двоє*
Смирно сядяпъ и вздыхаютъ.... Имъ никупо ни
куска, ни привѣта! —
«Чьи эшо дѣши?» шепнулъ Воевода. — Опъ
перваго брака:
Добрые дѣши грустятъ по родимой!...—Вдругъ
смокнули гости:
Входишь *Гуслисть* молодой: спапенъ, высокъ,
бѣлокурый —
«Здравствуйше, добрые люди! Я принесъ къ вамъ
звончатыя гусли,
«Слышу, пируютъ у васъ, а Гуслисть на пи-
ру не послѣднiй!»
—Милости просимъ!—Сказали *свахи* и *друзьки*,—и
скромно
Всѣмъ поклонился Гуслисть и воспѣлъ, какъ
водилося, *славу*:
«Во первыхъ слава—Царю на небѣ,
Царю на небѣ—и по всей землѣ!
Во вторыхъ слава—Царю бапюшкѣ!
Слава, слава, храбрымъ воинамъ,
И боярямъ и окольнічимъ!
Воеводѣ слава мудрому:
Опъ грозой грозипъ лиходѣямъ злымъ!
Объѣзжаешъ опъ землю Русскую
И шворишь на ней правду спрогую....»

«Божье око высокò!
Видипъ въ морѣ глубокò,
Смотрипъ въ поле далекò....
Не скроепся, злодѣй!
Спрячалъ грѣхъ пы опъ людей,
Не опъ Божихъ очей!
Будь зми самой хипрѣй,
Не уйдешъ опъ Бога....

Къ небу смерпный вздохъ лепипъ,
Кровь невинныхъ говорипъ;
Ангель Божій обличипъ
На Судъ убійцу....

Богъ судя своихъ рабовъ,
И спрашиѣ всѣхъ грѣховъ,
Человѣческую кровь
Проливашъ напрасно....»

«Э! какво я, хозяйинъ, пою?» Хозяйинъ, какъ мершвой,
 Блѣдень и губы дрожащъ. . . . «Да запои веселье!» Гуслисту
 Гости сказали. «Инь бышь пакъ: поднеси-те-жь намъ сладкаго меду!»—
 Вопшь и пошелъ по рукамъ пѣниспый, дѣдовскій ковшикъ:
 Креспъ сотворилъ Гуслиспъ и, прикушавъ сладкаго меду,
 «Выпей, хозяйинъ!» сказалъ; хозяйинъ блѣднѣеть, прясешся. . . .
 Чшо ему чудилса?— . . . *провь!* . . . и роняетъ опъ ковшъ, . . . всѣ смушались!—
 «Чшо шамъ?—воскликнули, чшо?» а Гуслиспъ, какъ ни въ чемъ не бывалый,
 Далѣ, далѣ за дверь—и не спало гуслей, ни Гуслиста. . . .
 Кто-жь онъ? Откуда пришелъ?—и куда подѣвался?—Не знающъ!
 Смуша въ бесѣдѣ; лучина дымилса; ужъ поздо, и гости,
 Всякой одинъ за другимъ, по домамъ; да и самъ Воевода:
 «Время къ покою!» сказалъ, и пошелъ опочипъ, помоляся. —
 Спишъ Воевода, не спишъ и кругомъ его думы и спрахи:
 Чу! послучались въ окно! захрапѣли, засарпали кони;
 Словно какъ чующъ кого. — И залаяли псы, забывая,
 Видно слышали *смерть на селъ*. . . . Воеводѣ не спитса.
 «Чшо-то *недоброе* еспъ у хозяйина въ домѣ!»—
 Такъ мысля,
 Только вздремалъ Воевода; вдругъ видипъ опъ, къ маленькимъ дѣшамъ
 (Мачиха ихъ положила за печкою въ уголь—и смирны
 Бѣдныя дѣши!) пихонько къ нимъ кто-то подходипъ и съ лаской,
 Такъ, зарыдавъ, говоритъ: «Ахъ, вы дѣпки мои, голубяшки!
 Нѣшу родимой у васъ, на кого-жь васъ злодѣй покидаешъ?
 Голодъ и холодъ, все вамъ; а ему съ молодою пошѣха. . . .
 Кто васъ, бѣдняжки! пригрѣбъ? кто приголубилъ, сиротокъ?
 Мѣста вамъ нѣтъ на пиру; ни въ воскресный день въ Божіемъ храмѣ!

Машушка дѣпокъ своихъ попихоньку разбудипъ, умоешъ,
 Ласково гребнемъ головушку чешешъ; а пасынокъ бѣдпыхъ
 Злобно скубѣтъ и бранишъ, и малюпки, слезами умывшисъ,
 Робко за нею бредушъ, озираясь. . . . На свадебномъ пирѣ,
 Дѣшамъ роднымъ пироги, каравай, позолоченой пряникъ!
 Пасынку-жь корку съ водою. . . . Голубчики, дѣпки родныя!
 Грустно мнѣ, больно за васъ! и въ гробу не лежишся. . . . Злодѣй—мой!
 Я-ли вѣрна не была? Загубилъ меня люшый убійца!
 Боже! врагу опплами за пролипуку кровь неповинно!»
 Вымолвивъ пакъ, къ Воеводѣ подходипъ, и холодъ могильный
 Въешъ. . . . «Проснисъ! Погляди! Воевода, слуга Государевъ!
 «Вѣрный судья! разсуди убіенную съ люшымъ убійцей!
 «Видишъ: разрубленный черепъ, грудь пополамъ раскроила
 «Тяжкая мужа рука! Загубилъ меня, люшый! и спряшалъ
 «Въ ямѣ;—вошъ шамъ на дворѣ, подъ соломенной скирдой!»
 Вспалъ Воевода межъ шѣмъ. . . . Ужъ разсвѣтъ засинялся—и въ небѣ
 Яркъ горѣла заря. . . . Пѣшухи голосили. . . . Вороба
 Съ визгомъ плуда и скуда. — По скрипучему снѣгу на рѣчку,
 Вопшь, за водою, бѣгущъ и дѣвицы и парни. . . . И, съ лаской,
 Будипъ *невѣстку* свекровь. . . . «Заспалася, молодая!» . . . Но дѣши!
 Я и сама завралася. . . . Не судите! На старости сладко
 Вспомнишъ щаспливую младоспъ! . . . — «А чшо-жь Воевода?—я кончу. . . .
 Вспалъ Воевода грозѣнъ. . . . И сзываетъ онъ селы на сходку.
 Миръ собрался; и сказалъ Воевода: «Послушайте, други!
 «Сонъ мнѣ приснилса предивный. . . . Видилосъ, здѣсь подъ заборомъ,
 «Кладъ многоцѣнный лежинъ. . . . Принимайте за дѣло: копайте!

«Взройте весь дворъ!» и, прищомъ, онъ велѣлъ
подъ соломю подрѣтъсл.

Все поднялось; и бѣду ужъ слышало грѣш-
ное сердце:

Блѣденъ злодѣй... онъ ни живъ, ни мерщвъ, и
коляни пряснуся;

Мигомъ поклажу наши!... И злодѣйство оп-
крылось.... И пушь же,

Гдѣ пировали вчера, сошворилось кровавое дѣ-
ло:.... —

Такъ постигаешь убійцу — недремное Божіе
око!....

Вошь какъ, въ разказахъ, добру, Бабушка внуч-
ковъ учила!...

Только-жъ окончила рѣчь..... и хозяинъ Ми-
ронъ ворошился:

Въ городѣ былъ онъ и вошь, съ калачами, при-
везъ онъ и *вѣсти*;

Всѣхъ-де поймали воровъ, и убійцу онъ ви-
дѣлъ въ желѣзахъ....

«Слышите-ль, дѣпи мои! вѣдъ наспигъ же *судъ*
Божій злодѣвъ!»

— Бабушка, свѣтъ! пы права... И не даромъ,
не разъ намъ твердила:

Пщицей взлети къ небесамъ, и въ пучину бездон-
наго моря

Рыбой нырай; не уйдешь онъ всезрящаго
Божьяго ока!..... —

Θ. Глинка.

Ш А Р А Д А.

Я *первый* — холоденъ, и бѣлъ и кругловатъ;

Бываю иногда немного угловатъ;

Людей я по носу щелкаю,

Скопъ, хлѣбъ и спѣкла выбиваю.

Я-жь, меньшей братъ его, послѣдній иль *второй*,

Хоть не слыву такимъ булномъ,

Но о характерѣ я возвѣщаю пьяномъ

Того, у коего служу;

Что безъ меня гусаръ, драгушъ, вамъ правду до-
ложу,

Не молодець, не хвашъ, а баба Василиса,

Или просная крыса.

Когда же съ брапомъ насъ соединять въ одно:

То мы — міръ цѣлый измѣряемъ,

Морозъ и зной вамъ вѣрно означаемъ...

Не правда ли, что это мудрено?

III.

LOGOGRIPHE.

Sur onze pieds je marche ou droit ou de travers;
En s'appuyant sur moi, maint faiseur d'utopie
Avec ou sans raison veut régir l'univers;

De ma possession chacun a la manie,
Me déguise à son gré, me travestit en soi.
Mais c'est en dire assez. Décomposant mon être,
J'y trouve un animal sauveur du peuple-roi;

Un principe puissant qui régite tout en maître;
D'un ver industriel l'admirable produit;

Pour parer la disette un abondant réduit;
Ce que doit être un homme du beau monde;
Et les deux bouts de la machine ronde.

Mon sein renferme encore une foule de mots :
C'est d'abord un terrain environné des flots;

Puis une ville d'Italie
Célèbre par ses bains;

Un ton simple, mais cher au Dieu de l'harmonie;
Ce qui, dans sa primeur, offre un mets des plus sains.

Un non charmant, c'est celui d'une amie,
Peut être de ta soeur, de ta mère chérie;

Un titre illustre, en Perse respecté,
Et de l'antique Egypte une divinité,

Въ No 8, помѣщенный логогрифъ значить: *Ronce, once.*

M O D E S.

Les ateliers de Mlle Deribeacourt sont rarement privés de quelques nouveautés, et à cet établissement de couture elle en a réuni un pour les modes, dirigé par Mme Weisz, dans lequel nous avons principalement remarqué une charmante capote de satin réséda, ornée de rubans de gaze mate brochée, et d'un bouquet mêlé en petites fleurs dont le détail est nécessaire. C'était une gerbe jetée en petits œillets mignardises et en fleurs et fruits d'épine-vinette à délicat feuillage de satin. La passe ovale, et la calotte à plis, étaient vraiment de fort bonne grâce.

Les plumes sont définitivement l'ornement des chapeaux habillés; les fleurs ne se retrouvent généralement que sur les bonnets.

Il y a dans la pose des plumes une latitude extrême, une plume courbée en avant ou en arrière, deux

plumes inclinées toutes deux dans un sens différent, dont l'une revient sur la passe en avant, ou trois plumes étagées, inclinant toutes trois du même côté, sont également bien.

Pour le matin, les grandes capotes de velours noir, avec ou sans demi-voile, sont d'une grande élégance.

Quelques femmes brunes ont essayé les chapeaux du soir en velours carotte; cette nuance, quoiqu'assez prononcée, sied bien à certains visages, surtout accompagnée de blonde. Ils peuvent être ornés de plumes carotte ou noires.

Le satin souci et le satin rubis sont deux couleurs à la mode pour toilette du soir.

Pour turbans, on prend de larges écharpes ou de petits châles carrés en cachemire. Les châles à rosaces font un joli effet, en ce que le fond peut se détacher du tour de tête, si l'on observe de le former avec une rosace de couleur tranchée.

Les oiseaux de paradis sont fantaisie de grande élégance; comme chapeau négligé, nous avons remarqué cette semaine une capote qui mérite d'être citée, par son bon goût et sa simplicité recherchée: elle était très-grande de forme, à calotte un peu haute, en velours bleu ciel pâle, point de rubans, sinon un nœud de satin derrière et un demi-tour de tête qui passait autour de la passe, d'une bride à l'autre; sur le côté, un magnifique oiseau qui retombait très-bas, avec infiniment de grâce et de noblesse. Cette capote, des magasins de Mme Lepetit, était destinée à une jeune femme blonde et assez grande.

Pl. No 5. Chapeau de satin à fond de tulle brodé d'or. — Chapeau de crêpe turc. — Tablier de blonde doublé de soie. — Table, corbeilles à ouvrage et boîte à essence.

М О Д Ы.

Въ рабочихъ г-жи *Deribeaucourt* рѣдко нѣтъ чего нибудь новаго; къ этому швейному заведенію она присоединила и модное, подѣ распорядженіемъ г-жи *Weisz*, въ кошоромъ мы особенно замѣтили прелестный капоть изъ апласа, цвѣта резеда, ошдѣланный лешами изъ зашканнаго мапюваго газа и букетомъ изъ мелкихъ цвѣтковь, который нужно описать подробно. Тутъ была вышка мелкихъ гвоздикъ и плодовъ и цвѣтковь

ѣрине-винетте съ нѣжными апласными листьями. Поле овальное, шулья со складками, были весьма щеголеватые.

Перья непременно должны быть украшеніемъ нарядныхъ шляпъ; цвѣты видны только на чепчикахъ.

Въ положеніи перьевъ совершенная свобода: перо, загнутое назадъ или напередъ; два пера, наклоненныя каждое въ свою сторону, изъ которыхъ одна нагнута напередъ на поле; или три пера, одно другаго короче, наклоненныя все въ одну сторону, равно изящно.

Для упря, большіе чѣрные бархашные капоты, съ полу-вуалемъ или безъ онаго, весьма щеголеватые.

Нѣкоторыя черноволосыя дамы пробовали употреблять для вечернихъ шляпъ бархашъ морковнаго цвѣта; цвѣтъ эшотъ, хотя довольно рѣзкой, идетъ къ инымъ лицамъ, особливо съ блондою. Онъ можетъ быть ошдѣланъ перьями морковнаго цвѣта или чѣрными.

Въ апласъ цвѣтъ souci и рубиновой въ большомъ употребленіи для вечерняго наряда.

Для пюрбановъ употребляютъ широкіе шарфы кашемировые, или небольшіе платочки. Платки съ кругами весьма идутъ, потому, что средина можетъ ошдѣлиться вокругъ головы, если приспособить такъ, чтобъ сославишь еѣ изъ круга яркаго цвѣта.

Райскія пшички употребляются съ большою щеголеватостію для шляпки négligé; мы замѣтили на этой недѣль капоть, достойный описанія, по хорошему вкусу, съ какимъ онъ былъ ошдѣланъ и отличной простотѣ: изъ бѣдно-голубаго бархата, поля очень большія, шулья немного висока, безъ лешъ, только одинъ бантъ сзади изъ апласной лешы; леша, перекинутая черезъ шляпу, составляла завязки; на боку великолѣпная пшичка висѣла довольно низко, съ удивительною ловкостію. Эшотъ капоть, изъ магазина г-жи *Lepetit*, назначенъ былъ для одной блондуры, довольно высокой ростомъ дамы.

Карп. No 5. Апласная шляпка. — Шляпка изъ Турецкаго крепа. — Блондовый передникъ. — Столикъ. — Рабочая корзинка. — Шкашучка для духовъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.
.....

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 11.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 No
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, ФЕВРАЛЯ 7 ДНЯ, 1854 ГОДА.

Ненадобно другаго образца,
Когда въ глазахъ примѣръ отца.
Смопри пы на меня: не хвастаю сложеньемъ,
Однако бодръ и свѣжъ и дожилъ до ѡднихъ,
Свободенъ, вдовъ, себѣ я господинъ.
Монашескимъ извѣщенъ поведенемъ!...

Грибодовъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

СТАТЬЯ ИЗЪ АНГЛІЙСКИХЪ ГАЗЕТЪ
1813 ГОДА.

Въ одной Англійской газетѣ, въ 1813 году, была напечатана слѣдующая статейка на вѣстствіе Наполеона въ Парижъ, послѣ похода 1812 года.

Утверждаютъ, что Французское правительство печатаетъ два различные Монитѣра, изъ которыхъ одинъ разсылаемъ въ чужія земли, а другой раздается въ Парижъ и во Франціи. Въ одномъ изъ нумеровъ послѣдняго напечатано слѣдующее извѣстіе о въездѣ Наполеона въ Парижъ. «Возвращеніе побѣдоноснаго героя оживляетъ всѣ сердца, которыя опсупствіемъ его погружены были въ глубокую печаль. Побѣда непрерывно слѣдовала по его слѣдамъ. Москва почувствовала его геройскую силу. Мы обладаемъ (по словамъ 10-го бюллетеня) прекраснѣйшими обласьями Россіи: отъ Финскаго залива до Чѣрнаго моря, отъ Ледо-

«свитаго Сѣвернаго полюса до предѣловъ Та-
«спарии. Щастіе ни на минушу не остав-
«ляло нашего великаго Императора; оно со-
«спустствуетъ ему во всѣхъ справахъ, во
«всѣхъ климатахъ. Прекрасное небо Ита-
«лии ему благопріятно; онъ вскорѣ привыкъ
«къ палющему песку Африки, а Сѣверъ ему
«преимущественно любезенъ.

«Между тѣмъ, предосторожность столь
«же свойственна генію, какъ скромность
«добродѣтели. Нашъ властитель, при воз-
«вращеніи своемъ хотѣлъ избѣжать всѣхъ
«почестей и блистательныхъ пріемовъ; но
«архиканцлеръ Имперіи былъ извѣщенъ о
«прибытіи непобѣдимаго курьеромъ, послан-
«нымъ къ нему маршалами, сопровождаю-
«щими Императора. Е. В. наблюдалъ спро-
«жайшее инкогнито, и путешествовалъ подъ
«именемъ герцога Висанскаго. Кто могъ
«узнать въ семъ скромномъ путешественни-
«кѣ, презирающемъ всякую наружную пыш-
«ность, великаго Наполеона, завоевателя Рос-
«сіи!— Министръ Полиціи учредилъ пор-

«жеспвенное вшество Императора, а герцога *Эльхингенскій (Hei)*, взявшій великое число плѣнныхъ при смѣломъ и знаменитомъ опспушеніи своемъ изъ Смоленска въ Красной, содѣйствовалъ украшенію сей великолѣпной процессіи, предъ которою «ничто въздъ *Александра великаго* въ Ва«влонъ. Скромный герой сказалъ: «Я въѣду въ Парижъ такъ, что никто меня не узна«етъ.» — Онъ въ самомъ дѣлѣ переодѣлся Евреемъ; но возможно ли, чпобъ такой великій, единственный гений могъ сокрыться? Онъ забылъ запасисъ потребными пашпортами, и это ему измѣнило. Добрый городъ Парижъ немедленно узналъ его. Шество происходило въ слѣдующемъ порядкѣ:

1) Везены были въ саняхъ двѣ Сибирскія кошки, немного поврежденныя при взятіи Кремля.

2) Кибишочка для Римскаго короля.

3) Колпакъ и туфли, которыя *Карль XII* потерялъ при Полтавѣ.

4) Гренадеръ покойной Французской Императорской гвардіи, замерзшій въ Смоленскѣ, но весьма хорошо сохранившійся.

5) Подарки, присланные непобѣдимыми гвардѣйцами Парижскимъ ихъ подругамъ.

6) Искусно сдѣланная изъ льду модель деревеньки, въ которой Е. В. стоялъ на бивакахъ послѣ блистательныхъ побѣдъ, одержанныхъ маршалами *Даву* и *Неель*, 5 и 6 Нолбря.

7) Двѣнадцать чучель, представляющихъ казаковъ, Калмыковъ и Башкировъ, заключали шество.»

СЛОВЕСНОСТЬ.

В И Д Ъ Н І Я.

(*Окончаніе.*)

II.

Что такое жизнь? Для чего я живу на свѣтѣ?—Для того ли, чпобы, командуя взводомъ, въ глухой деревнѣ, умирашь безпрестанно отъ скуки, не имѣшь никакихъ удо-

вольствій, ни физическихъ, ни моральныхъ, не имѣшь съ кѣмъ сказать слова и только вечеромъ пойди къ мельницѣ, слушаешь шумъ колесъ и видишь разбивающуюся о нихъ и лепящую тысячами алмазныхъ брызговъ воду?... *Propos des bottles!*—*Митъка!* дай бутылку воды, спаканъ, сахаръ и ромъ.—Вотъ вся поэзія моей жизни.—Но такъ, какъ физика въ насъ сильнѣе моральности, по и путь, подавляя сію послѣднюю, препястствуетъ эписказать наши чувства и объяснишь эпискровенія невестеспвеннаго міра...—*Митъка!*—бѣги скорее къ роммиспру, попроси пару лимоновъ.—А признаюсь, сукка ужасная... и вотъ какъ я долженъ убить мою молодость, лучшей даръ природы!—Но будетъ же когда нибудь судьба и ко мнѣ милосшива, придетъ и моя очередь повеселишься и узнать всѣ наслажденія жизни, которыхъ желаніемъ такъ мучишься душа.—А! лимоны,—хорошо, дай же еще бутылку воды.—Какой злой духъ вложилъ въ грудь мою эту любовь къ прекрасному, чувствованіе возвышеннаго!—Зачѣмъ эту земляную оболочку, эту грубую кору наполнилъ онъ огнемъ небеснымъ, сжигающимъ все существо мое?... Душа рвется,—но щепные порывы уничтожаютъ ея силы, и она, изнеможенная, низвергаясь съ необъяпной высоты фантаспическаго неба (гдѣ для неѣ все дышетъ звуками божеспвенной гармоніи, чарующей чувства) въ необъяпныя пропасти, наполненныя гнилымъ пуманомъ существоственности, слышишь адской хохотъ злыхъ демоновъ земли, смѣющихся надъ ея безсиліемъ, и опчяліе, овладѣвъ своею добычею, раздираетъ еѣ на части.—Зачѣмъ не даны мнѣ силы созидать?... Зачѣмъ я не могу высказать того, что кипитъ въ груди моей, не могу осуществитъ эписъ неясныхъ призраковъ, носящихся передъ глазами внушреннаго бытія моего?—Зачѣмъ не могу собрать въ одно сихъ звуковъ и сихъ призраковъ и сдѣлать ихъ блестящими червонцами, которыхъ звонъ и блескъ понимаютъ люди?—Эта гармонія пріятнѣе ихъ длиннымъ ушамъ, нежели гимны, которые поютъ хоры эфирныхъ существъ, тамъ, гдѣ пламенныя звѣзды горятъ въ сіяніи небесъ

гдѣ исчезаетъ поэтъ, и для нихъ неслышанные,—надпись: *concordia res parvae crescunt* для нихъ понятнѣе, нежели слова божественной книги совершенствъ, пробѣгаемой пламенными взорами поэта.— Но къ чему ведетъ вся эта поэзія?... Дайте мнѣ звуковъ, цвѣтновъ, словъ, чтобы сказаться на землѣ небу,— говорилъ безумецъ: «дайте мнѣ денегъ, денегъ, денегъ, чтобы сказаться на землѣ щастію, говорю я. Вотъ рѣшеніе важной загадки земнаго щастія.

Но что это?—Гдѣ я?—Какой волшебникъ перенесъ меня въ эмпоръ великолѣпный залъ? Зачѣмъ это полукружіе спульевъ посреди комнаты?—Тишина... какъ будто въ гробѣ.

Я сѣлъ на одномъ изъ спульевъ, съ намѣреніемъ терпѣливо ожидать, что будетъ далѣе,—или, признаться ли вамъ?—Съ намѣреніемъ заснуть: ибо пуншевыя пары начинали брать верхъ; какъ вдругъ слухъ мой былъ пораженъ щебетаніемъ ласточки, но щебетаніемъ необыкновенно чистымъ, мелодическимъ, навѣвающимъ на душу сладостныя ощущенія чего-то неизъяснимо пріятнаго. Я поднялъ глаза—ласточка кружилась подъ гопическими сводами зала, но опускалась внизъ, какъ ничтожная обыкновенная пшашка, но взлетая къ верху, какъ мысль поэта.— Наконецъ, упомленная, она упала подлѣ меня на спуль... Боже! какое превращеніе!... Это она, единственная мысль души моей, та, которую я любилъ, еще не зная еѣ. Мнѣ кажется, я любилъ ее прежде моего рожденія, когда Ничто наполняло существо мое и буду любить по смерти, до пѣхъ поръ, пока искра священнаго огня, часъ божества, душа—возвратится ли она, по уничтоженіи моего физическаго сосава къ своему великому источнику, или оживитъ другую форму, подобную моей,— не уничтожится въ хаосъ.

Нѣтъ! душа не можетъ обратиться въ хаосъ, также, какъ любовь моя; она будетъ пылать въ вѣчности... за вѣчностью, ежели вѣчность имѣетъ предѣлы.

Она склонила голову ко мнѣ на плечо—какой-то трепетъ пробѣжалъ по всемъ моимъ жиламъ. Грудь ея сильно волновалась; яркій румянецъ игралъ на щекахъ; я обнялъ ея воз-

душный спазъ; я чувствовалъ біеніе ея сердца подъ моей рукой... Я осмѣлился поцѣловать еѣ.

Металлическій пруть и поцѣлуй суть проводники магнитическихъ искръ, электрическаго сотрясенія; но дѣйствіа послѣдняго гораздо могущественнѣе—и горе тому, кто не можетъ ощущать въ себѣ вліянія перваго дѣвственнаго поцѣлуя: въ томъ потерянъ всякое нравственное чувство. Горе тому, въ чьей душѣ не опзовется гармоническій звукъ эпаго поцѣлуя, а только взволнуешь ничтожную землю его созданія: онъ—дѣлѣ смерти, добыча ада.

Я понуль въ упоеніи эпаго поцѣлуя; мнѣ казалось, что душа, оставивъ свой престоль, перелилась въ его сочувствіе... Вдругъ дикій хохотъ загремѣлъ позади меня—я оборопѣлъ: это былъ онъ, ужасный онъ, съ своей демонской улыбкой. Я запрепечалъ...

Онъ не переставалъ хохотать адскимъ смѣхомъ. «А, господинъ любитель высокаго и прекраснаго, я прервалъ блаженство твоихъ воспорговъ; довольно носиться въ небѣ, сойди на землю: небесная пища слишкомъ легка, слишкомъ эфирна—не наполнишь желудка.— Ты хочешь быть музыкантомъ,—посмотримъ, есть ли въ тебѣ способность къ музыкѣ; на моей скрипкѣ недостааетъ одной струны.»

Онъ ударилъ меня по головѣ своею скрипкою. Я думалъ, что весь сосавъ мой рассыплется на части, уничтожится. Я лежалъ на землѣ безъ движенія, какъ безжизненный камень; но я все видѣлъ, все чувствовалъ.

Онъ вынулъ изъ кармана какую-то металлическую трубочку, чрезвычайно тонкую и острую съ одного конца, прокололъ ею мой черепъ и началъ вдыхать въ себя, какъ-бы желая высосать мозгъ;... наконецъ, вынувъ изъ головы моей эту трубочку, онъ облилъ еѣ какою-то жидкостью—металлъ разлетѣлся дымомъ. Тогда я увидѣлъ прекрасный свѣтло-голубой лучъ, сіяющій тысячью разноцвѣтныхъ отблесковъ; онъ облялъ его въ другой разъ тою же жидкостью—и лучъ осуществился. Это былъ я, это бы-

ла моя душа. Онъ напильнулъ меня на свою адскую скрипку, повель смычкомъ—и звуки дивные, мечшательные, высказались любовью и опчаянiемъ. Прикосновенiе смычка причинило мнѣ нестерпимую боль, испоргло слезы, выливавшiйся звуками. Оно испоргло изъ меня жизнь—я постепенно ослабѣвалъ, я перьялъ чувства, наконецъ я разорвался—и проснулъся.

П. М—съ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Н. С. В.

На слова ея, что она желала бы имѣть чѣрные глаза.

La défiance est fille du malheur.
Lafite.

Вамъ чѣрные глаза?... За чѣмъ?
Останьтесь просто вы съ своими!

И, вѣрьте мнѣ, бѣда всѣмъ шѣмъ,
Кто въ свѣтѣ встрѣпшiлся лишь съ ними!

*

Таинственная помнось ихъ
Хопя и не-хопя плѣняющъ:

Въ нихъ живосць, пламень чувствъ швоихъ
Какъ звезды яркiя сiяющъ.

*

Я видѣлъ блескъ ихъ—я нѣмѣлъ!
Я шпалъ, млѣлъ—обвороженный;

И въ жизни въ первый разъ жалѣлъ
За чѣмъ не генiй вдохновенный.

*

Воспѣлъ бы ихъ надъ сердцемъ власть,
Какъ горе превращающъ въ радость,

Какъ зажигающъ искрой спрасць,
И грусти навѣвающъ сладосць.

*

Что чувствую, когда смотрю
На прелесць глазъ прелесшной Нины!

О нихъ хопь всё проговорю,
Не выскажу и половины!

*

Вамъ чѣрные глаза?... За чѣмъ?
Останьтесь просто вы съ своими!

И, вѣрьте мнѣ, бѣда всѣмъ шѣмъ,
Кто въ свѣтѣ встрѣпшiлся лишь съ ними!

Пол. Хотлиницовъ.

22 Декабря 1833 г.

С. Петербургъ.

Ш А Р А Д А.

Мой *первый* слогъ у васъ въ кармапъ

Не въ сершукъ, въ кашпанъ;

Фигуры никакой въ немъ нѣтъ,

Нельзя сказать, чшобъ онъ имѣлъ и цвѣтъ.

Второй слогъ сѣренькой, какъ мѣхъ у рѣзвой бѣлки,

И ростъ имѣетъ мелкiй.

А *цѣлое* мое—зелѣное; распѣтъ

Всегда въ водѣ, волнуется, цвѣшѣтъ;

Не такъ высокъ, какъ лѣсъ, не низокъ, какъ права—

И чѣрная на немъ бываетъ голова.

III.

Въ No 9 и 10, помѣщенныя значать: шарада *Градусъ*; логогрифъ *Philosophie* (où l'on trouve: oie, loi, soie, sol, poli, Polesles, deux isles, Pise, si, pois, Sophie, titre des rois de Perse et Jo).

ФРАНЦУЗСКІЙ ТЕАТРЪ.

Бенефисъ г-жи *Жени Оливье*, 18 Января 1834.—
Водевили: *Дочь Евы*, *Парижанинъ въ Лондонъ*—и
драма въ 2-хъ дѣйствiяхъ: *Фердинандъ* и *Амалия*.

Первая пьеса есть переводъ, какъ-бы вы думали, съ какого языка?—Съ Нѣмецкаго!— Я вижу улыбку чипапеля; истинно я не шучу, право съ Нѣмецкаго. Французской водевилъ, сфера этой націи, переведенъ съ Нѣмецкаго, да эпо восьмое чудо.— Взгляните сами, любезные чипапели, и водевилъ эпошъ насмѣшипъ васъ; но вы потчасъ замѣпшпте разницу, не смотря на оспропу куплетовъ водевила, между Французскою оспропою и полновѣсною и пляжелою любезноспiю Германцевъ.

Парижанинъ въ Лондонъ, водевилъ, имѣвшiй большой успѣхъ въ Парижѣ. Французъ прiѣхалъ посмотрѣть Лондонъ, учится языку соопечесшвенниковъ *Валтеръ - Скотта*, коверкаетъ слова, воображаетъ, что онъ прекрасно произноситъ оныя. Ему навязы-

вають любовницю, о котрій онъ не имѣеть понятія, принуждаютъ взять на свое попеченіе ребенка, который никогда не существовалъ и все это кончается объясненіемъ его невинности.

Достоинство этой пьесы состоитъ въ острыхъ каламбурахъ и прекрасной игрѣ г. *Дюфура* въ роль Парижанина *Virgile Boisgaillard*. На Русской сценѣ, эту роль можетъ прекрасно сыграть нашъ первоклассней артистъ г. *Сосницкій*, и конечно не уступитъ г. *Дюфуру*; даже думаю, сыграетъ лучше, ибо какъ Русскій, онъ не одушевленъ національною ненавистью, которою дышутъ Французы къ Англичанамъ и будетъ дѣлать менѣ фарсовъ.

Приступаю къ славной пьесѣ, къ драмѣ *Фердинандъ и Амалія*.

Не знаю, почему вздумалось бенефицианткѣ перекрестить эту пьесу, — она названа авторомъ: *La grande dame*. — Это опзывается подражаніемъ моимъ любезнымъ соотечественникамъ; одинъ изъ нихъ вздумалъ перевести Французскую драму: *Неронъ*, и добавилъ въ переводѣ: *Неронъ, убійца матери* — какое необходимое поясненіе! Пусть же послѣ этаго говорятъ, что Французы не подражаютъ Русскимъ.

Вопъ-вкратцѣ содержаніе этой драмы:

Эмма Нанжисъ, женщина, принадлежащая къ тому сословію, въ которомъ преступныя наслажденія ни сколько не прелятствуютъ занимать мѣсто въ обществѣ и даже имѣть вліянія на оное, словомъ, женщина богатая и въ родствѣ съ людьми сильными, обратила прихотливый взоръ свой на *Фердинанда Дюбрель*, прекраснаго, образованнаго юношу, но безъ имени и состоянія. Г-жа *Нанжисъ*, упонченная кокетка, очаровала неопытнаго юношу, и онъ со всею невинностію дѣвственной души предался волѣ прекрасной грѣшницы; она поработила его — и онъ нечувствительнымъ образомъ сдѣлался ея игрушкою.

Но эта сладострастная и вмѣстѣ честолюбивая женщина хочетъ, чпобы любовникъ ея принадлежалъ къ тому обществу,

въ которомъ она сама играетъ ролю. Она, по связямъ своимъ, доставляетъ ему мѣсто при посольствѣ, но прежде женить его на богатой наследницѣ, милой, неопытной дѣвущкѣ. *Амалія* полюбила страстно *Фердинанда*, со всею горячностію первой любви, но онъ не любитъ её, не можетъ любить — онъ упоенъ восторгами своей обольстительной повелительницы.

Г-жа *Нанжисъ*, совершивъ эту бракъ открывъ богатствомъ его жены лку своему путь въ высшій кругъ общества, разлучаетъ молодыхъ супруговъ: *Амалія* остается въ своемъ помѣстьѣ, *Фердинандъ* уѣзжаетъ къ своему посольству, куда слѣдуетъ за нимъ и его покровительница, и куда не смѣла бы послѣдовать за нимъ спрастная, молодая любовница, но безъ громкаго имени: презрѣніе было бы удѣломъ этой послѣдней, тогда какъ первой за то же самое оказываютъ уваженіе, ибо ея дядюшка герцогъ раздаетъ мѣста и кресны.

Фердинандъ въ чадѣ, если такъ можно выразиться, честолюбія, поддерживаемый на блестящей дорогѣ магическимъ жезломъ своей покровительницы, въ объятіяхъ ея мечпаетъ о почестяхъ — и совершенно забылъ о своей юной подругѣ.

Пьеса начинается тѣмъ, что *Фердинандъ* послѣ полутора годоваго отсутствія, присланъ въ Парижъ дипломатическимъ курьеромъ къ своему Двору. Это новое порученіе, которое могъ бы исполнить просто курьеръ съ меньшими для государсва издержками, есть новое средство *Эммы* для доставленія своему любовнику мѣста секретаря посольства.

Г-жа *Нанжисъ* въ Парижѣ; въ ея домѣ остановился *Фердинандъ*. Онъ не хочетъ видѣться съ женою, и по полученіи желаемого мѣста, намѣренъ немедленно отправитъ столицу; но *Ларошъ*, старый и преданный слуга *Дюбрель*, извѣщаетъ *Амалію*, и она спѣшила въ объятія къ своему супругу.

Амалія пріѣзжаетъ въ домъ г-жи *Нанжисъ* въ то время, когда *Фердинандъ* уѣхалъ со двора: *Эмма* послала его съ письмомъ къ

своему дядѣ герцогу, опъ котораго зависить желаемое *Фердинандомъ* мѣсто.

Эмма смутилась неожиданнымъ пріѣздомъ *Амалии*, не имѣющей ни малѣйшаго подозрѣнія о ея прѣсупной связи.

Амалия, въ ожиданіи пріѣзда своего супруга, спрашиваетъ о немъ вѣрнаго *Лароша*. Спарикъ лжетъ, чтобы успокоить свою несчастную госпожу, говоритъ: что супругъ ея полонъ воспоминаній о ней, что ея одною дышетъ; но спановится въ тупикъ, когда *Амалия* спрашиваетъ его, носитъ ли *Фердинандъ* ея посланное къ нему кольцо, ибо *Ларошъ* эшаго кольца даже и не видалъ.

Пріѣзжаетъ *Фердинандъ*. *Амалия* бросается къ нему, но холодный пріемъ мужа поражаетъ робкую, невинную женщину. Онъ дѣлится приневоливъ себя, быть ласковѣе съ *Амалиею*, но это выше силъ его. *Амалия*, приписывая смущеніе мужа постороннему обстоятельству, спарается разсѣять его своими ласками, и обнимая *Фердинанда*, спарается ошупать на рукѣ его, сквозь перчатку, свой подарокъ—кольцо. Въ это время является *Эмма*.

Торжество сіяетъ въ глазахъ эпой блистательно-позорной женщины, при видѣ холодности *Фердинанда* къ *Амалии*.

Эмма спарается удалить *Амалию*, скрывая опъ нее скорый отъѣздъ ея мужа, и говоря ей, что *Фердинандъ* собирался къ ней ѣхать въ ея загородный домъ. *Амалия* восхищена этимъ и говоритъ, что завтрашній день она даетъ праздникъ по случаю возвращенія ея супруга. *Ларошъ*, которому *Фердинандъ* приказалъ приготовить лошадей къ полуночи, какъ-бы не зная, для какой цѣли, говоритъ теперь, что *Фердинанду* стали эти лошади болѣе ненужны, ибо онъ вѣроятно отправится съ своею супругою. Это плутовское простиосердечіе разстроиваетъ планъ *Эммы*; она увѣряетъ, что эти лошади были заказаны для поѣздки къ *Амалии*. Легковѣрная супруга радуется такому намѣренію своего супруга и приглашаетъ его теперь же съ собою ѣхать. Предлогъ по службѣ, выдуманный *Фердинандомъ*,

избавляетъ его соупствивовать своей супругѣ; и онъ даетъ слово быть у неѣ упрощь.

Амалия, прощаясь съ г-жею *Нанжисъ*, вдругъ замѣчаетъ на ея рукѣ кольцо, посланное ею къ *Фердинанду*. Это кольцо открываетъ ей всю горькую истину; но она владѣетъ собою, скрываетъ свои чувства и уѣзжаетъ.

Второе дѣйствіе происходитъ въ помѣсть *Амалии*. Въ ожиданіи гостей, она занимается музыкою; звукъ фортепіано раздается изъ ея кабинета. *Фердинандъ* пріѣзжаетъ, слышитъ свой любимый романсъ, восхищенъ игрою, хочетъ броситься къ женѣ своей; порывъ неправой совѣсти влечетъ его къ *Амалии*; но раздается стукъ экипажа; пріехала г-жа *Нанжисъ*—и полетъ добраго генія мелькнулъ—*Фердинандъ* принимаетъ изъ экипажа свою повелительницу.

Праздникъ начинается; всѣ танцуютъ, и въ это время *Ларошъ*, находясь наединѣ съ своею госпожею, вручаетъ ей ея кольцо, забытое *Фердинандомъ* въ своей комнатѣ. *Амалия* узнаетъ кольцо свое, восхищается, что видѣнное ею на рукѣ *Эммы* не есть ея подарокъ *Фердинанду*, открываетъ кольцо и—вмѣсто именъ: *Фердинандъ* и *Амалия*, читаетъ: *Фердинандъ* и *Эмма*.—Этотъ ударъ выше ея силъ.

Фердинандъ получилъ мѣсто секретаря посольства, и по волѣ *Эммы*, предположено, чтобы онъ съ нею вмѣстѣ въ почтѣ отправился за границу, прямо съ балу *Амалии*. *Фердинандъ* приходитъ объявить женѣ о скоромъ своемъ отъѣздѣ. *Амалия* умоляетъ его взять еѣ съ собою, не разлучаться болѣе съ нею; *Фердинандъ* не соглашается, онъ спрашится *Эммы*; но мольба невинной супруги и внушенное сознаніе въ собственнй волѣ одерживаютъ верхъ—*Фердинандъ* приказываетъ *Ларошу* все изготвить къ отъѣзду его и *Амалии*, а самъ идетъ все это сообщить *Эммы*.

Г-жа *Нанжисъ* противится намѣренію своего любовника, сердится, вопіетъ противу благороднаго намѣренія *Фердинанда*. Все тщетно; онъ рѣшился и непоколебимъ въ своемъ предпріятіи. Туть, *Эмма* упрекаетъ

его своими мплосями, грозить его уничтожить споль же скоро, какъ и возвела на высокую степень. Эти угрозы причиняють ссору между любовниками.

Фердинандъ, распавшись съ *Эмлюю*, по зрѣломъ размышленіи, рѣшается совершенно разорвать свою связь съ г-жею *Нанжисъ*. Онъ приказываетъ *Ларошу* принести бумаги, чтобы въ письмѣ излить всю истину женщинѣ, споль долго порабоцавшей его. *Ларошъ* идетъ въ комнату своей госпожи и приноситъ тетрадку бумаги, на первомъ листѣ которой начала *Амалія* что-то писать—это было письмо къ мужу: она прощается съ нимъ и отдаетъ ему все свое имѣніе. Нещасная слышала весь разговоръ *Фердинанда* съ своею соперницею, убѣдилась въ любви мужа къ *Эмль* и рѣшилась...

Въ ту минушу, какъ *Фердинандъ* читаетъ недокончанное еще къ нему письмо, вбѣгаетъ *Амалія*: *Гдѣ письмо мое?* говоритъ она; *вотъ оно*, отвѣчаетъ *Фердинандъ*, разрывая его. Онъ, не подозрѣвая истины, чувствуя себя виновнымъ, не принимаетъ подарка обманушой имъ сугруги.

Фердинандъ, рѣшась разорвать преступную свою связь, ясно увидѣлъ всю прелесть своей *Амаліи*, и теперь у ногъ ея кланется любить её. Неожиданная радость приводитъ её въ изступленіе, и въ ту минушу, когда *Фердинандъ* повпорленъ ей кляпву любить её по смерть, она при этомъ словѣ приходитъ въ себя, это слово поражаетъ её: *такъ, смерть*; говоритъ она: *съ нею возвратилась ко мнѣ любовь твоя; прижми меня къ груди своей, крѣпче, еще крѣпче, я разстаюсь съ тобою*.—Нещасная ускорила дни свои. Въ ту минушу, когда балъ во всемъ блескѣ, музыка раздается, *Амалія* въ объятіяхъ *Фердинанда* испускаетъ послѣдній вздохъ.— Госпи сбѣгаются на крикъ *Фердинанда*, въ числѣ ихъ является и *Эмма*—взглянуть на свою жертву.

Я недоволенъ изложеніемъ драмы: мало развишь характеръ преступной *Эмль*, не довольно выказана милая *Амалія*, много лишней, посторонней болтовни; эпю канву можно было роскошнѣе вышить.

Скажу пѣсколько словъ о игрѣ прелестной нашей артистки г-жи *Бурбье*, въ роль *Амаліи*; прочія же дѣйствующія лица, какъ пѣни въ каршинѣ, способствовали только выказать всю прелесть главнаго лица.

Она была очаровательна; едва показалась, какъ громкія, продолжительныя рукоплесканія прелятствовали говорить ей. Это было неподкупное; для эпюга не раздавали безденежно билетовъ въ спулья, не начинивали раекъ.

Какъ мила была она, спрашивая у *Лароша* о *Фердинандѣ*; казалось, умоляла зорами: говори мнѣ о немъ, еще говори, больше, продолжительнѣе говори, но лишь говори о немъ.

Дивно выразила она свое смущеніе при холодности мужа; съ какимъ радушіемъ вилась она вокругъ его. При видѣ своего кольца на рукѣ *Эмль*, она была неподражаема: безъ прошивныхъ гримасъ, безъ отврапительнаго дерганія мускуловъ, выразила она свое удивленіе.

Во второмъ дѣйствіи, когда она умоляла мужа взять её съ собою за границу, она невольнo заставила зрителей принимать участіе въ своемъ положеніи; какъ много души было въ ея разказѣ!

Послѣднее явленіе, смерть ея, выше всякой похвалы. Должно было чувствовать, чтобы такъ выразить, какъ она свое положеніе.—Сколько теплоты, сколько истины въ игрѣ этой плѣнительной актрисы.

Г-жа *Бурбье* въ свой бенефисъ даетъ *Клотильду*. Служь носится, что эта пьеса будетъ только однажды игратья *avis aux amateurs*.

Э.

M O D E S.

Le cordon algérien, dont nous avons dit un mot précédemment, vient de paraître pour cette époque du jour de l'an. C'est une chaîne de fil d'or mat, terminée par deux glands et serrée au cou, selon la ma-

nière orientale, par un coulant, auquel l'inventeur, M. Baillot, rue Thévenot, a donné la forme d'un nœud en or de bijouterie. Ce nœud se détache brillant et émaillé sur l'or mat, et monte ou descend à volonté. Ce cordon est surtout fort joli sur une robe de velours montante.

Mlle Casaubon, rue St.-Fiacre. Dans cette maison, les fleurs ont toute la vérité et la fraîcheur de la nature; la rose des quatre saisons, le cassula, l'iris, le magnolia, tromperaient dans un salon, par leur feuillage irrégulier, leurs fleurs demi-écloses, et leur port si vrai, plus d'un regard exercé.

Ses parures de bal sont parfaites de finesse et de légèreté; d'abord ce sont des guirlandes de fleurs mêlées; camomille et mignardise, petites fleurs délicates; les *traverses de robes*, mêmes fleurs, augmentent de volume en s'approchant du bas, et *traversent* comme l'indique leur nom, la jupe en biais.

Des montans droits, en petites fleurs; ils se posent comme des mathildes, plus grands en approchant du bas.

Des guirlandes en liserons des champs, à feuillages d'argent; il serait difficile de déterminer la façon dont on les emploie; tout ce qui se peut dire, c'est qu'elles forment sur le devant une espèce de feston, et tournent autour de la jupe.

Des traverses en fleurs noires et roses; mêmes guirlandes en spirale pour les cheveux.

De jolies touffes pour les robes, fleurs vraies ou de fantaisie, à feuillage de chêne très-léger.

Puis tant de couronnes à choisir! Des couronnes antiques en roses ou en dahlia; des couronnes Joconde, et au milieu de ces genres connus, se distinguent des *péruviennes*, dont le nom dit assez la forme pour qu'il soit inutile de la détailler. Ces couronnes très-gracieuses, et d'une forme toute nouvelle, entourent la coiffure et dégagent la tête; elles sont montées en très-petites fleurs, d'une seule couleur ou mêlées. Elles doivent avoir un grand succès avec le genre de coiffure que l'on conserve.

М О Д Ы.

Алжирской шнурокъ, о которомъ мы упоминали прежде, показался къ новому году. Это

цѣпь изъ сученаго маповаго золота, оканчивающаяся двумя желудами и схваченная около шеи, на воспощной манеръ, кольцомъ, которому избръшпашель, г. Baillot, придавъ форму узла, дѣлаемаго изъ золота. Этошъ блестящій узелъ опдѣляется на матовомъ золотѣ, и подымается и опускается по произволу. Шнурокъ сей особенно хорошъ на бархатномъ платьѣ съ высокими лифомъ.

Г-жа Casaubon, въ улицѣ St.-Fiacre. Въ этомъ магазинѣ цвѣты имѣютъ видъ и свѣжесть настоящихъ; роза чепырехъ времени года, cassula, касашикъ, magnolia, обманули бы гдѣ пибудь въ собраніи, своею неправильною зеленью, полу-разпуспившимися цвѣтами, и споль натуральнымъ положеніемъ, самыя опышныя глаза.

Ея бальныя уборы превосходны поѣкостью и легкостью; гирланды изъ смѣшанныхъ цвѣтовъ, ромашки и mignardise, маленькихъ пѣжныхъ цвѣтовъ; поперечныя гирланды, изъ пѣхъ же цвѣтовъ, расширяются, приближаясь книзу, и кладутся вкось по юбкѣ.

Прямыя гирланды, изъ мелкихъ цвѣтовъ, кладутся какъ машильды, книзу шире.

Гирланды изъ полевой павилики, съ серебряными листьями; трудно опредѣлить фасонъ, какимъ онѣ кладутся; все, что можно сказать, это то, что онѣ составляютъ спереди родъ зубца, и оберпываются около юбки.

Поперечныя гирланды изъ чѣрныхъ съ розовымъ цвѣтовъ; такія же спиральныя гирланды для волосъ.

Красивыя куспики для платьевъ, изъ наспощихъ или вымышленныхъ цвѣтовъ, съ дубовою, весьма легкою зеленью.

Потомъ сполько вѣнковъ на выборѣ! Древніе вѣнки изъ розъ или dahlia; вѣнки Joconde, а посреди сихъ извѣстныхъ, опличаются *Перуанскіе*; имя сполько означаетъ формъ, что бесполезно описывать подробно. Эти щеголеватые вѣнки, совершенно новой формы, окружаютъ прическу, не закрывая головы; они дѣлаются изъ самыхъ мелкихъ цвѣтовъ, одного цвѣта или перемѣшанные. Они должны имѣть большой успѣхъ съ родомъ прически, которая сохранилась.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.
.....

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 12.

Цѣна годовому изданію,
состоющему изъ 104 №
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургѣ 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, Февраля 10 дня 1854 года.

Увидѣть ясно онъ,
Что и въ деревнѣ скука та же,
Хоть нѣтъ ни улицъ, ни дворцовъ,
Ни каршъ, ни баловъ, ни спиховъ.

А. Пушкинъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

А Ф О Р И З М Ы М О Д Ы .

Трудно съ точностію опредѣлить то, что называется свѣтскостію: теорія введетъ васъ во множество ошибокъ; но крапковременный опытъ лучше всякихъ разсужденій научитъ васъ, какъ опдѣлываться въ разныхъ запруднительныхъ случаяхъ, и веспи себя опносительно ко времени, мѣспу, обстоятельствуамъ и лицамъ.

Мода, истинный деспотъ, всѣмъ управляетъ и повелѣваетъ въ Парижѣ. Тамъ нельзя найпи опѣта на слова: *такъ говорятъ, думаютъ, дѣлаютъ, одѣваются.*

Общество состоитъ изъ двухъ многочисленныхъ разрядовъ людей: у однихъ болѣе объдовъ, чѣмъ апшеша; у другихъ, болѣе апшеша, чѣмъ объдовъ.

Богатство идей не ручается за умъ человека, также какъ большой опрдѣ войска не свидѣтельствуетъ о достоинствѣ полководца, который имъ начальствуетъ.

Человѣкъ умный бываетъ скромнѣе глупца попому, что первый знаетъ свои недоспашки, а послѣдній слѣтъ къ своимъ.

Общество кокетки подобно чтенію романа, которымъ увлекаешься, не смотря на убѣжденіе, что видишь въ немъ одинъ лишь вымыселъ.

Благосклонность придаетъ красоту еще болѣе прелести: ничто такъ не обезображиваетъ хорошенкя губки, какъ насмѣшливая улыбка.

Бракъ можно сравнить съ торговымъ обществомъ, котораго барыши соразмѣрны съ тѣмъ, сколько участвующие приносятъ капитала. Капиталь же сей состоитъ во взаимныхъ попеченіяхъ, вниманіи, снисхожденіи.

Почти всѣ разговоры въ госпальныхъ походятъ на прогулку по водѣ: вы удаляетесь отъ берега, почти того не чувствуя, и замѣчаете это не прежде, какъ оплывъ на значительное разстояние.

Умъ и опытность мушьянъ ошибаются чаще, нежели простое внутреннее убѣжденіе женщинъ.

Застѣнчивость рѣдко служивъ доказательствомъ скромности; чаще она бываетъ слѣдствіемъ сомнѣній самолюбія, которое, желая правиться, боится не достигъ своей цѣли.

Многія женщины лучше желаютъ слыть любезными, нежели дѣйствительно быть любимыми.

Насмѣшка есть наступательное оружіе, котораго никогда не увидишь въ рукахъ челоуѣка благовоспитаннаго, образованнаго и вѣжливаго.

Женщина пользуется надъ мужчиною такою же властію, какою сердце имѣетъ надъ разумомъ.

ПРИСТЫЖЕННЫЙ НАСМѢШНИКЪ.

Въ одномъ собраніи молодѣжь вздумала посвятить въ шушны одного изъ собесѣдниковъ старика N. N.—Правда, онъ былъ немножко мѣшковатъ, немножко грубъ въ обращеніи, немножко неловокъ въ ухваткахъ; но—не олухъ, за какова сія вѣпреники его приняли.

Однажды онъ явился на вечеръ нѣсколько поздно; толпа окружила его съ хохотомъ, и одинъ, желая блеснуть, потрепалъ его по плечу и сказалъ: Гдѣ ты такъ долго пропадалъ, умница нашъ?—«Ну, какой я умница, всѣ знаютъ, что я такой же дуракъ, какъ и ты!» возразилъ ему N. N.—Тутъ всѣ захохотали громче прежняго, только уже не на щепъ старика, а на щепъ шушника.

СТО ПЕРВЫЙ РУССКІЙ КАЛАМБУРЪ.

—Нашъ Перемышльскій помѣщикъ Долгошеинъ безпрестанно твердитъ о грамотѣ дворянству;—замѣтилъ пріѣхавшій въ наши края полковникъ P. . . . й.—«А самъ не знаетъ грамоты!» отвѣчалъ ему уѣздный вѣдодитель.

ЛУЧШАЯ ВАКСА.

Въ Лондонѣ одинъ шарлапанъ—продавецъ ваксы, на вѣшетъ объявленія о чудесныхъ

свойствахъ своего повара, изобразилъ челоуѣка, брѣющего себѣ бороду предъ свѣплымъ, какъ зеркало, сапогомъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

МАШИНЪКЪ.

Уже давно другой Маріи,
Какъ вы любезной и живой,
Пророчилъ спихъ мой удалой
Дни наслажденья золотые. . . .
И тайнымъ шепетомъ полна,
Внимала милая, она,—
Тѣмъ предсказательнымъ желаньямъ:
Я ей сказалъ: коварный свѣпъ
Чуждъ вашимъ радостнымъ мечтаньямъ,
Васъ не узнаетъ, не пойметъ;
Я ей сказалъ: межъ грустной знаши,
Средь скучныхъ и холодныхъ заль,
Всегда вы будете не ксати
Предметомъ злобы и похваль;
Я ей сказалъ: въ году богатства,
Вы будшо въ чуждой споронѣ,
О пихомъ, миломъ дѣпствя снѣ
По сердцу, безъ лицепріятства,
Сгруститетеся часно въ шишинѣ—
За то, презрѣвъ приманкой свѣпша,
Сей бѣдной, жалкой мишурой,
Украшите вы жребій свой
Уборомъ радостнаго цвѣпша.
Домашнимъ щаспьемъ. . . Тамъ въ пиши,
Богатствомъ пламенной души
На всѣхъ вы радости разольете,—
И щаспье жизни на пого—
Щаспливица смертнаго, кого
Своимъ по чувствамъ назовете. . .
—О, будь пророчество мое
И вашей жизни принадлежность!
Пусть щаспье, доброта, любезность,
Пусть блескъ ума, пусть сердца цѣпность
Украсятъ ваше бытіе!

В. Карлеофъ.

С H A R A D E.

La folâtre jeunesse aime fort mon premier;
 Mon second est donné par l'aveugle fortune;
 Un voyageur possède ou connaît mon entier,
 Car sur un grand chemin sa rencontre est commune.

Въ No 11, помѣщенная шарада значить: *Калмыкъ*.

РУССКІЙ ТЕАТРЪ.

О драмѣ: *Россія и Баторій*, соч. барона *Розена*.

Здѣсь Русью пахнетъ.

Пушкинъ.

Баронъ *Розенъ* положилъ на жершвенникъ Русской словесности новый, богатый даръ, драму: *Россія и Баторій* (*). Она заключаетъ въ себѣ столько красотъ, хотя перемежанныхъ съ недостатками, что вызываетъ крипику на благодарное для неѣ поприще. Погрѣшностей нѣкогда не избѣгалъ, и если хорошаго больше, чѣмъ худаго, если вездѣ виднѣтъ рѣшительный талантъ, обдуманность, начитанность и обширныя свѣдѣнія въ Русскихъ древностяхъ: то это уже неопровержимое доказательство, что сочиненіе высоко достоинства. Начнемъ сначала.

На заглавномъ листѣ сочинитель положилъ камень преткновенія. Я говорю о неприличномъ наименованіи, которое далъ онъ своей драмѣ: *Россія и Баторій*! Въ эпитахъ двухъ словахъ искусно помѣщено больше варваризма, больше ошибокъ, чѣмъ сколько ихъ во всей драмѣ! Прочитавъ оное, невольно приходишь на умъ вопросъ: кто зачется, *Баторій* или *Россія* (**)? Сами посудите, одно ли и то же *Россія*, что *Русскіе*,

(*) Напечатана въ С. П. бургѣ, въ тип. Инспекторскаго Департамента Военнаго министерства, 1833 г.

(**) Сочинителю хотѣлось, какъ намъ думается, дать почувствовать въ самомъ заглавіи, что *Баторій* боролся съ Россією, и что *Іоаннъ Грозный* упалъ духомъ и ничего не противостоялъ ему, кромѣ низости и трусости. Но сіе произвольное подкованіе нисколько не из-

родъ и нѣкоторые частии: ибо *Россія* составляетъ не одни ея обитатели, предметъ исторіи, но и предметы географіи! Символическаго же лица: *Россія*, нѣтъ и нѣкогда не ожидалъ въ драмѣ не XI вѣка, а *Баторій* выведенъ на сцену безъ жизни и образа, только мимоходомъ. Выисканность названія — улика, что писатель долго не находилъ его, всегда имѣетъ причину въ ошибочномъ планѣ и содержаніи сочиненія. Въ драмѣ барона *Розена* нѣтъ единства. Царевичъ и Царь *Іоанны*, осада *Пскова*, лагерь *Баторія* подъ *Псковомъ*, покореніе *Сибири*, или лучше: драматическая повѣсть изъ Русской исторіи 1658-го года — вотъ сущность драмы, вотъ ея подлинное названіе. Не сдѣланныя въ одно, сіи происшествія и лица помѣщены въ драмѣ опидѣльно, почти не напоминая другъ о другѣ. Въ продолженіе цѣлыхъ дѣйствій драмы забыты по *Іоанны*, по *Псковитяне*, по *Поляки* (*). Эпизоды въ романѣ, мало съ нимъ связанныя, еще сносите: онъ можетъ удерживать славу собранія пріятныхъ повѣстей, кои смягчатъ ропотъ ума, занимал его же любопытство. Напротивъ того въ драмѣ, въ коей господствуетъ чувство, если насъ просятъ заплакать въ первомъ дѣйствіи объ одномъ лицѣ, во второмъ ужаснуться несчастію другаго, въ третьемъ — погорѣвать о третьемъ, совсѣмъ новомъ: это сдѣлаетъ, что мы ни о комъ не спанемъ плакать, ни въ комъ принимаемъ участія.

Не говорю, что въ новой драмѣ всѣ эпизоды лишніе. Будь они соразмѣрны съ пьесою; еще болѣе: пускай въ нихъ судьба главнаго дѣйствующаго семейства непрерывно видима; пусть напр. *Псковитяне* одушевлены мыслию, что къ нимъ рвался лептѣтъ на помощь державный орленокъ, молодой *Іоаннъ*;

виднѣтъ страннаго названія драмы: поелику съ *Баторіемъ* сражались одни *Псковитяне* — и они одни опстояли свой родной городъ, разбили и прогнали надмѣннаго Польскаго короля. — В.

(*) *Іоаннъ* является въ I дѣйствіи, потомъ черезъ полтора дѣйствія, въ концѣ III-го и въ послѣдней половинѣ IV-го. *Псковитяне* занимаютъ одно, полное, II-е дѣйствіе; *Поляки* и *Русскіе* послы выходятъ въ началѣ IV-го; *Баторій* — въ началѣ III дѣйствія!!!

пусть между самыми *Поляками* смутно носится о помъ слухи—и ни *Псковитяне*, ни *Поляки* не казались бы въ драмъ мимолетными Кипайскими пѣнями, которыя смѣняются другими въ ту самую мнуну, когда мы начинаемъ съ ними знакомиться, входимъ сердцемъ въ ихъ положеніе, сосрадаемъ имъ. Классики спѣснили кругъ дѣйствій въ одно, въ два семейства, коихъ горестъ нераздѣляема, недоступна проснымъ гражданамъ; дома вельможъ, чертоги царей ихъ, были подобны жилищу изгнанниковъ. Романники выводятъ на сцену поже одно, много два семейства, но какъ-бы открываютъ окна домовъ и дворцовъ, показывая сквозь нихъ шумный свѣтъ, раму спраждающаго семейства. Такова дѣйствительная жизнь людей! Въ міръ никто не радуется, не плачетъ одиноко: всѣ, больше или меньше, связаны съ жителями своего города, полководцы съ войскомъ, цари съ государствомъ. Баронъ *Розенъ* чувствовалъ истинную эпоху мысли въ высокихъ романтическихъ драмахъ, но не замѣтилъ, что память издадека сбѣгающіеся лучи сливаются въ одну фокусъ. Въ нихъ, не смотря на волненіе многолюдства, зритель никогда не упускаетъ изъ вида главнаго дѣйствующаго лица, или семейства. Онъ не скажетъ, что въ *Гамлетъ*, *Двѣ Орлеанской*, *Валленштейнъ* предметъ драмы комедіанты, война *Франціи* съ *Англіей*, мелкіе *Германскіе* полководцы, а не сынъ *Гертруды*, не *Иоанна д'Аркъ*, не герцогъ *Фридрихъ*. Здѣсь все различіе того и другаго рода словесности состоитъ въ томъ, что классицизмъ на одной основной мысли умѣщался съжившись, смиренно и жалко; а романтизмъ на эпоху одной мысли раскидываетъ свои члены широко и свободно. Единство въ сочиненіи есть правило не въка, не *Грековъ* и *Французовъ*, а ума: правило и классицизму и романтизму равно священное. Умъ, пока вѣренъ себѣ, самъ исполнитъ законъ свой, хотя бы не запердидъ книжныхъ правилъ.

Кромъ того, эпизоды въ сочиненіи барона *Розена* не должны были входимъ въ драму по самому существу своему: они разруша-

ютъ чары драматической поэзіи. Предметъ ихъ, выраженіе характера двухъ народовъ, *Русскихъ* и *Поляковъ*, осада *Пскова* и взятіе *Сибири* (*). Замѣтимъ еще, что судьба цѣлыхъ народовъ или городовъ, изображеніе ихъ политическаго быта кистью поэзіи— есть область эпопеи. Она, развивая обширныя картины и описанія, удивляетъ, восхищаетъ, но не распрогиваетъ, не жалобитъ сердца: ибо люди, смотря на бѣдствія народныхъ, предаются важнымъ, степеннымъ размышлениямъ, чувствуютъ сожалѣніе, но не по нѣжное, попрясающее, опъ котораго льются слѣзы. Для послѣдняго мы должны знать именно, кто спрадаетъ, кто плачетъ— и тогда сами заплачемъ. При видѣ пожара, хотя бы онъ обхватилъ цѣлый городъ, посторонній зритель почувствуетъ ужасъ, спѣсненіе души, однако же не заплачетъ, даже готовъ наслаждаться эпимъ зрѣлицемъ: а попадись ему одна женщина, которая бѣжитъ къ обываченному огнемъ дому, гдѣ оспались ея дѣти—и зритель не удержится опъ слѣзъ! Можно навѣрное сказать, что никто не плакалъ (хотя всѣ сожалѣли) ни о *Россіи*, временъ *Иоанна IV*, ни о *Франціи*, временъ *Робертъера*; но при изображеніи смерти *Иоаннова* сына, смерти *Лудовика XVI*, нѣтъ мѣста сухимъ размышлениямъ и сердце горюетъ. Вотъ различіе эпическихъ предметовъ опъ драматическихъ. Поэма, описывая народные перевороты, брани и бѣдствія, питаетъ любопытство въ часы нашего отдыха, также точно, какъ исторія занимаетъ его въ часы работы и думы. Не ихъ дѣло; онъ не владѣютъ орудіями раскрывать сердце къ сосраданію: эпо область драмы, которая имѣетъ на то свои средства. Жалоситъ до слѣзъ, ужасъ до трепета можетъ возбудитъ въ насъ спрашное положеніе только одного человека, одного семейства. Даже въ бѣдствіи общемъ, народномъ, должны звучать однѣ струны эпихъ немногихъ сердецъ, осужденныхъ рокомъ на горестъ. Вводныя мѣста въ драмъ барона

(*) Эпизоды занимаютъ: все II-ое, большую часть III-го, начало IV-го и конецъ V-го дѣйствія: слишкомъ много. Члены больше своего шуловица!!!

Розена суть чистыя эпическія, и припомъ опдѣльныя. Въ Псковѣ, въ лагерѣ Польскомъ и другихъ мѣстахъ вы встрѣчаете песпрѣбую, перемѣняющуюся толпу, которая черезъ полчаса уже не та, и опять не та. О комъ спрадась? О комъ грустимъ? Правда, *Иоаннъ IV* обойденъ кругомъ, изображеніе осады *Пскова*, спана *Баторіева*, рассказъ атамана *Кольца* любопытны, умъ занялъ; но сердце молчитъ, а эпо значить уже, что авторъ не на по дѣйствуешь, не по чувствво возбуждаешь. Не такъ у самаго барона *Розена* составлена другая, собственна драматическая часть пьесы, гдѣ мы готовы лишь горючія слѣзы ручьями, сочувствовать *Иоаннамъ* и *Годунову*, кои созданы съ высокимъ драматическимъ искусствомъ.

Въ самомъ дѣлѣ, посмотрите на двухъ *Иоанновъ* и *Годунова*. Эпо не книжное описаніе, не роли для актеровъ: эпо живые люди. При чтеніи драмы думается, что *Иоаннъ* и *Годуновъ* опдѣляются опъ листовъ ея; дышатъ, глядятъ! Такъ, смотря на панцовицу *Кановы* (*), ждешь, что она слепитъ съ предеспала! Г. сочинитель, изображая поэтически Царя, умѣлъ сохранить историческія черты его, въ помъ видѣ, какъ онъ давно живетъ между нами, поднятый изъ льпописей незабвеннымъ Н. М. *Карамзинымъ*. *Иоаннъ IV* ожесточенъ, будпо звѣрь; униженный врагомъ, прежде презираемымъ, онъ вымещаетъ эпо на своемъ народѣ; издѣвается надъ своими боярами, смѣется надъ ихъ слезами, по боится ихъ, не зная, куда бѣжать въ незгодѣ; онъ клянетъ себя и доказываетъ неизбѣжность своихъ поступковъ, толкуя по своему св. Писаніе и исторію. Между тѣмъ эпошь характеръ, опдѣльно ненавистный, облагороженъ, высоко поднятъ характеромъ подданныхъ *Иоанна*. Не смѣютъ помыслить они, что *Иоаннъ* безуменъ, волкъ, и думая, что онъ казнить по внушенію Божію, ищутъ въ самихъ себѣ вины и преступленія, очищаютъ *Иоанна*. Онъ не мучитель, а человекъ: эпо небесная кара, неотразимая судьба! Съ другой спо-

роны, съ *Иоанномъ* примиряетъ насъ удовлетворенное любопытство, съ которымъ мы видимъ въ Царѣ чувства человека. И его преслѣдуютъ жалость, раскаяніе, мечты объ убитыхъ! Окруженный боярами, изливая на нихъ желчь ироніи, онъ вдругъ задумывается.

«Князь Михаилъ Ивановичъ *Воротынский!*»...

произноситъ онъ,—и мнитъ, не предспалъ ли передъ него окровавленный спарець-мученикъ, посѣдѣвший опъ лѣтъ и думъ подъ *Казанью* и на *Лопаснѣ*! Переступившій черезъ предѣлъ ожесточенія, спеная надъ умирающимъ сыномъ и повелѣвая ему не умирай (*), *Грозный* Царь въ самомъ спокойнѣи сыноубійцы спановицся испинно-Царемъ, какимъ-по всевластнымъ существомъ, оправдывая покорность, съ которою подданные приносили ему свои головы! Спрашно дѣло, видя мучителя, мы жадѣемъ, что онъ замучился надъ невинными спрадальцами! Искусство барона *Розена* не столько въ помъ соспоишь, что онъ оживилъ подлиннаго, свирѣпаго *Иоанна*, сколько въ помъ, что онъ заставилъ насъ смотрѣть на эпого Царя, какъ на него смотрѣли *Русскіе XVI* вѣка, съ препетомъ и уваженіемъ.

Сколько же исторической вѣрности заключено въ характеръ *Годунова*. Загадочны, непостижимы дѣла его и замыслы. Что онъ: ангель, или духъ тьмы? Не разрѣшая эпого, мысли наши не отстаютъ опъ него, роятся надъ нимъ, какъ пчелы надъ дупломъ благороднаго дуба. *Борисъ* любитъ своею сестрой-царевною: онъ любитъ еѣ, но не больше ли любитъ по, что онъ братъ царевны? Онъ, кажется, птаетъ высокое, небесное добро, вывода царевича изъ пороковъ: но оспорожность, съ которою приступаетъ къ эпому, похожа на оспорожность эхидны! Боится мысли, не съ коварствомъ ли онъ показываетъ царевичу добро, чтобы, раздраживъ опца, погубить сына?

«Святое дѣло... Между тѣмъ мнѣ снится Царевича погибель въ эпомъ дѣлѣ!»

(*). Въ Эрмитажѣ.

(*). Спрн. 169.

Ему уже снился царская корона! Но нѣтъ, не вѣрится, чтобы *Борисъ* приступалъ къ святому дѣлу, какъ къ орудію убійства: онъ такъ благороденъ надъ всѣми въ этой дикой полѣ царедворцевъ! Заслоняя собою царевича, *Годуновъ* конечно ращипывалъ, что опъ *Грознаго* нельзя ожидать жалости. Въ глубинѣ души оспается черное подозрѣніе на *Бориса*: однако же мы любимъ его. Такъ прекрасно, полузакрыто очеркнулъ баронъ *Розенъ Годунова*! Опъ него чипапель пресыщается собственными мыслями, кои, опвиваясь одна опъ другой, не находятъ себѣ предѣловъ: вездѣ загадка, вездѣ новая мысль—и все наслаждение. Таковъ *Борисъ* и по исторіи. Онъ не даромъ любимецъ поэтовъ, которые оповсюду бросающся на эпо поле, чпобы вязапъ на немъ вѣнкъ себѣ. Его жизнь есть большой, разнообразный уголь природы, исполненный добра и зла, свѣла и тьмы, ужаса и слабыхъ думъ. На такихъ людяхъ, при обзорѣ народныхъ поколѣній, всегда оспанавливается и играетъ мысль поэта! Они сами поэты дѣйствій, такъ что вѣрное, историческое описаніе ихъ жизни, кажется описаніемъ поэтическимъ. Сверхъ того, сколько мы ни пвердимъ объ ужасѣ нашемъ къ людямъ, поприсающимъ спраспями своими судьбы народовъ; сколько въ самомъ дѣлѣ ни любимъ героевъ, посполнно и частно возвысившихся: по признаемъ, что исторію послѣднихъ мы чипаемъ какъ нравственное поученіе, и охотнѣе обращаемъ мысли на кровавые дорѣги первыхъ. Намъ не перемѣнимъ природы нашего сердца! *Борисъ* историческій навсегда оспанелся удѣломъ поэтовъ. Кто шеперь спанелъ описывать его поэтически, попъ или повпорилъ очеркъ барона *Розена*, или создастъ мечту, невѣрнаго *Бориса*. *Годуновъ* барона *Розена*, одинъ на одного, поборетъ *Годунова* А. С. *Пушкина*!

При созданіи характера царевича *Иоанна* сочинитель показалъ еще болѣе искусства, болѣе самостоятельности. Здѣсь онъ не могъ руководствоваться исторіею: ибо она характеръ молодаго *Иоанна* не дорисовала, образовавъ только осповъ, представивъ его

обращеніе къ добру неожиданно, неопредѣленно. Баронъ *Розенъ* развилъ эпо исправленіе на должайшее время, на продолжение всей пьесы, и опспунивъ опъ истины исторической, далъ намъ истину человеческую. Онъ въ самомъ характерѣ царевича заключилъ дѣйствіе, особую драму, съ своимъ осповапемъ, завязками и развязкою; допустилъ насъ къ созерцанію любопытнѣйшей пайны природы: какъ въ сердцѣ человека на почвѣ зла восходитъ ростокъ добра. Мы видимъ, кромѣ наружныхъ дѣйствій жизни, жизнь сердца человеческого. Молодаго *Иоанна* губилъ отецъ-развращитель, обещающій *Россіи* преемство государей, какихъ *Рилу* оспавилъ *Тисерій*. Но царевичъ не оспанелся злодѣемъ: онъ сынъ *Анастасіи*, эпой доброй *Анастасіи*, при которой Русскимъ земля казалась небомъ. Бывало

«Родимая *пойдетъ* ли по Москвѣ,
Такъ на Москвѣ вскипимъ народный праздникъ—
И весь народъ за машушкой-Царицей,
И на рукахъ бы машушку понесъ!
Гдѣ ни *пойдетъ* съ своею красотой
И милостью—освѣтитъ все кругомъ
И словно алымъ бархатомъ покроетъ:
Идешь, ну будто солнышко капнился
Златымъ шапромъ по Божіей землѣ!

Сынъ такой матери не будетъ злодѣемъ: онъ не добръ опъ примѣси опцовской крови, и больше опъ того, что въ его молодости не было съ нимъ Ангела-хранителя. Вотъ приходитъ *Годуновъ*, накладываетъ на царевича свои свѣпдые и темные сѣпды, кажется ему добро въ сіяющемъ видѣ—и попъ забился, запрепалъ какъ голубь: онъ проспиралъ объясія, готовъ весь броситься въ добро. Онъ спановился задумчивъ, чувствуетъ мощъ быпъ тѣмъ, чѣмъ были мать и во время славы отецъ: онъ печаленъ, болѣнъ. Но едва царевичъ спалъ ушверждаетъ на пупи добра, едва мы успѣли полюбить его, какъ онъ падаетъ подъ рукою опца, омытый кровію, чистый, будто святой Божій угодникъ! Эпо дитя наше, выросшее на нашихъ рукахъ, любимое дитя! Сердце, привязанное къ царевичу, негодуетъ на сочинителя, который не понялъ лучшее

свое созданіе, самъ не зналъ, чѣмъ въ правѣ гордиться. Онъ думалъ, что Царь *Іоаннъ*, и безжизненный *Ваторій* суть главныя дѣйствующія лица въ его драмѣ: особенно Царь вездѣ заслоняетъ царевича! Сытъ *Анастасіи* благодаритъ къ сочинителю. Хотябы въ драмѣ не было ничего болѣе изящнаго, то за одинъ характеръ царевича чпитель изящнаго скажетъ, что баронъ *Розенъ* явилъ себя драматикомъ — знапокомъ чедовѣческаго сердца!

Съ перваго раза можете показаться, что у нашего поэта царевичъ есть сколокъ съ *Шиллерова Донъ-Карлоса*; но чѣмъ глубже вникаемъ въ драму барона *Розена*, тѣмъ спановится ошущительнѣе, что онъ много чпаетъ *Шекспира*. Въ судьбѣ царевича *Іоанна* и *Донъ-Карлоса* есть сходство по исторіи — и вопть все сходство въ драматическихъ *Іоаннъ* и *Донъ-Карлосъ*. Если такимъ образомъ ни съ кѣмъ не позволено спалкиваться, то вовсе не надобно писать о нашемъ царевичѣ. *Шиллеровъ* инфантъ обыкновенный, споячій характеръ, дѣйствующій наружно, но внутренно одинаковый опъ начала до конца пьесы. Такихъ характеровъ бездна у поэтовъ. Кромъ того, *Донъ-Карлосъ Шиллеровъ*, совершенство чедовѣкъ, есть одинъ изъ слабыхъ созданій знаменитаго *Германца*. Опспунивъ опъ исторіи, онъ сбился какъ-то на классическую тропу. Не съ *Донъ-Карлоса* списанъ живущій, драматическій царевичъ барона *Розена*. Такіе характеры, такіа дѣйствующія лица, вы найдете у одного *Шекспира*, этаго дикаря, который въ простотѣ своей споль глубоко освѣпилъ бездну чедовѣческаго сердца! Посмотрите на его *Генриха V*. Молодой принцъ, при началѣ пьесы, гуляетъ по веселымъ домамъ, грабитъ прохожихъ по дорогамъ, не думая ни о чемъ, ни о царствѣ, ни объ опцовомъ проклятіи. Но душа его велика: между дерзостями и шалостями вспыхиваетъ огонь чести. *Фальстафъ* и другіе друзья держатъ его въ порокахъ: онъ рвется изъ пущъ, и то вспааетъ, то опять падаетъ. Поднятый *Готспуромъ* бунтъ — поднялъ и принца: онъ въ ногахъ у опца клянется

омытъ свои шалости въ крови *Готспура*. Клятва молодости! Принцъ торжествуетъ на полѣ битвы и опять въ объятіяхъ *Фальстафа*! Такими пущами слабостей и раскаянія *Шекспиръ* довелъ *Генриха* до конца пьесы, когда видъ умирающаго опца, мысль о пресполь — твердо постановили его на дорогу добродѣтели. Опъ король — и не пойдетъ болѣе за *Фальстафоль*! Таковы у *Шекспира* многія лица, проведенныя по жизни міра и по жизни души. Замѣтилъ ли опъ въ *Шекспирѣ* баронъ *Розенъ*, подражалъ ли ему, во всякомъ случаѣ опъ приноситъ большую честь ему. Надобно жалѣть, что нашъ авторъ опгранилъ мало времени опъ исторіи, не представилъ царевича въ разгульѣ, послѣ пировъ разврапа и крови. Эпо широко раздвинуло бы предѣлы драмы. Кпо не поддавался молодости, не чувствовалъ болѣзненнаго возмужанія души? Всѣ мы любимъ добро и прекрасное въ нравахъ; но часто грязли въ забывчивости, будпо наслаждались, вставали и падали, покамѣспъ насъ не исправили годы и лоза судьбы. Царевичъ есть зеркало каждаго чедовѣка, хотя для многихъ нѣсколько увеличительное. Только подобными, хотя въ нѣкоторой спепенн *Шекспировскими* пущами, писатель можетъ достигнуть до невянущаго вѣнка драматика. Не за повѣсти, не за блескъ ума, но за мысли, спаящія въ сердце, по за начертаніе жизни этаго сердца, ождаетъ его слава. Опъ великій драматикъ, когда нѣсколько поколѣній скажетъ: въ его драмахъ изображенъ чедовѣкъ, какъ онъ есть, съ опкрытою грудью!

(Продолженіе въ слѣд. листкѣ.)

M O D E S.

Nous allons donner le détail de quelques robes et habits de cour d'une grande beauté, que nous avons remarqués dans un envoi fait à la reine de Portugal et à la duchesse de Braganca par Madame Hippolyte.

Nous passerons sans explication une foule de toilettes, qui, bien que très-riches, n'offraient aucune particularité. Les étoffes de satin broché de tout genre, à dessins-dentelle, fleurs Pompadour, en cachemires, en velours, étaient de façon plus ou moins habillées,

à pèlerine de velours, à mantilles et rabats *de point*, à chérusque de blonde.

Ce qui surtout a paru plus remarquable c'était des robes avec le manteau de cour, dont une, en tulle brodé d'or et d'argent, doublée en satin, une autre, en tulle brodé au bord d'une très-large broderie en or; et en plein d'un réseau en losanges, semé de pois d'or de toutes couleurs, en lame brillante, produisant parfaitement l'effet des pierreries.

Un magnifique manteau de velours vert ayant une large bordure figurant des enroulemens d'où sortaient de grosses fleurs tout-à-fait en relief, en or mat et or brillant.

Puis, enfin, un manteau en moire bleu, brodé en argent, à peu près du même genre que le précédent, si ce n'est que les fleurs étaient plus délicates.

Le luxe des rubans est vraiment merveilleux cette année, mesdemoiselles Delatour feraient renoncer aux fleurs et aux bijoux quand elles nous montrent leurs ravissans fichus à épaulettes, les satins à la *Richelieu* et les nœuds de satin-blonde. Les ceintures de mademoiselle *La Grande*, rubans riches et éclatans; puis ses jolies gazes diaphanes, qui, placées sur un bonnet, entourent le visage comme une vapeur.

Un nouveau ruban, vert, rose et blanc, a pris son nom de l'héroïne du roman de M. le vicomte d'Arincourt, *le Brasseur-Roi*. Le ruban *Néalie* est à fond rose glacé, changeant, à fleurs vertes. La couleur néalie est en étoffe, fleurs vertes et blanches sur fond rose, ou rose et blanc, sur fond vert extrêmement pâle; ce qui produit des reflets doux et frais.

Chez *Watelin*, passage des Panoramas, les satins à fleur fond glacé, les rubans *Valenciennes*, fleurs jetées sur un fond de nuances pâles. Bordure de dentelle découpée.

Pl. No 6. Coiffure ornée de diamants. — Robe de satin. — Manteau Bayard.

М О Д Ы.

Мы опишемъ подробности нѣкоторыя плащя просныя и придворныя, чрезвычайно красивыя, замѣченныя нами при отправленіи, дѣланномъ къ Португальской королевы и герцогини Браганской, г-жею *Hippolyte*.

Мы оставимъ безъ объявленія множество парадовъ, копорые, хотя весьма великолѣпны, не представляли ничего особеннаго. Матеріалъ: апласу, зашканному во всякомъ родѣ, съ кружевными узорами, цвѣтами *Pompadour*, кашемиру, бархату, данъ былъ покрой болѣе или менѣе парадный, съ бархатными пелеринками, кружевными маншильею и rabats, и блондовыми chérusque.

Особенно показались замѣчательны плащя съ придворными плащами, изъ копорыхъ одно шюлевое, вышитое золотомъ и серебромъ, подложено апласомъ; другое, шюлевое, вышито по краю широкой каймой золотомъ, а по всему съпкой изъ кружковъ, усыпанное золотымъ горошкомъ всѣхъ цвѣшовъ, изъ блестящей биши, совершенно уподоблялось каменьямъ.

Великолѣпный плащъ изъ зеленого бархата съ широкою каймою, представляющею свѣрпки, изъ копорыхъ выходятъ большіе цвѣты совершенно возвышенныя, изъ маповаго и блестящаго золота.

Потомъ, еще плащъ изъ голубой обьяри, вышитый серебромъ, въ такомъ же родѣ, какъ и первый, только цвѣты были нѣжнѣе.

Роскошь на ленпы по испитіи удивительна пышнѣйшій годъ. Г-жи *Delatour* заставяли опшказаться опъ цвѣшовъ и вещей, показавши свои прелестныя пояса косыночками съ эполепами, апласныя à la *Richelieu* и банпы изъ блондоваго апласа. Пояса г-жи *La Grande*, богатыя и блестящія пояса; потомъ эти красивыя прозрачныя газы; когда опдѣланъ ими чепчикъ, то лице окружено какъ паромъ.

Новая ленпа, зеленая, розовая и бѣлая, приняла свое названіе опъ героини романа Виконпа *d'Arincourt*, *le Brasseur-Roi*. У ленпы *Néalie* грунпъ двуличневый розовый, съ зелеными цвѣтами. Цвѣтъ *néalie* въ матеріи, зеленые съ бѣлымъ цвѣты по розовому грунпу, или розовые съ бѣлымъ, по весьма блѣдно-зеленуому грунпу; это производитъ самый пріятный и нѣжный опблескъ.

У *Watelin*, въ переходѣ Панорамъ, апласныя ленпы съ цвѣтами по двуличневному грунпу, *Валансиенскія* ленпы, цвѣты разбросаны по блѣднымъ грунпамъ, кайма изъ вырѣзанныхъ кружковъ.

Карп. No 6. Прическа съ брилліанпами. — Плащя апласное. — Маншилья.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

•••••
ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.
•••••

Выходятъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 13.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 Но
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, Февраля 14 дня, 1854 года.

Друзья любезные, въ злой, доброй ли судьбѣ,
Украсьте жизнь свою веселости цвѣтами.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ЖАЛКІЕ АРТИСТЫ.

Какое жалкое ремесло арписта!—Но, (скажетъ кто нибудь изъ нашихъ чипапелей) *искусство не ремесло*; шупъ есть непочозный въ выраженіи... Не входя въ безполезныя прѣнія, любезный чипапель, мы постараемся убѣдиль васъ въ словахъ нашихъ и представимъ въ краткомъ очеркѣ состояніе художника, принудимъ васъ повторить вмѣстѣ съ нами: *какое жалкое ремесло артиста!*

Судите сами:

Опличный, заслуженный музыкантъ, для умноженія своей извѣстности, а при этомъ и доходовъ, собирается дать концертъ въ столицѣ. Съ перваго приступа къ этому, сколько несносныхъ хлопотъ, чтобы получить позволеніе, записаться покровителями, раздавать побольше билетовъ, уговорить другихъ арпистовъ, своихъ собратій, способствовать ему въ его предпріятіи! Но пропустимъ, не останавливаясь, многосныя подробности всѣхъ неудачъ, препятствій, непріятностей, которыя онъ испытываетъ на каждомъ шагу, и перенесемъ за нашимъ ар-

пистомъ въ театральное фойе, въ день назначенный для концерта. Мы видимъ его съ полнымъ кошелькомъ; сердце его дрожитъ отъ радости и страха. Въ эту минуту, вдругъ ему сказываютъ, что отецъ его при послѣднемъ издыханіи, что домъ его горитъ, что онъ лишился всего своего имѣнія; онъ хотѣлъ бы бѣжать, лепѣтъ... Нѣтъ! должно оспаться и выйти въ театральную залу и запеть Италіанскую арію, тогда, какъ въ ушахъ его раздается страшный звонъ, голова его кружится и душа расперзана горестью и безпокойствомъ.— Но это ужъ слишкомъ преувеличено, скажете вы; вслѣдствію ли арписту случается имѣть отца при послѣднемъ издыханіи; у многихъ ли бываетъ домъ, имѣніе; часто ли они... Легко такъ судить, мой дорогой чипапель, но для бѣднаго арписта, нѣсколько подержанной мебели составляетъ часто весь домъ его; иногда все имѣніе его состоитъ въ одной оперной парпигурѣ, или хорошемъ инструментахъ, на которыхъ зиждется ломкое зданіе всѣхъ надеждъ его. Впрочемъ, хотите ли примѣра, болѣе естественнаго? У него болятъ зубы; жаба давитъ ему горло; щека его распухла отъ флюса; его бѣтитъ лихо-

радка. Не правда ли, что все это можетъ каждый день съ нимъ случиться? Между тѣмъ, Публика ждетъ; она не принимаетъ извиненій; надо играть, надо пѣть; словомъ, надо отличиться, надо испощать всѣ свои силы, чтобы заслужить ея рукоплесканія.

Вы становитесь уступчивѣе? Если теперь, чтобы убѣдить васъ совершенно, мы укажемъ вамъ на молодую, пригоженькую актрису, принужденную каждый вечеръ обнимать соперницу, которую она не терпитъ; проповѣдывать мораль, отъ которой еѣ беретъ зѣвота; вздыхать о пошломъ любовникѣ, который измѣнилъ ей, и смотрѣть на своего красно-разрумяненнаго Адописа, между тѣмъ, какъ взоры ея невольно стремятся въ кресла и мысли бродятъ далеко отъ мѣста, къ которому она прикована конспрактномъ? Вы улыбнетесь. . . Свѣтъ, говорите вы, представляетъ много подобныхъ сценъ, и многія дамы и дѣвицы, не ей чета, а . . . а . . . Не спанемъ распространяться объ этомъ и удалимся отъ нашего предмета: въ Свѣтъ часто играютъ своимъ добрымъ именемъ, и иногда не стѣсняясь даже говорить о томъ; но артистъ подвергаетъ опасности цѣлую жизнь свою: ему не остается другого выбора, какъ между успѣхомъ и голодною смертію. Каменьщикъ сегодня худо исполняетъ свое дѣло; порпной порпистъ сюрпукъ, ему заказанный; даже, собственная ваша диссертація, любимый анпагонистъ, опзывается немножко головокруженіемъ . . . все это неважно, и на завтра, каждый изъ васъ принимается за свою работу, въ ожиданіи благопріятнаго расположенія, наистія. Нещасный же артистъ въ одну минуту теряетъ всю благосклонность, заслуженную имъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, и для него-то, по справедливости, одинъ шагъ отъ Капитолія до скалы Тарпейской. После этого назовите еще завиднымъ состояніе артиста! Это должно убѣдить васъ быть снисходительнымъ, и никогда не судить ни слишкомъ поспѣшно, ни слишкомъ строго.

И. И.

О Б Ъ Д Ы.

У Испанцевъ въ обыкновеніи неотступно упрашивать гостей остаться объѣдать; но учтивость требуетъ, чтобы вы всегда нашли какую нибудь отговорку, а иначе, если вы приняли приглашеніе: то поставили бы въ тупикъ хозяина и хозяйку.

У насъ въ Пиретѣ, иные тоже весьма долго и краснорѣчиво упрашиваютъ откушать хлѣба-соли; но вы взбѣсите хозяина и разогорчите хозяйку, если останетесь. . . Не отъ того, чтобы сполнъ быть дурень, чтобы кушанья было, что называется, въ обрѣзъ. Всего вдоволь, все гаспрономически состряпано. . . . но хозяевамъ меньше достанется, а отъ того-то они любятъ покушать въ *удиненіи*, шайкомъ отъ знакомыхъ.

БЛАГОПРІОБРѢТЕННОЕ.

«У меня только и *благопріобрѣтеннаго*, что эта золотая табакерка;» сказалъ одинъ секретарь.—Спало бытъ, подхвапилъ спрячій, все прочее твое имущество есть *люпріобрѣтенное*?—

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Э Л Е Г І Я.

Не вѣдаетъ мудрецъ надмѣнной,
Не постигаетъ хладный свѣтъ,
Какъ пляжко трапистъ поспешенно
Всѣ оболыщеня юныхъ лѣтъ.

«Онъ съ призракомъ своимъ просиленъ,
«Онъ спалъ умнѣе;»—говорятъ,
Не скажущъ: бѣдный! Онъ лишился
Своихъ любимѣйшихъ опрадь.

Преспанъ оплакивашъ измѣну
Мечпы! О Боги! я готовъ;
Но что-жь даете вы въ замѣну
Живыхъ, блестящихъ, милыхъ сновъ?

На жизнь я поднялъ взоръ безспрастный,
Что было—есть; но гдѣ же ты,

Миръ ненаглядный, миръ прекрасный,
Зерцало горней красоты?...

Разнесся дымъ очарованья,
Слепѣлъ покровъ волшебный пшвой,
И ты безъ тайнъ, безъ упованья,
Однообразный предо мной.

Предсталъ, какъ памятникъ бездушный
Время минувшихъ торжества,
Какъ испуганъ жрецу послушный,
Злапой кумиръ безъ божества!

В. Туланскій.

1825.

О М О Н И М Ъ.

Я князь, и озарилъ закономъ Христіанства
Великій свой народъ;
Я городъ небольшой большова государства,
И спердедамъ въ рѣкѣ шной водъ,
Гдѣ я коспроемъ.
Я и столицею лѣтъ съ двѣсти прослужилъ.
Какъ князь—между свяшыхъ я мѣсна удостоенъ,
Въ испоріи себѣ я имя заслужилъ,
Любилъ я громъ мечей—и бранной славы звуки.
Теперь губернкскій городъ я,
И Губернашоромъ—судить, рѣшить меня
Былъ Князь Иванъ Михайлычъ Долгорукій.

III.

Въ № 12, помѣщенная шарада значить: *Bal-lol*.

РУССКІЙ ТЕАТРЪ.

О драмѣ: Россія и Баторій, соч. ба-
рона Розена.

(Продолженіе.)

Характеръ Курбскаго въ новой драмѣ не
уступалъ бы характерамъ Іоанна IV и Го-
дунова, еслибы видѣнъ былъ, во все продол-
женіе драмы; характеръ привлекательный,
опредѣляющійся опъ другихъ. Онъ созданъ
поэтически, но строго основанъ на помъ,
какъ извѣстенъ по испоріи, по своимъ за-
пискамъ и письмамъ. Курбскій таковъ былъ,

что его вѣрная біографія кажется поэти-
ческою повѣстью. Пламенный, не спарфю-
щійся юноша, перебѣжчикъ, нѣжный сынъ,
по неволѣ покинувшій домъ родительскій: о
еслибы Царь приласкалъ его! Какихъ подви-
говъ, какихъ побѣдъ нельзя было ожидать
опъ сего опышнаго, увѣчаннаго лаврами
полководца! Онъ бѣжалъ на чужбину, не въ
силахъ будучи видѣть бѣдствій и уничтоже-
нія Опечества, не нашелъ щастья на чужой
сторонѣ, безопрадно сіялъ и опгорѣлъ, какъ
падучая звѣзда! Русскіе крестились, произ-
нося имя измѣнника, а онъ посковалъ о Ру-
си. Не на Руси ему было все равно, что не
на Божіемъ свѣтѣ. Душа его разорвалась на
части, когда онъ спалъ прощаться съ Рус-
скими плѣнными, возвращавшимися въ Моск-
ву. Онъ полетѣлъ бы за ними.

«Коростовъ, Бутурлинъ,

Плещеевъ, милые друзья, простите!

Мнѣ сладостно и больно!... Вы съ собой

Хоть въ памяти своей меня возьмите!

Вы у меня хоть душу опнесите

Въ родимую, завѣшную Москву!»

Это онъ, это Курбскій, это Русское чув-
ство! Баронъ Розенъ, коснувшись до живой
спруны своихъ согражданъ, плѣнилъ ихъ
сильными стихами. Русскіе, Москва! пред-
ставьте ихъ только такими, каковы они
были, каковы естъ, и милые звуки разольюп-
ся по сердцамъ нашимъ! Русскіе особеннымъ,
своимъ манеромъ горячи къ землѣ, на ко-
торой родились; въ нихъ много того, что
люди зовуть прекраснымъ! Посмотрите на
ихъ поднятыя головы, когда хопятъ оп-
нятъ у нихъ родное? А Москва! кто не
жилъ въ ней, потъ нещастливъ, какъ Грекъ,
не бывшій въ Аркадіи: не дышалъ роднымъ
воздухомъ! Столько разъ внушавшая пре-
лестные стихи Дмитріеву, Жуковскому,
Пушкину, она вдохновила барона Розена.
Сердце выпверживаетъ прощаніе Курбскаго,
выпверживаетъ черпы самаго Курбскаго,
чтобы помнишь ихъ на вѣки. Но Іоанновъ
любимецъ и изгнанникъ является въ драмѣ
проходимъ, только разъ, какъ-бы для того,
чтобы оставишь намъ сожалѣніе, зачѣмъ не
долго его видѣли. Въ жизни Курбскаго за-

ключена своя богатая драма, которая ждетъ пьснопѣвца: онъ будетъ вездѣ свѣтпозарень: въ драмѣ, въ романѣ, въ поэмѣ. Слышно, что баронъ *Розенъ* передѣлалъ свою драму, или справедливѣе сказать, создалъ новую драму— *Осада Пскова*, изъ которой исключилъ онъ *Грознаго*, царевича *Юанна*, *Годунова*, *Ирину* и сосредоточилъ весь интересъ пьесы на князь *Курбскому* и сынъ его. Мы приобрѣли новую драму! По крайней мѣрѣ лучшаго поэта-исторіографа *Курбскому* не надобно желать. Баронъ *Розенъ*, мимоходомъ, но широко и ярко очеркнулъ его. Замѣтно, что онъ и не долго работалъ, самъ разгорѣлся чувствомъ изгнанника, выразилъ восторгъ собственннй. Таковъ долженъ быть поэтъ *Юаннова* изгнанника. *Курбскій* пребудетъ руки быстрой, чтобы его пламенный характеръ сошелъ съ пламени пруда.

Изъ остальныхъ характеровъ шупъ *Грляной*, съ своими вовсе не смѣшными шупками, и *В. И. Шуйскій*, да немного *Ирина*, еще отдѣляются отъ другихъ. Всѣ прочіе характеры не имѣютъ ничего опредѣленнаго, самостоятельнаго: образы безъ лицъ, пѣни безъ души. Не исключая изъ этаго самаго *Баторія*, котораго сочинитель посадилъ на заглавномъ листѣ. Впрочемъ, на заглавномъ листѣ король *Польскій* больше охарактеризованъ, чѣмъ въ драмѣ: по крайней мѣрѣ такъ видимо, пріятельски о чемъ-то бесѣдуетъ съ сосѣдкой *Россіей!* Характеры эти ничто иное, какъ изложеніе происшествій, объясненіе мыслей одного и того же лица, сочинителя, раздробленныхъ и вложенныхъ въ уста разныхъ дѣйствующихъ лицъ. Надписи: *Скопинъ*, *Огинъ-Плещевъ*, одна, другая *Псковитянка*... сочинитель даетъ разумѣть, что разговариваютъ разные лица. Но не смотрите въ книгу, слушайте, когда спанетъ читатель еѣ другой, не сказывая, кто говоритъ—и вы не догадаетесь, кто говоритъ: *Бахтелровъ* или *Ростовскій-Лобановъ*, 1-й или 4-й панъ, *Елецкій* или *Олферьевъ*. Этаго мало, перемѣшайте разговоры: вложите рѣчи 1-го Московскаго жильца въ уста 3-го жильца, *Замойскаго* въ уста *Баторія*; соединяйте куплеты, чтобы дѣйствующія лица произ-

носили по одному чужому и по одному своему куску—все равно, не будетъ ни лучше, ни хуже! Однимъ словомъ, баронъ *Розенъ*, давъ разнообразіе нѣсколькимъ характерамъ, пустилъ другихъ на сцену

«Какъ куколь по столу. . .»

Поэту нѣтъ оправданія въ томъ, что сіи лица второстепеннаго и пренебреженнаго интереса, слѣдственно неважныя. Конечно ихъ трудно отдѣлять въ многочисленствѣ; но спрасней, склонностей, степеней и родовъ ума, разнообразнаго добра и зла въ мірѣ безъ числа больше, чѣмъ у нашего автора *Бахтелровыхъ*, пановъ, *Псковитянокъ*. . . Всѣ они могли бы не походить одинъ на другаго, какъ не походи *Юанны*, *Годуновъ* и *Курбскій*. Велико пребываніе, но велика и награда—для пѣхъ писателей, съ коими баронъ *Розенъ* соперничествуетъ. Еще меньше онъ можетъ оправдываться недоспапкомъ свѣдѣній, оставленныхъ лѣтописцами, о лицахъ, подобныхъ *Бахтелрову*. Поэтъ сердцевидѣць. Его не должны оспанавливать, какъ бѣднаго, землянаго историка, съфденные мышами листы изъ *Тацита*, сгорѣвшій въ пожарѣ *Московскому* — Троицкій списокъ нашихъ лѣтописей. Поэтъ создаетъ свой міръ, своихъ людей. Для него школа и лѣтописи—міръ Божій, міръ сердца человеческого, полный, богатый (*).

Въ мірѣ дѣйствительномъ нѣтъ двухъ людей, сливающихся одинъ съ другимъ безраздѣльно; нѣтъ человека, про котораго вы не могли бы сказать: только у него такой выговоръ, походка, пріемы. Тамъ не найдете вы особъ, по крайней мѣрѣ для самихъ себя, въ своемъ кругу, неважныхъ. Для каж-

(*) При созданіи характеровъ, даже царевича, *Годунова* и *Курбскаго*, бар. *Розенъ* поддался еще недоспапку, заставивъ дѣйствующихъ лицъ описывать въ глаза другъ друга и самихъ себя. Стр. 9—11, 37, 86 и 87, 99 и 103—105. Онъ хотѣлъ вполнѣ представить историческія подробности о каждомъ лицѣ, представивъ это въ описаніяхъ. Но для драмы довольно того очерка характеру, который выливается въ дѣйствіи. Сверхъ скуки, вкрадывающейся отъ подобныхъ описаній въ драму, онъ похожи гдѣ на десптъ, гдѣ на самохвальство, и не причины высокимъ лицамъ.

даго всякой новый день приноситъ панораму новыхъ чувствованій, случаевъ; съ каждымъ сбываются происшествія, прейнтересныя для него. Идушь годъ за годомъ, и у человека накапливается исторія жизни, собственннй романъ, разнообразный, полный, по которому образуется его лицо, походка, взглядъ, выговоръ. Самъ онъ, для проницательнаго наблюдателя, становится сказаніемъ о своей жизни. Распросите кого угодно о его жизни, и вы услышите длинную повѣсть. Я вамъ расскажу про жизнь мою и коротко мнѣ извѣстныхъ людей; вы тоже сдѣлаете о себѣ и своихъ друзьяхъ: не дѣли не доспанеть, чтобы высказать случаи, съ нами и съ ними сбывшіеся. Всѣ мы, переплываваясь одинъ съ другимъ, кипимъ въ дѣйствіи города, области, государства, и составляютъ исторію города, области, государства. Чѣмъ выше исторія, тѣмъ она малодлюднѣе, до того, что чиплая исторію государства, вы подумаете, будто съ человекомъ, котораго черепъ выбросилъ гробкопатель изъ могилы, ничего не случилось; будто *Ростовскій-Лобановъ*, оживленный у барона *Розена*, ничего не сдѣлалъ. Но и потъ человекъ, опъ котораго ничего не оспалось, кромѣ черепа, и *Ростовскій-Лобановъ*, много почувствовали, переспрадали въ случаяхъ, не сбывавшихся ни съ кѣмъ, ни прежде, ни послѣ. Романъ ихъ погибъ, какъ погибнетъ нашъ, если мы ума и сердца не оставимъ попомству въ славномъ подвигѣ, или въ твореніи изящнаго искусства! Но между живущими людьми, такъ должно быть и въ драмѣ, и въ поэмѣ, вы не найдете человека, двухъ родныхъ братьевъ, безъ своей исторіи, безъ своего характера, которыхъ вы по мыслямъ, по словамъ не опличите въ новой драмѣ. Давно чипалъ я *Новика*, соч. *И. И. Лажечникова*, но какъ теперь передъ глазами мелькаетъ множество людей, изъ которыхъ ни одинъ не похожъ на другаго; вы потчасъ узнаете каждаго, только онъ начини говорить, только онъ шагни. Вотъ міръ полный, дѣятельный, разнообразный, какъ міръ *Хюскаго* слѣпца, какъ міръ дѣйствительный! Это одинъ романъ, о ко-

торомъ можно сказать, что эпопея новыхъ народовъ замѣнена романомъ. Произведеніе *И. И. Лажечникова* доказываетъ, что разнообразить выводимыя на сцену характеры, сколько бы ихъ ни было, возможно для гениальнаго писателя. Сильная, художническая рука, видимая въ образованіи однихъ лицъ новой драмы, еще болѣе оспанавливаетъ на мысли: почему та же рука споль слабо нарисовала другихъ?

Впрочемъ, это не помѣшало нашему автору, съ историческою и поэтическою вѣрностію, изобразить духъ времени XVI вѣка, *Русскихъ* и *Польковъ*. Замѣтно, что баронъ *Розенъ* много прочелъ, много обдумывалъ, понялъ внушительную мысль происшествій. Эту мысль, а не одну внѣшность событий спарался онъ выразить. Перегребя краснорѣчивый пепелъ древняго пожара, онъ вѣрно открываетъ по аналогіи мысли и чувствованія людей того времени, подробности, мелочи, коими пренебрегло перо льпописцевъ. Сочинитель искусно схватываетъ опличительныя черты нашего народа. *Русскіе* въ драмѣ живутъ и мыслятъ по завѣщанію предковъ, свято, младенчески преданы вѣрѣ, Царю и Опечеству. Между тѣмъ, это не мѣшаетъ имъ быть беззаботно-веселыми и удалыми. Они, подъ грозою *Иоанна*, перекрестясь, кладутъ голову на плаху; перекрестясь, идутъ рѣзаться съ пехристью *Польками!* Имъ все это кажется дѣломъ необходимымъ, свѣтымъ, частію вѣры. Смерть имъ за Царя и за Русь красна. Ни обѣщанія *Баторія* ущедришь ихъ милостями, ни угрозы предашь мучительной смерти, ни описаніе *Иоаннова* мучительства, ничто не преклонило *Русскихъ* плѣнниковъ измѣнить Царю. Они одно опвѣчаютъ: намъ опцы не вѣдали эпаго дѣлать; умертви насъ, лишь оставь минушу помолиться о Царь. Въ самомъ дѣлѣ, каждый изъ насъ можетъ сказать съ *Баторіемъ*: «Какой народъ!» Они сполько же любятъ Русь, и не промѣняютъ еѣ ни на что въ свѣтѣ; всѣ обращаются въ чувство, дѣло ли, рѣчь ли коснется до Руси, хопя эпаго чувства не могутъ высказать. Опъ чего вамъ правится *Русь*—

спрашиваетъ *Баторій*, — или у васъ иные люди, иное солнце, иная земля, и почему она святая?

«Ахъ, государь! намъ не распознать,
Тебѣ-жъ во вѣкъ и не понять, что значить
Святая Русь!»

отвѣчаютъ пльнники. Вся драма проникнута сею истинно-нашею, жаркою пристрастностью къ *Руси*. Фамилія барона *Розена* и самый его выговоръ звучатъ чужеземнымъ, но сердце въ немъ Русское. Чужеземецъ не напишетъ погоса о *Россіи*, что онъ написалъ. Онъ нашъ: Россія навсегда завладѣла его богатымъ сердцемъ!

Драма, нами здѣсь разсмаприваемая, разграненная повѣствовательными эпизодами, включаетъ въ себѣ многія мѣста, собственно-драматическія, и эпическими, высокаго достоинства. Люди повсюду, отдѣльными группами, переплетены другъ съ другомъ, борются въ волненіи, составляя жизнь заманчивую, завязчивую, не упихающую отъ начала драмы (*) до V-го дѣйствія. Лучшій эпическій отпрыскъ, и надобно признаться, лучшій во всей пьесѣ, есть II-е дѣйствіе. Отпнятое отъ драмы, оно составило бы прекраснѣйшую повѣсть, какой нѣтъ у насъ въ драматической формѣ; а будь въ ней разнообразіе характеровъ, она была бы *Европейскою* рѣдкостью. Въ этомъ дѣйствіи жизнь широка и шумна. Чистая оное, забываешь, что находишься не среди осажденнаго города, смотришь на защитниковъ съ жаднымъ участіемъ, крестишься, и самъ готовъ летѣть на Псковскіе раскаты: оборонять градъ святой *Ольги* и святаго князя *Гавриіла*. Вездѣ полны людей въ прогашельныхъ положеніяхъ. Поле битвы засѣяно убитыми, ранеными. Здѣсь Французъ *Ганорра* умираетъ завидною смертью, прикрытый своимъ знаменемъ! Тамъ Псковитянки ищутъ родныхъ своихъ. Одна нашла раненаго друга-жениха, и прощаетъ его; другая—уми-

рающаго мужа. Его освѣжила вѣспь, что *Русскіе* побѣдили.

«*Русскаго* и рана не болитъ,
Когда *Полякъ* въ лепучій прахъ разбитъ!»

Но онъ испекаетъ кровію; въ звукахъ его поскующаго голоса слышна печаль, что его уводитъ домой съ поля битвы, что онъ не въ силахъ рѣзаться съ врагами.

«Я шелъ на бой, какъ выпязь молодой,
Заранѣ дыша потѣхой бою;
А поведетъ жена меня домой,
Какъ спарика, негоднаго для строя!»

.....

Она.

Ахъ, кабы Богъ далъ силы, на рукахъ
Я понесла-бъ *любимаго* въ *мужельги*!
Ты ободрись покрѣче, миль-надѣжа!
Я поведу тебя, шупя, любя;
Я доведу, и уложу тебя,
И ни на мигъ не опойду отъ ложа;
Омою рану чистотою водой,
Моей слезой, да Божіей водой!

Несравненная сцена, похищенная съ *Русскаго* поля битвы! Принуждаешь себя забыть неумѣстность этаго дѣйствія, но увлекаешься чувствомъ. Оно тѣмъ болѣе украшаетъ драму, что завязка ея составлена безъ женщинъ, безъ ихъ господствующаго чувства—любви, которая впрочемъ къ новой драмѣ не приклеилась бы. Тамъ некому любить, гдѣ было сполько злости! Безъ женщинъ, какъ и жизнь наша, произведешіе эстетическое мертво. Безъ нихъ драма лишилась бы семейственности, и была бы похожа на скучные, однообразные дни одинокаго холостяка. Сверхъ того, хотя у мужчинъ нельзя отпнять собственнаго чувства, однакоже (спранные дѣло!) мужчины-писатели никогда не въ состояніи были устами мужчины же выразить сильной печали, прогашельной мысли. Напротивъ, сполько говоря устами женщины, они и сами расчувствуются и насъ до глубины души распрогашаютъ. Не отъ того ли это происходитъ, что легче писать порпрентъ съ другаго, чѣмъ съ себя, а другой мужчина есть всегда я; или отъ того, что мы наблюдательнѣе,

(*) Первая сцена не уступаетъ заглавію. Поднимается занавѣсъ и... жгутъ *Нглицы*! Впрочемъ, такая отвратительная картина, къ счастью, одна во всей пьесѣ.

жарче смопримъ на женщинъ? Быть можетъ и женщина-авторъ столь живо не опишетъ чувствованій своего пола, какъ чувствованія мужчины. Второе дѣйствіе оживляетъ драму, оно прекрасно: разумъ возстаеъ противъ него, а сердце любитъ (*).

Въ драматической части лучшихъ мѣста именно тѣ, гдѣ дѣйствуютъ *Іоанны*. Съ перваго акта сочинитель уже плѣнилъ насъ сценою, которую оставила по себѣ повѣсть спарика объ *Анастасіи* и *Адашевѣ*. Царевича погрузила въ себя, въ прошлое, воспоминаеъ о матери, о кончинѣ сей праведницы. Опккровенность его и юношескій пламень къ добру въ присупствіи хитраго царедворца, придающъ удивительную прелесть дѣйствію! Въ претвемъ актѣ поэтъ же молодой *Іоаннъ* противоположенъ свирѣпому *Іоанну*. Царь унижается передъ *Баторіемъ*, стараясь выпійешвомъ своимъ доказать, что при случаѣ надобно быть низкимъ: юноша гордъ, но еще робокъ, лице его пылаеъ и взоры опущены! Царь недоврчиво смопритъ на преревогу сына. Все выражено эпитимъ положеніемъ: и прошлое и будущая судьба царевича! Въ четвертомъ дѣйствіи помѣщена сцена еще превосходнѣйшая по созданію. Посмоприте на эту группу: Грозный Самодержецъ сидитъ мраченъ и подозрителенъ. Передъ нимъ царевичъ, уже очищенный отъ пороковъ жаромъ разгорѣвшася въ немъ добра. Онъ приготовился, онъ пришелъ поднять передъ глазами *Іоанна* завѣсу позорныхъ дѣлъ. Въ глубинѣ сцены неразгаданный *Борисъ* наблюдаетъ сына и отца. И вопъ сердце *Грознаго* забушевало: и царевичъ палъ, какъ цвѣшокъ, скошенный неумолимою коосою поселница! И убійца сполькихъ тысячъ подданныхъ, въ свою череду, спойнтъ оцѣпельный надъ бездушнымъ трупомъ сына, какъ *Воротышекій* споялъ въ пышущемъ жерлѣ раскаленныхъ угольевъ! Здѣсь истинный конецъ драмъ: чипашель и зришель сами себѣ досказали бы

(*) О прощаніи *Курбскаго* съ Русскими плѣнными мы уже говорили. Другія эпическія мѣста слабы, особенно тѣ, гдѣ выведены на сцену посланники.

Іоанна въ обширнѣйшемъ объемѣ, чѣмъ вса драма. Жаль, что авторъ здѣсь не оспановился. Онъ вознамѣрился утѣшить бѣднаго Царя *Іоанна*, представивъ его какъ-бы въ поржествѣ, въ сіяніи новыхъ надеждъ для Россіи. Ему хотѣлось блеснуть разговоромъ о покореніи *Сибири*. По еще утѣшенія не было *Іоанну* въ дѣйствительности, и не должно быть въ драмѣ: онъ не достоинъ того; на его рукахъ еще не высохла кровь сына! Барономъ *Розеномъ* забыто золотое правило, хотя оно сказано классиками: «къ написанному почти ничего не прибавляй, а вымарывай цѣлыми спраницами.» Дружеская доброжелательная рука вырвала бы изъ его драмы, съ нѣкоторыми мѣстами изъ другихъ актовъ, все пятое дѣйствіе, не смопря на то, что въ немъ находятся многіе прекраснѣйшіе стихи. Сказываютъ, что драма: *Баторій* и *Россія*, есть только первая часть большой прилогіи, въ которой баронъ *Розенъ* намѣренъ обнять жизнь *Годунова*: при дворѣ *Іоанна* (изданная драма), какъ правилеля, какъ Царя, благоденствующаго черную годину бѣдствія. Давай Богъ! Жизнь *Годунова* драматически богатѣ жизни *Валленштейна*, пошому, можно надѣлаться, что прилогія барона *Розена* будетъ спорить съ прилогіей *Валленштейна* (*), едвали не лучшимъ произведеніемъ *Шиллера*. Впрочемъ, смопря на новую драму и какъ на часть прилогіи, все-таки пятое дѣйствіе само собою прочь опваливается, разводеня конецъ драмы. Правда, очерки въ пьесѣ *А. С. Пушкина*: *Борисъ Годуновъ*, слишкомъ легки; предметъ эпитимъ пребуеъ рамы обширнѣйшей. Но рука *А. С. Пушкина* вѣрна: онъ поэтъ въ полномъ смыслѣ. Поэзія не должна обращать въ испорію, писанную стихами; не все изображать, что извѣстно о герояхъ драмы. Она здѣсь и памъ рветъ одиъ цвѣпы, не сполько высказываетъ, сколько заспавляетъ мечпашь чипашеля. Она не наука, а наслаждение ума. Въ прилогіи: *Борисъ Годуновъ*, обширнѣйшаго объема, чѣмъ пьеса *А. С. Пушкина*, должны быть только легкіе, поэ-

(*) Станъ *Валленштейна*, *Пиккололини* и смерть *Валленштейна*.

пическіе очерки, а не безпрерывное повѣствованіе, пишъ именно пьесы А. С. Пушкина, а не исторіи Н. М. Карамзина.

(Окончаніе въ слѣд. листѣ.)

M O D E S.

On porte beaucoup de turbans, et l'on emploie pour cet usage des écharpes de mousseline-cachemire, à fond uni et bordures à hautes palmes, qui sont d'un charmant effet. Le bord de l'une des extrémités doit retomber un peu sur l'oreille.

Sur les modèles des chaînes d'émail, Bourguignon, passage de l'Opéra, a fait de très-jolies chaînes en jais. Une plaque longue est jointe à une autre par une petite plaque ronde et plate. Il y a dans ce genre, qui sort des chaînes de perles, quelque chose de très-distingué. Ces chaînes, réduites à quinze pouces de longueur, s'attachent à une épingle de jais, et n'ont qu'un seul rang droit sur la poitrine.

Nous indiquerons aussi de ce magasin de jolis bandeaux-diadèmes, formés par une lame d'or uni, ayant pour milieu une plaque plus ou moins haute; les plus simples et les plus jolis peut-être, n'ont qu'un simple petit travail à jour, un milieu duquel est un nicola.

M. *Irlande*, Palais-Royal. Si l'on ne connaissait cette maison depuis des années, nous nous arrêterions sur la quantité d'objets que l'on y trouve, et sur le choix d'attention avec lequel ces objets sont réunis. Ses éventails sont au-dessus de ce qui peut se dire en quelques lignes, et l'on ne peut en prendre une idée que si l'on jette les yeux sur cette magnifique collection, commençant aux éventails de plume, et suivie sans lacune jusqu'à notre époque.

Ses écrans de Chine sont en grand nombre et de tous genres: à manches d'ivoire, manches de bambou, peintures de fleurs, et chinois habillés de nacre.

A cette époque du jour de l'an, il n'y a peut-être pas un magasin qui ait reçu le tribut de la mode comme la *Porte chinoise*, place de la Bourse. Il est de bon goût d'offrir une tasse chinoise, une table de laque, ou une théière du Japon, et c'est dans ce magasin qu'il faut aller les chercher. Ses grands vases énor-

mes, ses jattes bizarres, ses petits pots mandarins ont un cachet d'étrangeté qui ne s'imite pas et que le monde élégant apprécie.

М О Д Ы.

Носятъ много шюрбановъ, и употребляютъ для сего шарфы изъ кашемировой кисеи; грунпъ гладкой, а кайма изъ широкихъ пальмъ, что дѣлаетъ прелестный видъ. Одинъ конецъ долженъ висѣть немного на уху.

На подобіе эмалевыхъ цѣпочекъ, *Bourguignon* сдѣлалъ весьма красивыя цѣпочки изъ агатокъ. Продолговатая бляха соединена съ другою небольшою круглою и плоскою бляхою. Въ этомъ родѣ, изъ бусовыхъ цѣпочекъ, есть нѣчто весьма отличное. Цѣпочки сіи, длиною только въ пятнадцать дюймовъ, прихвачиваются булавкою изъ агатокъ, и кладущія въ одинъ рядъ прямо на груди.

Мы также укажемъ въ этомъ магазинѣ на красивыя повязки—діадемы, сдѣланныя изъ гладкой золотой полоски, въ срединѣ бляха, широкая или поуже; самыя простыя и можетъ быть самыя красивыя, состоятъ изъ мелкой прозрачной выдѣлки, въ срединѣ nicola.

G. *Irlande*, въ Пале-Рояль. Если бы этотъ домъ не извѣстенъ былъ въ продолженіи уже нѣсколькихъ лѣтъ, то мы бы занялись описаніемъ множествъ предметовъ, тамъ находящихся, и внимательнаго выбора, съ какимъ соединены тамъ сіи предметы. Опахалы его выше описанія, какое можно сдѣлать о нихъ въ нѣсколькихъ строкахъ, и не видавъ этаго великолѣпнаго собранія, не возможно имѣть о немъ никакого понятія, начиная отъ опахалъ изъ перьевъ и продолжая до нашихъ временъ, безъ всякаго промежутка.

Можетъ быть нѣтъ ни одного магазина, получившаго такую дань отъ моды къ новому году, какъ *Porte Chinoise*, на биржевой площади. Считається въ хорошемъ тонѣ подарить Китайскую чашку, лаковой столікы, или Японскую чайницу, въ этомъ магазинѣ можно только достать эти вещи, его огромныя вазы, спранныя чаши, его маленькія горшки. *Мандарини* имѣютъ неподражаемый отпечатокъ спраннысти, кошорыя щеголеватый свѣтъ умѣетъ цѣнить.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

•••••
ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.
•••••

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 14.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, ФЕВРАЛЯ 17 ДНЯ 1854 ГОДА.

Ахъ, мапушка, не доверяй удара!
Кто бѣденъ, шопъ шебъ не пара.

Грибодовъ.

ПЕРЕСМЪШНИКЪ. БОЛЬШОЙ ГОРОДЪ.

Такъ называется многочисленное сборище людей, соединившихся для того, чтобы удобнее жить одному на щепъ другаго, чтобы вести между собою войну, но войну не шумную, безъ штыковъ и пушекъ, войну подслащенную, по часту сопровождаемую пожатіемъ руки и привѣдливою улыбкою; войну учтивую, по примѣру Англичанъ, которые, выстроившись въ боевой порядокъ при Фонтеноеа; скинули шляпы, и сказали: господа Французы, начинайте!

Большой городъ есть мѣсто, въ которомъ рѣшительно во всемъ противорѣчатъ природѣ, въ которомъ спыдаются всапать и ложиться вмѣстѣ съ солнцемъ, симъ великимъ жизненнымъ началомъ, симъ свѣпильникомъ, оживляющимъ и радующимъ всякую пшварь отъ слона до мошки. Въ этихъ высокихъ стѣнахъ, каждый какъ будто убѣгаетъ его и прячется туда, куда бы оно не могло проникнуть. Подвергаютъ себя дѣйствию лучей его, значить быть предметомъ насмѣшекъ людей хорошаго тона, которые показываются днемъ только по дѣламъ необ-

ходимымъ и берегаютъ на ночь праздники, балы, пышность богатыхъ уборовъ; которые развертываютъ свои духовныя способности именно тогда, когда природа пренебрегаетъ ихъ сжатіемъ, чтобы доставить имъ спасительный опдыхъ.

Многолюдный городъ есть мѣсто, въ которомъ люди подвержены безпрерывнымъ недугамъ, гдѣ совершенное здоровье внушаетъ родъ пренебреженія и заспавляетъ говорить о томъ, кто имѣетъ мнимое несчастіе имъ пользоваться: у него глупое лице, мужицкія ухватки; въ немъ пошчасъ можно узнать провинціала.

Въ городѣ, женщины поушру слабонервы, брюзгливы, помны, мучатся мигренью и скукою; муцины развѣдны, озабочены и не веселы. Но вечеромъ, послѣ обильныхъ возліаній Мадеры и Шампанскаго, когда распроспраняется ароматный запахъ Моксаго кофе, послѣдніе дѣлаются пріятными, любезными, исполненными искренности и радущія. При ослѣпительномъ свѣпѣ люспрь, женщины милы, веселы, свѣжи; каждое слово ихъ вызываетъ улыбку. Упромъ толкують только о службѣ, пшжабахъ, домаш-

нихъ заботахъ, болѣзняхъ, несчастіяхъ, долгахъ, разореніи, неблагодарности и измѣнѣ. Вечеромъ говорятъ о театръ, загородныхъ поѣздкахъ, лошадяхъ, красавицахъ, прелестницахъ, спихахъ и романахъ. Тогда человѣческія немощи бываютъ прикрыты флёромъ, шалами, блондами, кружевами; тогда всѣ лица открыты и пріятны. Съ упоромъ показываются сѣдины, морщины, блѣдныя щеки, впалые глаза, и начинается всеобщая Іереміада о бѣдствіяхъ жизни.

Городъ есть мѣсто, которое можно исходить въ разныхъ направленіяхъ, и въ двѣ, при недѣли не встрѣпшишь ни одного дружескаго лица, которое бы напомнило вамъ, что вы попираете опечествленную землю, что вы сограждане. Тѣснымъ полпою, въ которой чувствуешь свое опчужденіе, одиночество, невольно говоришь себѣ: «что значу я въ этомъ сборищѣ полумиліона людей, изъ которыхъ каждый имѣетъ свои неограниченныя прѣбыванія, свою важность, свое честолюбіе, свои великіе замыслы и малые успѣхи, свои гибельныя страсти и своихъ идоловъ, изваянныхъ сообразно съ его положеніемъ въ свѣтѣ?» И потомъ, видя, какъ въ праздники все это народонаселеніе, подобно лавѣ, разливается по площадямъ и гульбищамъ, тѣснился, жметъ, и покрывается улицы, какъ пуча саранчи, опускающейся на долину, съ изумленіемъ спрашиваешь самага себя: «какимъ образомъ всѣ эти пвари могутъ ежедневно находить хлѣбъ, постель и пристанище?»

Многочудный городъ есть такое мѣсто, въ которомъ основываютъ расщѣпы на голодъ, на моровой язвъ, на любви, славъ, патриотизмъ, соображаясь со вкусомъ времени. Должно опдаться справедливостъ, что въ деревняхъ далеко не доведено до такой высокой степени искусство показать себя уродомъ, нищимъ, несчастнымъ, достойнымъ милосердія и подалія. Жители провинцій ничего не смыслятъ въ этомъ отношеніи; это мелкіе умы.

Въ городѣ равнодушно смотрятъ на черныя дроги съ мѣртвою головою вмѣсто герба, на гробъ и на печальный поѣздъ, ихъ

сопровождающій. Здѣсь звонятъ въ колоколь къ вечерни, а напропивъ приглашаютъ въ театръ, пракпирь, или къ шарлапану, показывающему фокусъ-покусъ. Тамъ, въ первомъ этажѣ, поютъ панихиду по покойникѣ, а во второмъ распѣваютъ аріи изъ *Россини*, или танцуютъ мазурку. На чердакѣ умираетъ съ голода больная нищя, тогда, какъ въ подземельной мелочной лавочкѣ пучный лавочникъ кормитъ свѣжею говяжьей жирнаго коша. Въ нарядныхъ комнапахъ лучшаго этажа богатая причудница поптъ чаемъ свою собаченку, тогда, какъ подъ нею помитъся безъ капли молока грудной младенецъ чахоточной матери.

Въ городѣ, въпреная танцовщица, наглый журналистъ, плутъ и фигляръ, мѣняло, паяцъ, развѣзжаютъ въ экипажѣ, кушаютъ роскошно, а новый *Мильтонъ*, *Калозесъ*, *Жанъ-Жакъ* или *Жильберъ*, влача жизнь, едва достаютъ насущный хлѣбъ.

Въ городѣ укорачиваютъ жизнь, чтобы жить. Напишеть ли кто книгу, которую читаютъ, — карпину, которую покупаютъ, — музыкальное пвореніе, которое слушаютъ, по вмѣстѣ съ симъ, знаютъ, что онъ пожертвовалъ половиною своего вѣка труду своему. Такимъ образомъ плашатъ пятнадцатью, или двадцатью годами жизни за славу, за то, что вы сдѣлались предметомъ вниманія публики въ продолженіе недѣли. Въ городѣ расповщикъ, подрядчикъ, поставщикъ, достаютъ себѣ ложи въ самые бенефисы, а вдохновенный тѣсноцвѣецъ, а небогатый прагикъ, съ карманами, полными прекрасныхъ спиховъ, не имѣетъ входа даже въ раекъ.

О городѣ всѣ говорятъ съ худою спорности, всѣ ненавидятъ городскую жизнь, всѣ бѣгутъ изъ города, и, увы! опять возвращаются, поелику большей части жителей онаго некуда дѣваться, не къ чему пріюпитъся, нечѣмъ кормиться, занимаешься. Даже полкопня на базарахъ, бродяжничество по улицамъ, живопись вывѣсокъ, дурной запахъ, громъ мостовой, дохлые цыплята, и синее молоко шарчевень имѣетъ для горожанъ свою прелестъ. Такъ мореходецъ,

среди мирныхъ полей, сожалѣешь о грозной; гибельной стихии, на которой разные виды смерти оспариваютъ другъ у друга жизнь человека.

Прекрасно взглянуть на обширный городъ съ высоты, издали, мимоходомъ. Великолѣпныя зданія сливаются съ небосклономъ, золотые шпили и куполы упираются въ облака; смутный шумъ достигаетъ вашего слуха. Позади васъ небо лазурнаго цвѣта; но тамъ, надъ эними пашью, семью, девятью спами тысячъ людей, оно шуманно, заражено удушливыми и плесворными испареніями, отъ того, что въ городъ самое небо не можетъ оснасться чистымъ.

N. N.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ЧЁРНЫЙ ГОДЪ.

Дождь проливной, солнца зной
 Весь поля пожгло, спопило!
 Позаржавѣлъ серпъ съ косой,
 Опдыхаетъ молохило.
 Весь засохъ подножный кормъ,
 День отъ дня весь скотъ худѣетъ,
 И заброшенный сельской домъ —
 Къ общей жалоси бѣднѣетъ.
 Вотъ лошадокъ продаютъ,
 То коровъ завѣсныхъ, дойныхъ,
 И отъ нягоспи дней чѣрныхъ
 Батраками въ мѣръ идутъ.
 А купецъ подъ ключъ анбары;
 Кладъ ему—тяжелый годъ!
 И на хлѣбные товары
 Какъ помынь цѣна роснѣетъ.
 Очерствѣлъ богачъ душою,
 Къ бѣднымъ сдѣлался какъ лѣдъ!
 Сморгнишь дикою совою, —
 И своихъ не узнаешь;
 А о томъ одна забота,
 Чтобъ рубли брать за гроши;
 Превеликая охота —
 Жить на щѣпъ чужой души!

Много-бъ видѣшь бѣднымъ горя,
 Но Отецъ нашъ Николай!
 Озарилъ несчастный край.

Наменьло изъ за моря —
 Много всякаго зерна!
 Жшницы намъ отворились,
 И купцы перемѣнились,
 И уставилась цѣна.

Ф. Слутушкинъ.

LOGOGRIPHE.

Mon être est dur, inflexible et rongeur;
 Ce que j'attaque, est réduit en poussière;
 Mais en rangeant mes pieds de tout autre manière,
 Je suis alors plein de douceur.

Въ No 13, помѣщенный омонимъ значить: *Владимиръ.*

РУССКІЙ ТЕАТРЪ.

О драмѣ: Россія и Баторій, соч. барона Розена.

(Окопчаніе.)

Пріятно замѣшить, что баронъ *Розенъ* богатъ мыслями и самостоятеленъ. Вы не скажете, что онъ перенимаетъ у такогото, или такогото писателя, что онъ угощаетъ насъ подогрѣтыми, вчерашними блюдами. И свои, и давно рожденныя мысли онъ выражаетъ ему только свойственнымъ слогомъ, такъ, что они становятся его завоеваніемъ, его крѣпостными. Многія изъ нихъ сильны испиною, иныя манятъ повѣчскою прелестью, нѣкоторыя западаютъ въ память, какъ пословицы или эпиграфы (*).

(*) Стр. 3, ст. 11—13; стр. 32, ст. 1 и 2; стр. 50, ст. 2—6; стр. 54, ст. 9; стр. 56, ст. 4—6; стр. 59, ст. 8 и 9; стр. 65, ст. 3; стр. 70, ст. 12; стр. 72, ст. 6 и 7; вторая половина послѣдняго стиха на той же стр. и на стр. 73, ст. 1 и 2; стр. 86, ст. 11; стр. 87, ст. 9 и 10; стр. 87, ст. 17—20; стр. 100, ст. 4 и 5; стр. 108, ст. 5; стр. 136, ст. 3 и 6; стр. 162, ст. 10—13; стр. 171, ст. 1—6, 11—18 и стихъ на слѣд. стр.; стр. 173, ст. 20; стр. 174, ст. 1—11; стр. 178, ст. 6—10; стр. 179, ст. 6 и 7; стр. 187, ст. 4—10; стр. 197, ст. 1—3; стр. 204, ст. 12 и 13.

Весьма рѣдкіе стихи его напоминаютъ другихъ писателей. Въ такихъ случаяхъ должно вину сложить на предательницу память, которая, удержавъ чужой стихъ, иногда не догадывается шепнуть о томъ писателю, въ минушу его воспомята. Больше другихъ баронъ Розенъ придерживается А. С. Пушкина. Еще прежде, въ поэмѣ: *Рожденіе Іоанна Грознаго*, и нынѣ, въ драмѣ, онъ написалъ нѣсколько стиховъ, которые больше или меньше опзываются *Пушкинскими* (*). Напрасно онъ не предостережетъ себя! У пѣвца *Русланы* и *Людмилы* и похипитъ ничего нельзя: пошчасъ удичатъ! Съ эпими великанами лучше не связываться! Вошь у бѣдняковъ можно такъ брать, что сама похищенная мысль скажетъ спасибо и хозяинъ не догадается! Въ способностяхъ барона Розена замѣненъ одинъ недоспапокъ, важный при изображеніи *Русскихъ* нравовъ, недоспапокъ остроумія, юмора. Это свойство *Русскихъ* на роду имъ досталось. И солдаты наши, и извозчики, и крестьяне—всѣ бахари, пѣвцы; всѣ оспрятятся другъ надъ другомъ. У насъ Россіяны не ведется бесѣда безъ того, чтобы не началось шуточки, прибаутки, больше или меньше тонкія или толстыя, смотря по классамъ народа. Они не оставляютъ веселости даже подъ тучами собирающейся бѣды. Прекрасно подсперѣтъ это зубкоскальство *Русскаго А. С. Пушкина*. Онъ въ свою пьесу: *Борисъ Годуновъ*, живьемъ посадилъ нашихъ монаховъ, приславовъ и спаруху! Тоже хотѣлъ сдѣлать и баронъ Розенъ; онъ заставилъ *Псковитякъ*, *Московскихъ* жильцовъ и *Русскихъ* бояръ шушпиль! Но мнимыя ихъ остроумія очень плоски, тупы, не пахнутъ *Русскимъ* (***) духомъ. *Русскій* (не писатель, а человекъ) не таковъ: онъ съоспритъ грубѣе, дубиноватѣе, но какъ

ломость опрѣжетъ! *Фонъ-Визинъ*, *Грибодовъ*, *Пушкинъ* и князь И. М. *Долгорукій* рѣдки въ нашихъ письменахъ; напрошивъ, въ нашихъ обществвахъ, въ разводѣ, на ярманкѣ, въ народныхъ толпахъ, такіе люди, разумѣется каждый съ своимъ пипомъ, дѣло обыкновенное! Быть можетъ, мы ни въ какомъ родѣ словесности столько не превзошли бы иноспранцевъ, какъ въ комическомъ, если бы мыслили просто, по Русски. Юморизмъ въ Русскомъ умѣ пакъ спленъ, что *Державинъ*, когда предавался себѣ: по даже въ высокихъ одахъ не могъ опъ него удерживаться. Наши писатели дѣйствуютъ подражательно, натягиваясь до славы другихъ *Европейцевъ*, тогда какъ безъ натяжки достигли бы славы своей и болѣе громкой. Я увѣренъ, что *Русская* комедія будетъ не чета *Русской* трагедіи!

Впрочемъ, романшикамъ признано, что веселость должна быть введена въ промежутки печальныхъ сценъ всякой трагедіи. Тѣмъ лучше для *Русскихъ*: это значитъ, что и трагедія не чужда ихъ способностямъ. Правила романшиковъ не съ неба слетѣли, но давнымъ давно существовали, только не были признаны на землѣ, между людьми и въ сердцахъ ихъ. Въ мірѣ не происходитъ цѣлой дѣйствующей повѣсти, которая со всеми ея подробностями была бы только печальна, или только весела. Добро и зло, горе и радость, важное и смѣшное ходятъ рука объ руку, или чередуясь другъ съ другомъ. Классическая трагедія списывала одинъ внѣшній день изъ жизни человека, была спѣсива, торжественна и опѣнно скучна. Напрошивъ того, романтическая драма объемлетъ жизнь въ такомъ проспранствѣ, что возможно показать человека кругомъ, съ измѣненіями его чувствованій и спрасней, на всемъ полѣ, на которомъ онъ дѣйствуетъ. Поному-то въ романтической трагедіи неизбежны сцены юмора, какъ онѣ неизбежны въ мірѣ, раззолочая жизнь нашу, чтобы мы самовольно не сбросили съ плечъ эту тяжелую ношу. Сверхъ того, смѣшное не всегда значитъ совершенно противоположное печальному, не всегда оставляетъ по себѣ веселость. Ко-

(*) Въ драмѣ стр. 70, стр. 10; въ *Борисъ Годуновъ* стр. 14, стр. 14; въ драмѣ стр. 36, стр. 18—22; въ *Полтавѣ* стр. 43, стр. 1—11; въ драмѣ стр. 117, стр. 12—13; стр. 118, стр. 1—3 и другія, не говорю, что выписаны (эпиграфы конечно никто и не сдѣлаетъ), но ясно напоминаютъ стихи изъ *Бориса Годунова*.

(**) Стр. 79, стр. 1 и 2; стр. 83, стр. 11; стр. 104, стр. 17; стр. 118, стр. 15—19. Не остроумны ли и на стр. 151 въ стр. 11?

мическое часто бываетъ спрашнымъ оп-
тѣникомъ для смѣжной съ нимъ горести, или
раздираетъ душу само по себѣ, когда въ ве-
селую толпу непредвидѣнно вбѣгаетъ не-
щастіе. Въ свѣтѣ не рѣдко случаи вывора-
чиваются наизнанку: мудрый съ прему-
дросью своею становится испишнымъ глуп-
цомъ, а глупецъ своимъ положеніемъ даетъ
урокъ мудрецу. Первый, не оставляя своей
важности, можетъ находиться въ такомъ
положеніи, что сославивъ предметъ коме-
діи; а послѣдняго, среди игры веселости,
поспигающъ случаи, въ коихъ онъ дѣлаетъ
предметомъ драмы. Безпечныя мѣста въ
трагедіи, доставляя зрителю опядыхъ опъ
важныхъ чувствованій, не ослабляютъ его
расположенія къ горести. Даже, пѣтъ боль-
ше зритель будетъ пораженъ печальною
сценою, чѣмъ ярче она обставлена веселыми
картинами, копорыя опъ эпаго самаго вы-
зываютъ уже не радость, а глубока, поск-
ливая мысли. Смотри на дураковъ у *Шек-
спира*, на *Граціозо* у *Кальдерона*, мы смѣемъ-
ся, но такъ, что наша улыбка язвительнѣе
слезы. Никакою торжественною рѣчью, ни
какимъ изложеніемъ мы не выразимъ споль-
ко печали, сколько еѣ заключено въ *Шек-
спировыхъ* картинахъ міра. Хотя природа
еще не собралась съ силами создать второ-
го *Шекспира*, однакоже *Шиллеръ* и немно-
гіе другіе романтическіе драматикки доказы-
ваютъ, что въ нѣкоторой степени возмо-
жно подражать дикому *Англичанину*. Изъ на-
шихъ новичковъ - драматиковъ ни баронъ
Розенъ, ни Гг. *Кукольникъ* и *Киртеевъ*, сочи-
нители драмъ: *Торквато Тассо*, не успѣли въ
своихъ попыткахъ смѣшать печальное съ
веселымъ. Между пѣтъ у насъ этому про-
ложена широкая дорога въ пьесѣ: *Борисъ
Годуновъ* А. С. *Пушкинскихъ*.

Слогъ *Баторіа* и *Россіи* сообразенъ съ ду-
хомъ и временемъ XVI-го вѣка, нося на се-
бѣ печать разборчиваго вкуса XIX-го. Со-
чинитель удержался опъ щеголеватости
нынѣшнихъ литераторовъ, которая была
бы анахронизмомъ въ устахъ людей XVI-го
вѣка. Простой смыслъ, часпо глубока и
вдохновенный, рѣчей нашихъ предковъ, об-

леченъ словами, имъ приличными, нынѣ упо-
требительными, кои однакоже не съ иглки
модиста-писателя, и старыми, кои всегда
кспати въ такой пьесѣ. Въ новой драмѣ
пѣтъ почти ни одной мысли (1), ни одного
подобія, пѣтъ каждаго выраженія, не свой-
ственнаго XVI-му вѣку, а между пѣтъ спи-
хи блещутъ полною красотою поэзіи (2).
Можно, можно обходиться безъ романтизма,
памъ, гдѣ онъ становится ошибкою. Толь-
ко въ немногихъ мѣстахъ баронъ *Розенъ* па-
далъ на эпомъ пупи, употребляя слова мно-
госложныя (3), прекрасныя въ поэмѣ, въ ли-
рическихъ стихахъ, а не въ драмѣ; или спа-
ринныя такимъ образомъ, что опъ нихъ
пахнетъ Славянщиной: знакъ, что опъ не
на своемъ мѣстѣ (4). Соединеніе старыхъ
словъ съ новыми не должно опзыватьсѣ ла-
даномъ; оно еспъ подвигъ трудный, въ коемъ
успѣваютъ одни гениальные писатели. Ка-
ждае слово, и старое и новое, кажепся вповъ
родившимся и милымъ только подъ искусною
рукою. Прочтите *Воззванія Іова къ Богу*—
изъ *Ломоносова*, лучшія оды *Державина*, мѣ-
ста изъ нашей *Библии*, и вы удивитесь, опъ
чего они, исполненныя словъ старыхъ и веп-
хихъ, нравятся, какъ новость. Опъ будпо
вчера написаны! Эпо не старый слогъ ны-

(1) Только *Баторіи* отпустилъ разъ романтическую мысль:
стр. 102, стр. 2—5.

(2) Въ эпомъ можно утвердиться выписанными нами сти-
хами, гдѣ разсказывается о добротѣ *Анастасіи*.

(3) Слова: *многочулливій*, *стотыслеголовій* и проч. ко-
нечно прекрасны; но не назовепп ли въ разговоръ ино-
го человека надутымъ, семинарскимъ, копорый упо-
требляетъ подобныя слова? Только немногія изъ нихъ
пріятны въ драмѣ: и смертью *свалторусской* (стр. 28,
стр. 23) и проч.

(4) Стр. 2, стр. 13 (*лижнетъ*: это слово часто употре-
бляетъ сочинитель, но оно вездѣ неприятно); стр. 4,
стр. 4 (*длетел*: дурное слово, заставляющее жалѣть,
что и другіе писатели его употребляютъ); стр. 9,
стр. 2 (не именуи); стр. 20, стр. 8 и 9 (*вѣщай*); стр.
30, стр. 15 (*Скифепродержатель*); стр. 31, стр. 17—20;
стр. 61, стр. 10; стр. 131, стр. 16 (*отъ мужа библио-
текъ*. Что это значить? опъ ученаго мужа?); стр.
150, стр. 9 (*исходъ*, вмѣсто конецъ); стр. 158, стр. 16
(гнуснодѣйство); стр. 160, стр. 9 и 10 (о Царю! воспо-
мяни); стр. 175, стр. 19 (воздвѣжемся); стр. 183, стр. 6
(здободѣаняномъ).

нѣшняго нашего языка, а какой-то особенный, вѣчно-новый языкъ! Мнимоходомъ сказать, *Славянская Библия* не отъ того не спарѣется, что безмѣренъ смыслъ ея, что силенъ, богатъ *Моравскій* языкъ. Смыслъ ея потъ же, что въ *Вульгатъ*, что во *Французско* и въ *Лютеровомъ* переводахъ; по крайней мѣрѣ *Латинскій* языкъ не бѣднѣе *Моравскаго*: но ни одинъ переводъ *Библии* не сравняется съ *Славянскимъ*. Этому причина та, что *Кирилль* и *Меодій* были великіе литераторы! Кто сказалъ, что языки спарѣются: потъ хотѣлъ выразиться, что спарѣется дурное въ языкѣ: ибо прекрасное всегда юно. Черезъ тысячи лѣтъ не потеряютъ свѣжести языкъ *Славянской Библии*, писмена незабвеннаго нашего исторіографа, стихи: *Ломоносова*, *Державина*, *Дмитріева*, *Озерова*, *Жуковскаго*, *Ватюшкова* и *Пушкина*. Конечно барона *Розена* нельзя сравнивать съ ними. Языкъ его еще не имѣетъ ихъ непобѣдимой силы, и не рѣдко оспавляется желать, чтобы мысль быда выражена лучше (1); по крайней мѣрѣ не скажете, что иначе выразишь эту мысль, значить испорчить. Вкусъ его допускаетъ иногда непріятныя спранности (2), слова и выраженія, кои мушаютъ чистое печеніе слога (3), и неправильныя ударенія (4). Баронъ *Розенъ* не переспалъ еще ошибаться противъ *Русскаго*

- (1) Спр. 65, стр. 6—9, 12—15; стр. 92, стр. 10 и 11 (*возмешь*, а надобно бы: берешь); стр. 99, стр. 1 и 2; стр. 182, стр. 2—7 (прежде должно на лежачаго, а потомъ уже на плеча другаго).
- (2) Спр. 64, стр. 9 (*цѣлуй меня*); стр. 87, стр. 11; стр. 152, стр. 2 (*иль вышибу три зуба*. Именно при зуба: это спрашно!); стр. 203, стр. 20.
- (3) Спр. 1, стр. 10 (словомъ *гнусилъ*); стр. 4, стр. 10 (*худострахованье*. Что это значить?); стр. 23, стр. 4 и 5 (*дурь*, и потомъ *вопѣли* — и рассказываетъ *Борисъ*); стр. 36, стр. 1—5; стр. 76, стр. 13; стр. 89, стр. 16; стр. 100, стр. 1 (покоренье); стр. 111, стр. 14 (*Татаре*. Почему же не Татары? Если и правильнѣе первое, то не дѣло драмы вводитьъ орфографическія поправки въ языкъ); стр. 134, стр. 7; стр. 145, стр. 21 (пѣтушились).
- (4) Спр. 119, стр. 5, и стр. 202, стр. 1 (*изъ всѣхъ*); стр. 136, стр. 16 (*Полякъ*); стр. 157, стр. 9 (*должны*); стр. 147, стр. 14 (*о сведели*: будто съ воемъ).

языка (5), а разъ употребилъ такое слово (6), которое не долженъ употреблять ни одинъ литераторъ. Впрочемъ, такихъ бросающихся въ глаза погрѣшностей въ слогъ драмы не много. Онъ не запомнимъ общей отдѣлки стиховъ, истинно прекрасныхъ, исполненныхъ прелести (7). Въ стихахъ барона *Розена* есть еще высшее для драмы достоинство: разговорность. Они бѣгутъ вольно, словно безъ пупъ ямба. Чипая ихъ, говоришь, и между пѣмъ чувствуешь, слышишь звуки стиха, нѣжно и уныло опадающіеся, какъ звуки арфы подъ рукою поскоующей дѣвицы!

Вообще, сія драма есть явленіе въ нашей литературѣ пріятное и рѣдкое. Въ другихъ родахъ литературы мы привыкаемъ видѣть, какъ звѣздочка за звѣздочкой поднимаются на небо нашей словесности не одиѣ легкія, эфемерныя книжки, не одиѣ книги литераторовъ-промышленниковъ; у насъ появляющіяся созданія, исполненныя ума, знаній, вы-

- (5) Спр. 17, стр. 7 (*чего еще*, вмѣсто: что еще); стр. 89, стр. 6 (*на своихъ законахъ*, должно бы: по своимъ законамъ), стр. 7 и 8 (*торговать... торги*: не говорился и вспаръ не говорилось); стр. 90, стр. 9 и 10 (*не возымели страха отъ короля*, слѣдовало бы: не успрашимся короля); стр. 92, стр. 6 (*кого*: вмѣсто какихъ); стр. 111, стр. 16 (*обрядомъ Христіанскимъ*, а надобно бы: по обряду Христіанскому); стр. 112, стр. 3 (*молитвы похоронной*: развѣ Христіанскаго погребенія); стр. 150, стр. 13 (*приклонилъ очи*, говорился: приклонилъ слухъ, ухо, а очи—никогда); стр. 155, стр. 15 (*подъ страшнымъ подозрѣнели*, должно: въ спрашномъ подозрѣнели); стр. 159, стр. 11 (*сподобился*, вмѣсто, получишь); стр. 163, стр. 10 (*чего*, надобно бы: о чемъ); стр. 176, стр. 10 (*службе*: не говорился въ эпимѣ случаѣ); стр. 178, стр. 16 (*уйдетъ*: нѣсколько разъ употреблено не кспати); стр. 194, стр. 6 (*илитъ ужасъ*, вмѣсто: приходилъ въ ужасъ).

(6) Спр. 4, стр. 12: слово первое.

- (7) Лучшіе стихи: почти все монологи *Іоанновъ*, *Ириль* и *Годунова*, особенно на стр. 28 и 29, 34, 35, 37, 40, 58, 155, 159—169, 171—178, 192—198; также: монологи *Шуйскаго*, стр. 59 и 60, 64—86; *Дорофея*, стр. 61—63; два монологи непріятеля и женщины, стр. 74 и 76; рассказъ 1-й *Псковитянки*, стр. 80—82; монологи: рашника, стр. 91 и 92; *Курбскаго*, стр. 94, 99 и 100; *Замойскаго*, стр. 142 и 143; *Кольца*, стр. 200 и 203; стихи на стр. 176, 195, стр. 22—23, и стр. 96, стр. 1—8.

полняющія пребыванія вѣка. Нашимъ писателямъ не перенимають у проземцовъ благородства чувствованій и высокости мысленія; но обширности свѣдѣній, но трудолюбію, и народной гордости, съ какою они оцѣнивають достоинство липератора и искусство свое: поучаться можно. Шагъ свѣланъ— и Русскіе писатели не боятсѣ, что ихъ книгу осыпанная сіяющими перспнями ручка сброситъ съ уборнаго сподлика.— Они проспирають помыслы гораздо дальше: на славу не моднаго липератора, но на прочіую славу ученыхъ липераторовъ. Такова между другими, появляющимися у насъ сочиненіями, и драма барона *Розена*. Быть можетъ, она не будетъ ходячею по рукамъ книгою, предметомъ безопчетнаго время-провожденія, но знатоки изящнаго всегда перечипшають её съ наслажденіемъ. Всему надобно отдавать должное, ни меньше, ни больше. Разспомрнѣніе только часпей сочиненія, безъ сравненія его съ сочиненіями другихъ писателей, безъ общаго взгляда, можетъ показаться увеличеннымъ. Не подумаетъ ли читатель, прочія наши похвалы, что мы барона *Розена* спавимъ промежду *Гёте* и *Шиллера*? Правда, въ новой драмѣ больше красота, чѣмъ недоспапковъ, много ума и знанія, много изящества. Безспорно, она есть лучшее произведеніе изъ всѣхъ нашихъ романпическихъ драмъ. Но красота, умъ, изящество у барона *Розена* еще не восходятъ до той степени, чтобы его призналъ перво-степеннымъ гениемъ: а романпическихъ драмъ у насъ такихъ еще нѣтъ, чтобы превзойти ихъ значило быть *Шиллеромъ*. Пьесу *А. С. Пушкина: Борисъ Годуновъ*, нельзя щипать драмою. Сравненіе новой драмы съ драмами *Шекспира*, *Гёте*, *Шиллера*, даже съ драмами *Гюго* и пьесою: *Борисъ Годуновъ*, самъ сочинитель почтеть злою на себя эпиграмою. Въ новой драмѣ недоспаепъ эпои неопразимой власти, эпои поражающей силы и прелести въ соспавѣ сочиненія, въ мысляхъ и выраженіяхъ, коими перво-степенные писатели господспвуютъ надъ нами. Она не поселаетъ къ себѣ фанатической привязанности, опъ которой мы, какъ-бы въ чаду, не видимъ у гениаль-

ныхъ писателей самихъ грубыхъ недоспапковъ. Тамъ можетъ быть бездна ошибокъ, все сочиненіе ошибка, но вездѣ отважные, великанскіе слѣды гениа. Если бы цѣлая драма барона *Розена* была такова, каковы въ ней лучшія мѣста, если бы не къ чему было крипнику привязаться: и тогда бы сердце поставило её ниже созданій перво-степенныхъ, хотя бы въ нихъ умъ спопыкался на каждомъ шагу. Баронъ *Розенъ* ищетъ и находитъ прекрасное, а гению оно само бѣжитъ на-вспрѣчу. Сочинитель собираетъ красота, какъ скупой золото: ему хочется, чтобы драма его была наполнена ими до верха. Гениальный писатель лепитъ въ забыты, какъ-бы не зная, что онъ дѣлаетъ; онъ не безумный, но родной ему брань: а слава на быспрыхъ крыльяхъ песется за нимъ слѣдомъ. Съ спепеніемъ дарованія писателя соразмѣряются красота его созданій и наше къ нимъ благоговѣніе.

Смотря опдѣльно на липературное прище барона *Розена*, сравнивая его съ другими, не споль высокими писателями, радуешься, что талантъ его разцвѣлъ, возмужалъ послѣ прежнихъ произведеній. Мелкія его стихотворенія и поэма: *Рожденіе Иоанна Грознаго* спуть младенческія произведенія въ сравненіи съ его драмою. Въ мелкихъ стихотвореніяхъ (изъ которыхъ многія прекрасны) истина мысли не рѣдко затуманена мечпательностию, миспцизмомъ, навѣянными на автора изъ *Германіи*. Опъ выисканности хипросплетенныхъ выраженій часпо спускнѣетъ блескъ пипического вымысла, украшеннаго розой, дѣвой и ангеломъ! Его поэма, богатая мыслями и выраженіями, представляетъ собраніе красота только набросанныхъ, не уравненныхъ въ печеніи. Грдами, за прекрасными стихами и мыслями, слѣдуютъ спихи вялые, необработанные— и повѣстъ безъ мыслей. О мелкихъ стихотвореніяхъ и поэмѣ барона *Розена* можно сказать только, что онъ написаны пѣмъ молодымъ поэмомъ, который, мужая, создалъ драму: *Россія* и *Баторій*. Сочинитель издалъ её оконченно, свѣлаъ все, что могъ свѣлаъ, сколько позволялъ талантъ его. Замѣтно, что онъ приготовилъ себя къ

соспавленію драмы ученіемъ и размышленіемъ; потомъ уже приступилъ къ исполненію — и многими мѣстами оправдалъ дерзость своего предпріянія. Прежде онъ былъ только начинающій, теперь — писатель. Конечно, и бывъ начинающимъ, онъ споялъ во второй шеренгѣ нашихъ спихотворцевъ: теперь онъ спойлъ между ними твердо, обогнавъ многихъ и многихъ. Намъ думается, что баронъ *Розенъ* вѣрно не доволенъ мѣстомъ впороспеленнаго писателя. Тѣмъ лучше. Судя поному, какой онъ шагъ сдѣлалъ, отъ него можно надѣяться много. Онъ не при концѣ пути къ славѣ, а только при началѣ: его заря упрежня, а не вечерня!

Вопъ, что мы чувствовали и мыслили при чтеніи драмы *Россия и Ваторій*. Другіе въ правѣ не соглашались съ нами; мы никого не принуждаемъ и своего мнѣнія не выдаемъ за уложеніе.

Пн.

M O D E S.

Les robes de satin brodé sont devenues tellement de mode qu'on les porte même au bal; quelques personnes ont été jusqu'à composer, pour toilette de bal, une robe de satin noir, sur laquelle se détachaient des bouquets de fleurs artificielles ou une guirlande montante.

Les robes de dentelle sont d'une grande élégance, placées sur un dessous de satin blanc; ces robes peuvent être garnies d'un haut volant ou d'une traverse montante en nœuds de rubans.

Voici quelques ensembles de toilettes pour des jeunes personnes qui ont eu grand succès: une robe de gaze de soie rose, à dessous de satin; corsage drapé à la tyrolienne, manches courtes, à nœuds de page en rubans de satin-blonde, rose et blanc; une ceinture à longs pans, pareille; dans les cheveux une couronne à la *rosière*, en roses de haie; pour bijoux des perles.

Une robe de crêpe blanc, corsage garni de deux rangs de tulle, entre lesquels se trouvaient de petits flocons en rubans de satin bleu ciel, les manches

courtes étaient garnies de même; sur la jupe traversait une très-légère guirlande de petites grappes bleues, qui formaient aussi la coiffure par une guirlande en spirale.

Une élégante toilette de femme était une jupe de dessous en satin blanc sur laquelle ouvrait une double jupe en crêpe, rattachée, en s'écartant vers le bas par des nœuds de satin; le corsage plat était garni d'une blonde plate, relevée au milieu à la Sévigné par une agrafe en camée; dans les cheveux des guirlandes à la Berthe en liseron des champs; pour bijoux une parure de camée.

М О Д Ы.

Вышншья апласныя платья вошли въ такое употребленіе, что ихъ надѣвають даже на балы; нныя дѣлали для баловъ чѣрныя апласныя платья, на которыхъ отдѣлялись букеты изъ дѣланыхъ цвѣтвъ или гирлянды вверхъ.

Кружевыя платья чрезвычайно щеголеваты на бѣломъ апласѣ; эти платья можно обшивать широкою оборкою или отдѣлывать бантами къ верху.

Вопъ нѣкоторые полные наряды для молодыхъ особъ, показавшіеся съ большимъ успѣхомъ: платье изъ шелковаго розоваго газа, на апласѣ; лифъ драпированъ по Тирольски, рукава короткіе, съ Пажескими бантами изъ апласно-блондовыхъ лентъ, розовыхъ съ бѣлымъ; поясъ съ длинными концами, изъ такихъ же лентъ; въ волосахъ гирланда à la *Rosière*, изъ шиповника; приборъ жемчужный.

Бѣлое креповое платье, лифъ отдѣланъ шюлемъ въ два ряда, между которыми были маленькія розетки изъ голубыхъ апласныхъ лентъ; рукава короткіе, отдѣланы также; по юбкѣ положена была гирланда изъ небольшихъ голубыхъ кистей; спиральная гирланда на головѣ была соспавлена изъ нихъ же.

Щеголеватый дамскій нарядъ, — нижняя юбка бѣлая апласная, верхняя креповая, открытая, прихваченная книзу апласными бантами; лифъ гладкой, обшитъ блондою вгладъ, которая приподнята была въ срединѣ à la Sévigné и прихвачена заспешкою съ аншикомъ; въ волосахъ гирланда à la Berthe изъ полевой павильки; приборъ изъ аншиковъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

•••••
ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.
•••••

Выходятъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 15.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 Но
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, Февраля 21 дня, 1854 года.

Прошла любовь, явилась Муза,
И прояснился тѣмный умъ.
Свободенъ, вновь ищу союза
Волшебныхъ звуковъ, чувствъ и думъ;
Пищу, и сердце не поскуеть;
Перо, забывшись, не рисуеть,
Близъ неоконченныхъ стиховъ,
Ни женскихъ пожекъ, ни головъ.

А. Пушкинъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ВЪ ПАРИЖѢ.

Такъ, водевилъ есть вещь, а прочее всё гиль.

Грибодовъ.

Чтобы выгодно заниматься ремесломъ водевиллиста, не довольно носить шелковые чулки съ узорами, надобно еще къ этому имѣть опивращеніе отъ всѣхъ познаній, презираешь ученыхъ и зѣваешь при одномъ видѣ челоуѣка мыслящаго. Съ такими качествами, почти достаточнаго одного желанія сочинить водевилъ, чпобъ сочинить его хорошо, если только желающій хощъ маломальски *изучалъ* эпоху родъ. Впрочемъ, изученіе сіе ни сколько не трудно, даже для водевиллиста. Бѣгаютъ опъ однихъ кулисъ къ другимъ, знаютъ до тонкости связи актрисъ и ссоры актеровъ, имѣють въ памяти запасъ чужихъ оспроуъ и каламбуровъ и ищакъ

вдохновеній на днѣ спакана, въ театральныхъ кофейняхъ или въ рестораціяхъ, — вопъ обязанность водевиллиста.

Водевилъ состоитъ изъ двадцати двухъ, много что двадцати прехъ сценъ. Онъ никогда не содержитъ въ себѣ болѣе тридцати куплетовъ, изъ коихъ семь или восемь должны быть хорошіе: хорошимъ куплетомъ называется тотъ, который оканчивается остропою, омонимомъ, или каламбуромъ.

Изъ сихъ основаній, прозорливый чипапелъ легко усмотритъ, что водевилъ можно почипапелъ гоповымъ, какъ скоро — каждому изъ прехъ или чепырехъ соспрудниковъ — удалось придуматъ по два оспрыхъ словечка: ибо въ такомъ случаѣ *хорошіе* куплеты на лицо, а они-то и составляютъ душу водевила. Окончивъ вышеисчисленные продѣлки, спараютъ выдуматъ запѣйливое названіе, потомъ кропаютъ роль для молодого актѣра, наконецъ прѣсскиваютъ нѣсколько

кадамбуровъ и эффектвовъ. Тогда пошь изъ участпниковъ, который менъе прочихъ опдичается бойкостію, п. е. который основапельнъе прочихъ, обрабопываесть планъ водевила по оспропамъ своихъ поварищей. Всъ шупки, порожденныя Шампанскимъ, вписываюпся въ шепрадъ, и водевилъ кончень. Онъ безъ сомнѣнія будепть имѣшь успѣхъ, особливо, если хопя одинъ изъ авпоровъ въ связи съ моднымъ сочиншелемъ водевилей.

Мелодраматургъ долженъ обладашь въ опношеніи къ романамъ, шакою ученостію, которая бы ставила его гораздо выше предестпницы Вивьенской улицы или дворника Сень-Жерменскаго предмѣстья. Ему должны бышь совершенно извъспны ужасно-прогательныя пворенія *Анны Радклиффъ*, нѣжная чувствительность г-жи *Коттень*, и мрачныя эффектпы *Левиса*. За то ему вовсе нѣшь дѣла до слога; былъ бы только эффектъ на сценѣ, а опъ того, какимъ языкомъ заговоряшь въ ней, дѣйствіе ея не будепть ни сильнѣе, ни слабѣе. Да не опечалишь нашихъ писателей мелодрамъ эпо опкрытіе закулисныхъ пайнспвъ; мы далежи опъ того, чпобъ унижашъ ихъ достоинства. Какъ истинныя указатели пути, они пдутъ въ авангардъ нашей липературы, и уже выпуспили на сцену множество сильныхъ дѣйствій и толпу характеровъ, которыми въ послѣдствіи воспользуется геній. Если они только намѣкаюшь на то, чпо пворяптъ новаго; если они не углубляются въ челоувѣческое сердце и не ищутъ прогательныхъ и истинныхъ споронъ, чпобы развивашъ положенія, прекрасныя сами по себѣ; наконецъ, если ихъ дѣйствующія лица говорянъ не по челоувѣчески: эпо потому только, чпо они презираюшь языкомъ просполодиновъ и яснымъ слогомъ. Опъ нихъ пребуоюшь только очерковъ, и нѣшь сомнѣнія, чпо очерки ихъ бываюптъ часто гораздо блистательнѣе, чѣмъ оконченныя картины нашихъ прежнихъ поэтовъ.

Мелодраматургъ занимаесть первое мѣсто въ торговой липературной промышленноспи. Тайна его состоиптъ въ томъ, чпобы

писашъ новое, не забопясь, хорошо ли оно будепть принято, или едва замѣчено. Онъ долженъ ловишь всякой эффектъ, которымъ еще никто не воспользовался. Подписка на *Газету трибуналовъ* и на *Вѣстникъ судебныхъ мльствъ*, необходимое для него пособіе. Въ сихъ плачевныхъ спраницахъ, *ежедневныхъ прибавленіяхъ къ Гревской площади*, долженъ онъ опыскивать сильныя сцены и выбирать изъ пысячи фактовъ, которые проходятъ незамѣпно. Романиспы могушь бышь подраздѣлены вообще на при разряда. Сочиншпель нравоописательныхъ и сапирическихъ романовъ не имѣесть нужды ни въ какой начипащности, кромѣ развѣ знакомства съ романами *Гюго-Лебрѣня* и сказкамп *Вольтера*. Его дѣло накинупъ плашье новаго покроя на беззаконныхъ дѣпокъ оспраго и развратнаго ума сихъ писателей. Онъ не придерживаесть никакого плана, не наблюдаесть связи происшествій, а соображаесть только съ заглавіемъ, и, чпо дѣлаесть ему опмѣнную чеспъ, онъ часто самаъ не знаесть о чемъ будепть полковашь, и прискиваесть содержаніе второй главы, набросавъ уже первую. Писатель XIX-го вѣка не забопишь много о томъ, чпобъ одна глава проспекала изъ другой. Вольнолюбивому романисту спыдно придерживашься здраваго разсудка. Довольно, чпобы одни и тѣже, пли почти одни и тѣже лица являлись во всѣхъ чепырехъ томахъ. Романъ, основанный на интригѣ, не всякому удавался, потому, чпо онъ требоваъ нѣкоторой обработки, нѣкотораго усилія при его составленіи. Эпо, шакъ сказашь, мелодрама, изложенная въ повѣспивовательномъ видѣ. Для нѣкоторыхъ писателей не худо бы было, однакоже, возобновишь его: ибо въ немъ также еспъ свои выгоды. Также какъ мелодрама, онъ не пребуесть ни слога, ни живописи нравовъ, ни описаній, ни жаркихъ сценъ. Вся хипроспъ состоиптъ въ томъ, чпобы возбуждатъ вниманіе читателя, держа его въ сомнѣніи о судьбѣ главнаго лица и не жалѣшь нечаянныхъ эффектвовъ. Таковъ романъ, въ которомъ опличался *Дюкре-Дюмениль*, прежде, чѣмъ промѣнялъ сей многими уважаемый родъ на изданіе *Всякой осягины* (*Petites Affi-*

ches). Историческій романъ сдѣлался очень доступенъ съ тѣхъ поръ, какъ *Вальтеръ-Скоттъ*, *Куперъ* и *Горацій Смитъ* обогатили его множествомъ картинъ, подъ копоры теперь сподобъ только удачно поддѣлываться. Кромѣ подражанія симъ славнымъ романистамъ, надобно спряпающему историческій романъ прочесть нѣсколько старинныхъ лѣтописей и старопечатныхъ книгъ (*), занявъ изъ нихъ пространности и уродство, и навязавъ ихъ на шею какому нибудь знаменитому челоуку. Нужна справка для присканія гопическихъ названій сколько можно погрубѣе, для замка или области, которыя избраны главнымъ мѣстомъ дѣйствія, и подробнѣе описать одинъ или два коспюма, настоящіе или вымышленные, только еще никѣмъ не описанные. Историкъ спѣсненъ гораздо больше романиста въ своихъ сочиненіяхъ. Для того, чптобы написать сокращеніе исторіи какого нибудь государства, надобно по крайней мѣрѣ прочесть пространную исторію оной; но за то историкъ менѣе другихъ имѣетъ нужды въ соображеніи.

Если вы желаете составить пространную исторію, то возьмите сначала самую краткую исторію того же государства; сощпайте ея страницы, потомъ сообразите, сколько страницъ вамъ непременно нужно; сравните сіи числа, которыя будутъ относитися, на примѣръ, какъ 1 : 5; распросраните каждую страницу оригинала въ пять своихъ; постарайтесь закончить каждую фразу, заключающуюся между двумя новыми строками, анпипезомъ, и историческое сокращеніе гопово.

Тоже самое, что мы говорили объ историкѣ, обрабатывающемъ исторію въ обширномъ объѣмѣ, можетъ отпоситься до сочинителя руководства: о всѣхъ предметахъ писано очень много; и руководство сущъ ничто иное какъ сокращеніа прежнихъ

пространныхъ сочиненій. Челоукъ, занимающийся словесностью, можетъ прибѣгнуть къ тѣмъ же самымъ средствамъ для руководства, какъ и для сокращенія. Такимъ образомъ, весь трудъ его будетъ заключаться въ слѣдующемъ литературномъ ариометическомъ уравненіи: подробное сочиненіе къ сокращенію, какъ 5 къ 1-му.

СУЕТА СУЕТЬ!

Суета суетъ! Древнее изреченіе, глубокую истину въ себѣ заключающее, мы слышимъ безпрестанно и отъ солдата и отъ прасола, и отъ мѣщанина и отъ барина, и отъ бурлака и отъ перевозчика, и отъ пономаря и отъ профессора, и отъ содержателя прапшира и отъ содержателя театра, и отъ содержателя пабашной лавочки и отъ содержателя питейнаго сбора въ столицѣ.

Суета суетъ! печально ворчитъ, стоя съ алебардою на часахъ, будочникъ, наказанный за пьянство.

Суета суетъ! подпугиваетъ ему извозчикъ, который въ цѣлый день вывздилъ только одинъ четвертакъ.

Суета суетъ! говоритъ заводчикъ, взявшій большую винную поспавку за дешевую цѣну, и видя, что на хлѣбъ отъ неурожая цѣна поднимается.

Суета суетъ! восклицаетъ, сдѣлавъ поспавную харю, секретарь, за взятки отспавленный.

Суета суетъ! шепчетъ актриса, Публикою ошиканная.

Суета суетъ! мыслитъ про себя вельможа, просившій увольненія отъ службы, въ полной увѣренности, что его попросятъ отпавиться, а вмѣсто того, въ томъ же день получившій отспавку.

Суета суетъ! восклицаетъ, почесывая длинную бороду и дочивая въ *Палкина* прапширъ сороковую чашку чаю, иногородный ку-

(*) Наши земляки-Русски почерпаютъ свои познанія о жизни бытій нашихъ пращуровъ изъ древней Россійской Вивліюеки, изъ *Голжиова*, *Успенскаго*, *Дерса*, *Лерберха*, *Шлѣцера* и нѣкоторыхъ другихъ.—*В*

пець, получившій рубль на рубль барыша отъ овса, привезеннаго изъ Калязина.

Суета суетъ! сквозь слёзы вздыхаетъ новобрачная, копорой сваха насказала про ея суженаго множество небылицъ.

Суета суетъ! смѣясь проповѣдываетъ исправникъ, не выбранный ни въ какую должность на слѣдующее прехлѣпие.

Суета суетъ! вопіетъ набожный спромель казеннаго зданія, уличенный въ покражу гвоздей, досокъ, болшовъ, кирпичей и изразцовъ.

Суета суетъ! мыслитъ, себя упѣшая, несчастный (отъ безграмотности) переводчикъ прагедій, драмъ, комедій и водевилей, чипая свой смертный приговоръ въ журналахъ.

Суета суетъ! думаетъ беспаланый издатель журнала, сощпавъ, что на его журналъ нѣтъ и 100 подписчиковъ изъ 52,000,000 жителей Россійской Имперіи.

Суета суетъ! кричитъ на цѣлую канцелярію популярный совѣтникъ, копорому, за неимѣніемъ апестата, оказано въ чинѣ коллежскаго ассесора.

Суета суетъ! спонетъ другой популярный совѣтникъ, опецъ и дѣдъ полудюжины популярныхъ совѣтниковъ, не получившій сполоначальническаго мѣста, опданнаго молодому челоуку съ головою и образованіемъ.

А. Кораблинскій.

ФРАНЦУЗЫ ВВЕЛИ У СЕБЯ ВЪ УПОТРЕБЛЕНІЕ ТѢМУ ТѢМУЩУЮ РУССКИХЪ СЛОВЪ.

«Я никогда не обучался Французскому языку,» сказалъ нѣкто: «но опчаспи понимаю его попому, что Французы употребляютъ очень много Русскихъ словъ: на пр. *амбиція, шапоба, партерь, ложа, компанія, петиметръ, истерика, токъ, фалбара, корсетъ, финансы, президентъ, ассесоръ, кредитъ, фермуаръ, талія, матерія, стортукъ, рединготъ, салонъ, жилетъ, жабо, костюмъ, манжеты,* и прочая, и прочая.»

ОБЪЯВЛЕНІЕ

о продажѣ отлмнной доброты галиматый.

Желающіе купить опличной породы и оплмнной доброты галиматью, годную для риторики, пѣипики и домашняго употребленія, могутъ найти её въ Но 4-мъ журнала *Телескопъ*, на сей 1834 годъ издаваемаго, на спраницахъ 49, 50, 51 и 52-й.

ТРУДОЛЮБИЕ РОССИЙСКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.

Спискомъ именъ нашихъ дѣйствительныхъ и почепныхъ ученыхъ можно обернуть два раза колокольню Ивана Великаго, а исчисленіе ихъ годовыхъ трудовъ можно уписать на поверхности лѣснаго орѣха.

Булгаринъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

СЕСТРА МИЛОСЕРДІЯ.

Въ то время, когда во Франціи (*) вѣра ослабѣваетъ и когда споль многія души оскудѣваютъ въ ней, не найдете ли вы спраннымъ и даже удивительнымъ, что еспъ въ свѣтѣ кое гдѣ существва, коихъ жизнь протекаетъ между алпаремъ и одромъ боляцаго? Скажите, не удивительно ли, что существуютъ еще между нами юныя дѣвы, копорыя, изъ истиннаго благочестія добровольно опрекшисъ отъ всѣхъ земныхъ радостей, берутъ въ объятія свои крестъ Христа Спасителя, тогда, какъ развратъ, безбожіе или равнодушіе содѣлалось удѣломъ челоуковъ? И такіе примѣры подають свѣтцу женщины, для того сполько, какъ кажется, созданныя, чпобы съ улыбкою на устахъ проводить жизнь. Ихъ-то чело покрывается перновыми вѣнками, хопя, кажется,

(*) Не правда! — Въ Парижѣ — это правда! Я сама, для поправленія здоровья, прожила два года съ половиною въ южной Франціи, и могу засвидѣтельствовать, что сельскіе помѣщики, жители провинціальныхъ городовъ и креспьяне весьма набожны. — *Прим. Русской дамы.*

что цвѣты только должны бы украшать ихъ. Женщина, существо, почитающееся вообще живымъ, въпренымъ, легкомысленнымъ, непостояннымъ, любящимъ непрестанную движимость, представляетъ намъ собою важный образецъ. Мы видимъ её, по у подножія креста, въ смиреніи и съ благоговѣніемъ возносящую молитвы за васъ и за меня; по у одра болѣзни съ состраданіемъ, благочестіемъ и Христіанскою любовью, спарающуюся успокоить спраданія бѣднаго больного, и это продолжается не часъ, не день, не недѣлю, продолжается всю жизнь, которую проводитъ она въ святилищѣ и въ убѣжищѣ несчастныхъ. Для человѣка, лежащаго на спрадальческомъ одрѣ, *Сестра Милосердія* есть ангелъ утѣшенія и надежды; она есть для него божественный лучъ среди печальной и мрачной ночи; она есть для него неизреченное утѣшеніе въ продолжительныхъ его спраданіяхъ. Сколько спраданій, которыхъ казались не споль жестокими въ присутствіи сихъ дѣвъ религіи! Сколько умирающихъ находили послѣдній часъ свой не споль ужаснымъ, внимая утѣшительнымъ словамъ, кои *Сестра Милосердія* вливала имъ въ душу! Сколько утѣшительныхъ и прогашельныхъ пайнъ были унесены съ послѣднимъ вздохомъ умирающаго!

Дѣвы - Христіанки! Языкъ человѣческой слабъ для изображенія по достоинству святаго вашего самоопроверженія; мы едва можемъ понимать васъ; ибо мы споль далеки отъ васъ, сколь далеко небо отъ земли. Но вы пользуетесь пѣмъ же солнцемъ, какъ и мы; вы дышите пѣмъ же воздухомъ, вы ходите по той же землѣ, по которой и мы; вы рождаетесь отъ смертныхъ матерей, такъ какъ и мы; вы имѣете колыбель и могилу! Но таково владычество религіи, такова сила молитвы, что вы образовали въ себѣ природу, высшую противъ нашей природы. Вы обращаетесь среди насъ, и наши нечестія не оскверняютъ васъ; наши скоро переходящія удовольствія не рождаютъ въ васъ зависти; вы убѣгаете щастливцевъ, и извѣстны только спрадальцамъ міра.

Сестра Милосердія, которая идетъ теперь въ черномъ одѣяніи, съ распіемъ на груди, есть однако женщина! Она обрекла себя на вѣчное уединеніе! Она никогда не скажетъ и не услышитъ слова любви!—Послѣ удивленія симъ святымъ героинямъ, не знаю, какое-то печальное чувство посѣщаетъ вдругъ сердце мое.—Довольно перпій расстеть въ свѣтъ, за чѣмъ отнимать у насъ послѣдніе цвѣты? За чѣмъ милосердіе лишаетъ насъ того, что было, какъ будто обѣщано любви?

Однажды, когда я шелъ, мечталъ о надеждахъ любви, вспрѣтилась мнѣ одна изъ *Сестръ Милосердія*: молодая, пріятная собою дѣвушка, скромная, застѣнчивая. Румянецъ милой спыдливости покрывалъ ланиты ея, глаза ея были поуплены въ землю, походка ея походила почти на бѣгство. Казалось, будто шумъ людей успрашалъ её, и что она спѣшила выпти изъ срединны суепной толпы. Она прошла мимо меня какъ одно изъ пѣхъ видѣній, кои иногда представлялись во снѣ, оставляютъ по себѣ грустныя воспоминанія; она прошла подобно одному изъ Ангеловъ, кои посѣщали людей первыхъ временъ: юная *Сестра Милосердія* исчезла для меня, и я воспоминаю о ней, какъ воспоминаютъ о ночныхъ явленіяхъ.

Кто бы ты ни была, юная дѣва, видѣнная мною подъ бѣлымъ покрываломъ, въ грубомъ одѣяніи, когда каждое упрое зеркало говоритъ тебѣ сколько ты прелестна, что отвѣчаешь ты сему пайному свидѣтелю прелестней и сокровенныхъ горестей твоихъ? Любовь твоя къ Господу достапочна ли твоему сердцу, и нѣжная душа твоя не призываетъ ли, безъ вѣдома твоей, души тебѣ любящей? О, если знаменіе спраданій Христа распятаго замѣняетъ тебѣ друга, еслили уединеніе не смущаетъ жизни твоей, то останься, останься на вѣкъ въ своемъ святилищѣ, храни тихое блаженство свое; міръ, съ копорымъ распалась ты, едвали сподитъ одного вздоха.

Перевела А. М... ва.

РАСКАЯНІЕ—ПОЛОВИНА ИСПРАВЛЕНІЯ.

Смиренномуудрый инокъ просилъ подаянія на строеніе монастыря. Онъ вошелъ въ переднююбогача N. N. въ такую несчастную минуту, когда потъ, взбѣлся на слугъ своихъ, бѣгалъ по горницѣ, какъ сумасшедшій. Онъ грубо отказалъ иноку—и хотѣлъ уйи; но сей послѣдовалъ за нимъ въ залу, въ гостиную и, наконецъ, въ кабинетъ. Вышедшій изъ себя богачъ обернулся—и, увидя его, далъ ему пощѣчину.—«Это на мою долю, холоднокровно опшѣчалъ опшельникъ: а что же на строеніе храма?»—Богачъ опомнился, ударилъ себя по лбу—и далъ монаху 1,000 рублей.

МОЦАРТЪ И РОССИНИ.

Въ одномъ музыкальномъ обществѣ спорилъ о паланцахъ *Моцарта* съ *Россини*. «А вы какъ объ этомъ думаете?» спросилъ Б. у И.—Я сравниваю *Россини* съ пышнымъ пюльпаномъ, а *Моцарта* съ алде, который во сто лѣтъ цвѣтѣтъ только *однажды*;—опшѣчалъ Б—ъ.

ДУШЕВНАЯ ЖАЖДА.

Жажда доказываетъ въ человѣкѣ пребываніе огня, возженнаго гнѣвомъ Божиимъ. Вода на время утоляетъ сіе горѣніе, но нельзя потушить его безъ воды живой, даруемой Спасителемъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

НОЧЬ ВЪ СТЕПИ.

(Изъ путевыхъ записокъ.)

Холодный вихрь крушитъ снѣгами,
И степь, какъ жертва непогодъ,
Своими топкими краями
Поддерживаетъ неба сводъ,
Блестящій яркими звездами.
Морозъ невидимо прещитъ,
И полумѣсяцъ раскаленный

На пламенномъ столбѣ сползъ,
Свѣтъ надъ міромъ утомленнымъ,
И степь безкровна мнилася мнѣ.
Какъ тяжело въ пустынной долѣ!

Туда, мечпы, ко звездной вышинѣ!
Покиньте жизни нашей поле!

На немъ, какъ степью, вихорь бѣдъ
Слѣды веселья завѣваетъ;

И, какъ на зло, надежды свѣтъ
Путь безпріютный озаряетъ;

Какъ звезды, радости блестятъ
Надъ спранникомъ—онъ къ нимъ спремился,

А на душу земнаго хладъ
Тяжелой цѣпью ложился.

В. Григорьевъ.

СТАРИННАЯ ПРИМѢТА.

Дѣдъ рассказывалъ родной
Про старинную примѣту:

Иней выпадетъ зимой—
Плодородному бытъ льду!

Имъ примѣчено сто разъ;
Онъ любя завѣрилъ насъ.

Спанемъ други веселимся;
Посмотрите, на древахъ

Чистый иней серебрится,—
Будетъ радость на поляхъ!

Тоже дѣдъ твердилъ сто разъ;
Онъ любя завѣрилъ насъ.

Дружно снѣгъ лепитъ клоками;
Чу!—морозъ спучилъ, крушилъ,

Вьюга вѣетъ надъ полями,
Небо щастье намъ даритъ!

Будемъ други веселимся,
Изобильный хлѣбъ родился.

Тоже дѣдъ твердилъ сто разъ;
Онъ любя завѣрилъ насъ.

Мы примѣтой жить умѣемъ,
Трудъ наполнишь закромы,

Хлѣбомъ мы разбогатѣемъ,
И помянемъ дѣда мы!

Ө. Слутушкинъ.

Ш А Р А Д А.

Щаспливы корабли,
 Когда они опъ бурь до *перваго* дошли.
Вторглись же слогомъ мы шу букву называемъ,
 Которую излишнею щипаемъ,
 А все упошребляемъ.
 Хошь многіе еѣ сбиралися изгнашь
 И споровъ дѣлалися предметомъ.
 А *цѣло*—въ покаль извольше наливашъ
 И смѣло попивашъ
 Весною, осенью, зимой и лѣтомъ.

III.

Въ No 14, помѣщенный хогогрифъ значить:

La Lime bien trempée use pierre et métal.
 Pour sa douceur, le Miel est sans égal.

БИБЛИОГРАФІЯ.

Canevas méthodique et chronologique de littérature ancienne et moderne, ouvrage élémentaire, dédié à la jeunesse Russe, par Mr. Ch. de St. Hilaire.

Въ нашъ вѣкъ, когда преподаваніе юношескву словесныхъ наукъ спановится споль затруднительнымъ опъ жливоспи началъ, на которыхъ новѣйшая школа хочешъ основашъ оныя, началъ, очевидно клонящихся къ жалкому скептицизму, подрывающему чиспую нравствѣнность, пріятно встрѣпимъ сочиненіе, авторъ котораго, не спрашась насмѣшекъ ультра-романтиковъ и *Гюгопоклонниковъ*, пвердымъ шагомъ идетъ по пути, указываемому прищадпью вѣками общаго удивленія и образцовыми пвореніями во всѣхъ родахъ, не опказывая впрочемъ въ должномъ уваженіи превосходнымъ произведеніямъ современныхъ поэтовъ и прозаиковъ.

Спроки сіи внушены намъ чпеніемъ вподраго изданія *Методическаго и хронологическаго начертанія древней и новой литературы*, учебнаго сочиненія, посвященнаго *Русскому юношеству* г-мъ К. де Сент-Илеромъ.

Сей прудолобивый литераторъ, въ продолженіе шестнадцати лѣтъ, съ успѣхомъ преподающій Французскую граммашку и словесность въ нашей столицѣ, съ каждымъ днемъ пріобрѣтаешъ болѣе права на признательность пѣхъ, которыми посвящаешъ опъ свои досуги и литературные труды, ибо умѣренная цѣна, которую опъ назначашъ за сіи послѣдніе, очевидно доказывашъ, что опъ не дѣлаешъ ихъ предметомъ спекуляціи. Книга, о которой мы упомянули, продается у придворныхъ книгопродавцевъ Гг. *Беллизара* и *Дюбура* и въ прочихъ С. Петербургскихъ книжныхъ лавкахъ. Цѣна за 1 томъ изъ 400 страницъ въ 8 долю листа, полагаешся 3 р.

Мы жальемъ, что предѣлы газетной статьи не позволяютъ намъ представитъ разбора сочиненія, споль необходимаго для молодыхъ людей, занимающихся иностранною словесностію, но должны, однакоже, сказать, что оно достойно вниманія Публики, по чистопѣ правилъ, кощрыя въ себѣ заключаешъ. Мы особенно рекомендуемъ собраніе *Избранныхъ статей* въ стихахъ и прозѣ, находящееся въ концѣ книги и отличающееся вкусомъ и строгою разборчивоспію, съ какою сдѣланъ выборъ около 150 отрывковъ изъ пвореній лучшихъ Французскихъ писателей, какъ старой, такъ и новой школы.

Г. Сент-Илеръ издаешъ также для многочисленныхъ учениковъ своихъ *Лексикологію*, или *приготовительную Французскую грамашку*, состоящую изъ 40 примѣровъ, съ полнымъ *Словаремъ Французскихъ глаголовъ* и переводомъ оныхъ на Русскій, Нѣмецкій и Англійскій языки. Будучи авторомъ *Французской грамашки* въ 36 уроковъ, для употребленія Русскихъ, кощорой разошлось два большихъ изданія, сочинитель сего новаго способа должень ожидать опъ онаго пѣмъ болѣе успѣха, что опъ основывашъ свои доказательства на постоянныхъ наблюденіяхъ и на самомъ быстромъ и вѣрномъ способѣ сдѣлашь понятнымъ для юныхъ нашихъ соотечественниковъ прудности языка, преподаваніе коего весьма нелегко для того, кто

не обладаетъ, такъ какъ онъ, основательнымъ знаніемъ Русскаго языка.

Грамматика сія продается у тѣхъ же книгопродавцевъ. Цѣна книги изъ 160 стран. въ 8 долю листа, съ словаремъ 2 р., а безъ онаго 1 р. 20 к.

M O D E S.

Le soir, on porte des colliers qui forment en même temps sautoirs et collerettes, ce sont des espèces de petits fichus en crêpe doublé de satin et bordés d'une petite blonde; ils font la pointe derrière comme un fichu, et se croisent par devant, attachés par une épingle.

Les sautoirs de foulard à dessins turcs sont fort bien pour le matin; pour demi-toilettes on porte aussi de jolies écharpes en foulard sur ces mêmes dessins qui sont de fort bon goût. Le foulard grenadine est de goût et moins habillé que le satin.

Pour l'ameublement on emploie beaucoup les galons de laine; c'est une grande amélioration sur la soie, qui ne pouvait se blanchir, et le coton, qui passait à l'eau. Sur un rideau de mousseline blanche, rien n'est joli comme un galon bleu et blanc, cerise et blanc à dessins mosaïques; sur l'étoffe bleue, percale ou mérinos, on pose le même galon assorti. Pour une chambre à coucher, les rideaux en mousseline blanche, garnis d'un galon cerise ou vert sur blanc sont simples et fort bien choisis.

Dans tous les appartemens un peu recherchés, il se trouve aujourd'hui une table de laque, un meuble de Baule, ou de la vieille porcelaine; de même que dans la toilette d'une femme, on retrouve des traces, un souvenir des costumes d'autrefois, un éventail de Chine ou un anneau antique.

Il y a une singulière rivalité dans les bouquets de bal. Certainement tant que Mme Prévost fera ses admirables bouquets qui embaument un bal, les fleurs naturelles seront en faveur dans le monde parfumé; et cependant les violettes et les petites roses de Nattier, les camélias de Batton sont de grande élégance, et se placent dans une corbeille de mariage. Convenons-en, les bouquets artificiels portés à la main, parfumés

d'essence comme un mouchoir de poche, sont une singulière fantaisie de la mode!

Pl. No 7. 1 et 2) Coiffures de bal.—3) Bonnets de blonde à bandeau de fleurs.—4) Echarpe de satin broché.—5) Sac de velours brodé.

M O Д Ы.

Вечеромъ носятъ галстучки, которые составляютъ въ одно время шарфикъ и борочекъ; это родъ небольшой креповой косыночки, подложенной апласомъ и обшитой узенькой блондою; они сзади съ мыскомъ, какъ косыночки, а спереди кладутся крестообразно, и схватываются булавкою.

Фуларовые шарфики весьма приличны для утра; въ полу-нарядъ носятъ также красивые фуларовые шарфы съ такими же узорами, которые весьма въ хорошемъ вкусѣ. Фуляръ-гренадинъ также во вкусѣ, но не такъ наряденъ какъ апласъ.

Для меблировки употребляютъ много шерстяныхъ галуновъ; это большое улучшение передъ шелкомъ, который нельзя было чистить, и бумагою, которая теряла цвѣтъ въ водѣ. На белой кисейной завѣскѣ ничего нѣтъ красивѣе, какъ голубой съ бѣлымъ галуномъ, или алый съ бѣлымъ, съ мозаическими узорами; на голубой материи, перкаль или мериносъ, кладутъ галуномъ подъ цвѣтъ. Для спальни, бѣдыя кисейная завѣска, обшитыя алымъ или зеленымъ галуномъ съ бѣлымъ, просто и въ хорошемъ вкусѣ.

Во всѣхъ домахъ, убранныхъ со шпациемъ, найдете лаковый столъ, какую нибудь мебель отъ Вауле, или спаринный фарфоръ; также, какъ въ дамскомъ нарядѣ, находятъ слѣды, воспоминаніе прежнихъ нарядовъ, Кишайское опахало или спаринное кольцо.

Спаринное соревнованіе въ букетахъ для бала. Конечно, откуда г-жа Prévost будетъ дѣлать свои удивительные букеты, которые напиваютъ ароматами весь балъ, настоящіе цвѣты всегда будутъ въ употребленіи въ щеголеватомъ свѣтѣ; однако же фиалки и мелкія розы Nattier, камелии Batton, чрезвычайно щеголеваты, и всегда помѣщаются въ приданое. Согласимся, что дѣланные букеты, носимые въ рукѣ, напипанные ароматами, какъ посовые плапки, спранныя прихоть моды!

Карп. No 7. 1 и 2) Балльная прическа.—3) Блондовые чепцы съ флоровыми бандо.—4) Апласный (broché) шарфъ.—5) Мѣшокъ изъ вышитаго бархапа.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 16.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 No
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, ФЕВРАЛЯ 24 ДНЯ 1854 ГОДА.

Какъ братъ, какъ родимый, любезенъ намъ спранникъ несчастный;
Любезенъ онъ сердцу, не чуждому Бога и добрыхъ вѣры.

Мерзляковъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ЗАМУЖСТВО ПО ГАЗЕТАМЪ.

(Согл. Мистрисъ Гроулоу).

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ одномъ Батскомъ журналѣ была напечатана слѣдующая статья:

«Почтенная леди *Женетъ М'Клоръ* при-
«была вчера въ гостиницу Горгъ. Ея зна-
«носнѣ единственная дочь и наследница
«огромнѣйшихъ помѣстій покойнаго графа
«*Динсфорда*.»

Сія нѣсколько спрокъ возбудили живѣй-
шее любопытство между искапелями не-
въспѣ. Развернули адресъ-календарь Шоп-
ландской знати, и нашли, что упомянутая
особа доживала пятьдесятъ второй годъ сво-
ей жизни. Одни заключали, что она слиш-
комъ стара, другіе щипали еѣ слишкомъ мо-
лодою, слѣдственно, въпреную; однако, не
смотря на сія недоспахи, порядочное чи-
сло искапелей представились ея милоспи
до исхода еще первой недѣли ея пребыванія.
Леди *Женетъ* была чудиха (не чудачка ли?)
во всѣхъ отношеніяхъ: и фигуру, и одеж-

дою, и характеромъ. Въ особенноти же
опличалась она фдкою пасмѣшливостью.

Съ такою особою не легко сладить; по-
крайней мѣрѣ многіе пытали счастья, но
леди *Женетъ* скоро надоѣло бы отказывать
женихамъ и поднимать на смѣхъ искапелей,
еслибъ каждый вечеръ, прежде, нежели ло-
жилась спать, отъ скуки, ими наводимой,
не потѣшалась она надъ ихъ неудачею съ
своею почтенною горничною, копорой пе-
ресказывала всѣ ихъ разговоры и свои на
по острые отвѣты.

Впрочемъ, въ концѣ прехъ или четырехъ
недѣль забава сія спала еѣ казанься при-
порною, и она изъявляла мистрисъ *Мар-
гаритъ* продолжительной зѣвотой, что на-
доѣлъ ей Батъ и всѣ его шушты; что ревма-
тизмъ ея прошелъ, и что чрезъ нѣсколько
дней снова отправляется въ Шопландію,
предоставляя господамъ обожателямъ повѣ-
ситься, если имъ на эпомъ Свѣтъ не въ
терпѣжь будетъ.

Мистрисъ *Маргарита*, при всякой довѣ-
ренности своей госпожи, всегда отъ сердца
хохотала, на эпомъ же разъ сохранила свою
степенность, и когда леди *Женетъ* спросила

её о причинѣ ея надупости, она отвѣчала печально: «Видите, миледи, мнѣ было бы смертельно жаль, еслибъ вы, имѣвъ спольку искапелей, заупрямились умереть спарою двѣушкой.»

«Гм!» отвѣчала леди *Женетъ*, и болѣе не сказала ни слова. Мисприсъ *Маргарита* желала уже воропить свои нескромныя слова: ибо ея повелительница грубо отвернулась отъ неѣ на поспелю, пожала плечами, упкнула носъ въ подушку и не раскрывала рта, не смотри ни на какія ласки и уловки горничной, которая всѣми мѣрами, какими только умѣла дѣйствовать на госпожу, спаралась возобновить разговоръ. Видя, наконецъ, что всѣ ея усилія напрасны, спарая субретка потихоньку ускользнула изъ комнаты, въ большомъ страхѣ, и даже, когда на другой день поуспру госпожа позвонила, она дрожала, болсь найпти её въ самомъ дурномъ расположеніи; но ошиблась.—Она замѣтила, къ великой радости, что леди *Женетъ* необыкновенно весела. Прощла цѣлая недѣля и ни слова не было упомянуто объ отъѣздѣ изъ Бапа.—Леди отбросила въ сторону всѣ шутки надъ искапелями ея руки; и первѣйшею забавою щипала прогуливаясь каждае ушро въ полѣ.—Въ концѣ недѣли, она внезапно объявила мисприсъ *Маргаритѣ*, что выходитъ за мужъ. Въ эту самую минуту, горничная только что хопѣла поставитъ на столъ пипьё: руки ея машинально раскрылись, слѣдую движенію, произведенному такою нечаянностію, и такъ какъ столъ былъ еще не довольно близко, графинъ упалъ и разбился въ дребезги. Бѣдная *Маргарита*, въ испугъ, спрашно вскринула, а леди *Женетъ*, всегда гошова шутитъ, сказала ей съ улыбкою: «Успокойся *Маргарита*; быть можетъ, эшотъ худой признакъ не исполнился, и я не выйду за мужъ. Выспи коверъ, принеси другой графинъ и приходи за приказаніемъ.» *Маргарита* повиновалась. Леди *Женетъ* медленно осушила стакацъ вина, и продолжала: «Я не забочусь о будущемъ, чтобы со мною ни случилось, и не прошу ни чьего совѣта. Я знаю, что мнѣ дѣлать.... мой выборъ сдѣ-

ланъ, я рѣшилась... Но посмотри, нѣтъ ли кого нибудь памъ за эшою дверью, чтобы насъ не подслушали! Теперь подойди сюда, садись здѣсь. Переспань же дѣлашь такую кислую рожу, спарая дура. Садись, я тебѣ повѣрю важную тайну.» *Маргарита* усьлась подлѣ своей госпожи, и наши двѣ спарухи такъ плотно другъ къ другу прижались, что подлюжны лазупчиковъ не подслушали бы ни одного словечка.

Прошепавъ минутъ десяти между собою, леди *Женетъ* возвысила опять свой голосъ по прежнему; вѣрная *Маргарита* вспала, и, положи съ пайнспвеннымъ видомъ *Макбетовой* кодуны палецъ ей на уста, вышла. Лицо госпожи вполне изображало самодовольствіе—и минушы двѣ корчило улыбку, копорую сравню, когда уже пошло на сравненіе, съ улыбкою *Мефистобелла*.

Дня чрезъ три послѣ сего разговора, леди *Женетъ* съ *Маргаритой* отправились въ какую-то тѣмную лавку въ глухомъ переулкѣ, куда прѣхала за ними почповая коляска, чтобы отвезти ихъ въ одно селеніе, находящееся въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Бапа.—А о чемъ онъ между собою говорили дорогою, до насъ не дошло: только почпальонъ сказывалъ почпн-содержателю, когда воропился домой, что онъ не видывалъ веселье эпихъ двухъ спарыхъ барынь: ибо во всю дорогу не переспавали онъ хохотать во все горло.

Онъ вышли изъ экипажа передъ крошечнымъ домикомъ жалкой наружности, копорый тѣмъ бесполезнѣе описывать, что, если бы и вздумалось чинапелю опыскивать его въ десяти или двѣнадцати миляхъ около Бапа: по не нашель бы онъ ничего на него похожаго. Нынѣ видъ эпихъ мѣстъ совершенно измѣнился, и низенькіе, неудобопомѣспительные домишки замѣнены веселенькими, хорошо расположенными и новенькими домами.—У дверей вспрѣшилъ пупешеспвенницъ человекъ, копорого наружный видъ показывалъ духовную особу. Онъ повелъ госпожу въ маленькую залу, гдѣ нашла она, безъ малѣйшаго, какъ казалось, удивленія, другаго мушину, аршина въ при рос-

помъ, съ пышноизвивающимися рыжими усами. Священникъ предложилъ своимъ гостямъ прогулку по саду. Леди *Женетъ* изъявила согласіе, и господинъ съ прекрасными усами, поклонясь ей пренизко, подалъ руку: они опправились. Мисприсъ *Маргарита* пошла за ними.

Онъ пробѣжали всѣ алей священническаго сада, заглядывали въ щели забора, всходили на возвышеніе, откуда видна была вся деревня; наконецъ поворожили къ церкви. Если это для свадьбы, то приняты были величайшія мѣры осторожности, чтобъ пощадить щекопливость застѣчивой невесты: ибо ни одна живая душа не слыхала ни слова объ этомъ. Изъ церкви новобрачная чета опправилась на квартиру добраго викарія, откуда леди *Женетъ* и ея горничная возвратились въ Батъ, оставивъ на мѣстѣ своего великоросяго кавалера.

Вечеру леди *Женетъ* расплакалась съ хозлякомъ гостиницы и оппустила всѣхъ своихъ людей, исключая одной мисприсъ *Маргариты*. На другой день, очень рано, спояла у воровъ гостиницы ея дорожная карета, запряженная почтовыми лошадьми, и она, чего никогда не бывало, съ одной горничной поѣхала въ Парижъ. Въ Дуврѣ встрѣжили они маіора *Ретль О'Доннегейгъ*, того самаго прехаршиннаго молодчика съ разросшимся, какъ дѣбрь, усамн. Онъ поджидаль ихъ со всѣмъ петерпѣніемъ новобрачнаго. Когда сія спрастная и юная чета благополучно переправилась черезъ проливъ: тогда дѣлпшпльный маіоръ запасся въ Кале выгоднѣйшимъ для своей дамы экипажемъ. Дѣлалъ небольшіе перѣзды въ день, они прибыли наконецъ въ Парижъ, гдѣ опстановились въ пышно-убранной гостиницѣ. Маіоръ любезничаль, жена его сыпала золото: все шло, какъ нельзя лучше, въ продолженіе цѣлаго мѣсяца. Непостоянная луна конечно имѣеть какое-то злобное вліяніе на судьбу людей: ибо едва лишь свѣтло сіе обѣжало одинъ разъ свой урочный кругъ, какъ все рѣшительно измѣнило свой видъ въ домѣ *О'Доннегейгъ*. Въ одинъ вечеръ мапрасно ждали маіора домой; леди *Женетъ* заспавила мисприсъ *Маргариту* провеспи

съ нею цѣлую ночь безъ сна. Маіоръ потѣко въ пять часовъ упра ворошился; позваль своего слугу помочь ему раздѣться и улѣгся спать въ особой комнатѣ, а не въ спальнѣ возлюбленной, юной супруги. Горничная, которую потѣ же часъ, какъ послышался голось дезертѣра, нарядила госпожа дозоромъ, возвратясь, опрапортовала ей по формѣ и по пункпамъ. *Ага!* воскликнула оспавленная *Дидона*. Но на этомъ разъ она не опворопилась къ спѣнѣ, не прятала носа въ подушку; но подала знакъ своей наперсницѣ поклоненіемъ головы, съ выразительнымъ взглядомъ—и захрапѣла.

Не будемъ слѣдовать за супругами въ разныхъ спычкахъ, какія происходили между ними, и каждый день возмущали болѣе и болѣе ихъ домашній миръ. Леди *Женетъ* выказывала до нельзя болѣе свою уступчивость; но алчность маіора увеличивалась по мѣрѣ удовлетворенія. Онъ нимало не заботился скрывать, что не одна спрасъ къ игрѣ удерживала его внѣ дома. Всего же удивительнѣе, но опъ того не менѣе чрезвычайпо справедливо, что при каждомъ такомъ опкрытіи, леди *Женетъ* и *Маргарита* не могли удержаться опъ хохопу; наконецъ случилось, что маіоръ, взявъ у банкира свои послѣдніе тысячу франковъ, соизволилъ удостоить леди *Женетъ* своимъ присупспвіемъ за завтракомъ и ласково объявилъ ей, что имѣеть крайнюю нужду въ деньгахъ. Жена выслушала весьма спокойно, и потомъ позвонила. Вошла *Маргарита* и получила приказъ опъ миледи уложивъ всѣ ея вещи въ дорогу, поелику она непременно ѣдитъ въ Шотландію и оспавляетъ здѣсь всѣ бездѣлки, принадлежащія къ быту женатыхъ, «которыя» продолжала она съ любезною улыбкою: «я дарю господину маіору.» Сей послѣдній оспобѣнѣлъ было опъ удивленія; но вскорѣ оправился и, принявъ на себя мужественную осанку, предался на нѣсколько минутъ всей свободѣ рѣчи, какую дозволяютъ мужьямъ законы. Жена улыбалась кропко и, можно бы даже сказать, примѣрно, если бы какое-то движеніе верхней губы не придавало сей улыбкѣ какой-то насмѣшливости,

особливо когда она произнесла: «Благослови васъ Богъ, маіоръ *Ретль О'Доннегейъ!* Вы мнѣ столько же мужъ, сколько и моей *Маргаритъ*. Если вы мнѣ можете доказать, что вы со мною обвиняны, то я принуждена буду отдать вамъ все свое имущество: ибо вы знаете, мой дорогой маіоръ, что я по природѣ распочительна и не стану прижимать васъ изъ бездѣлицы.» Тутъ госпожа и служанка обѣ громко захохотали. Бѣшенство маіора и его тщетныя усилія доказать то, чего никоимъ образомъ ему дѣйствительно доказать нельзя было, могли бы еще дюжину страницъ наполнить, но мы удовольствуемся только необходимымъ, сказавъ, что леди *Женетъ* примирилась съ своею совѣстію и провела остатокъ жизни въ своемъ замкѣ въ Шотландіи, гдѣ на добрыя дѣла издерживала свои огромные доходы.

Съ Франц. В. Р.—.

ПИСЬМО КЪ СТЯПЧЕМУ ВОРОЖЕЙКИНУ ВЪ ГОРОДѢ КАИНСКЪ.

Государь мой Тимъ Карпычъ!

У насъ въ городѣ Епанчинѣ, пріѣхавшая его высокоблагородія господина города Ялупаровска уѣзднаго судьи Тимофѣя Прохорыча *Вахромѣева* дражайшая фамилія Парасковья Кузминична урожденная *Тарахтина*, спражающая порчею отъ недобрыхъ людей, называемою *икотой*, такъ, что на нее честнымъ и благороднымъ людямъ жалко и смотрѣть, а у васъ на Каптанаевой горѣ произвелъ Всевышній Создатель и на самыхъ сгаркахъ праву, называемою: бѣлую, похожую по стеблю—лебедѣ, а подосень и впису на землѣ, листья зеленые, а сверху бѣловатые, а вкусъ у нее у корня похожъ на пибирь, а когда ворту поддержишь по долѣ и будешь сладокъ, которой многихъ женщинъ мы живши у васъ излечили. Спросите вы у *Савихи Майдаровой* она двою носила въ себѣ одну легушу, когда въ первой разѣ закопала въ землю, а она и паки къ пей пришла и вселилась, а когда испіемъ ва-

реной правы ее испоргнула, то и сожгла и сдѣлалась здрава. Другая права *сипенькіе свалики* отъ падучей болѣзни и запою. То постарайся государь мой, Тимъ Карпычъ, какъ можно поискать у добрыхъ людей, нѣтъ ли приготовленной, ибо и при насъ многія призапасали сихъ снадобьевъ, и съ симъ нарочито-посланнымъ отъ здѣшняго господина капитанъ-исправника Кирила Фокича *Объѣзжалова*, а роднаго племянника вашего уѣзднаго судьи вышерѣченнаго Тимофѣя Прохоровича,—безъ околичностей сюды выслать, а вы за ваше стараніе будите неоставлены, не только отъ меня; но и отъ сихъ первѣйшихъ честныхъ и добрыхъ людей никогда.

Да и попекишесь въ нынѣшнемъ лѣтѣ ко мнѣ прибыть, вы увидите кому вы такую добродѣтель учинили, вѣчно возрадуишесь и будите слезно благодарить Создателя. А я съ моимъ почтеніемъ всегда пребуду

Государь мой

Вашъ пригодный ко услугамъ

Зотикъ Осиповъ Рогаткинъ

Города Епанчина откупщикъ.

Лѣта 1798 Января 20 дня
Епанчино.

ПРЕДЛОЖЕНІЕ ВВЕСТИ ВЪ УПОТРЕБЛЕНІЕ ДАМСКІЯ МУШКИ НАШИХЪ ПРАБАБУШЕКЪ.

Всемогущая, по прихоти своей управляющая міромъ щегольства, эрць-герцогиня—Мода, вызвавъ изъ могилы фижмы, прическу, похожую на Вавилонскія стѣны, и пуару, могла бы съ честью оживить дамскія мушки, игравшія въ старъ споль важную ролю при шулетѣ свѣпскихъ дамъ и дѣвиць. Всякая дама имѣла у себя небольшую коробочку, раздѣленную на чепыре отдѣленія: въ прехъ клались мушки, въ чепвертомъ румяны. Одна мушка изъ чернаго бархама, величюю въ червонецъ, приклеивалась обыкновенно къ виску; другія по менѣе изъ клееной паффы, въ видѣ звѣздочекъ, крестовъ и проч.

украшали лѣвую сторону рта и правую подбородка!!! Такъ какъ сіи мушки придавали лицу болѣе бѣлизны и прилпносипи, то мы желаемъ, чшобы эша мода 1760 и 1770 годовъ опяпъ къ намъ возврапиплась. Славный *Лихтенбергъ* говариваль, чшо всякая мода, какъ-бы она ни была глупа, чрезъ 50 лѣтъ возобновляется.

ДВА ГЛУБОКОМЫСЛЕННЫЕ РАЗГОВОРА,
КАКІЕ ЕЖЕДНЕВНО СЛУЧАЕТСЯ СЛЫ-
ШАТЬ НА НЕВСКОМЪ ПРОСПЕКТѢ.

Разговоръ первый.

«Здравствуй!»

— Здравствуй! —

«Здоровъ ли?»

— Славу Богу. — А ты? —

«Какъ видишь.»

— Прощай! —

«Прощай!»

Разговоръ второй.

«Вы-съ?»

— Нѣтъ-съ! —

«Извините-съ.....»

— Ничего-съ! —

СЛОВЕСНОСТЬ.

ОБУВЬ ЖЕНЩИНЪ ВЪ ДРЕВНОСТИ.

Изъ опасенія навлечь на себя гнѣвъ и негодование милыхъ чшпательницъ, мы не спанемъ входить въ сужденіе о томъ: не было ли назначено природою хорошенькимъ ихъ ножкамъ ходить босыми, — предположеніе, являющееся само собою, если обратипть вниманіе на крѣпость кожи, покрывающей подошвы, которая, превосходя толщиною кожу всѣхъ другихъ частей шѣла, и будучи прочтѣе всякой обуви, не только не повреждается отъ ходьбы, но еще болѣе твердѣетъ и укрѣпляется, — и скажемъ только, что

употребленіе *обуви* было уже извѣстно въ самой отдаленной древности.

Древняя обувь можетъ быть раздѣлена на три разряда: на такую, которая покрывала только подошву; на другую, служившую защитою для самой ноги (*le pied*), и на такую еще, которая совершенно или только частію закрывала ногу отъ ступни до колѣна.

Первобытныя народы, обитавшіе въ теплыхъ странахъ, каковы югъ Азіи и Европы и сѣверъ Африки, имѣли нужду предохра¹нить только исподъ ноги отъ пренія каменной и другихъ твердыхъ шѣлъ. По этому шѣ, которые не ходили босые, употребляли одну подошву изъ дерева, древесной коры, или зѣтриной кожи, безъ всякой обдѣлки, привязывал одну къ ногѣ.

Всѣ фигуры на Египетскихъ памятникахъ изображены не иначе, какъ съ босыми ногами, или съ подобными подошвами, сдѣланными часто изъ папируса или пальмовыхъ листьевъ.

Мы находимъ въ древности множество разныхъ названій обуви; но какъ писатели, которые упоминаютъ ихъ, упустили сказать намъ, какую форму имѣла эша обувь и изъ чего она дѣлалась, то мы и не можемъ предсказать описанія оной. Впрочемъ, намѣреніемъ нашимъ было только говорить объ обуви женщинъ, и потому мы не спанемъ распространяться ни о *пѣро* древнихъ поселенъ, обуви, составлявшей нѣчто въ родѣ кожаныхъ шпиблетъ, довольно похожихъ на нынѣшнія; ни о *фреказіуль*, который представляли только богамъ и жрецамъ; ни объ обуви философовъ, извѣстной подъ названіемъ *бахеа*; ни о *калпгъ*, военныхъ полусапожкахъ, отъ которыхъ заимствоваль свое имя одинъ изъ Римскихъ Императоровъ (*Калигула*).

Обувь Греческихъ, Азіатскихъ и Римскихъ женщинъ мало различествовала между собою, потому, что послѣднія заимствовали одну у первыхъ во дни славы и величія Рима.

Самою обыкновенною обувью Римскихъ женщинъ, какъ въ городѣ, такъ и въ деревнѣ,

были *sandalium* (*sandalium*), или проспья подошвы, привязанныя, по образцу Египетскихъ, ремнями или лентами къ ногамъ, которыя оставались обнаженными.

Богатыя женщины въ Афинахъ показывались на улицахъ въ дорогихъ сандаляхъ, которыхъ вышитыя подвязки не скрывали отъ взора хорошо сложенную ногу; но имъ запрещено было обуваться въ *перибариды*, которыя носить имѣли право однѣ только благородныя дамы.

Иудейки, также какъ Гречанки и Римлянки, носили сандалии. Другіе роды обуви Римскихъ женщинъ, извѣстные подъ названіями: *solea*, *crepida* и *gallica*, походили на сандалии, и дѣлались не закрытыми, но сквозными, такъ что оставляли нѣкоторыя мѣста ноги обнаженными. *Solea* называлась такъ отъ Латинскаго слова *solum*; *gallica* же, заимствованная у Галловъ, и подбивавшаяся снизу гвоздями, употреблялась только въ дождливое время, и дала названіе обуви, извѣстной у насъ подъ именемъ *галочья*.

Въ древности женщины носили еще закрытую обувь, подобную нынѣшнимъ женскимъ башмакамъ; образецъ ея сохранился на одной статуѣ богини *Изиды*, которой башмаки украшены осмью дорогими камнями.

Обувь сія, для которой размягчали кожу посредствомъ квасцовъ, называлась въ Римѣ *алутою*. Въ большой нарядъ, Римскія дамы надѣвали *алуту* изъ бѣлой или красной кожи; но всему предпочитали онѣ темнокрасный цвѣтъ (*le mordoré*), который употребляется и донынѣ. Въ самомъ дѣлѣ, цвѣтъ сей имѣетъ ту выгоду, что нога кашется въ немъ менѣе, нежели какова дѣйствительна.

Роскошь въ обуви достигла при Императорахъ такой высокой степени, что вмѣсто того, чтобы носить оную чернаго, краснаго, бѣлаго или желтаго цвѣта, для ней употребляли всѣ сіи цвѣта вмѣстѣ. Обувь сія была обща для мужчинъ и женщинъ; но Императоръ *Августинъ* запретилъ оную первымъ, какъ приличную однѣмъ только женщинамъ.

Обувь древнихъ женщинъ, кромѣ разнообразія и богатства цвѣтовъ, украшалась часпю золотомъ, серебромъ и дорогими каменьями. Нѣкоторыя женщины имѣли въ своей обуви гвозди, а иногда цѣлыя подошвы изъ чистаго золота. *Геліогабалъ* обуздаль эту роскошь особымъ постановленіемъ, дозволивъ оную только знатнымъ дамамъ.

Не одна кожа была употребляема въ древности для женскихъ башмаковъ; ихъ дѣлали изъ шелковой матеріи, а также изъ шипаго полотна чрезвычайной бѣлизны, украшеннаго жемчугомъ и алмазами.

Цицеронъ упоминаетъ о женскихъ пучкахъ, называвшихся Сикіонскими, отъ имени Сикіона, города въ древнемъ Пелопонезѣ (нынѣ *Василико*), откуда мода на онія перешла въ Римъ. Кажется, что это была обувь, отличавшаяся своею щеголеватостію и легкостію, и служившая, можетъ быть, вмѣсто нашихъ бальныхъ башмаковъ. *Лукіанъ* упоминаетъ объ одной Сикіонянкѣ, которая была обува въ бѣлые башмаки.

Гречанки носили еще обувь съ подошвами въ нѣсколько рядовъ, которая привязывалась лентами. Полусапожки, служившіе обыкновенною обувью охотниковъ, которую *Эсхиль* первый ввелъ на сцену подъ именемъ *котурнъ*, чтобы придать болѣе важности своимъ дѣйствующимъ лицамъ, повысивъ бога или героя въ глазахъ зрителя, но которую онъ не выдумалъ, какъ ложно утверждали до сего времени, были также надѣваемы Римлянами, чтобы казаться больше роспомъ.

Если жители юга имѣли нужду предохранять только подошвы ногъ отъ прикосновенія пѣлъ, которыя могли бы повредить имъ, то Сѣверные народы, чтобы защитить свои ноги отъ холода, сырости и ужаленія пресмыкающихся, по необходимости должны были обвертывать ихъ звѣриными кожами, которыя и были основаніемъ обуви у всѣхъ народовъ. Мѣсто сихъ кожаныхъ чулковъ, необходимыхъ въ нѣкоторыхъ земляхъ, заступалъ въ Римѣ родъ короткихъ сапогъ, доходившихъ до лодыжки и даже до икры; въ позднѣйшія же времена, чулки шелковые,

бумажные, шерстяные, смотря по различію климатовъ и по погодѣ.

Таковы были различныя роды обуви, которую употребляли въ древніе вѣки женщины.

Пер. Бр.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ВНЕЗАПНЫЙ КОНЕЦЪ.

Упорная битва кипитъ и гремитъ,
Жельзо людей поражаетъ;
То, дымное облако—солнце заститъ,
То спаль—его лучъ отражаетъ.

*

И вопъ у орудій боецъ молодой,
Красивый спойтъ, но угрюмый;
Не спрахомъ его попревожень покой,
Но мрачной предчувствія думой.

*

Сильнѣ враговъ испугленный порывъ,
Вѣрній бапарелъ спрѣляетъ;
Вдругъ воинъ безспрашный, очей не закрывъ,
Межъ пушекъ своихъ упадаетъ.

*

Товарищи смотрятъ: все та же краса
Въ чель молодого ихъ друга;
И очи недвижно глядятъ въ небеса,
Спраданья въ нихъ нѣтъ, ни испуга.

*

Но кровью облила геройская грудь,
Ядро еѣ вдругъ исказило;
Кончался, очей не успѣвъ онъ сомкнуть,
Ядро грудь на вылетъ провизило.

*

Мертвецъ онъ, но смерти не видно въ лицѣ,
Какъ прежде румяны ланиты;
И также, какъ жизни его при концѣ,
Всѣ очи глядятъ не закрыты.

*

Завидна смерть храбрыхъ, боецъ молодой,
Конецъ твой нежданный прекрасенъ;
Не всякъ ли погибнетъ своей чередой,
Но каждаго-ль жребій такъ ясенъ?

*

Ты смерти мгновенной въ пакиспвенный часъ
Недуговъ не зналъ спраданья—
Враговъ истребляя, безспрашный, угасъ
Безъ вздоховъ, безъ слѣзъ и рыданья.

А. Бистрог. (азовъ).

R O S S I N I.

Fragment.

Pesare l'a vu naître et le monde l'honore ;
Aux rivages lointains de l'océan sonore
Le Ciel a placé son berceau :
Et sur le sable de la grève
Il se leva vivant, comme un homme qui rêve
Et qui se réveille en sursaut.

Il se leva vivant,—car la brise féconde,
Qui mêlait ses concerts aux murmures de l'onde,
Soufflait une âme au faible enfant ;
Et du beau cygne de Pesare
La vague caressante, avec un chant bizarre,
Balançait le nid triomphant.

L'écho fit au poète une immense patrie...
Dans ses rêves, parfois, il croit avec furie
Entendre siffler l'aiglon ;
L'oiseau s'élance de son aire,
C'est que le vent l'enlève, ou c'est que le tonnerre
Brûle les serres de l'aiglon.

Parfois, des instrumens soulevant la tempête,
Il gronde;—alors les flots se heurtent dans sa tête,
L'ouragan court dans tout son corps,
Et l'écho de l'Adriatique
Remue en mugissant son cerveau poétique,
Où vibrent de divins accords.

Sans doute vous voulez que son ardent délire
Ait cru voir un Olympe au travers de sa lyre
Dans de saintes émotions :
Du tout; le soleil d'Italie
L'a forcé d'exhaler sa sublime folie ;
Mais il n'a pas de visions.

C H A R A D E.

Verse dans mon premier le doux jus de la treille;
 Au sein de ton amie attache mon dernier;
 Et crains, ami lecteur, crains, je te le conseille,
 Les noirs effets de mon entier.

Въ № 15, помѣщенная шарада значить: *Порт-еръ.*

M O D E S.

Comme robes dé soirées, on porte cet hiver une charmante étoffe demi-habillée. Ce sont les satins d'Alger damasquinés. Les blancs surtout sont d'une teinte, si l'on peut s'exprimer ainsi, vraiment ravissante. Les fleurs satinées, d'un blanc pur et brillant, font ressortir le fond de laine, d'un blanc roux jaunâtre, qui sied parfaitement au visage. Les blondes et les rubans de satin ont une grande recherche et beaucoup d'éclat sur cette étoffe blanche, si élégante et distinguée. On voit les mêmes robes en toutes couleurs. Celles de couleur foncée sont négligées. Celles de couleur claire doivent être d'une nuance très-tendre et très-douce; une des plus jolies comme fantaisie est le vert anglais ou le vert pistache.

En simplicité très-élégante, il n'y a rien de mieux porté que le velours de couleur foncée, le bleu très-foncé, le violet, le brun, le rouge grenat ou le noir.

Lorsque, comme nous le disons, ces robes sont des négligés, elles doivent être en guimpe plate montante ou en redingote. Une pélerine courte à pointe, garnie d'une blonde unie, en fait une charmante demi-toilette.

Sur les redingotes de satin, on met devant, pour fermer, des nœuds de satin pareils; très-souvent aussi, comme fantaisie bien portée, on voit des nœuds de satin d'une couleur très-tranchée: vert sur brun, rose sur vert, bleu sur noir, etc., etc. Ces nœuds se mettent aussi sur des robes habillées; avec du velours foncé, on peut mettre des nœuds de satin blanc en traverse pour fermer la jupe ouverte de biais sur une jupe de dessous en satin.

Généralement les jupes de satin qui se mettent sous une robe de velours ouverte, sont en satin blanc, très-souvent garnies de deux hauts volans en blonde ou en dentelle.

M O D Ы.

Для вечернихъ плашвевъ употребляютъ нынѣшней зимою прелестную полу-нарядную матерію. Это Алжирскіе волнистыя атласы. Бѣлые особенно отъены, если можно такъ сказать, пшшино превосходно. Атласистыя цвѣты, чистаго блестящаго бѣлаго цвѣта, отдѣляются на шерстяномъ грунѣ, желтовато-бѣлаго цвѣта, что чрезвычайно идетъ къ лицу. Блонды и атласныя ленты имѣютъ чрезвычайный блескъ на этой столь щеголеватой и отличной бѣлой матеріи. Видны такія же плашья всякихъ цвѣтовъ. Тѣмныхъ цвѣтовъ дѣлаются за-просто. Свѣпыхъ же цвѣтовъ должны быть весьма нѣжной и пріятнаго цвѣта; самыя красивыя Англійской зелѣной или фиспашковой.

Къ весьма щеголеватой простотѣ ничего не можетъ быть приличнѣе бархата: темнаго цвѣта, весьма шѣмно-голубаго, фиолетоваго, темнаго, гранатоваго или чернаго.

Если, какъ мы говоримъ, эти плашья простыя, то должны быть сдѣланы съ гладкимъ высокимъ лифомъ или рединготомъ; короткая пелеринка съ мыскомъ, обшитая гладкою блондою, составляетъ изъ сей одежды прелестный полу-нарядъ.

Атласныя рединготы схватываютъ спереди атласными же бантами; весьма часто такъ же, какъ весьма употребительная прихоть, видны банты рѣзкаго цвѣта; зелѣные на розовомъ, розовые на зелѣномъ, голубые на черномъ, и проч. Эти банты нашиваются такъ же и на нарядныя плашья; съ темнымъ бархатомъ можно нашить бѣлые атласныя банты въ доль, чтобы схватить юбку, открывшую вкось, на бѣлой атласной юбкѣ.

Вообще атласныя юбки, надѣваемые подъ открытыя бархатныя плашья, дѣлаются изъ бѣлаго атласа, и весьма часто обшиваются двумя широкими оборками изъ блонды или кружевовъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

•••••
ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.
•••••

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

N° 17.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 No
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, Февраля 28 дня, 1854 года.

Ужасный вѣкъ! не знаешь что начать!
Всѣ умудрились не по лѣпамъ.
А пуще дочери! да сами добряки,
Дались намъ эти языки!
Беремъ же побродягъ, и въ домъ и по билешамъ,
Чтобъ нашихъ дочерей всему учишь, всему:
И танцамъ! и пѣнью! и нѣжностями и вздохамъ!
Какъ будиго въ жены ихъ гошопимъ скоморохамъ!

Грибодовъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ИСКРЕННЕЕ РАСКАЯНІЕ.

Отрывокъ изъ моей биографіи.

(Подражаніе Польскому).

Носъ какъ хамелеонъ, перемѣняется въ цвѣтахъ,
А шрефовый пузъ выглядываетъ изъ кармана.

Николай Рей.

Нѣтъ, пора исправиться, пора оспепениться. Мнѣ надоело бѣгать по улицамъ, вздернувъ носъ, и размахивая палочкою, подъ напѣвъ модныхъ куплетцовъ.... Въ послѣдніе мѣсяцы я никогда не былъ въ ударѣ: это отогнало меня отъ бильярда; мой сердечный пузъ, наконецъ, спалъ улыбаясь банкѣру.... Холодныя ночи, которыя проводилъ я на часахъ подъ окномъ моей *Дульцинеи*, привели ко мнѣ кашель и насморкъ; почтенныя спарушки, бабушки богатыхъ внучекъ и маменьки пригоженькихъ дочекъ разгадали

меня.... Чортъ съ ними! Всего хуже, что въ кошелекѣ моемъ сдѣлалась пустота и безмолвіе; грѣшныя и безгрѣшныя долги и щѣпы портныхъ и сапожниковъ выплунулись длиннѣе рецепта доктора *Сквермана*. Пора исправиться; пора оспепениться! Рѣшено: раскланяюсь Свѣту и сдѣлаюсь философомъ.

Богатая мысль! Тотчасъ причешу мой прехъ-эпажный хохоль какъ можно ниже, насуну шапку на уши—и спарковскимъ шагомъ отправлюсь на совѣтъ къ моей тѣпушкѣ. Какъ-то она приметъ меня? Съ пѣхъ поръ, какъ однажды она заставила меня просидѣть цѣлый вечеръ за тенпере, за которыми прозѣвалъ я сладостное rendez-vous, я не заглянулъ къ ней ни одного разу. Будетъ пѣсня!

Вооружась Французскою смѣлостью и Нѣмецкимъ перпѣніемъ, я принялъ на себя видъ кающагося опшельника, и заранѣе сочинилъ спашы униженнѣйшей капитуляціи. Пред-

чувствія мои сбылись: едва я предсталъ предъ ликъ моей тёпушки, какъ она, удивленная эпимъ неожиданнымъ посѣщеніемъ, замахала обѣими руками, опкрещиваясь опъ меня, какъ опъ демона, явившагося изъ глубины ада искушать её. — Чпобъ умилоспивить мою грозную панпу, я выпсрѣлилъ въ нее гоповымъ комплиментомъ: «Какъ вы сего дня авашпжны!» За пѣмъ посыпались сонни папешпческихъ восклицаній, о добротѣ ея сердца, челоуѣколюбіи, чувствипельноспи. Не тупъ-шо было! — Выпреникъ, повѣса, Волперіанецъ и подобныя привѣтспвія посыпались на меня градомъ. Наконецъ, упопленная, она заключила эпшлогомъ изъ одной главы *Экартсгаузена*. Давно уже не слыхаль я подобной проповѣди, и потому съ шрудомъ дождался конца, наблюдал достодолжное молчаніе. Спустя нѣскольпо минутъ, она обрадовавшись по видимому силѣ своихъ убѣжденій и, приблизясь ко мнѣ, поржеспвеннымъ спопомъ объявила мнѣ послѣднее прощентіе. Это была прекрасная сцена изъ припчи о блудномъ сынѣ.

Тѣпушка посадила меня возлѣ себя, — и я долженъ былъ разсказать ей всѣ мои похощенія, и даже о той нещаспной любви, которая такъ безбожно исзущила мои кармапы. Однакожь я блаторазумно промолчалъ о шузѣ. За шо искусно выкинулъ словца два о плохомъ соспояніи моего бюджета. Тѣпушка глубоко вздохнула, я вздохнулъ еще глубже, и добавилъ, чпо главная причина моего посѣщенія, еспъ — душевное желаніе исправиться. Спрогій ликъ тёпушки прояснилсл. Похваливая меня, она взялась за огромный фодіанпъ, — чпобы привести въ припѣръ испорію о какомъ-шо раскалвшемся грѣшникѣ.

Испугавшись, чпобы такой быспрый переходъ опъ шуза къ жпшю спиренно-мудрыхъ мужей не произвелъ вреднаго вліянія на сердце тёпушки, я объявилъ поржеспвенно, чпо на пощій желудокъ опасны и самыя спасительнѣйшія поученія. Добрая спарушка поняла въ чемъ дѣло — и въ нѣскольпо минутъ, при посредствѣ моей фаворипки *Дуняши*, на сподѣ явился сыпный

завпракъ. Я приспалъ къ нему пѣмъ сплопнѣ, чпо тёпушка моя захопопалась съ ключницей о солѣныхъ грибахъ и мочѣныхъ яблокахъ, и по временамъ были слышны ея восклицанія, похощія на пѣ благословенія, какими она, по добротѣ своего сердца, еженежно осыпала домашнюю челядь.

Послѣ завпрака, расположась на мягкомъ диванѣ, я и тёпушка, разсуждали о суеѣ-мирской; полковали о свлптомъ супружеспвѣ, къ которому она имѣла опличное уваженіе, не смотря на шо, чпо не вышла за мужъ, по доброй своей волѣ. Кончилисъ пѣмъ, чпобы мнѣ непременно выѣхать изъ города, поселиться въ деревнѣ, жениться на одной *золотой* спарушкѣ, имѣть совокупное съ нею пощеніе о душевномъ и пѣлесномъ спасеніи. — Наконецъ, получивъ значительное денежное пособіе, умиленный сердцемъ, я распался съ тёпушкою, тысячу разъ поцѣловавъ ея ручку и пысячекрашно увѣряя, чпо упопроблю всѣ усилія, спану работать руками и ногами, чпобы доспичъ цѣли благихъ нашихъ намѣреній, п. е. исправиться совершенно.

Опъ радости я забылъ ролю кающагося, и вмѣсто того, чпобы нахлбучить шапку на уши и иппи спиреннымъ философскимъ шагомъ, я взбилъ по прежнему свой хохоль, фуражку на бекрень, голову вверхъ — и, какъ испуганный заяць, спремглавъ полетѣлъ домой. При всемъ томъ душа моя распопилась въ раскалніи; я часто повпорялъ вслухъ: опнынъ я буду другимъ челоуѣкомъ. На бѣду мою проворная дѣвочка перебѣжала мнѣ дорогу — и всунула въ руку записку. Раскрылъ: знакомая ручка моей давнишней припельницы, — читаю: «Если ты не забылъ еще меня. Помня пвою *дружбу*, я увѣрена, чпо ты мнѣ не откажешь.» Дальше трудно было разобрать; подпись *М. Е. Б.*

Знаю, давно знаю эту миленькую, пригоженькую *Марью Егоровну*, она была очень хороша, полпа *Адонисовъ* увивалась вокругъ нея, и въ числѣ ихъ, разумѣется, чпо я былъ не послѣднимъ. — Не входя въ разборъ миспическаго языка записки, я не могъ оп-

казать ей; это была бы самая гнусная неблагодарность. Я шель по Мойкѣ опѣ Полицейскаго моспа къ Красному. Дорога моя лежала прямо къ Синему; но записка переѣнула мой маршрутъ — и я, дойдя до Синяго моспа, крупно поворошилъ на право къ Адмиралшайству. Идучи, разсуждалъ я: куда же дѣвалась моя философія? что же будетъ съ моимъ раскаяніемъ?? И уже хотѣлъ ворошиться; но увидѣвъ ея окошки, я ободрился. Что за бѣда? Сегодня попирую, а завтра.... О, завтра я сдѣлаюсь другимъ человѣкомъ! Рысью взбѣжалъ я на лѣспницу; хорошенькое личико *Машеньки* улыбнулось мнѣ, черные глаза благодарили за посѣщеніе.

Попался, какъ волкъ въ яму: она именинница! Вскорѣ собрались гости. Сокъ буйной молодѣжи.... Пиръ горой! За обѣдомъ на столѣ, посреди множества блюдъ, шарелокъ, спагановъ, графиновъ, бушенокъ и рюмокъ, пышно возвышался сахарный пѣшухъ, съ вензеловымъ именованіемъ виновницы праздника, ярко блестящимъ посреди вѣнка изъ свѣжихъ розъ. По окончаніи стола, одинъ изъ собесѣдниковъ всталъ и произнесъ громозвучную, поздравительную рѣчь, которую безъ сомнѣнія, вдохнули ему безконечные поспы за здоровье *дорогой* именинницы.—

Пировалъ ли кто когда на подобномъ пире и пилъ ли кто когда янтарное вино, не вспомнивъ о картахъ? И такъ, когда на предапельскихъ столахъ зазвенѣло золото, — я невольно присѣлъ къ одному изъ нихъ, и рука моя, по инстинкту, скользнула въ карманъ: тамъ звенѣли червончики, полновѣсные, заплесневѣлые опѣ сырости въ сундукахъ моей пѣшущки: имъ тамъ было душно; они долго тамъ лежали; я пропругу имъ глаза! — Между тѣмъ возмѣненіе въ честь богини праздника продолжалось; я не пропускалъ очереди — и, между тѣмъ, гнулъ угмы. Не помню, что было далѣе. Желвакъ на лбу и синее пятно подъ лѣвымъ глазомъ напомнили мнѣ только о той неподдѣльной благодарности за участіе въ бесѣдѣ, которую изъясняли мнѣ мои закадышные пріятель-

ли, подбрасывая меня подъ самый пополокъ, и опуская ниже зеленого пола нашихъ богатырскихъ подвиговъ.

Солнце сполло высоко. Свѣпдые лучи его пробивались сквозь закопченныя стекла низенькой свѣшелки, въ углу которой лежалъ я на полу, на соломѣ. Протирая глаза, я спарался увѣришь себя, что это сонъ, что это грезы горячки; жалъ себя пальцы, шупаль голову, все напрасно, горькая существенность!.... Спѣны сырой, душиной горенки были исписаны углемъ. По крайней мѣрѣ это не могила... Какимъ образомъ эта лачужка замѣнила богатыя комнаты, въ которыхъ вчера было такъ весело, шумно? — Тысячи догадокъ кружились въ головѣ моей; я чуть не обезумѣлъ. Вдругъ дверь, скрипя, отворилась — и вошелъ полицейскій служилецъ. — Всѣ догадки мои разсыпались, какъ пухъ: я въ шюрѣмъ! Съдой солдатъ разсказалъ мнѣ, что во время ночнаго обхода дозоромъ, полицейская команда нашла меня на одной изъ отдаленныхъ улицъ, полуживаго, и дала мнѣ эпопѣ пріюпѣ. — Въ знакъ моей чувствительной благодарности за ихъ челоуѣколюбіе, я хотѣлъ дать солдату червонецъ; опустилъ руку въ карманъ — и вытащилъ — понтѣрку. —

В. З.

Генварь, 1854.

МАСТЕРИЦА ОБЪЯСНЯТЬСЯ ПО ФРАНЦУЗСКИ.

«Ну что, *Анфиза* *Никодимовна*, видѣли вы свою невѣстущку *Ольгу* *Григорьевну*: какова она вамъ показалась?» спросила какакто Петербургская дама у одной провинціальной барыни, пріѣхавшей въ столицу посмотрѣть на житьѣ-бытьѣ милаго сына своего, недавно женившагося ра атоир на богатой дѣвущкѣ. — Какъ же-съ, видѣла-съ, мапущка *Прасковья* *Степановна*; ужъ кака она щеголиха, моя мапѣ; *мормулярѣ* (*формулярѣ*) на шеѣ, а *кларнетѣ* (*лорнетѣ*) въ рукахъ. —

СЛОНА-ТО Я И НЕ ПРИМѢТИЛЪ!

Одинъ Англійскій лордъ, прославившійся обжорствомъ, возвращаясь изъ путешествія по Франціи, былъ спрошенъ своими знакомыми о томъ, что ему болѣе всего понравилось въ Парижѣ?—«Музыка вертеловъ на кухне Луврскаго дворца;» отвѣчалъ онъ.—А колонада этого великолѣпнаго зданія?—«Восхищенный запахомъ жареной дичи, я её и не замѣтилъ.»

ПРЕДРАЗСУДКИ.

Въ одной бумагѣ, адресованной стариннымъ драбантомъ, который *грамотъ не зналъ за недосугомъ*, къ одному изъ его подчиненныхъ, написано изъ слова въ слово: «Спрого внушишь ему, дабы онъ имѣлъ надлежащія *предразсудки* и поспушалъ бы «не иначе, какъ долгъ поведѣваешь.»

СЛОВЕСНОСТЬ.

МАРКО БОГАТЫЙ (*).

(Русская сказка.)

Жилъ былъ *Марко богатый*. Такъ вездѣ прозывался онъ потому, что у него было несмѣтное богатство. И *Марко* пѣлъ весьма величался, и былъ непомѣрно гордъ своимъ прозвищемъ. Во снѣ и наяву ему грѣзилось только его богатство.

Однажды, споя въ церкви, *Марко* сказалъ своему сосѣду: «Что это, сосѣдъ! какъ ни богатъ я, а хотя бы разъ Господь Богъ пожаловалъ ко мнѣ въ гости!»—Чтожь, отвѣчалъ сосѣдъ—приготовься получше, и Господь посѣпитъ тебя Своею благодатию.—Сосѣдъ разумѣлъ по Христіански, а *Марко* понималъ это по-своему; спалъ готовясь бо-

гатый обѣдъ; пышно разубралъ домъ свой; насмалъ парчи и бархату опъ ворошь до церкви — и спалъ дожидаясь; а самъ ужъ ни на кого и не глядитъ. Прошла обѣденная пора, а *Марко* все ждетъ. Ужъ стало садиться и солнце,—*Марко* не дождался, и велѣлъ собирать парчи и бархаты, разосланные по дорогѣ и по двору.

Въ это время приходилъ на его дворъ сѣдинкій спаричокъ и просилъ ночлега.—Не до тебя мнѣ!—сказалъ ему съ сердцемъ *Марко*.—«Ради Бога, *Марко* богатый! укрой меня опъ темноты ночной!»—И *Марко*, чтобы отвязаться, велѣлъ впустить его въ избу, гдѣ лежала у него при смерти хвора пѣшка.

На другой день видитъ *Марко*, что идетъ къ нему пѣшка совсѣмъ здоровая. «Какъ это угораздило тебя, пѣшка?»—сказалъ онъ съ удивленьемъ.—Ахъ, *Марко* богатый! отвѣчала она—знаешь ли что? Видѣла я, будто въ эту ночь Господь Богъ приходилъ въ мою избу, и будто къ нему прилепалъ Ангелъ и рассказывалъ, что въ эту ночь родилось при младенца: одинъ у купца, другой у крестьянина, а третій у такого-то бѣднаго; и спросилъ: какой паланъ присудишь имъ, Господи? И Господь сказалъ: купеческому сыну обладать опцовскимъ паланомъ; крестьянскому сыну обладать землешествомъ; а бѣднякову сыну—*Марковиль* богатствомъ.—«А еще что?» спросилъ *Марко*.—Да вотъ какая еще благодать: какъ проснулась я, то вспала совсѣмъ здоровая, какъ самъ видишь!—«Это ладно! сказалъ *Марко*: только съ бѣднякова сына много будетъ обладать *Марковиль* богатствомъ!»

Однако у него это залегло на душу. На ту же пору родилась у него дочь. И захотѣлъ *Марко* провѣдать, подлинно ли родился его наследникъ у бѣдняка?—Похвалъ, опыскалъ бѣдняка, и видитъ, что у него въ самомъ дѣлѣ родился мальчикъ; и задумалъ недоброе. «Добрый человекъ!—сказалъ онъ: что вамъ дѣлать съ этимъ мальчишкой, коли и самимъ вамъ нѣчего ѣсть? отдай его мнѣ!»—Что ты, *Марко* богатый!—сказала мать: даетъ Богъ дѣшушекъ, дастъ и на дѣшушекъ!—«Полно упрямиться! у ме-

(*) Изъ альманаха: *Денница*, издавнаго. на 1834 годъ. Сей сборникъ очень хорошъ: смѣло поручаемъ его въ благо-расположеніе Публики. Онъ продается у А. Ф. Смирдина, И. В. Слѣтина и А. В. Глазунова. Цѣна 10 рублей.

ня ему будетъ лучше, чѣмъ у васъ; воспитаю его какъ сына, да и васъ не оставлю. Вопи вамъ пятьсотъ рублей!»—Бѣдняки подумали, потолковали между собою, согласились. *Марко* взялъ съ радостью къ себѣ мальчика, и уѣхалъ.

Морозъ былъ прескучій. Увидавъ въ полѣ сугробъ снѣгу, *Марко* остановился, разгребъ снѣгъ и бросилъ туда бѣднаго мальчика, приговаривая: «пеперь владѣй *Марковыми* богатствомъ!»

Въ тотъ же день по дорогѣ той ѣхали купцы на ярмарку; и видящъ они, что изъ сугроба валитъ паръ. «Сходи-ка посмотри, что за чудо!» сказалъ хозяинъ прикащику.—И тотъ возвращаясь рассказалъ, что въ сугробѣ пропадинка; на пропадинкѣ зеленѣетъ трава и цвѣтутъ цвѣты; а въ цвѣтахъ лежатъ мальчишечка, забавляется и улыбается.—«Это Богъ даетъ намъ благодать!» сказалъ хозяинъ. Взяли они того мальчика и повезли съ собою.

Только подлинно имъ благодать Божія была на ярмаркѣ: все продали съ большимъ барышомъ. Возвращаясь, они заѣхали къ *Марку* богатому за поваромъ. И узнавъ о нихъ *Марко* про мальчика, и спалъ у нихъ всячески выпрашивалъ его. «У меня, говорилъ, будетъ онъ роспи вмѣстѣ съ дочерью; вамъ же его не дѣлили спать, а вотъ эту тысячу такъ раздѣлите!» Купцы согласились и уступили ему младенца.—Ну! думаетъ *Марко*: погоди же! Коли и морозъ тебя не беретъ, коли и въ сугробѣ не очурился, то я справлюсь съ побою вѣрнѣе!—

Скоро разлились рѣки. *Марко* взялъ мальчика, перерѣзалъ ему брюшко, положилъ въ ящичекъ и пустилъ за полою водою, приговаривая: «владѣй пеперь *Марковыми* богатствомъ!»—Вода помчала ящикъ, а *Марко* возвратился домой совершенно успокоенный.

Долго плылъ ящикъ съ младенцомъ; наконецъ волной прибило его къ берегу, на которомъ сподялъ убогій монастырь. Въ то самое время послушникъ приходилъ къ рѣкѣ за водою, и видящъ, что въ ящикѣ лежитъ

мальчикъ: брюшко перерѣзано, а онъ живъ, забавляется и улыбается. Онъ побѣжалъ къ настоятелю.—«Чудо Господне!» сказалъ монахъ, и пошелъ за мальчикомъ. Принесли его; зашили и заживили ему брюшко; и онъ спалъ у нихъ роспи такъ скоро, какъ пшеничное тѣсто на опарѣ подымается. И роспелъ онъ такой пригожій, такой смыслѣнный и послушный, такой охочій до ученья и способный до церковнаго пѣнія, что всѣ не нарадовались имъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ спалъ богатѣть и монастырь; спали вносили богатые вклады; и монастырь въ скорое время обстроился и украсился великолѣпно.

Такъ прошло пятнадцать лѣтъ, и мальчикъ *Иванъ* спалъ ужъ на возрастѣ.—Случилось тогда проезжать мимо *Марку* богатому; и заѣхалъ онъ въ тотъ монастырь; спалъ спрашивать, какимъ образомъ обогатилась святая обитель, и узнавъ про неключимаго мальчика, опять спалъ боясь за свое богатство, и опять задумалъ недоброе. Вопи онъ сдѣлалъ богатый вкладъ въ монастырь,—и началъ просить, чтобъ *Ивана* оппустили съ нимъ; говорилъ, что сдѣлаетъ его первымъ прикащикомъ, потомъ зяпемъ, и что наконецъ *Иванъ* будетъ наслѣдникомъ всего несмыслнаго богатства его и спанетъ тогда вносили большіе вклады въ монастырь. Призвали, спросили *Ивана*; онъ согласился,—и его оппустили съ богатымъ *Маркою*.

Марко обласкалъ его, и посылаетъ домой съ письмомъ къ женѣ, говоря, что черезъ три дни и самъ пріѣдетъ. Въ письмѣ же онъ приказывалъ строго женѣ, чтобъ она непременно послала гостя въ ту конуру, гдѣ содержался у него самыя злыя собаки, и заперла бы его тамъ, и не давала бы корму собакамъ три дни, до его пріѣзда. Опдавъ письмо *Ивану*, онъ просился съ нимъ, говоря про себя: «пеперь владѣй моимъ богатствомъ, прекрасный зяпюшко и наслѣдникъ!»

Иванъ отправился въ шумъ. На полдорогѣ онъ заснулъ крѣпкимъ сномъ. Въ это время его Ангель-хранитель невидимо взялъ у него письмо *Марково* и положилъ другое, въ

копоромъ такою же рукою написано было, что *Марко* нашелъ зятя своей дочери, и велѣлъ женѣ поскорѣ обвѣнчать ихъ и приготовить пиръ на весь мѣръ; и что онъ черезъ три дни самъ придетъ пировать свадьбу и навезетъ съ собою гостей. Жена такъ и сдѣлала; и всѣ не могли налюбоваться женихомъ, а больше всѣхъ его молодая сожигельница.

Черезъ три дни возвратился домой *Марко* богатый. «Что, уходила молодца?» было первое его слово женѣ.—И теперь еще ухаживаемъ за нимъ, мой отецъ! Ужъ подлинно молодецъ! вчера обвѣнчали...—«Какъ!...» заревѣлъ *Марко*; но въ ту минушу вошли молодые и подошли къ нему за благословеніемъ. Дѣлать было нѣчего! *Марко* скрылъ на время свою злость, и припворился веселымъ, пируя свадьбу съ гостями.—«Ну, зяпушко!—сказалъ онъ *Ивану* недѣли черезъ двѣ: теперь надо хозяйство да прибытокъ весипи. И сначала ты долженъ сходить къ вѣщуна *Людодѣ*, да справишься у него: какъ велико мое богатство, и есть ли щепъ ему?»—*Иванъ* не зналъ еще всего, что бываетъ въ свѣтѣ, и пошелъ.

Вотъ пришлось ему переѣзжать черезъ рѣку.—«Куда Богъ несетъ тебя, добрый молодецъ?» спросилъ перевозчикъ.—Къ вѣщуну *Людодѣ*.—«Узнай ты у него, добрый молодецъ, когда кончится моя мука такая, что вотъ уже 15 лѣтъ перевожу я, и не могу сойти съ лодки!»—Хорошо!—сказалъ *Иванъ*, и пошелъ далѣе.

Вотъ, видитъ онъ, спойтъ курганъ; на курганѣ колышекъ, а на колышкѣ спойтъ одной ногою мужичокъ, и могаеетъ онъ куда вѣтеръ повеетъ, и всего его въпрямъ испрепало какъ вепошку. «Куда Богъ несетъ?» спросилъ онъ у *Ивана*.—Къ вѣщуну *Людодѣ*.—«Ахъ, добрый молодецъ! узнай ты, когда кончится мука моя такая, что вотъ уже 15 лѣтъ спую пущь, и могаеетъ меня куда вѣтеръ повеетъ, и всего извешшало!»—Хорошо!—сказалъ *Иванъ*, и пошелъ далѣе, дивуясь на такое чудо.

Долго шелъ *Иванъ* черезъ степи, черезъ лѣсъ, черезъ доли, черезъ горы, и прихо-

дитъ наконецъ въ домъ вѣщуна *Людодѣ*. Его встрѣтила мать молодая жена *Людодѣ*; а она была Русская. И рада и не рада была она *Ивану*. Онъ разсказалъ ей какъ и за чѣмъ пришелъ; разсказалъ про перевозчика и про мужичка на курганѣ. «Нѣтъ, не за тѣмъ послалъ тебя пещь пвой къ *Людодѣ*; онъ прислалъ тебя на съѣденіе; онъ вѣчный злодѣй пвой!» И всплакался *Иванъ*. «Не плачь, *Иванъ*! авось сладимъ дѣло...»

Вдругъ заревѣлъ вѣтеръ, закружилъ вихорь. «Ахъши!—сказала она—мужъ лепишь! Ну, слушай же хорошенько!» Тутъ она перекинула съ руки на руку иголочку, вопкнула въ него; онъ спалъ булавочною головкою; и она приколола его себѣ на голову.

«Что это, жена? у тебя Русскимъ духомъ пахнетъ!»—И! какому пущь Русскому духу быть! въ эти три года ужъ и мой Русскій духъ весь выдохся. Знашь ты лепалъ всё по Руси, да нанюхался Русскаго духу, такъ тебѣ и пущь чудился!—«И то быть можешь!» сказалъ *Людодѣ*, и повѣрилъ.

Вотъ жена его накормила, и онъ улегся отдыхать, и спалъ разсказывать ей, что пворится на бѣломъ свѣтѣ.—«Слышала я—говорилъ она—въ прежніе годы про *Марка* богатаго. Что, скажи, есть ли щепъ его богатству?»—Какъ звѣздамъ на небѣ!—опвѣчалъ *Людодѣ*. «А что, скажи, долго-ль тому перевозчику возипъ, что не можешь съ лодки сойти?»—Да пока онъ не сунетъ комунибудь весла въ руки, а самъ не соскочитъ на берегъ!—«А долго-ль могаеетъ пому мужичку, что спойтъ на курганѣ на колышкѣ?»—Да коли ипо нибудь догадаеется ударипъ его на-опмащъ палкою, такъ онъ разсыплется золопомъ, да камнями самоцвѣшными!—«Вотъ какъ! сосни же, голубчикъ!»

Людодѣ соснулъ; проснулся; поцѣловалъ жену—и улещѣлъ рыскалъ по свѣту. Тутъ она вынула булавку изъ головы, перекинула съ руки на руку, и булавочная головка спала опять молодцомъ *Иваномъ*.—«Слышалъ? Ну

пеперь поди съ Богомъ, да не поминай лихомъ!»—Тупъ распрощались они какъ слѣдуетъ, и *Иванъ* отправился въ дорогу.

«Что, *Иванъ*! скоро ли?» закричалъ мужичокъ, увидавъ его съ кургана. — А вошь сей часъ!—сказалъ *Иванъ*—и хватъ его палкою на-опмашъ. Мужичокъ посыпался и зазвенѣлъ червонцами, алмазами и всякими самоцвѣтными каменьями. *Иванъ* набралъ ихъ, сколько снеспи могъ, и пошелъ далѣе.

«Что, добрый молодець! узналъ ли какъ мнѣ избавишься?» закричалъ перевозчикъ, увидавъ *Ивана*. — А вошь какъ перевезешь, такъ тогда и скажу!— Сошедъ съ лодки на другой берегъ, *Иванъ* рассказалъ перевозчику, какъ самъ слышалъ опъ *Людюда*, и пошелъ домой.

«Не згибъ и тупъ!» проворчалъ *Марко* съ досадою, увидавъ въ окно возвращающагося зятя.—*Иванъ* пересказалъ, что узналъ у *Людюда*; и *Марко* обрадовался несказанно, что богатству его нѣспъ числа какъ звѣздамъ на небѣ. «Это опкуда сполько?» спросилъ онъ, увидавъ драгоцѣнноти, которыми *Иванъ* дарилъ молодую свою жену.—Сполько?—сказалъ *Иванъ*—нѣспъ! намъ на курганъ и не сполько еще осталось, да ужъ неспи было не подъ-силу.— «Что же ты, братъ! пойдѣмъ поскорѣе, пока еще не распаскали!»—Съ меня довольно и эпаго; а коли хочешь, поди самъ!—*Марко*, хопя и богатый, пораспросивъ дорогу, немедленно отправился изъ дому,—да ужъ и не возвращался.

Иванъ обладаетъ *Марковымъ* богатствомъ; а *Марко* богатый все возипъ, да возипъ черезъ рѣку, и въ вѣкъ не догадается, что ему надо сдѣлать...

М.

НЕВѢЖДОЙ СТЫДНО БЫТЬ, УЧИТЬСЯ ВѢКЪ НЕ ПОЗДНО.

Нѣспъ спыда не знашь чего нибудъ: человекъ не сошворенъ бытъ всевѣдушимъ. Поспыдно, имѣя случай узнать что либо, имѣ не воспользовашься.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ВЪ ПОДАРЕННЫЙ АЛБОМЪ.

(Ю—къ Г.)

Вошь вамъ обѣщанный альбомъ,
И не пуспой, а со стихами.
Писать другихъ просипе въ нѣмъ,
Пишите и рисуите сами.
Сбирайте на его листы
Люби и дружбы увѣренья,
Ландшафты, домики, цвѣты,
И прозу и стихотворенья.
А сей мной заняшый листокъ
Пускай того символомъ будешъ,
Что въ сердцѣ нашемъ уголокъ
Опвеситъ мнѣ дружба не забудешъ.

А. Глыбовъ.

НЕВѢСТА. —

Ей немногіе часы
Для любви семьи родимой,
Заплетанія косы,
Няней бережно хранимой;
Ей не спать на ложъ помъ
Съ доброй нянею вдвоёмъ.

Неба пканью голубою
Украшается луна;
Тамъ бывала и она
Всѣхъ плѣипельный собою,
Проспотою убрана.
Но пеперь она одѣпа
Цышно, радоспно очамъ,
Будто ей лептѣтъ къ шапрамъ
Въ рай волшебный Магомета (*).
Какъ шуманъ, едва, едва
Дѣвы грудь сокрыла блонда,
И алмазами Голконда
Блещетъ юнал глава.

(*) Магометъ обѣщаль каждому праведнику по 100 м. шапрвъ, а въ каждомъ шапрѣ по 100 м. красавиць. — *К.*

Понялъ я преображенъе:
 На рукѣ у ней кольцо!
 Попялъ блѣдное лицо
 И нѣмое впечатлѣнъе:
 Дѣва въ жертву предана
 Ненавидимому ею,
 И терзаеяся она
 Горькой участью своею.

И. Косляевскій.

Ш А Р А Д А.

Не а, не е, не и, не о, не я;
 Но между гласными служу публично я.
 Кто-жь эпитетъ л^п Я, голова шарады!
 Мой хвостъ—не Пепербургъ, не Петрополь;
 Однако-жь за-просто межъ городовъ опличныхъ,
 И не уѣздныхъ, а сполчныхъ
 По праву я спою. Опгадывашъ изволь.
 Знай, цѣлое мое брадашее, съ кудрями,
 Играло молніей и лѣшилось громами.

III.

Въ No 16, помѣщенная шарада значить:
 De francs buveurs un joyeux groupe,
 Incessamment, fait circuler la Coupe,
 Où pétille un vin généreux.
 Pour parer la bergère il suffit d'une Rose.
 Evitons de la Couperose
 Les effets dangereux.

М О Д Е С.

Nous avons remarqué dans le magasin de M. Gagelin une quantité de jolies étoffes pour robes de bal, à côté de ses riches satins brochés si magnifiquement lourds, des gazes satinées à fleurs fraîches; des tulles brillans de broderies; des crêpes de nuances nouvelles, des écharpes de tulle-blonde pour turbans; des pélerines ouatées pour le bal: et tout cela en si grand nombre que le détail en serait confus; nous nous bornerons à dire que nulle part nous n'avons rencontré une plus parfaite réunion de ces fantaisies du moment et un choix plus heureux.

La blonde que l'on emploie pour garnir le devant des bonnets doit être à dessins très-légers, et la maille excessivement claire. Les fleurs sont en petit nombre, de couleur pâle ou blanc-rosé, une guirlande de jacinthes rose très-pâle peut se porter avec une robe bleue ou une robe rouge.

M. Jules Mauvages, rue des Vieilles-Audriettes, à qui nous devons déjà les éventails façon laque, s'occupe en ce moment de jolis petits sacs Luxor en satin peint relevé d'or; ils représentent des figures égyptiennes: d'autres ont des sujets turcs ou chinois, avec beaucoup de soin dans le dessin et d'exactitude dans les costumes. Il fait aussi de nouveaux éventails Luxor et des petits objets de fantaisie comme des pelotes, des essuie-plumes, etc., etc., d'une grande facilité et de formes très-élégantes.

М О Д Ы.

Мы замѣтили въ магазинѣ г-жи Gagelin множество красивыхъ матерій для бальныхъ платьевъ; возлѣ эпихъ дорогихъ зашканныхъ апласовъ, споль великолѣпно тяжелыхъ, апласистые газы съ легкими цвѣтами; шюли съ блестящимъ шипьемъ; крены новыхъ цвѣтовъ; шарфы изъ блондоваго шюля для шюрбановъ; пелеринки на вать для баловъ; а все это въ такомъ большомъ количествѣ, что описывать подробно не возможно; скажемъ только, что нигдѣ мы не встрѣчали лучшаго выбора всѣхъ сихъ переходящихъ прихотей.

Блонда, употребляемая для опдѣлки чепчиковъ, должна быть съ весьма легкими узорами; а рѣшетка чрезвычайно прозрачна. Цвѣтовъ накалываютъ немного, палеваго или бѣловаго-розоваго цвѣта; гирланду изъ розовыхъ гяциштовъ блѣднаго цвѣта, можно надѣвать съ голубымъ или краснымъ платьемъ.

Г. Jules Mauvages, въ улицѣ des Vieilles-Audriettes, которому мы обязаны за опахалы лаковаго фасона, занимается пеперь красивыми ридикулями Luxor, изъ рисованнаго апласа съ золотомъ; на нихъ представленья Египетскія фигуры, на другихъ Турецкія или Кипайскія, съ большимъ ищаніемъ нарисованныя, и костюмы выполнены со всею точностію. Онъ дѣлаешъ также новыя опахалы Luxor и небольшія прихотливыя вещи, какъ швейники, для обпиранія перьевъ, и проч., и проч., весьма удобныя и щеголеватой формы.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.
.....

Выходятъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 18.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 Но
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 80, съ до-
спавкою и пересылкою
85 рублей.

СУББОТА, МАРТА 3 ДНЯ 1834 ГОДА.

Всякъ смертный имѣеть надежную собственность—имя.
Убогий и знатный наследующъ имя съ рожденіемъ,
И мать съ улыбкою первой его величаетъ.

ПЕРЕСМЪШНИКЪ.

ОНЪ ЖЕНИЛСЯ! ЕГО ЖЕНИЛИ!

Сосѣдъ сосѣда звалъ откушать;
Но умыселъ другой тушь былъ!

Крыловъ.

—Въ одинъ изъ зимнихъ вечеровъ, мои поварищи по службѣ сидѣли у меня за стаканами чаю и курили трубки;—говорилъ ромиспиръ *Трубицынъ*. Со всею откровенностію, какъ водился между военными, рассказывали о своихъ проказахъ, бляхъ и неблизцахъ.—Наконецъ, разговоръ сдѣлался общій, и всѣхъ почти холосныхъ любимый:—*женитьба*.

Долго слушалъ всѣми нами уважаемый майоръ *Утюговъ*, и конечно по своей скромности, и какъ пожилой уже чловѣкъ, не вспунилъ бы въ споры и шулки молодыхъ своихъ поварищей; но адъютантъ нашъ сдѣлалъ вопросъ: «Опъ чего иногда говорять (хотя и въ шулку), онъ не женился, а его женили?»—Да, почно, есть такіе люди,—сказалъ майоръ *Утюговъ*, потянувши табачнаго

дыму изъ длинной своей трубки: есть люди, которыхъ можно, такъ сказать, *женить!*...

«Не желалъ бы вамъ рассказывать по, что осталось въ нашей фамиліи пайною; но можетъ быть, это послужитъ кому нибудь изъ васъ урокомъ; къ тому же очень кспати при шеперешнемъ разговорѣ, слушайте:

«Двоюродный братъ мой, подполковникъ *Колоколовъ*... Ты одинъ *Павлуша* его знаешь; онъ служилъ съ побою въ Арзамасскомъ Конно-Егерскомъ полку.»—Позвольте перебить васъ, майоръ, сказала Павелъ Андреевичъ *Дубровинъ*: неужели онъ былъ женатъ? Онъ никому сего не сказывалъ!—«Я думаю, будетъ молчать, когда его женили на пьяницѣ, которая въ пьянствѣ удавилась.»—Всѣ вскрикнули, какъ будто по командѣ.—Тушь всякой началъ было дѣлать свое заключеніе; но майоръ скомандовалъ: смирно! Поправилъ огонь въ своей трубкѣ, и продолжалъ:

«Братъ мой, хотя не получилъ блистательнаго воспитанія, но былъ образованъ,

съ пріятной паружностію, имѣлъ живой характеръ, любилъ посѣщать общесва, гдѣ обыкновенно называли его любезнымъ молодымъ человѣкомъ.— Не подумайте, что я хочу хвалить его, какъ своего родственника; нѣтъ, о немъ опзываются такъ всѣ, кто его знаетъ.— Къ тому же, и вамъ не мѣшаетъ замѣнить, что онъ былъ человѣкъ очень не глупой; а попалъ въ просякъ!..

«Порученности по службѣ доставили ему случай познакомиться во всѣхъ лучшихъ домахъ въ губерніяхъ Южной Россіи; почему, кажется не трудно бы ему было въ то время составить себѣ выгодную партію; но *Колоколовъ* былъ молодъ, и правду сказать, въпренъ.— Ему нравились многія дѣвицы, и онъ вѣрно на каждомъ балѣ влюблялся; но любовь его начиналась и кончалась вмѣстѣ съ копильономъ.

«Такъ беззаботно пять щаспливыхъ лѣтъ для него промчались быстро: неизлечимая болѣзнь дряхлой его матери заспавила его, пропивъ желанія собственнаго и поварищей, которыми онъ былъ любимъ, оставилъ службу.

«При сихъ только непріятныхъ обстоятельствахъ *Колоколовъ* увидѣлъ, что онъ лишился многого пріятнаго, привыкши къ жизни военной, беззаботно-весѣлой; а ему предстояло состояніе посредственнаго, и припомъ разспроенное.— Онъ совсѣмъ не заботился о женитьбѣ,

«Получивъ увольненіе отъ службы, распивши на прощанъ съ своими друзьями нѣсколько бупылокъ Шампанскаго, *Колоколовъ* опсправился въ деревню, къ спарушкѣ своей матери, въ Рязанскую губернію, въ Пронскій уѣздъ.

«Лишнее было бы описывать вамъ, мои друзья, свиданіе сына съ матерью—и въ послѣдствіи времени, домашнюю ихъ жизнь; это каждый изъ васъ можетъ себѣ представить; а я только щипаю нужнымъ сказать, что *Колоколовъ* около года прожилъ въ семейномъ кругу щасливо,—и это время много его перемѣнило.

«Неожиданно услышалъ онъ отъ своихъ сосѣдей, что спаринный его пріятель *Кукушкинъ*, съ которымъ онъ въ дѣтствѣ учился вмѣстѣ, и потомъ служилъ, — женился и перѣхалъ жить въ деревню своей жены, Рязанской губерніи въ Сапожскомъ уѣздѣ, верстахъ во-спа отъ его дому.— Не видавшисъ съ пріятелемъ своимъ восемь лѣтъ, онъ очень радъ былъ такой вѣспи, — и на другой же день положилъ непременно къ нему вѣхаться.

«Надобно вамъ знать, что добрая мать его, (какъ и всѣ спарушки) сокрушалась тѣмъ, что сынъ ея не женатъ. И справедливо! онъ у нея былъ одинъ.— Она не разъ совѣщывала ему искать въ сосѣдствѣ невѣсту; но *Колоколовъ* всегда находилъ опговорки, — и мать, вздохнувъ, хопя и неохотно, предоспавляла сыну располагать собою.

«Пословица есть: что у кого болитъ, потъ о томъ и говорить!—Такъ и мать его весьма часпо начинала съ сыномъ своимъ разговоръ любимый, который опять возобновляла на канунъ его опъезда: «Тебѣ *Иванъ* уже тридцать два года, а ты еще и не думаешь жениться, и мнѣ на спарости доставилъ тѣмъ спокойствіе и радость! Посмотри,—въ домѣ нѣтъ порядка;—слабое мое здоровье не позволяетъ уже мнѣ во все ходить; а невѣстка, по ли дѣло! а особливо умная, почпительная....»—Я опять вамъ скажу, мапушка, что это не отъ меня зависитъ,—и сколько бы я ни хопѣлъ исполнить ваше желаніе, то здѣсь не найду себѣ партіи: богатые невѣсты ищутъ богатыхъ жениховъ; а мнѣ на бѣдной, при нашихъ обстоятельствахъ, вы сами знаете, жениться не должно.

—«Почему тебѣ не посвататься за спарную дочь нашего дворянскаго предводителя *Жукова*; она дѣвушка умная,—правда, не такъ молода... но за то состояніе имѣетъ очень хорошее: за нею приданаго, кромѣ всякой всячины, двѣсти пятьдесятъ душъ оброчныхъ. Тебя тамъ ласкаютъ, попытайся....»—Не опнимая всѣхъ сихъ достоинствъ у этой дѣвицы, скажу вамъ рѣшительно, что она мнѣ

не нравился;—а этаго весьма доспапочно. Я лучше соглашусь вѣкъ быть холоспымъ, нежели на ней женипсья!—

—«Не совѣшую тебѣ, сынъ мой, искапть жену, которая имѣетъ одну только хорошую наружность!—Эта дѣвушка, которая тебѣ не нравится, хопя не такъ хороша, но съ нею можно быть щаспливымъ... У насъ въ старину не разбиради такъ, а предоспапляли на выборъ родипелямъ—и жили щаспливѣе тѣхъ, которые теперь женипсья по любви.»

—Что же дѣлапть, когда свѣтъ перемѣнился! Умоляю васъ, мапушка, не принуждайте меня къ женипсьбѣ. — «Нѣтъ,—я желаю непремѣнно, чпобъ въ нынѣшнемъ году судьба пвоя рѣшилась,—и прошу, когда *Жукова* тебѣ не нравится, по побывай въ Спасскомъ уѣздѣ. Тамъ есть очень хорошія невѣсты, и я предчувспвую, ты найдешь по себѣ,—только будь осмоприпелень...»—Дай Богъ, чпобъ ваше предчувспвіе сбилось;—я бы очень желалъ васъ успокоить. — Эпимъ и кончилось.—*Колоколовъ*, проспившипсь съ доброй спарушкой-маперью, поѣхалъ. — Усѣвшипсь въ покойную коляску, онъ на свободѣ изслѣдовалъ свои обспоипельспва, и увидѣлъ, что мать права, и что ему непремѣнно должно женипсья—и женипсья, къ сожалѣнію, по ращѣпамъ...

«Въ такихъ мысляхъ опѣхалъ онъ 35 вѣрспть: дюжіи его кучеръ *Спиридонъ* напомнилъ, чпю пріѣхали въ деревню, и пора кормить лошадей. Оспановились на первомъ поспоядомъ дворѣ. *Колоколову* опвели мезонинъ. Только чпю успѣлъ слуга его внести коверъ, сафьянную подушку, кисетъ и прубку, какъ говорливый хозяинъ успѣлъ уже выболпашъ ему спашиспическія, полипическія и географическія опношенія деревни. Опъ него въ минупу узналъ онъ, чпю деревня сія помѣщика *Продувникова*. «Да вы, баринъ, развѣ съ нимъ незнакомы?»—Нѣтъ, не знакомъ.—«Жаль,—а господа наши хлѣбосольные, у нихъ разливанное море. Вы бы опъ нихъ и не выѣхали. У нихъ и въ будни лучше праздника, и въ великій постъ мясоѣдъ. Можно позабавипсья: музыка свод, — а го-

спей-та, гостей-та, хопь прудъ пруди.»— Съ эпимъ словомъ хозяина распворилась дверь—и передъ него предспалъ вѣспникъ, или посоль, и кивнувъ курчавою головою, произнесъ рѣчь: «Господинъ и госпюжа мои приказали вашему высокоблагородію кланяпсья, приказами узнать о здоровѣе и просипть къ себѣ хлѣба-соли кушашъ. Они изволили прислать за вами линѣйку. *Колоколовъ* хопѣлъ было отвѣчашъ на сіе привѣспніе, и уже опкрылъ было ротъ, какъ вступилъ дворецкій—и расположа пальцы правой руки по швамъ, а лѣвую всунувъ въ карманъ сюрпука, еще съ пламеннѣйшимъ краспорѣчіемъ убѣждалъ госпя не опговаривашься, суля ему пысячу забавъ и радостей.

«*Колоколовъ*, чпобы скорѣе опъ него опвлзашься, далъ ему за таковое усердіе серебряную монешку, доспалъ ящичекъ съ брипвами, сълз брипсья, умылся, причесался, на помадился, одѣлся, впрыгнулъ въ линѣйку—и почался.

«Изъ большаго дому вышедшій человекъ попросилъ госпя во флигель,—гдѣ на крыльцѣ вспрѣшилъ его сынъ хозяина, (какъ оказалось послѣ), человекъ лѣтъ тридцати, ласковый и учпивый до низоспи.

«Послѣ первыхъ учпивостей, усѣвшипсь на софѣ, молодой *Продувниковъ* сказалъ, что имъ долго знакомипсья нечего, ибо они оба служили въ военной службѣ,—слѣдовашельно, я надѣюсь, присовокупилъ онъ, мы будемъ безъ церемоніи... «Скажите пожалуйста, почтеннѣйшій, куда вы ѣдете?»—Я хочу навѣспипть спараго своего пріятеля *Кукушкина*, съ которымъ не видался нѣсколько лѣтъ.—«Онъ и мнѣ нѣсколько знакомъ;» сказалъ хозяинъ: «славной малой, весельчакъ... Однакожъ, почтеннѣйшій, надѣюсь, что вы сегодня у насъ оспанешь?»— Въ другое время, я бы съ удовольспвіемъ исполнилъ приглашеніе ваше; но теперь право не могу; я долженъ поспѣшипть къ *Кукушкину*. Онъ послѣ завтра именинникъ; по конечно, въ эпотъ день мой пріѣздъ будетъ ему еще пріятнѣе.—«По крайней мѣрѣ, я васъ прошу сегодня оспашься у насъ обѣдапть. Мы ожидаемъ своихъ родныхъ, съ ко-

порыми, если вы, почтеннѣйшій, позволите, я васъ познакомлю. Вы можете уѣхать послѣ чаю.»—Напурально, что послѣ такаго пріема, *Колоколовъ*, изъ вѣжливости, долженъ былъ согласиться на ласковое приглашеніе новаго пріятелиа.

«Въ два часа по полудни вошедшій къ нимъ слуга доложилъ, что старые господа приказали просить ихъ къ себѣ пить чай.— Они опсправились: *Колоколовъ* былъ представленъ, какъ старой уже знакомецъ, — и старики сей часъ же забросали его вопросами, и даже безъ скромности, спарались распрашивать о его фамиліи, жительствахъ и чинѣ. «Съ батюшкой вашимъ когда-то я былъ знакомъ;» сказалъ старый *Продувниковъ*: «но болѣзнь лишила меня многихъ знакомыхъ; восемь лѣтъ уже не выезжаю изъ дому.»—Обѣдъ былъ роскошный.

«Между стѣмъ поставили столы,—подали карты—и начался вистъ.—Кончили игру, и послѣ славнаго ужина и обыкновенныхъ за столомъ разказовъ, новые пріятели ушли въ свою комнату,—шутими, смѣялись, и потомъ, закуривъ трубки и легши въ постели, у нихъ начался слѣдующій разговоръ: «Съ опкровенностию позволите спросить васъ, почтеннѣйшій *Иванъ Антоновичъ*, что вы не женились? Право, въ опспавкѣ холоспакомъ жить скучно.»— Я и самъ такъ думаю,—но жениться не легко: я человекъ не богатой,—и мнѣ, если жениться, по надобно поправить свое состояніе прежде; а невѣста, съ хорошимъ приданымъ, не согласится выйти за мужъ за опспавнаго, почти безъ-земельнаго штабъ-ротмистра.— «Напрасно вы такъ рѣшительно говорите, почтеннѣйшій. Я знаю многихъ, съ хорошимъ состояніемъ, которѣя вѣрно вамъ не опкажутъ.— Будьте со мной опкровенны, и скажите по испинѣ: хотите ли жениться? Опъ васъ хочу только слова,—а хлопоты беру на себя.... Вы право очень мнѣ полюбились, и если согласитесь имѣть ко мнѣ довѣренность, то я вамъ сыщу богатую невѣсту.»—Весьма вамъ благодаренъ; только думаю, что вы надо мною шутите!— «Нѣтъ, клянусь вамъ, почтеннѣйшій. Я хо-

чу доброе дѣло не шутя сдѣлать, и короче сказать, я желаю быть съ вами въ родствѣ, только дайте мнѣ честное слово, что вы опъ эпаго не прочь.»—Много чести; когда же вы такъ милоспивы, по прошу васъ доспавить мнѣ случай познакомиться съ вашими родспвенниками и невѣстою.— «Во всемъ положитесь на меня;—завтре будетъ всё кончено.... Теперь напурально вы у насъ останетесь? Спокойной вамъ ночи и пріятнаго сна желаю....»

«Но *Колоколову* было уже послѣ того, что онъ слышалъ, не до сна: разные мысли бродили въ его головѣ; но разсудивъ, заключилъ наконецъ, что ему предспоить нечаянный и можетъ быть щаспливый случай жѣниться; а есть пословица старая: суженаго и конемъ не объѣдешь... И такъ, онъ рѣшился спокойно ожидать, что изъ того выдетъ, и съ сими мыслями заснулъ.

«На другой день молодой *Продувниковъ*, привѣспвуя нашего женишка, называлъ уже его брашцомъ. Эпо ему подало мысль распросить о невѣстѣ; но подумавъ, что эпо будетъ слишкомъ нескромно, опложилъ дальнѣйшее объясненіе до поры, до времени. Самъ молодой *Продувниковъ* поставилъ его въ шупикъ, сказавъ ему за шайну, что невѣста, которую онъ ему предлагаетъ, родная его сестра.— «Она теперь въ городѣ, у пѣшки, и сегодня съ нею же возвратится домой. Вы съ нею увидитесь; а вечеромъ я переговорю, и что послѣдуетъ, васъ уведомлю. Не думайте, чтообъ эпо было, какъ у иныхъ, другихъ-прочихъ, продолжилельно.... нѣтъ,—я поспараюсь кончить сватовство скорѣе. Въ васъ намъ сомнѣваться нельзя; ибо я много слышалъ хорошаго, хопя и не имѣлъ чести до сего времени быть съ вами знакомъ.» *Колоколовъ* не зналъ, что на эпо опвѣчалъ, и въ замѣшательствѣ опдѣлывался только одними поклонами.

«Къ завтраку ихъ опять попросили къ старикамъ:—вошедшій молодой *Продувниковъ* сказалъ, что почтеннѣйшій *Иванъ Антоновичъ* даритъ имъ эпошъ день.—Такою услупчивостию будущаго родспвенника, (какъ

изъ лицъ было видно), оспались всѣ довольны,—и *Колоколова* еще болѣе спали ласкать, а онъ еще болѣе расшерблялся.

«Къ обѣду прѣехали гости: человекъ десяти мушкетеровъ и дамъ, какъ замѣтно, всѣ почти родственники, но пѣтки съ невѣстой между прѣехавшими не было — и *Продувниковъ* показывалъ о нихъ безпокойство.

«Послѣ-поздняго обѣда, когда подали свѣчи, прѣехало еще нѣсколько семействъ;—въ помѣ числѣ и ожидаемыхъ съ неперпѣниемъ пѣтка съ невѣстой; но какъ прѣехавшихъ вмѣстѣ было много, то *Колоколова* и не могъ навѣрное узнать своей суженой.— Будущій его шурина всѣ это время о чемъ-то хлопоталъ; а ежели и входилъ въ гостиную, то на нѣсколько минулъ. Между пѣмъ гости съ нимъ знакомились и безпрестанно его занимали.

«Въ восемь часовъ вечера всѣ гости собрались въ гостиную; а семейство хозяина оспалось въ другой комнатѣ.—И вопль, чрезъ нѣсколько минулъ вошелъ—и услышь....

«Теперь представьте удивленіе *Колоколова*, когда шурина его взялъ за руку, подвелъ къ своимъ родителямъ, и произнесъ: «Почтеннѣйшій *Иванъ Антоновичъ* дѣлаетъ намъ честь, проситъ руку старшей моей сестры.»

«Спрашиваю васъ, чтобы вы, бывъ на мѣстѣ моего героя, сдѣлали?—Вообразите, что онъ всѣ еще не знаетъ, которая изъ дѣвицъ его невѣста.—Не ожидая, чтобы такъ рѣшительно поступилъ съ нимъ плутъ *Продувниковъ*, натурально, *Колоколова* осполбенѣлъ.... Но еще болѣе пришелъ въ замѣшательство, когда братъ подвелъ сестрицу и спросилъ: «Согласна ли она иппи за мужъ за *Ивана Антоновича*?» Она отвѣчаетъ (какъ обыкновенно невѣсты): *Воля моихъ родителей!*... Послѣ сего, женихъ такъ былъ ошуманенъ, что свѣта не взвидѣлъ, и не слышалъ уже отвѣта стариковъ. Онъ опомнился только тогда, когда священникъ обручилъ ихъ, и надѣлъ ему и невѣстѣ на руки кольца.

«Въ ту же минушу всѣ родственники спали его душишь въ своихъ объятіяхъ и

поздравляють.... Бѣдный женихъ совершенно былъ внѣ себя, и не зналъ, вѣрнѣ ли тому, что съ нимъ дѣлають, или это сонъ?

«Правда,—почти невѣроятно, чтобы съ человекомъ въ здоровомъ умѣ можно было сдѣлать то, что сдѣлали съ нашимъ разборчивымъ женихомъ; но думайте, какъ хопште,—а это съ нимъ случилось.

«Пришедъ нѣсколько въ себя, *Колоколова* спросилъ у будущаго шурина: какое онъ имѣлъ право пользоваться его замѣшательствомъ—и что за причина такой поспѣшности? И зачѣмъ онъ обрученъ, съ его сестрою, почти насильно?... *Продувниковъ*, нимало не смутившись, отвѣчалъ: «Всѣ сдѣлано по желанію вашему;—вы сами, брапецъ, подали руку моей сестрѣ при свидѣтеляхъ: вопль и священникъ!...»

«Тутъ начали подносить Цымлянское въ большихъ покалахъ. Женихъ, съ опчаянія, пилъ до дна все, что ему подавали. Когда плутъ *Продувниковъ* примѣтилъ, что злпя его хмѣль поразбираетъ, онъ перемѣнилъ Цымлянское на мадеру, а мадеру на пуншь. *Колоколова* былъ уже довольно навеселъ, когда ввалили его въ бричку, примчали къ церкви и обвѣчали, благодаря новому брапцу, который помогалъ новобрачному изъяснить свое согласіе.

«И такъ, всё кончено:—меня женили!»... воскликнулъ, тяжело вздохнувъ, новобрачный; возвращаясь изъ церкви и сядъ за ужиномъ. «Безъ сомнѣнія, любезный брапецъ; вы теперь женаты;» сказалъ и бросился обнимать его молодой *Продувниковъ*:—и получаете въ приданое, кромѣ святыхъ образовъ, платья и бѣлья, сорокъ двѣ души, и чепыреста десятина земли съ лѣсы и сѣнные покосы въ деревнѣ Бажанковой.»— Но располкуйте мнѣ, милостивый государь, для чего вы такъ скоро всё свершили, и почему не предославили мнѣ самому распорядиться?—Признаюсь, я въ большомъ подозрѣніи....—

«Къ чему сомнѣніе?—Я опъ васъ не ожидалъ этаго слышать; я же предупреддалъ

вась, что сегодня всё кончится... Чпожь? я сдержалъ слово... успокойтесь брапець!»

Бѣдный *Колоколовъ* видя, что уже дѣло сдѣлано, поправить нельзя—и онъ одинѣхнскъ между людьми; мало ему извѣспными, рѣшился молчать—и ожидать, чѣмъ кончится пьеса, въ которой онъ, къ несчастію, играетъ главную и жалкую роль.

«Ну, что-жь вы, брапець, задумались;—мы пьемъ за ваше здоровье;—а вашъ покаръ, какъ вкопанный!...»

—Я кажется и такъ уже опьянѣлъ!...—«Вы всё щупипте, брапець: неуждно ли вамъ поговорить съ вашею женою; она давно того желаетъ?»

Колоколовъ (какъ околдованный) повиновался: подсѣлъ, — и началъ еще въ первый разъ говорить съ своею женою: Вы, сударыня, поступили очень рѣшительно, вышедъ за мужъ за человека, съ которымъ въ первый разъ начинаете говорить.—Скажите опкровенно: для чего вы на это согласились?—

«Рѣшимостью мы, сударь, съ вами равны.» —И вы увѣрены, что со мною будете щаспдивы?—«Я думаю;—впрочемъ, покажетъ время.»—Много вамъ благодаренъ за такое мнѣніе; только позвольте вась предупредить: я вспылчивъ... и часто, весьма обыкновенное принимаю близко къ сердцу.— Она молчала. — *Колоколовъ* задумался; а между тѣмъ разсмапривалъ черпы ея лица, — и она ему показала недурною; хопя и была уже въ лѣпахъ...

—О, еспля-бъ она имѣла хопя нравъ добрый, подумалъ жалкій *Колоколовъ*, то я еще не совсѣмъ несчастливъ!... Но ежели определено мнѣ спрадать... то я не одинъ погибну!...

«Но ему долго разсуждать не дали: попросилъ опять выпить вина за здоровье родныхъ.—Музыка загремѣла: начался Польской,—сдѣлали два, или при шура, и новобрачныхъ провели въ спальню...»

—Да долго ли мнѣ плясать подъ вашу дудку? — на другой день съ досадою сказалъ *Колоколовъ*, увидѣвшись съ молодымъ *Про-*

двзниковымъ. Чпо вы со мною дѣлаете? — Теперь я имѣю право пребывать опъ вась, объявить мнѣ всю истину; въ пропивномъ же случаѣ, даю вамъ честное слово, что ваша сестра не долго будетъ моею женою; я намѣренъ просить развода!...

«Угрозы ваши на эпотъ разъ лишніе! вы можете дѣлать, что вамъ угодно. Если же вы такъ наспойчивы въ своемъ пребываніи, то къ сожалѣнію долженъ вамъ опкрыть, что жена ваша никакихъ пороковъ неимѣетъ, кромѣ спраспи къ вину!... Она пѣетъ за поемъ! Вопъ почему я воспользовался вашимъ словомъ и поспѣшилъ сватьбой.— Конечно въ эпотъ я предъ вами виноватъ; впрочемъ, увѣряю вась, если вы успѣете (въ чемъ я не сомнѣваюсь) удержатъ её опъ сей спраспи, то будете съ нею щаспдивы.»

«Испорія кончилась тѣмъ, что *Колоколовъ* пошумѣлъ, понужилъ; а памъ и началъ привыкать къ своему горю—къ женѣ.

«Пропивровавъ цѣлую недѣлю у пестя, *Колоколовъ* съ молодою (не-молодою) женою опправился къ матери, передъ которою извинялся, какъ умѣлъ въ своей поспѣшности и въ помъ, что женился безъ ея благословенія. Обрадованная спарушка все проспала, все забыла. Невѣспика ея болѣе двухъ мѣсяцовъ ничего хмѣльнаго въ ротъ не брама. Но однажды, на именинахъ у сосѣда, упростили её прикушать полушампанскаго. Съ тѣхъ поръ она тайно запаслась зеленымъ виномъ, слегла въ поспелю и запила безъ просыпу. Мужъ долго не опгадывалъ настоящей причины ея краснопы и жара, особливо зная, что ей не опкуда достать хмѣльныхъ напитковъ. Наконецъ, поймавъ приданую дѣвку жены своей, цѣдившую изъ бочѣнка въ штофъ вино, онъ обыскалъ всѣ уголки спальни, выкинулъ боченки и штофы за окошко, приставилъ къ женѣ спрогий караулъ и, какъ солдапъ, не зная сколь опасно вдругъ перервать запой, не давалъ ей ни капли хмѣльнаго, какъ она ни просила, ни молила. Она посковала до самой смерти своей.»

«По кончинѣ родительницы, жизнь которой сократила несчастная женипъба сына,

Колоколовъ опять вступилъ въ военную службу.

«И такъ, друзья мои, вы теперь видите сами, что есть случаи, гдѣ нельзя сказать о чловѣкѣ: онъ женился; а надобно говорить: его женили!»

В. Кру ий.

ДАМСКІЯ БОЛѢЗНИ.

У одной деликатной дамы вскочилъ на лицѣ прыщикъ. Она увидѣла, испугалась—и шу же минушу за докторомъ. Приѣзжаетъ докторъ, спешенный, серьезный спаричокъ, осмаприваетъ язву—и пребуешъ немедленно чернилъ и бумаги. «*Скорѣе, скорѣе! Боюсь, чтобы не зажило, пока пишу рецептъ!*»

ЛОГИКА И РИТОРИКА МОСК. ТЕЛЕГРАФА.

Журналъ долженъ быть зеркаломъ современныхъ мнѣній, отражать въ себѣ свѣтъ и тѣни, истины и заблужденія современной эпохи, но *отражать ихъ только съ честными и несолицительными направлениемъ* (1827, No 9, спран. 6-я.)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

СЕМЕЙНАЯ ЛЮБОВЬ.

Смотрите, какъ въ семьѣ родной
Почтенный спарець сельской
Сидишь съ веселою душой
Подъ кровлей деревенской.

*

Онъ сыновьями окружень,
Въ нихъ вся его опрада;
Его домъ щасъемъ надѣлень,
Все дѣлъ его награда.

*

Бѣлется дубовый споль
Подъ скапершью узорной;

Тамъ медъ янтарный новыхъ пчель—
Даръ нивы плодородной.

*

Корзинки ягоды лѣсной,
Сборъ ввучки пенаглядной,
Въ стаканъ изъ склянницы рѣзной
Спрушися сокъ опрадный.

*

Въ бесѣдѣ мирный разговоръ
Лешаетъ въ часъ досужный;
Вездѣ для спарца съ лаской взоръ,
Опъ всѣхъ привѣтъ радушный.

*

И ввучашы цвѣшупъ, какъ цвѣтъ,
Красуясь пеплымъ лѣпомъ;
Щасъливо селянинъ живешъ
Подъ хвороспнымъ наешомъ.

*

Благодаришь Опца-Царя,
И съ чистою душою
Къ Царю усердиемъ горя,
Радъ жершвовашъ собою.

*

А Царъ насъ любитъ какъ дѣшей!
Опець благословенный,
Онъ самъ для насъ въ семьѣ своей
Примѣръ любви семейной!

О. Слтушкинъ

C H A R A D E.

Mélant sa voix divine aux sons de sa guitare
Le prophète David a chanté mon dernier;
En faisant mon premier quelquefois l'on s'égare;
On s'égare toujours en suivant mon entier.

Въ No 17, помѣщенная шарада значить: *Юпитеръ.*

M O D E S.

Il n'est vraiment le temps de s'occuper que des toilettes de bal. Jamais elles n'ont eu plus de variété et de recherche que cette année. Depuis le travestisse-

ment vrai ou fantaisie, jusqu'à la toilette *moyen âge*, ou celle de 1854, toutes les modes sont adoptées et bien portées, si elles le sont avec goût.

Les doubles jupes surtout sont d'une grande élégance; la jupe ouverte est par-dessus, peut être en velours, en satin plain ou satin fantaisie avec des pierreries et des rubans, et celle de dessous en satin couvert de blonde ou garni de volans de blonde. — Quelquefois le jupon de dessous est en gros de Naples garni de dentelle, avec un par-dessus ouvert en velours épinglé. D'autres fois encore sur une jupe de satin blanc on met une robe ouverte de crêpe doublé de gros de Naples, rattachée par des bouquets de fleurs.

Voici pour appuyer ces indications quelques notes que nous avons prises dans les différens bals de la semaine. Ces ensembles de toilette remarqués à des femmes de la première élégance donneront une idée complète de ce que nous voulons indiquer.

Une robe de velours noir était ouverte sur une jupe de gros de Naples blanc, garnie de deux volans en point d'Angleterre; le par-dessus était fixé par des agraffes extrêmement larges en or ciselé à jours, auxquelles pendaient des poires de rubis et de diamans. Le corsage était bordé d'une ligne figurant un ruban étroit en rubis et en diamans. Entre chaque bouillon des manches était une agraffe des mêmes pierres, sans poires pendantes et sur-montées de trois épis de diamans qui relevaient un peu la manche. Point de collier; de magnifiques boucles d'oreilles, et dans les cheveux une agraffe qui retenait une natte tournée et des bouquets sur les côtés en épis de diamans.

Sur une jupe de satin blanc couverte de blonde était ouverte une robe de velours épinglé rose, et des agraffes de perles. Dans les cheveux était un petit bandeau de perles tout bordé de petites poires qui s'élevaient autour.

Pl. No 8. Coiffure ornée de perles et d'un esprit.— Robes de satin-pelerines de satin doublées de Cigne.— Cheminée de la renaissance.

М О Д Ы.

По истинѣ, время занявшись только бальными парадми. Никогда не было въ нихъ столько раз-

нообразія и разборчивости, какъ нынѣшній годъ. Начиная опть маскарадныхъ платьевъ, до одежды среднихъ вѣковъ, или 1854 года, все моды равно въ употребленіи, и равно приличны, если онѣ сдѣланы со вкусомъ.

Двойныя юбки особенно щеголеваты; открытая юбка сверху можетъ быть бархатная, изъ гладкаго апласа или съ узорами, отдѣлана камешьями и лентами, а нижняя, апласная, покрыта блондою или отдѣлана блондовыми оборками. — Иногда нижняя юбка гроденаплевая, отдѣлана кружевами, съ открытымъ верхнимъ платьемъ изъ булавчатнаго бархата. Иногда также надѣваютъ на бѣлую апласную юбку открытое креповое платье, подложенное гроденаплемъ, прихваченное букетами цвѣтшвъ.

Вопъ для поддержанія сихъ обозначеній нѣсколько замѣчаній, сдѣланныхъ нами на разныхъ балахъ этой недѣли. Эти полные наряды, замѣченные на первыхъ нашихъ щеголихахъ, дадутъ полное понятіе, о чемъ мы спарались намекнуть.

Чѣрное бархатное открытое платье на бѣлой гроденаплевой юбкѣ, отдѣланной двумя оборками изъ Англійскихъ кружевовъ; верхнее платье прихвачено было къ нижнему чрезвычайно широкими золотыми застежками, высѣченными прозрачно, къ которымъ подвѣшены рубиновыя и брилліантовыя грушки. Лицъ обложено было узенькой полоскою, представляющею узенькую ленточку изъ рубиновъ и брилліаншовъ. Между бучами въ рукавахъ были застежки изъ шѣхъ же камешевъ, безъ висящихъ грушекъ, а сверху при брилліантовые колоса, поддерживающіе рукавъ. Ожерелья не было; великолѣпныя серьги, а въ волосахъ застежка, которая прихвѣщывала обернутую косу и буксы на бокахъ, изъ брилліаншовыхъ колосевъ.

На бѣлой апласной юбкѣ, покрытой блондою, было открытое платье изъ розоваго булавчатнаго бархата; застежки жемчужныя; въ волосахъ узкая повязка изъ жемчугу, по краю все маленькія грушки, приподымались къ верху.

Карл. No 8. Прическа съ жемчугомъ и эспри.— Платья апласныя.— Пелеринка апласная.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

•••••
ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.
•••••

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 19.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургѣ 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, МАРТА 7 ДНЯ, 1854 ГОДА.

И Музы возвышенныхъ искусства,
Щасливецъ, онъ не поспѣдилъ;
Онъ въ пѣсняхъ гордо сохранилъ
Всегда возвышенныя чувства,
Порывы дѣвственной мечты
И прелесть важной простоты.

А. Пушкинъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

СВИДАНІЕ СЪ МАРАТОМЪ.

Одинъ изъ депутатовъ Парижскаго на-
роднаго конвента посѣдилъ однажды извер-
га *Марата*, и описалъ его слѣдующимъ об-
разомъ:

Мнѣ сказали, что *Маратъ* живетъ въ ули-
цѣ Сентъ-Оноре, въ домѣ подъ № 1-мъ. По
узкой и темной лѣстницѣ взобрался я въ
четвертый этажъ и постучалъ въ дверь.—
Слабый, дрожащій и хриповатый голосъ спро-
силъ меня: «Кто тамъ?»—Депутатъ на-
роднаго конвента!—отвѣчалъ я, и услы-
шавъ, что кто-то снялъ со стѣны цѣлую
связку ключей, началъ опираться замки, и
передо мною распворились двери.—Дома ли
гражданинъ *Маратъ*?—спросилъ я, огляды-
ваясь.—«Я *Маратъ*; что вамъ угодно?»—Пе-
редо мною стоялъ человекъ, ростомъ въ пять
футовъ, съ большою, чудовищною головою,
которой щетинистые волосы завязаны были
въ пучокъ;—впалые глаза и опросшая на

вершокъ борода еще болѣе довершали его
безобразіе.—Онъ былъ въ запачканномъ кол-
пакѣ, съ носовымъ платкомъ на шеѣ, въ
пуфляхъ, спущенныхъ съ ногъ чулкахъ и
разодранномъ халатѣ.—Я не вѣрилъ своимъ
глазамъ, и думалъ, что ошибся и посту-
чалъ не въ ту дверь. Снова повторилъ я
вопросъ: Мнѣ нужно видѣть гражданина
Марата!—«Я *Маратъ*!» отвѣчалъ незна-
комецъ, взглянувъ на меня сердито: «что
вамъ угодно?»—Поговорить съ вами.—

—«Войдите.»—

Комната этаго безобразнаго карлы была
очень нечиста и соотвѣтствовала гадкой на-
ружности хозяина. Измятая постель съ
грязнымъ одеяломъ, простой письменный
столъ, на которомъ разбросаны были бу-
маги и разливы чернила, нѣсколько изло-
манныхъ стульевъ, деревянные стѣнные ча-
сы съ маленькою на нихъ гильотиною:—
вотъ вся мѣбель комнаты человека, предъ
которымъ препеталъ Парижъ. При входѣ
моемъ *Маратъ* разговаривалъ съ человекомъ

высокаго росту: выразительное лицо, учпиво-воспъ и щеголеватая одежда рѣзко опличали его опъ страшной фигуры хозяина.

Маратъ просилъ меня сѣсть съ такимъ холоднымъ видомъ, который ясно показывалъ, что ему во мнѣ мало нужды.—Я сѣлъ и началъ говорить. Глаза *Марата* сверкали какъ у гienы, которая хочетъ броситься на свою добычу; и кто могъ знаеть, въ какую бы яросеть пришелъ онъ, если бы примѣпилъ у меня кинжалъ, который обыкновенно носили всѣ погдашнiе децупашы.

Незнакомецъ увидѣвъ, что *Маратъ* поблѣднѣлъ какъ смерть, и не зная тому причины, подошелъ къ намъ, взглянулъ на меня съ улыбкою, и прервавъ нашъ разговоръ, дружески пожалъ мнѣ руку. Проспившись съ *Маратомъ*, который совершенно осполенѣлъ опъ страха, и не могъ сказать мнѣ ни слова, я вышелъ вмѣстѣ съ знакомцемъ; онъ проводилъ меня до лѣспницы и учпиво со мною раскланялся. Какое могуеть имѣеть дѣло между собою два человекъ, споль различные по наружности! спросилъ я самъ себя, сходя съ лѣспницы.—Передъ вершеномъ *Марата* вспрѣпилъ я большую толпу буйной черни.— Два человекъ спояли съ носилками, на которыхъ, говорили они, понесутъ *Марата* съ поржеспивомъ по всему Парижу. «Да здравствуетъ *Маратъ*», кричала бѣшеная толпа; и эпто съ извергъ, эпто съ безобразный карло, грязный идолъ народа, вышелъ изъ дома, сѣлъ на носилки и далъ знакъ къ начатию поржеспивеннаго шествiя.— Черезъ три дня послѣ сего шель я по Гревской площади — и увидѣлъ шамъ одного несчастнаго, котораго привязали къ плахѣ гильотины.

Я подошелъ къ эшафоту, и кто изобразитъ мое удивленiе? — Въ палачѣ узналъ я шого любезнаго, учпиваго знакома, который съ такими низкими поклонами проводжалъ меня опъ *Марата*.

П Р И З Н А К И.

Если кавалеръ съ дамою прогуливаются и первый смотритъ молча прямо на дорогу: эпто мужъ и жена.

Если кавалеръ умильно смотритъ на свою даму и безпреспанно говоритъ съ нею: эпто не супруги.

Если кавалеръ съ дамою сидитъ въ ложѣ псапра, и первый поминутно зѣваетъ или смотритъ въ чужiя ложи и кресла: эпто супруги.

Если мущина прячется за дамою и смотритъ украдкою по на неё, по на сцену: эпто не супруги.

Если дама уронитъ перчатку и сосѣдъ ея лѣниво наклоняется, и крехтитъ, поднимаетъ ону: эпто мужъ и жена.

Если кавалеръ на лешу схватываетъ упавшую перчатку и распоропно вручаетъ её дамѣ: эпто не мужъ и не жена.

Если мущина съ женщиною дауптъ въ коляскѣ, и первый дремлетъ, зѣваетъ на пѣшеходовъ, или куритъ цигару: эпто мужъ.

Если кавалеръ гоголемъ сидитъ въ экипажѣ и держитъ на колѣнахъ шамъ своей дамы: эпто не мужъ.

Если кавалеръ и дама играютъ въ боспонтъ и первый не вистуетъ вшорой: эпто супруги.

Если мущина часто проигрываетъ и, не смотря на то, вистуетъ своей дамѣ: эпто не супруги.

Если дама поетъ, а кавалеръ спойтъ подлѣ неё и не перевертываетъ ей нощъ: эпто мужъ.

Когда же, во время пѣнiя дамы, кавалеръ держитъ нощный листокъ, чтобы въ мигъ перевернуть его: эпто не мужъ.

Если мущина съ женщиною входятъ въ модный магазинъ и первый говоритъ флегматически дамѣ: Эпто все можно дешевлѣ купить въ госпиномъ дворѣ: эпто мужъ.

Если же онъ скажетъ своей сосѣдкѣ: Какiе уборы, прелестъ! Какъ эпа шляпка идеетъ вамъ къ лицу! Эпто не мужъ.

ПОНЯТІЯ ОБЪ ИЗЯЩНОМЪ ИЗДАТЕЛЯ МОСК.
ТЕЛЕГРАФА.

Въ огромной стапѣь *объ изящномъ* изда-
пель Моск. Телеграфа намѣренъ былъ, гово-
ря собственными его словами: «*объяснить*
изящное по умозрѣнію и съ нимъ сообразить
опытъ, обозрѣвши высшій кругъ знаній (фи-
лософію), дабы найти въ немъ частное (нау-
ку изящнаго).»

Онъ — «*предложилъ общій объѣмъ природы*
и человѣка, показалъ человѣка и природу въ
совершенной полнотѣ.»

И, въ слѣдствіе обширнаго многословія,
вывелъ — «*что умъ, обратившись къ насла-*
жденію чувственному, является фантазією,
обозрѣваетъ природу, и перенося вещественное
къ высшему идеалу, извлекаетъ совокупность
пріятнаго, прекраснаго, улаждающаго, со-
ставляетъ особенный идеаль: это изящное,
царство наслажденій.»

Опселя, въ слѣдствіе шакого же много-
словія, онъ вывелъ — «*что въ сужденіи о про-*
изведеніяхъ изящнаго единственнѣмъ основа-
ніемъ должно быть рѣшеніе вопроса: въ со-
вершенной ли гармоніи находятся законы ума
съ условіями вещества, въ томъ или другомъ
изящномъ произведеніи.»

Послѣ шакого вывода, онъ восклицаетъ:
«*Вотъ сущность высшей критики!*»

Опъ сихъ положеній онъ перешелъ къ раз-
нымъ явленіямъ природы въ единствѣ изящ-
наго, къ эдуктивной и продуктивной сторо-
намъ пластики, тоники и проч. и проч.

КОМПЛИМЕНТЫ.

«Не помню въ какомъ уѣздномъ городѣ
Новгородской или Тверской губерніи;» гово-
ришь покойный А. Е. Измайловъ: «жеман-
ныя купчихи и мѣщанки, какъ увѣряли ме-
ня, не возьмутъ на пирушкахъ и бесѣдахъ
рюмки водки или вина, безъ слѣдующей ого-
ворки: *Не для ради чего инаго другаго и про-*
чаго такого, какъ ради единой единственно-
сти и совершеннаго компанства.»

СЛОВЕСНОСТЬ.

НИЩІЙ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, у главнаго
входа въ одну изъ Парижскихъ церквей, по-
споянно видали нищаго спарика, котораго
наружность, рѣчи и приемы показывали, что
онъ получилъ гораздо лучшее образованіе,
нежели то, какое бываетъ обыкновеннымъ
удѣломъ нищеты. Не смотря на его руби-
ще, замѣтно было, что судьба не всегда бы-
ла къ нему такъ сурова. За то, между бѣд-
ною брапією своего прихода, между эими
опроверженцами общесства, которыхъ каждая
церковь собираетъ подъ своею сѣнію, эиотъ
нищій пользовался большимъ уваженіемъ.
Его добропа, нелицепріятіе при раздѣлѣ ми-
лоспыни, заботливоспъ, съ какою укрощалъ
онъ ссоры, доспавляли ему заслуженную
любовь и довѣріе его собратій. Между пѣмъ
для самыхъ близкихъ его товарищей, также
какъ для людей, принадлежавшихъ къ цер-
ковному причпу, жизнь его и нещастія все-
гда оспавались пайною. Знали только, что
его зовутъ *Яковомъ*, и что въ продолженіе
двадцати пяти лѣтъ, онъ каждое утро по-
споянно приходилъ къ дверямъ церкви и са-
дился на одномъ и томъ же мѣспѣ, на ко-
поромъ прихожане такъ привыкли его ви-
дѣть, что онъ казался имъ какъ-бы необхо-
димымъ украшеніемъ паперпи, подобно ка-
меннымъ статуямъ, спольшимъ въ углуб-
леніяхъ церковныхъ стѣнъ. Замѣтили еще,
что онъ никогда не переступалъ за порогъ
церкви, хопя и былъ Каполикъ. Во время
богослуженія, когда благочестивое пѣніе
оглашало священные своды храма, когда дымъ
ѳиміама возносился надъ алпаремъ вмѣстѣ
съ объшми вѣрныхъ, когда величественные
и согласные звуки органа впориди торже-
ственному хору Хриспіанъ, нищій сѣшшилъ
соединить съ онымъ свои молитвы. Набож-
нымъ и довольнымъ взоромъ смотрѣлъ онъ
на каршину, какую представляло тогда мѣ-
сто, освященное присупспіемъ Вышняго.
Блескъ огней, опражавшійся на спеклѣ го-
пическихъ оконъ, высокіе сполпы, какъ-бы
служившіе символомъ непоколебимоспи ре-
лигіи, глубокая прелеспъ, какую пайлъ въ

себѣ мрачный и величественный видъ храма: все это наполняло душу нищаго невольнымъ благоговѣніемъ. Иногда видѣли, какъ слезы текли по его изсохшему лицу. Кажется, великое несчастіе, или тяжкое угрызеніе угнетало его душу.

Благочестивый аббатъ ежедневно посѣщалъ эту церковь для опправленія божественной службы. Происходя отъ одной изъ самыхъ старыхъ Французскихъ фамилій, и обладая огромнымъ состояніемъ, онъ утѣшался возможностью дѣлать щедрый подаеніа. Нищій сдѣлался для него предметомъ нѣкоторой привязанности; каждое утро, выходя изъ церкви, аббатъ *Паулинъ К** подавалъ ему милоспшню, сопровождая еѣ припомъ ласковыми и утѣшительными словами.

Однажды *Яковъ* не явился въ обыкновенное время къ своему мѣсту; аббатъ, не желая лишаться его назначеннаго подаенія, опыскалъ жилище нищаго и нашелъ его изнемогающимъ отъ болѣзни.

Взоры служителя алтаря были поражены страннмъ смѣшеніемъ роскоши и нищеты, какое господствовало въ убранствѣ сего убѣжища. Дорогие золотые часы висѣли надъ худымъ изголовьемъ; двѣ картины, въ богатыхъ рамахъ, завѣшенныя флеромъ, рѣзко оппичались отъ простыхъ выбѣленныхъ стѣнъ; распятіе изъ слоновой кости, хорошей работы, висѣло въ ногахъ у больнаго; старинныя кресла съ готпическими вырѣзкамп, стояли близъ постели, а между немногими, вѣхкими книгами лежалъ молищвенникъ, съ серебряными застежками; но вся прочая утварь свидѣтельствовала о самой крайней бѣдности.

Присутствіе аббата оживило больнаго, и онъ произнесъ съ чувствомъ живѣйшей благодарности: «И вы удостоили вспомнить о бѣднякѣ, господинъ аббатъ?»

— Служитель Всевышняго можетъ забывать только о щасливцахъ, другъ мой, опывчалъ аббатъ. Я пришелъ узнать, не имѣешь ли ты въ чемъ нибудь нужды. —

«Нѣтъ, мнѣ уже болѣе ничего не нужно,» опывчалъ нищій. «Чувствую, что конецъ

мой близокъ, и только совѣсть меня превозмощитъ.»

— Совѣсть? развѣ ты сдѣлалъ какой нибудь важный пропускъ?—

«Преступленіе, отецъ мой, ужасное преступленіе, за которое вся жизнь моя была тяжкимъ, но безплоднымъ возмѣдіемъ; преступленіе, для котораго нѣтъ помилованія!»

— Нѣтъ преступленій, для которыхъ бы не было помилованія. Милосердіе Творца выше всѣхъ злодѣяній человека. —

«Но чего надѣяться преступнику, оскверненному самымъ ужаснымъ злодѣйствомъ? Прощенія? Его для меня не существуетъ.»

— Благоспш Господа не отказываетъ въ немъ никому, — воскликнулъ аббатъ, проникнутый сильнымъ энтузіазмомъ: сомнѣваться въ этомъ было бы преступленіемъ, гораздо важнѣйшимъ, нежели то, въ которомъ ты чувствуешь себя виновнымъ. Вѣра пріемлетъ въ свои нѣдра всякаго кающагося. Если раскаяніе твое чистосердечно, другъ мой, прибѣгни къ милосердію Божию, и оно не оставитъ тебя. Исповѣдай мнѣ грѣхи свои. —

Тутъ священникъ произнесъ обычныя молищвы, отверзающія грѣшнику двери небесныя, и нищій началъ говорить ему слѣдующее:

«Родившись сыномъ бѣднаго мызника, и удостоившись пріобрѣсти благосклонность одной изъ знатнѣйшихъ дворянскихъ фамилій, я съ самаго младенчества былъ взятъ въ замокъ господъ моихъ. Меня назначили въ камердинеры молодаго барина; но воспитаніе, мнѣ данное, быспрые успѣхи, оказанные мною въ учени, и милоспшное расположеніе моихъ господъ измѣнили это назначеніе, и я сдѣлался домашнимъ секретаремъ. Около того времени, когда вспыхнула революція, мнѣ исполнилось двадцать пять лѣтъ; чтеніе тогдашнихъ журналовъ скоро воспламенило умъ мой, и я спалъ пятюпшсья своею зависимостію. Мнѣ пришла мысль промѣнять замокъ, пріюпш моей молодости, на спанъ воинскій. Если бы я послѣдовалъ этому первому движенію, то неблагодарность не довела бы меня до преступления! Пламя

революціи скоро разлилось и въ провинціяхъ; господа мои, опасаясь бытъ схваченными въ своемъ замкѣ, распустили всѣхъ служилыхъ. Обративъ въ наличныя деньги все свое имущество, за исключеніемъ нѣкоторыхъ вещей, драгоценныхъ для нихъ по семейственнымъ воспоминаніямъ, они удалились въ Парижъ, надѣясь укрыться въ толпѣ и найти спокойствіе въ безвѣстности своего жилища. Я послѣдовалъ за ними. Господство ужаса было тогда въ Парижѣ на высшей степени; тайна убійства моихъ покровителей никому не была извѣстна. Они попали въ списокъ эмигрантовъ и потому имѣніе ихъ было немедленно конфисковано; но это не слишкомъ ихъ опечалило; они были всѣ вмѣстѣ, и наслаждались спокойствіемъ среди неизвѣстности. Одушевляясь чистотою вѣрою въ Провидѣніе, они надѣялись, что наконецъ наступитъ для нихъ время, болѣе щасливое. Напрасная надежда! Человѣкъ, который одинъ могъ открыть ихъ убійще и испоргнуть ихъ изъ онаго, имѣлъ низость донести на нихъ: это былъ дощичикъ былъ я.

«Отецъ, мать, четыре дочери, ангелы красоты и невинности, и десятилѣтній сынъ, были брошены вмѣстѣ въ тюрьму и подвергнуты всѣмъ ужасамъ заключенія. Ихъ предали суду. Самаго ничтожнаго предлога было тогда достаточнымъ для того, чтобы осудить на смерть невиннаго; но всѣмъ тѣмъ судъ запруднялся въ открытіи причины обвиненія этого благороднаго семейства. Нашелся, однакоже, человѣкъ, посвященный во всѣ его домашнія тайны, знавшій всѣ сокровенныя его мнѣнія; онъ выступилъ въ преступномъ видѣ самымъ проспыя обстоятельствомъ жизни этихъ людей, и взвелъ на нихъ нелѣпое обвиненіе въ заговорѣ. Это былъ клеветникъ, это былъ лжесвидѣтель—былъ я.

«Судъ произнесъ роковой приговоръ. Имъ осуждалось на смерть все семейство, кромѣ малютки сына, несчастнаго сироты, которому было суждено оплакивать семью свою и проклинаать ея убійцу, если бы онъ когда нибудь узналъ его!

«Смирившись передъ Промысломъ и находя утѣшеніе въ своей добродѣтели, это несчастное семейство равнодушно ожидало смерти въ своей темницѣ. Между тѣмъ въ порядкѣ исполненія приговоровъ вышелъ какой-то безпорядокъ; день, назначенный для казни сихъ несчастныхъ, прошелъ, и если бы никто не принималъ преступнаго участія въ умыслѣ на жизнь ихъ, то они навѣрное избѣгли бы эшафота, потому что это происходило наканунѣ 9 термидора. Но одинъ человѣкъ, нетерпѣливо желавшій воспользоваться ихъ незначительнымъ достояніемъ, явился въ революціонное судилище, и напомнилъ объ этой ошибкѣ; его наградили за усердіе дипломомъ на званіе гражданина. Въ то же время выдано было повелѣніе казнить ихъ, и вечеромъ исполнители ужаснаго правосудія того времени приступили къ дѣлу. Это былъ усердный и ревностный гражданинъ былъ я.

«Вечеру, при свѣтѣ факеловъ, позорная пелѣжка повлекла на смерть это благородное семейство. Отецъ, съ глубокою горестію на челѣ, обнималъ двухъ младшихъ дочерей своихъ; мать, женщина твердая и набожная, прижимала къ груди двухъ старшихъ, и всѣ они со слезами читали молитвы. Ни разу не произнесли они имени своего убійцы. — Пользуясь позднею порою и уставъ отъ работы, палачъ поручилъ ихъ казнь своему прислужнику. Дорогою, этотъ прислужникъ, не привыкшій къ такой ужасной обязанности, прибѣгнувъ къ пособію прохожаго, который добровольно вызвался помочь ему въ его гнусной должности. Я былъ этотъ прохожій.

«Цѣна столькихъ преступленій состояла изъ 3 п. франковъ золотомъ и нѣсколькихъ драгоценныхъ вещей, которыя до сихъ поръ оскаются у меня, какъ неподкупныя свидѣтели моего злодѣйства.

«Совершивъ свой адскій умыселъ, я хотѣлъ забыться и предаться разврату; но едва только распотчилъ золото, которое было плодомъ моего преступленія, какъ мучительныя угрызения совѣсти стали терзать мою душу. Съ той поры мнѣ ничто не удавалось; я не имѣлъ успѣха ни въ одномъ предпріятіи,

ни въ одномъ желаніи, ни въ одной работѣ. Я сдѣлался слабымъ, хворымъ, нищимъ, и долженъ былъ прибѣгнуть къ щедрости людей, чѣобы доснавалъ себя пропитаніе.

«Воспоминаніе о моемъ злодѣйствѣ было во мнѣ такъ сильно, что опчаявался въ милосердіи Божіемъ, я никогда не осмѣливался прибѣгнуть къ утѣшеніямъ вѣры, или войти въ церковь. Изъ подавній, которыя мнѣ дѣлали, особенно изъ вашихъ, господинъ аббать, мнѣ удалось скопить сумму, украденную у прежнихъ господъ моихъ,—вопъ она. Предметы роскоши, которыя вы видите въ моей комнатѣ, эти часы, это распятіе, молитвенникъ и два портрета, составляютъ имущество, которымъ я воспользовался по смерти жертвъ моихъ. О! какъ глубоко и продолжительно, и вмѣстѣ какъ безсильно было мое раскаяніе! Отецъ мой, позволите ли мнѣ надѣяться на прощеніе?..»

— Ужасно пвое пресупленіе, сынъ мой,— отвѣчалъ аббать; только сироты, лишившіяся родителей въ революцію, въ состояніи вполне чувствоватъ, какою горестію оно должно было поразить пвои жертвы. Цѣлая жизнь, проведенная въ слезахъ и раскаяніи, едва ли можетъ доспапочно загладить такое злодѣяніе. Но неистощимо сокровище благости Божіей. Благодаря пвоему раскаянію, и исполненный вѣрою въ неограниченное милосердіе Творца, я надѣюсь испросить у Него оппущеніе вины пвоей.—

Съ этими словами онъ вспалъ. Нищій, какъ бы оживленный новыми силами, сошелъ съ своей постели и спалъ на колѣна. Аббать готовился уже произнести могущественныя слова, связывающія или разрѣшающія грѣхи человека, но нищій удержалъ его: «Постойте, отецъ мой; прежде, чѣмъ получу прощеніе, дайте мнѣ освободиться отъ цѣны моего злодѣйства; возьмите эти вещи, продайте ихъ, а деньги, которыя за нихъ получите, раздайте бѣднымъ.»—Въ своемъ усердіи, нищій бросается къ портретамъ и срываетъ флеръ, которыми они были завѣшены. «Вопъ священное изображеніе моихъ благодѣтелей!»

— Мой отецъ, мать моя!—вскрикнулъ аббать, взглянувъ на портреты.

Воспоминаніе объ ужасной кончинѣ ихъ, присупствіе убійцы, видъ вещей, принадлежавшихъ его родителямъ и запечатлѣнныхъ для него горькою прелестію, сильно подѣйствовали на душу аббата; будучи не въ состояніи противиться овладѣвшему имъ изнеможенію, онъ упалъ на спудъ, закрылъ руками лице, и слезы ручьемъ полились изъ глазъ его.

Нищій, въ ужасѣ, не смѣя взглянуть на грознаго и раздраженнаго судію, отъ котораго онъ скорѣ могъ ожидать наказанія, нежели помилованія, обнималъ его колѣна, обливалъ ихъ слезами, и повторялъ отчаяннымъ голосомъ: пощадите, пощадите меня! Аббать, не смотря на него, спарался умирить свою горестъ.

Наконецъ нищій вскричалъ: «Такъ, я убійца, я злодѣй, чудовище. Располагайте моею жизнью, господинъ аббать; что мнѣ должно дѣлать, чѣобы оппспить за васъ?»

— Опспить за меня!—отвѣчалъ аббать, приведенный въ себя этими словами: опспить за меня, несчастный!—

«Не правъ ли я былъ, когда говорилъ, что мое пресупленіе выше прощенія. Я зналъ, что сама вѣра меня опвергнетъ. Раскаяніе ничего не значить въ подобномъ мнѣ злодѣѣ; я не могу ждать помилованія, не правда ли? мнѣ нельзя надѣяться пощады?»

Последнія слова, произнесенныя съ спрашнымъ опчаяніемъ, пробудили въ душѣ аббата память о его обязанности и назначеніи... Борьба между сыновнею горестію и употребленіемъ власпи, данной ему свыше, потчасъ прекратилась. Слабость человека преобладала слезъ отъ огорченнаго сына, но вѣра возвысила пвердостію душу своего служителя. Аббать схватываетъ распятіе, на слѣдѣе его отца, доставшееся въ руки несчастнаго пресупника, и подавая его нищему, говоритъ пвердымъ, но пронупымъ голосомъ:

— Чиспосердечно ли пвое раскаяніе, Христіанинъ, и искренно ли ты гнушаешься своимъ пресупленіемъ?—

«Да,» отецъ мой.

— Спаситель, пригвожденный на крестъ за грѣхи наши, даруешь тебѣ прощенье. —

Тупъ, служитель алтаря, возвысивъ надъ нищимъ одну руку и держа въ другой символъ искупленія чловѣка, призываетъ милосердіе Божіе на главу убійцы всего семейства его.

Преклонивъ до земли голову, нищій оставаясь неподвижнымъ у ногъ аббата. Прослѣдній протягиваетъ руку, чтобы поднять его, но его уже не было на свѣтѣ.

Пер. *Ип. Глбовъ.*

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ОНЪ ПРАВО ОЧЕНЬ НЕ ДУРАКЪ.

Видали-ль вы, какъ у сосѣда,
 Въ часы и нѣм и прохлада,
 Пируешь шумная бесѣда
 И льется въ чаши ароматъ?
 Съ какой заботой отворяешь
 Вамъ дверь усердная рука—
 И рабъ блистающій сзываетъ
 На шумный пиръ гостей,—пока
 Съ дарами Вакха и Цереры,
 Блистая златомъ и серебромъ,
 Средь вина и Кипра и Мадеры,
 Засядешь роскошь за столомъ.
 Какъ ласково сосѣдъ подноситъ
 Кипящій въ чашѣ свѣплый медъ,
 И васъ съ улыбкой вышнпъ проситъ—
 И руку вамъ, какъ другу, жметъ!
 Но вотъ, за здравіе сосѣда,
 Несется кубокъ по рукамъ,
 И яствы жирнаго обѣда!...
 Межъ тѣмъ, курится фиміамъ
 Средь позлащеннаго чершого,
 И лирный носится напѣвъ,
 И спройный гласъ наемныхъ дѣвъ,
 И пляски шумныя Воспока.
 Все дышетъ нѣгой за столомъ,—
 Хозяинъ разумомъ плѣняетъ:

И гласы дѣвъ и лиры громъ
 Ему искусиво расточаетъ.
 Едва окончился обѣдъ,
 Уже красавица младая
 Подноситъ ласково шербетъ—
 И чаша пѣнился златая.

Межъ тѣмъ, заботливый сосѣдъ
 Госпямъ даетъ забавы новы—
 Мчитъ карпы съ златомъ для гостей,
 И строитъ пагубные ковы,
 Чтобъ обмануль своихъ друзей.
 Уже, оправкою блисталъ,
 Готова чаша пуншевалъ;
 И вотъ, наследникъ молодой,
 Разсудокъ, деньги и покой
 Невѣрной карпъ повѣряетъ;
 И нашъ ращепливый сосѣдъ
 Жестоко дани собираетъ
 За свой услужливый обѣдъ!

Угрозамъ совѣсти не внемля,
 Сосѣдъ корыстью ослѣпленъ;
 Какъ кровожаждущій драконъ,
 Слѣдитъ добычу онъ не дремля,—
 Добра, законовъ, чести врагъ,
 Онъ ближнихъ день и ночь шеразетъ—
 И, льстецъ коварный, восклицаетъ:
 Онъ право очень не дуракъ!...

— 68.

АНАГРАММА.

Я добрый чловѣкъ для всѣхъ, мои друзья!
 Но худъ лишь для себя.
 Купаюсь въ безднѣ наслажденій,
 Какъ злобный — распочипель — геній.
 Но прочитавъ меня на оборотъ,
 Увидите, что я совсѣмъ не пошъ.
 Часъ сочиненія большова составляю
 И книгою особенной бываю.

Жегоревъ.

Въ No 18, помѣщенная шарада значить: *Pas-sion.*

M O D E S.

Une robe de crêpe bleu très-pâle était garnie de deux traverses en roses de haies, toutes deux posées de biais. Sur la tête une couronne à nœuds en roses de haies, autour du corsage une ligne de fleurs, posée sur la mantille de blonde. Une parure de camée.

Les turbans de tulle blonde sont de ravissantes coiffures pour une toilette un peu négligée. Rien n'est plus doux, plus vaporeux que ce nuage blanc ou d'une teinte pâle qui entoure le visage.

Ces rubans, à bien dire, ne font pas partie d'une toilette simple, c'est-à-dire qu'ils ne conviennent pas dans un grand bal à une danseuse; mais ils n'y sont pas déplacés avec une robe de velours ou de satin.

Pour les jeunes personnes le blanc n'a jamais été plus en faveur. Une robe de crêpe blanc avec des rubans de taffetas rose ou de satin blanc est très-élégante. Le corsage à pointe, à draperies Sévigné, des nœuds de page et des manches à grands bouillons sans manchettes; peu de bijoux et des fleurs peu apparentes.

C'est sans doute à cause de l'énorme distance qu'il y a cette année entre la toilette des *femmes* et celle des *jeunes filles*, que ces dernières ont choisi une si extrême simplicité.

Pour coiffure, les *Berthe* sont toujours ce qu'elles portent de préférence. Ces nattes ont l'immense avantage de rester intactes à la fin du bal, malgré la chaleur et le mouvement de la danse.

Les gazes damiers, les gazes rayées sont fort jolies sur des dessous de taffetas; sur le crêpe, les jeunes personnes portent aussi des traverses de fleurs délicates.

Le luxe des éventails est grand. C'est un bijou, c'est une parure qu'un bel éventail Louis XIV, comme ceux que nous voyons dans les magasins de Mme Irlande, Palais-Royal. Plus simples, on choisit du vrai laque. La condition expresse d'un éventail à la mode cette année, est d'être très-grand et d'un travail difficile; en ivoire ou en nacre incrusté d'or.

M O Д Ы.

Голубое креповое платье, весьма блѣднаго цвѣта, опдѣлано было двумя гирландами вдоль, положенными вкось. На головѣ гирланда съ баншами изъ шиповника; вокругъ лифа полоска изъ цвѣтовъ, положенная сверхъ блондовой маншилки. Приборъ изъ ашпиковъ.

Тюрбаны изъ блондоваго шюля—прелестный уборъ не въ большой нарядъ. Ничего нѣтъ нѣжнаго этаго бѣлаго облака или шакого нѣжнаго цвѣта, окружающаго лицо.

Эти тюрбаны, говоря справедливо, не принадлежать къ простому наряду, но если, они не приличны на большомъ балѣ танцующей дамѣ; но весьма хороши съ бархатнымъ или апласнымъ платьемъ.

Для молодыхъ дѣвицъ бѣлый цвѣтъ никогда не былъ въ такомъ употребленіи, какъ теперь. Бѣлое креповое платье съ розовыми шафяными лентами или бѣлыми апласными, весьма щеголевато. Лицъ съ мыскомъ, драпированъ à la Sévigné; банши нажескіе, рукава съ большими буфами, безъ манжешекъ; мало вещей и цвѣтны весьма не замѣтные.

Вѣрно по причинѣ огромной разницы, находящейся теперь между одеждою дамъ и молодыхъ дѣвицъ, сіи послѣднія избрали споль чрезвычайную простоту.

Онѣ все преимущественно употребляютъ прически *Berthe*. Эти косы имѣютъ выгоду сохранились въ своемъ видѣ до конца бала, не взирая на жаръ и движеніе въ панцахъ.

Газы съ шахматами, полосатыя также, весьма красивы на шафшѣ; на креповыхъ платьяхъ молодыя дѣвицы носятъ также гирланды вдоль, изъ нѣжныхъ цвѣтовъ.

Роскошь на опахалы чрезвычайная. Красивое опахало; время Людовика XIV, есть драгоценная вещь, нарядъ, какъ шѣ, которые мы видѣли въ магазинѣ г-жи *Irlande*, въ Пале-Рояль. Простые, берутъ настоящіе лаковые. Непременное условіе для моднаго опахала нынѣшняго года есть то, чтобъ оно было велико и замысловатой работы, изъ слоновой костьи или перламутра, выложенное золотомъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.
.....

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 20.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
спанкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, МАРТА 10 ДНЯ 1854 ГОДА.

Ну вошь у праздника! ну вошь вамъ и попѣха!
Однако нѣтъ, теперь ужъ не до смѣха,
Въ глазахъ темно и замерла душа,
Грѣхъ не бѣда, молва не хороша.

Грибодовъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ. ДВѢ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЯ СЦЕНЫ

изъ жизни

НЕОБЫКНОВЕННАГО ЧЕЛОВѢКА.

Сцена первая.

(1831).

Необыкновенный человекъ. Благодарю судь-
бину: я совершилъ уже вступающій шагъ—
я уже въ граничномъ Петербургѣ!

NN. (Его знакомый.) Скажите, почтен-
нѣйшій, за чѣмъ вы къ намъ пожаловали въ
Питеръ? Нѣтъ-ли у васъ какихъ дѣлишекъ?
Я дѣвшій спарожиль, и готовъ служить
вамъ, чѣмъ только могу.

Необыкновенный человекъ. Благодарю, мой
милый; я хотя и чувствую себя обременен-
нымъ всемъ бременемъ скорбей, но скорби
сія не оставили меня на полъ сраженія, низ-
верженнаго мечемъ врага и, пока сердце мое
будетъ колошиться въ ребры и пламеню-
щая голова кипѣть,—я стану рваться, по

есть—убѣгать далѣе и далѣе отъ квасныхъ
патріотовъ.....

Плелляникъ необыкновеннаго человекъ. Дл-
дюшка отправляется путешествовать за
границу и для того взялъ уже мѣсто на па-
раходѣ, который на дняхъ отходитъ изъ
Петербурга въ Любекъ.

NN. А! понимаю: вы нездоровы, разспрое-
ны и ѣдете за границу къ минеральнымъ
водамъ лечиться, не такъ-ли?..

Необыкновенный человекъ. Лечиться? Кто
боленъ, будто-бы топъ долженъ лечиться?
Какая пельпая философія!.. Что такое
болѣзнь?. Попробуемъ пока разрѣшить
сей Гордіевъ узелъ; опредѣлимъ..... Нѣтъ,
это способъ устарѣлъ, какъ слогъ *Карам-
зина!* Опредѣленіе—это соръ схоластики, и
его давно пора вымести, и такъ, пока раз-
рѣшимъ или разрушимъ значеніе слова бо-
лѣзнь словообразно, пождественно дѣйствию,
и сіе пождество видно....

NN. (Перебивая его.) Позвольте замѣтить:
вы удалесть отъ моего вопроса. Я хотѣлъ
только узнать: за чѣмъ, имѣя состояніе,

занятіе, многочисленное семейство, опъѣзжаете вы за границу?

Необыкновенный человекъ. Надъ бездною безмѣрнаго переворота, XVIII-мъ вѣкомъ изрытою, имъ же самимъ и зарытою, онъ почти ничего не оставилъ, кромѣ отелеченныхъ идей. Не смотря на сіе я много разъ бросалъ высшіе взгляды на причуды грядущаго впередъ вѣка, развивалъ и свивалъ для новѣйшаго поколѣнія анализъ философическаго синтеза; но пока я философствовалъ, говорилъ, писалъ, полковалъ, квасные патриоты и чиновники литераторы, сіязаклятые классики, возстали на меня, вырвали было благія семена мои и запопшали въ грязь; но пока ковы ихъ для меня ничтожны: ибо дверь темницы моей отверзается; я перемѣняю мою квартиру!—Скоро, да, скоро я воспарю въ сферы философіи, ума, любезности, вѣжливости, народности, гдѣ живутъ Европейцы, мыслятъ по Европейски. Да, я не могу долѣ дышать воздухомъ, коимъ дышутъ люди, ядущіе Московскіе калачи и Валдайскіе баранки и пьющіе квасъ; не могу попирашь спопами моими землю, по коей идутъ шаги чиновниковъ-литераторовъ; на моей роднѣ бархатные луга и цвѣтущіе поля, согрѣваемыя солнцемъ, распецирлемыя радугами цвѣтовъ и пожираемыя завистливыми человекомъ, хопя изыщны, но не дики, хотя же отчасти и дики, но есть диче—и шудачпо я направляю стопы мои... шамъ воспріиму я паки бытіе.

IV. IV. (Обращаясь къ племяннику необыкновеннаго человека). Дядюшка вашъ кажется не въ своей шарелкѣ... Путешествіе, развлеченіе, плѣдовженіе — ему необходимы.

Сцена вторая.

(1833).

Спуска два года

IV. IV. И такъ, заграничная жизнь вамъ не полюбилась?

Необыкновенный человекъ. Ничего не можетъ быть нелѣпѣ эпои жизни. Тамъ обжаютъ на улицахъ, клеветуютъ въ журналахъ, шарламаняютъ, обкрадываютъ, бьютъ

по ланипамъ безнаказанно — и васъ же вызываютъ на поединокъ, васъ же приспръливаютъ, какъ негодную собаку. Нѣтъ ни суда, ни расправы; ни управы защитительной, ни палаты обвинительной. Судите сами: въ ученомъ Гѣптингенѣ, передъ копырымъ я споялъ на колѣняхъ, не выдавъ его, всякой студентъ-буянъ сполкнешъ васъ въ грязь, если вы осмѣлитесь итти посреди улицы по крупнымъ камнямъ: ибо ходитъ по нимъ есть ихъ мнимая привилегія; если же, опъ чего Боже упаси, осмѣлитесь вы обругать въ журналъ кого либо изъ профессоровъ, по негодия-студенты явятся, опдуютъ пока—бока палками, какъ будпо фабричныя съ Купавинской фабрики. Такова рода анпикрипика показываеитъ совершенное отсутствіе трансцендентальной философіи въ Германіи.

Во Франціи, я мнилъ возсоздать обмазаную икрой, обвѣшанную баранками жизнь свою, избравъ сію деликатную землю надолго своимъ обипалищемъ, своею поспояною кварширою, мнилъ, что Французы представляютъ сей вѣкъ въ Европѣ такъ, какъ они будутъ представлять его въ исторіи: и что-жъ вышло? Тогда, когда вы спѣшите преклонить стопы ваши предъ испуканомъ огромнаго Наполеона; тогда, когда вы ищете слѣдовъ великаго, народъ сей похищаетъ у васъ изъ кармана деньги, часы, плапокъ. Тогда, когда вы побраните наѣмнаго слугу за нерадѣніе: съ васъ взыскиваютъ пеню за безчестіе, нанесенное гражданину. Тогда, когда вы едва успѣли писнуть бранчивую спатейку на чье либо лицо: задѣтый вами обращается съ пятернею прямо къ лицу вашему, а правилельство взыскиваетъ съ васъ разорительную пеню и закупориваетъ въ пюрьюму, иногда лѣтъ на пять!!! Напрасно вы, будучи къмъ либо разобижены, пребуете, въ силу Наполеонова кодекса, суда црловальниковъ, по еспъ, присяжныхъ (juris); граждане Парижа надъ вами насмѣхаются, и серьезнымъ слогомъ спрашиваютъ: «Развѣ при васъ не было ишаги? Развѣ вы не умѣете зарядить пистолепъ?» Не подумайте однакожъ, почтеннѣйшій, что эпо

со мною случилось; нѣтъ, я вель себя смиренно, споронился, молчалъ, уступалъ каждому; но я видѣлъ опыты съ многими издателями, поэтами, депутапами. И теперь еще морозъ по кожѣ подираешъ. Колошься шпагами!... Каковъ часъ, пырнешъ—такъ и не вспанешъ!

Н. Н. Долго ли до грѣха!

Необыкновенный человекъ. Въ Англіи, если вы задумавшись, замечтавшись, не поспоронитесь на улицѣ прохожему, по того и смотрите, что васъ принудятъ буксироваться, по есть, биться на кулачки!... Я не говорю уже объ Испаніи; тамъ на каждомъ шагу грозитъ кинжалъ наёмнаго убійцы, или ядъ мленькой сеньеры...

Н. Н. Но скажите же, ради Бога, какъ могли уживаться въ сихъ необузданныхъ, по словамъ вашимъ, спранахъ: *Канова*, *Викторъ Гюго*, *Шатобрианъ*, *Ламартинъ*, *Гёте*?

Необыкновенный человекъ. (*Перевивал его и смутяся*). Опо такъ.... Конечно.... Случается.... Бываетъ.... я согласенъ! Быть умнѣе, искуснѣе *Кановы* невозможно. Это художникъ удивительный, можетъ быть даже—великій ваятель; относительно *Виктора Гюго* скажу вамъ, что онъ пока есть полное и совершенное изображеніе не существующаго Французскаго романтизма; но *Шатобрианъ* ханжа, пдакса, въ распудренномъ парикѣ; *Ламартинъ* не въ силахъ скинуть съ себя классическихъ веригъ: главное же, оба они карлисты. Вотъ дѣло другое—*Гёте*, это человекъ великій, мудрецъ, созерцапель природы, поэтъ возвышенный, глубокий, спрашный, очаровательный, всеобъемлющій, оригинальный, пламенный, покойный, какъ времл, представитель генія всѣхъ Германскихъ поэтовъ. *Гёте*, великій *Гёте* умеръ. Незадолго прежде смерти его, я съ нимъ познакомился, и онъ одинъ разгадалъ меня... Мы съ нимъ сошлись въ образѣ мыслей, въ эпомъ первообразѣ. Впрочемъ, всѣ писатели, коихъ вы назвали, переносятъ непріятности въ своемъ опечесствѣ, какъ я, идучи въ Москвѣ по Госпиному двору, вижу Варяго-Россовъ, піющихъ кисляци, жующихъ Вяземскія коврижки, или въ лавкѣ *Ширлева*

читающихъ испорію государства Россійскаго; переносятъ, говорю, скрѣпя сердце.

Н. Н. Весьма сожалью, видя, что вамъ не пощаспливилось въ государствахъ Европейскихъ, среди цѣловальниковъ, въ спранахъ безцензурныхъ, но за то необузданныхъ, самоуправныхъ. Опытъ научилъ васъ благоразумію. Я эпому радуюсь.

Необыкновенный человекъ. Да, я научился цѣнить благодѣтельные сеншптезы методическаго анализа, возвращаюсь въ мою дикую родину, совершу подвигъ великій: возсоздамъ первообразы, сіи пины челоѣчества!...

Н. Н. Успокойтесь! Что у васъ за мрачныя такія мысли?... Живите спокойно въ нѣдрахъ своего семейства, примиритесь съ логикою.

Необыкновенный человекъ. Нѣтъ, не могу, не умѣю дышать;.... алчу—смерти!

Н. Н. Успокойтесь, успокойтесь, ради Бога!

Необыкновенный человекъ. Какъ мнѣ жить, когда нѣтъ страшнаго *Гёте*, ужасно-огромнаго *Наполеона*!... Нѣтъ, нѣтъ, чувствую, что ноги мои опказываются шагать впереди вѣка, въ которомъ нѣтъ уже ни спрашнаго *Гёте*, ни двигателя испоріи всесѣлной—*Наполеона*!

Терснтіѣ Кабановъ.

О ДРУЖБА, ЭТО ТЫ!

Письмо... О Небо, опъ *Зизи*! опъ моей спаришной, лучшей подруги! Она въ Петербургѣ; сей часъ только пріѣхала, но такъ устала, такъ упомилась опъ дороги, что мужъ не пускаетъ её лепшъ въ мои объятія. Бѣдная *Зизи*! Она увѣрена въ чувствованіяхъ своей *Cofiu*; и—не обманывается; я сама лечу къ ней сію же минуту. «Скорѣй, *Аннушка*, скажи, чтобъ подавали карету; подай платье.»—Которое, сударыня?—«Какое хочешь, только скорѣй, вотъ чего перебую. Милая *Зизи*, съ какимъ неперпѣ-

ніемъ я ожидаю минути свиданія съ побою. Фу, какое платье подаешь ты мнѣ, *Аннушка*; вѣдь ты знаешь, что я ненавижу его.» — Вы такъ поропишесь, сударыня, что я не имѣла времени выбрать. — «Принеси поскорѣе другое. Конечно я пороплюсь, да и какъ могу не поропишся къ подругѣ дѣшества, — съ копорюю не видалась съ самаго замужства? . . . Скоро двѣнадцать лѣтъ тому. Вѣрно очень перемѣнилась эпа бѣлокурая, прелестная *Зизи*. *Аннушка!* ты, кажется, находишь сегодня удовольствіе дѣлать все на перекоръ мнѣ: эпо платье еще хуже перваго идетъ ко мнѣ.» — Сударыня, если пришилишь эпу булавку, то оно не будетъ, увѣрю васъ, такъ. . . — «А я увѣрю тебя сударыня, что не надѣну эпаго платья: въ немъ кажусь я толще и десятью годами старѣе.» — Не угодно ли, сударыня, сказать, какое жедаете. . . — «У меня одно только желаніе — желаніе увидѣть, обнявъ мою подругу. . . Хорошо, дай мнѣ апласный капоть, цвѣта резеды, опдѣланный ленпами изъ запканнаго маповога газа и букетомъ изъ мелкихъ цвѣтвъ. Да приготовь зелѣный бархатный плащъ. Торопись же. Еще вчера полковникъ *Дехтеревъ* клялся, что онъ ничего не видывалъ прелестнѣе, что капоть эпогъ чрезвычайно мнѣ присалъ. Боже мой! *Аннушка*, какъ я раскраснѣлась.» — Вы, сударыня, такъ много безпокоились. — «Боюсь, что она меня не узнаетъ. Посмотри, гопова ли карепа.» — Сударыня, полковникъ *Дехтеревъ* прѣхалъ. «Какъ! ужъ пять часовъ? Бумаги, перо, ублптку! Вотъ до чего довело меня пвое глупое безвкусіе, неразборчивость. Они помѣшали мнѣ бытъ у моей доброй, милой *Зизи*. Вели опнеспи къ ней эпу извинительную записку. Эпо ужасно!»

ИСКУСТВО СОГЛАШАТЬ ДОЛГЪ ПРИСЯГИ СЪ ДЕНЕЖНЫМИ ВЫГОДАМИ.

Вотъ какой искусный оборотъ выдумали въ Англіи для уверпокъ опъ присяги, даваемой при выборахъ. При эпомъ случаѣ избиратели обыкновенно присягаютъ въ томъ, что не позволятъ подкупить себя,

но не въ томъ, что не будутъ биться объ закладъ. И такъ, избираемый, желая получить въ свою пользу голосъ избирателя, говоритъ ему: «Я держу пропивъ васъ 100 фунтовъ стерлинговъ, что вы не подадите за меня голоса.» — Для честнаго Англичанина закладъ есть дуэль: честь пребуетъ принятія онаго. И такъ, избиратель держитъ закладъ, даетъ свой голосъ, и беретъ деньги, не такъ, какъ подкупъ, но какъ закладъ.

У насъ на Руси эпо дѣлается иначе: проситель садится съ секретаремъ играть въ пенпере, въ экарте, въ пикетъ — и проигрываетъ ту сумму, копорюю намѣренъ былъ подкупить его.

Или: покупаетъ у исправника запалѣную клячу за 300, 400, а иногда и за 500 рублей.

Или: присылаетъ въ именины совѣщницѣ блондовую косынку, кружевное платье — своей домашней фабрики; а косынка — то стоитъ 500, а за платье — то въ модномъ магазинѣ заплашили бы 1500 рублей.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ДѢЙСТВІЕ СОВѢСТИ.

(*Разсказъ лорда Ньюгета*).

Изъ *Englis Annuae* на 1834-й годъ.

За нѣсколько лѣтъ до начала Французской революціи, господинъ *Ла Меризъ*, молодой человекъ, принадлежавшій къ одной изъ первыхъ фамилій Франціи и служившій капитаномъ въ первомъ кирасирскомъ полку, отчаянно занемогъ въ Лизье, гдѣ онъ споялъ съ полкомъ своимъ. Во время его болѣзни, за нимъ ухаживала монашенка, принадлежавшая къ ордену сестеръ Милосердія, молодая, прелестная и во всѣхъ опношеніяхъ опасная присмотрщица для молодаго человека, имѣющаго нѣжное сердце и принадлежащаго къ лихому полку.

Сердца кирасировъ не всегда окованы сталью, сердца сестеръ Милосердія никогда не имѣютъ сей защиты. Онъ выздоровѣлъ;

но лучше было бы, еслибъ онъ не выздоравливалъ. Она неусыпно пеклась о немъ во все продолженіе его болѣзни. Каждый день своими руками взбивала она его подушки. Изъ ея рукъ принималъ онъ лекарство; и подушки его были такъ мягки, и лекарство казалось ему такъ пріятнымъ! Она предписала ему множество правилъ для выздоровленія, и забота о его выздоровленіи сдѣлалась дѣломъ большой важности. Онъ оправился и выздоровѣлъ; сидѣлъ въ креслахъ и уже помышлялъ о занятіяхъ, свойственныхъ молодому кирасиру; уже не нужно было ни взбивать подушекъ, ни давать лекарства, ни предписывать правилъ о выздоровленіи. Онъ и она спали помышлять о другихъ предметахъ, и наконецъ признались другъ другу во взаимной спраски. Они сдѣлали нѣсколько обѣщаній, но ни одинъ изъ нихъ не былъ такъ называемымъ монашескимъ обѣщаніемъ. Она сдѣлала нѣсколько новыхъ привычекъ, но ни одна изъ нихъ не имѣла свойствъ привычекъ монашескихъ. Я желалъ бы, чтобъ соотношенія ихъ приняли другое направленіе, но повѣствованіе мое должно опличаться истиною. Онъ былъ лицемеръ. Онъ покинулъ её. Что ей было дѣлать? — Она сдѣлала все, что могла. Она умерла.

Но его ожидала несравненно горестнѣйшая участь. Этого требовало правосудіе. Онъ находился въ Парижѣ, но не посреди удовольствій и разсѣяній, потому что у него была совѣсть!—А для кирасира, низведшаго во гробъ монахиню, совѣсть есть пшягоспное бремя. Она порождаетъ какое-то безпокойство, которое влечетъ за собою лихорадку, а лихорадка производитъ бессонницу. Капитанъ *Ла Мерви* провелъ безъ сна одну ночь, потомъ другую и наконецъ претью. Онъ имѣлъ дурную привычку рано ложиться въ постель, привычку пагубную для человѣка съ нечистою совѣстью. На претью ночь, когда колоколъ сосѣдственнаго монастыря пробилъ двѣнадцать, кто-то тихонько постучался въ ворота. Онъ началъ вслушиваться. Спукъ не повторялся, но ему показалось, будто бы наружную

дверь отворили. Спранно! потому что всѣ слуги ушли спать. Онъ слышалъ, что кто-то легкими шагами шелъ по лѣстницѣ и достигъ претьяго этажа, гдѣ онъ жилъ.— Защелка дверей его легкою приподнялась, и слабый, блѣдный свѣтъ проникъ въ его комнату. Онъ происходилъ отъ лампы, которую держала въ рукѣ женщина въ монашеской одеждѣ; въ одеждѣ ордена, увы! слышкомъ хорошо знакомаго препещущему юношѣ.— Онъ сѣлъ на постель, когда привидѣніе начало приближаться; она помѣспилась у ногъ его и приподняла сѣрое покрывало, скрывавшее лице ея.— Милосердное Небо!— Это была она! въ той самой одеждѣ, въ которой онъ увидѣлъ её въ первый разъ!— Но какъ измѣнилось лице ея съ того времени, когда оно оживлялось сердечнымъ участіемъ при его спрадальческомъ ложѣ. Блѣдныя, неподвижныя черты ея приняли выраженіе строгой, мертвенной меланхоліи; она вперила на него неподвижный, укоризненный взоръ.— Онъ рѣшился бы заговорить съ нею, но правая рука ея была поднята, какъ бы въ знакъ воспрещенія, и онъ хранилъ молчаніе! Онъ смотрѣлъ на ужасное привидѣніе, и былъ не въ силахъ отворатить отъ него глазъ своихъ. Цѣлый мучительный часъ не прогалось оно съ мѣспа; одна рука была поднята вверхъ, въ другой держало оно лампу, съ неподвижностію, не свойственною существу здѣшняго міра. Лишь только колоколъ пробилъ часъ, привидѣніе тихо опошло отъ постели, и когда приблизилось къ двери, то дверь какъ-бы сама собою отворилась. Она еще разъ взглянула на него, печально повела рукою, вышла изъ комнаты, и дверь заперлась! Несчастный молодой человекъ упалъ въ изнеможеніи на подушки.

Былъ ли это сонъ? — О нѣтъ! Когда дневный свѣтъ началъ пробиваться въ его покой, онъ напрасно спарался увѣрять себя, что онъ все сіе видѣлъ во снѣ. Онъ не засыпалъ ни на одну минушу.

Можно безъ всякаго преувеличенія сказать, что во все продолженіе слѣдующаго дня спрашное привидѣніе безпрестанно предспавлялось его воображенію. Но съ наступ-

леніемъ вечера ужасъ его достигъ высочайшей спешени. Онъ не сказалъ никому ни слова о спрашномъ посѣщеніи. Это была тайна другаго міра. Но когда онъ удалился въ свою комнату, то блѣдное, разспроенное лицо его, изображавшее страхъ и внутреннее безпокойство, ясно обнаруживали терзанія совѣсти. По мѣрѣ приближенія ночи сердце его билось сильнѣе и сильнѣе, онъ едва переводилъ дыханіе. Смертный прелепъ пробѣжалъ по немъ, при звукѣ полночнаго колокола. Опять слышались шаги на лѣспницѣ. Опять какая-то неизяснимая сила оковала языкъ его. Опять предспала предъ него усопшая монахиня и, успремивъ на него тѣ же взоры угасшіе, простояла въ мерпвомъ молчаніи до разсвѣта, и тогда опять тихо и съ важностію вышла изъ комнаты.

Проходила ночь за ночью, недѣля за недѣлею, и всякой разъ ударъ полуночи былъ предвѣспникомъ посѣщенія, наполнявшаго душу несчастнаго юноши возрастающимъ ужасомъ. Его здоровье и умственныя силы начали постепенно ослабѣвать. Друзья его, съ нѣжностію заботившіеся о сохраненіи искры жизни, съ каждымъ часомъ угасающей, долго убѣждали его открытъ имъ снѣдавшую его тайну. Наконецъ онъ открылъ еѣ своему брату. Тщепно сей умолялъ его позволить ему провести съ нимъ ночь. Казалось, что какая-то непроницаемая тайна связывала его преступную душу съ мстительнымъ существомъ высшаго міра. Какой-то непонятный страхъ одолевалъ его при мысли, что посторонній увидитъ его ночью посѣпителя, будетъ свидѣтелемъ его торжественной и ужасной казни.

Братъ его приписывалъ все глубокому чувству раскаянія. Долго придумывалъ онъ средства разрушить злополучное обольщеніе, и наконецъ остановился на одной мысли. Онъ зналъ, что умершая монашенка имѣла сестру-близнеца, столь на неѣ похожую, что нерѣдко при жизни ея самые близкіе друзья ихъ ошибались, принимая одну за другую. Онъ опыскиваетъ еѣ; упрашиваетъ, умоляетъ еѣ забыть несчастіе, постигшее сестру ея, проститъ того, кто разрушилъ

ея благополучіе и, помышляя единственно о жестокомъ наказаніи, низводящемъ его въ преждевременную могилу, проситъ привести въ дѣйствіе средства, находящіяся въ ея только власти и могущія, можетъ быть, возвратитъ ему спокойствіе и жизнь. Онъ заклинаетъ еѣ представить покойную сестру свою, посѣнитъ въ полночь его брата, простоятъ эмпотъ ужасный часъ у его постели и потомъ скажутъ ему, что посѣщеніе, повпорывшееся столь долгое время, было не иное что, какъ избобрѣненное ею, справедливое наказаніе за оскорбленіе сестры ея; что теперь оно свершилось; что раскаяніе и терпѣніе произвели свое дѣйствіе; что онъ спраданіями искупилъ вину свою, и можетъ вновь наслаждаться спокойствіемъ.

Симъ средствомъ думалъ онъ разрушить мечпы встревоженной совѣсти и возвратитъ брату своему спокойствіе и здоровье.

Она согласилась. Доспала себѣ монашеское пламя, и въ назначенную ночь, съ лампою въ рукѣ, за нѣсколько минутъ до двѣнадцати часовъ, тихо и съ прелепомъ вошла на лѣспницу. Она постучалась въ двери; ей отвѣтствовалъ слабый голосъ, и она вошла. Молодой человекъ сидѣлъ въ постелѣ, какъ будто ожидая привидѣнія, появленіе котораго возвѣщала наступившій часъ. Взоры его были обращены къ дверямъ; лицо было покрыто смертною блѣдностію; полуоткрытый ротъ выражалъ изнурительное, но терпѣливо переносимое мученіе. Когда она подошла къ постелѣ, то онъ на одно мгновеніе поднялъ глаза и руки къ небу и тяжело вздохнулъ. Потомъ успремилъ на неѣ неподвижный взглядъ. Время опъ времени онъ шевелилъ губами съ горестнымъ, умоляющимъ выраженіемъ; но ни малѣйшій звукъ не прерывалъ глубокой, ужасной тишины сего зрѣлица. Вдругъ исперическое, судорожное содроганіе потрясло весь составъ его. Казалось, что онъ всматривается въ мрачное пространство, находившееся позади еѣ. Внезапно во всемъ существѣ его изобразился дикій ужасъ. Онъ протянулъ впередъ голову, простирая руки съ умоляющимъ и

вмѣстѣ препещущимъ видомъ. Губы его судорожно дрожали, зрачки голубы были выкапшались. Въ семь положеній, онъ какъ-бы окаменѣлъ на одно мгновеніе, потомъ онъ забросилъ за голову руки, воскликнувъ: «Боже! великій Боже! ихъ двѣ!» Онъ упалъ на подушки. Спраданія его прекратились; наказаніе свершилось. Онъ умеръ.

Съ Англ. *М. Медвѣжиль.*

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ВЕСНА.

Весна! живи и лугъ и лѣсъ!
 Сними съ полей зимы уборы,
 Одѣнь въ блистанье сводъ небесъ
 И въ зелень сумрачныя горы!
 Ручей, уснувшій въ берегахъ,
 Буди живительнымъ дыханьемъ,
 Веди Надъ луны съ мерцаньемъ
 Плещась въ зеркальныхъ струяхъ!
 Зови любовниковъ щасливыхъ
 Въ приютъ хранительныхъ алей—
 Пусть ихъ пленяешь соловей
 И сумракъ рощей молчаливыхъ! —
 Лѣса, раскиньте сѣнь свою!
 Цвѣты полей, благоухайте!
 И нѣгой томною пинайте
 Лѣнь прихотливую мою!
 Пошлите сердцу—упоенье,
 Забошамъ плясочнымъ—покой,
 Любви—жаръ юности живой,
 Сну—тишь и лиръ—вдохновенье.

Е. Зайцевскій.

ЭЛЕГІЯ.

Я зналъ воспорговъ наслажденье!
 И нѣкогда играя жилъ,
 И свято, пламенно любилъ!...
 Но, ахъ, минуло заблужденье,
 Пришла нежданная чреда!
 И я лишь плачу завсегда:
 Спраданьямъ сердца нѣтъ забвенья!

Такъ слышашъ звукъ всегда цѣпей
 Въ тюрьму невинно заключенный,
 И милой вольности лишенный,
 Часы опжившія для людей.

N. N.

LOGOGRIPHE.

De mon joug ici bas on se plaint chaque jour,
 Et chaque jour pourtant à mon char on s'enchaîne;
 Formé par l'intérêt, ou l'orgueil, ou l'amour,
 Je fais naître, à mon gré, la tendresse ou la haine.
 Lecteur, dans mes sept pieds, qu'il faut décomposer,
 On trouve sur le champ deux notes en musique,
 Ce qui termine un vers, un mal épidémique,
 Ce que plus d'une femme a soin de déguiser,
 Le premier d'une ville, un meuble de galère,
 Le titre qu'on refuse à tout célibataire;
 Ce que le pain renferme, ou plutôt ce doux nom
 Qu'un tendre amant se plaît à donner à sa belle;
 Celui d'un ancien Roi du tems de Salomon,
 Ce qu'on est au récit d'une bonne nouvelle.
 Je peux t'offrir encore un subtil élément,
 Le dangereux effet d'un bouillant caractère,
 Un nid d'oiseau; cet art, redoutable ou vulgaire;
 Ce qui survit à l'homme, à son dernier moment;
 Ce que trop rarement on trouve sur la terre;
 Un mois cher aux amours; des guerriers l'ornement;
 L'espace où les mortels vont braver les naufrages;
 Ce qu'on donne aux enfans, lorsqu'ils ont été sages.
 Mais je finis, car déjà trop longtems,
 Je tiens, mon cher lecteur, ton esprit en suspens.

Въ No 19, помѣщенная анаграмма значить: *Мотъ, толь.*

MODES.

Voici quelques toilettes remarquées aux grands bals de la semaine.

Une robe de crêpe rose ouverte sur une jupe de satin, était rattachée par des bouquets d'acacia blanc. Sur chaque épaule retombait comme un nœud une grappe d'acacia; dans les cheveux deux bouquets étaient placés sur les tempes en dehors des nattes. Une parure de Nicolos.

Une robe de velours vert anglais était ouverte sur une jupe de satin blanc, et rattachée par des agrafes de diamans; dans les cheveux, deux bouquets de fleurs des champs terminés par des raisins et surmontés d'épis de diamans, étaient placés de chaque côté de la tête; au corsage et au cou de beaux diamans.

Sur une robe de satin blanc était une traverse de biais en œillets ponceaux et en mimosa. Dans les cheveux une couronne à nœuds des mêmes fleurs. Pour bijoux des diamans.

Une jupe de satin blanc garnie de deux hauts volans de blonde, avait pour par-dessus une jupe de velours vert retenue par des nœuds de satin blanc; dans les cheveux un oiseau de paradis; pour bijoux une parure d'or du Mexique.

Une ligne de rubans de satin blanc traversait en biais une robe de velours épinglé mauve. Pour coiffure un turban de tulle blanc; pour bijoux de magnifiques perles.

Nous avons remarqué ces jours derniers dans le magasin de madame Rousselet-Vaulout, rue Richelieu, une étoffe très-extraordinaire disposée en turbans. C'est un *taffetas d'argent* cerise et blanc. Il est fort difficile de donner idée de ce tissu brillant et doux; l'argent et la soie se confondent tellement l'un et l'autre, que l'argent ne domine que par ses reflets; l'un fait la trame l'autre la chaîne, fins comme les fils d'une gaze. L'étoffe forme d'elle-même des ondulations naturelles fort gracieuses dans les plis du turban. Généralement Madame Rousselet-Vaulout mélange les deux taffetas, cerise et blanc. Le premier est d'une teinte douce, le second est d'un blanc un peu bleuâtre qui a besoin d'être relevé.

Dans ce magasin nous avons remarqué de jolies modes de promenades. Un chapeau en satin orange ayant un bouquet de petites fleurs roses, de jolies capotes de velours ou satin couleur de fantaisie.

Pl. No 9. Chapeau de velours. — Robe de velours garnie de Martre. — Chapeau de satin. — Robe de velours. — Manteau arabe (bernou) en casimir.

М О Д Ы.

Вошь несколько нарядовъ, замѣченныхъ на большихъ балахъ этой недѣли.

Открытое розовое креповое платье, на бѣлой апласной юбкѣ, прихвачено было букетами бѣлой

акаціи. На плечахъ вмѣсто банна по кисти акаціи; въ волосахъ два букета прищиплены были на вискахъ, позади косъ. Приборъ изъ Николо.

Бархатное открытое платье Англійскаго зелѣнаго цвѣта, на бѣлой апласной юбкѣ, прихваченное бриліаншовыми застежками; въ волосахъ два букета полевыхъ цвѣтовъ, оканчивающихся виноградомъ и бриліаншовыми колосьями, прищиплены были съ обихъ споронъ головы. На лицѣ и шеѣ красивыя бриліаншны.

На бѣломъ апласномъ платьѣ гирланда вкось изъ пуццовыхъ гвоздикъ и мимозы. Въ волосахъ вѣнокъ съ баннами изъ тѣхъ же цвѣтовъ. Приборъ бриліаншовый.

На юбкѣ изъ бѣлаго апласа, отдѣланной двумя широкими блондовыми оборками, было открытое зелѣное бархатное платье, прихваченное бѣлыми апласными баннами; въ волосахъ райская пшичка. Приборъ золотой Мексиканской.

Бѣлая апласная лента положена вкось на платьѣ изъ булавчатого бархата цвѣта mauve. На головѣ шюрбанъ изъ бѣлаго шюля. Приборъ изъ великолѣпнаго жемчуга.

Мы замѣтили на этихъ дняхъ въ магазинѣ г-жи *Rousselet-Vaulout* весьма необыкновенную матерію на шюрбанахъ. Эта серебряная ткань алая съ бѣлымъ. Трудно дать понятіе объ этой нѣжно-блестящей ткани; серебро такъ смѣшивается съ шелкомъ, что первое замѣтно только по отблескамъ; одно составляетъ основу, а другое утокъ; нитки тонки какъ въ газѣ. Матерія составляетъ сама собою весьма ловкіе и натуральные перекиды въ складкахъ шюрбана. Вообще г-жа *Rousselet-Vaulout* перемѣшиваетъ объ ткани, алую съ бѣлой. Первая весьма нѣжнаго цвѣта, а вторая немного синевата и должна быть опшѣнена.

Въ этомъ же магазинѣ замѣтили мы красивыя моды для прогулокъ. Шляпка изъ оранжеваго апласа съ букетомъ мелкихъ розовыхъ цвѣтовъ. Красивыя капоты, апласныя или бархатныя, необыкновенныхъ цвѣтовъ.

Карп. No 9. Бархатная шляпка. — Бархатное платье, обшитое мѣхомъ. — Апласная шляпка. — Платье бархатное. — Арабское маншо (берноу) изъ казімира.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 21.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 No
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургѣ 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, МАРТА 14 ДНЯ, 1854 ГОДА.

Всѣ предразсудки испребя,
Мы почитаемъ всѣхъ — нулями,
А единицами — себя.

А. Пушкинъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ПЕРЕМѢНА КВАРТИРЫ.

Кто-то сказалъ, что при переѣзда съ одной кварширы на другую равняюся пожару: эпопъ кто-то былъ хозяинъ дома, копорый боялся неисправнаго плашежа своихъ жильцовъ за наёмъ кварширы.

Не знаю, чему равняюся при переѣзда, попому что сегодня я перемѣняю кварширу въ первый разъ, и призываю Бога въ свидѣтели, что это не мой вина! — Предостерегаю другихъ и честно ихъ увѣряю, что одинъ переѣздъ съ кварширы, только одинъ можешь удивительно подѣйствовать на раззудокъ челоѣка; ошъ впоараго можно проспо сойти съ ума: по моему, эпи переѣзды гораздо хуже пожаровъ, особливо теперь, когда у насъ есть спраховыя общества.

Предспавыте себѣ, если можно, что значить перемѣна жилища для челоѣка, копорого вся жизнь основана на однихъ привычкахъ; копорый никогда не умѣлъ подуматъ о вещественныхъ принадлежностяхъ жизни;

копорый объдаеть, попому что голодень, садится, попому что уснать, ложится, попому что хочеть спать, и копорому кажется весьма еспественнымъ находить свои кресла, споль, поспель всегда на одномъ мѣспѣ, какъ будто бы они были поспавлены тамъ въ попъ самый день, когда и онъ явился въ эпопъ мѣръ бѣдспивѣ, плача и переѣздовъ съ кварширы.

Право, эпо ужасно!

Ваши окна были на югъ, теперь они на сѣверъ.

Вы привыкли спать головою къ спѣнѣ; теперь должны ложиться въ пропивную сторону, иначе, солнце жжетъ вамъ по упру глаза и печеть голову.

При перевозкѣ, у васъ поршился термометръ, оспанавливаются часы.

Вашъ письменный споль споялъ подлѣ камина; теперь расположеніе комнаты вынуждаеть васъ поспавить его къ окну.

Противъ кровати вашей было зеркало; теперь для него нѣтъ мѣста, и вамъ при-

ходится повѣсиль вмѣсто его портретъ вашего дѣдушки.

Въ сосѣдней лавочкѣ вамъ вѣрили въ долгъ; теперь, пока заслужите кредитъ, должны плачивать наличными.

А занавѣски, которыми коротки, не приходясь къ новымъ окнамъ и для которыхъ вамъ надо прикупать нѣсколько аршинъ шаковой же матеріи; а кошка ваша, которая не находилась на прежнемъ мѣстѣ своей подушки; а собака, которую вы должны лишиться опведенной поспели: та и другая, за недоспакомъ мѣста, ложащая ночью на вашей кровати.

А знакомые ваши, которые щипаютъ долгомъ явившись къ вамъ съ привѣтствіями на щепъ вашего новаго помѣщенія, хорошаго цвѣта стѣнныхъ обоевъ, расположенія комнатъ, прекраснаго вида, чистаго воздуха, и пр. и пр. и пр.

Наконецъ, вы живете этакимъ ниже или выше прежняго; привыкнувъ всходить по извѣстному числу ступеней, вы спучились къ сосѣду, а онъ, продержавъ васъ за дверью минулъ десять, выходящъ и опять запираетъ её у васъ подъ носомъ, съ словами: Вы не туда зашли!

И какое множество другихъ неудобствъ, одни мучительнѣе, несноснѣе другихъ; неудобствъ, которыми заставляють меня сказать рѣшительно, что если при перемѣнѣ квартиры равняется пожару, то одна такая перемѣна равняется десяти годамъ человеческой жизни.

Хорошо бы нанять пожизненную квартиру!

СЛОВЕСНОСТЬ.

УТОПЛЕННИКЪ.

Въ послѣднее время мы безпрестанно читаемъ исторіи вѣсьяльниковъ, удавленниковъ, казненныхъ на гильотинѣ, которые вращаются съ того свѣта нарочно для того,

чтобы писать свои записки. — Я намѣренъ рассказать вамъ исторію утопленника, милостивыя государыни и милостивые государя, и этакъ утопленникъ вашъ покорнѣйшій слуга.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, я стоялъ съ полкомъ въ небольшомъ городкѣ одной Французской провинціи. Незадолго передъ тѣмъ я вышелъ изъ Сень-Сирскаго училища, и голова моя была набита романическими идеями. Я весь былъ полонъ *Байрономъ*, который вошелъ тогда въ большую моду своею жизнію, смертію и сочиненіями. Его самоопроверженіе въ пользу Греціи, его *Лара*, *Манфредъ*, *Корсаръ*, его кулачные подвиги, его защита Миссолонги, связь съ миссъ *А...* и съ *Гвигиоли*, все это возбуждало во мнѣ энтузіазмъ. Но то, что всего болѣе меня плѣняло въ немъ и заспавляло ему завидовать, было его искусство плавать, которыми онъ, по справедливости, такъ гордился. Въ мечтаніяхъ моихъ, когда плѣнь его являлась превозмощъ сонъ мой, онъ всегда представлялся мнѣ среди волнъ Абидоса.

Чтобы одержать верхъ въ этомъ упоительномъ соперничествѣ, я сдѣлался совершенно земноводнымъ. Я хотѣлъ бороться съ исполиномъ и побѣдить его. Слѣдствіемъ эаго было то, что однажды я едва не утонулъ.

Вотъ какъ это случилось.—Паладрусское озеро составляетъ самое большое пространство спокойей воды, какое только заключается въ предѣлахъ Франціи: оно простирается на три мили въ длину и на двѣ въ ширину. По словамъ окрестныхъ жителей, оно скрываетъ спрашныя тайны, которыми свидѣтелями были опдаленные вѣка. Цѣлый городъ, богатый и цвѣтущій, покоится на днѣ водъ его, и когда они стоятъ спокойно, то рыбаки явственно различаютъ башни, колокольни и укрѣпленія проклятаго города.

Мы опправились вечеромъ, послѣ хорошаго ужина, съ двумя поварищами, изъ которыхъ у каждаго было по охотничьему рублю; на другой день, мы собирались убить

нѣсколько зайцевъ и пѣмъ заключить нашу прогулку.

Въ полночь я погрузился въ волны озера. Сначала я сдѣлалъ нѣсколько искусныхъ движеній въ глазахъ моихъ поварницъ, которые, не умѣя плавать, боялись опдальпсл отъ берега. Наконецъ, утомясь отъ этихъ плавательныхъ эволюцій, я легъ на воду спиною и совершенно предался наслажденію своимъ роскошнымъ, сладостраспнымъ положеніемъ. Воздухъ былъ тихъ и пріятенъ; небо чрезвычайно ясно; золотыя звѣздочки рисовались въ безчисленномъ множествѣ на темнолазурномъ сводѣ, котораго не помрачало ни одно облачко.

Я не думаю, чтобы въ свѣтѣ могло быть зрѣлище, болѣе великолѣпное; въ жизнь мою, я восхищался имъ нѣсколько разъ, и увѣренъ, что ни одно явленіе природы не представляетъ столько величественнаго, не возбуждаетъ въ душѣ такихъ пріятныхъ ощущеній и не внушаетъ мыслей, болѣе сильныхъ и болѣе свободныхъ отъ узъ земнаго міра.

Вокругъ васъ безпредѣльность: — вы проспираете руки и не встрѣчаете преграды; вы подвигаетесь впередъ или назадъ, и ничто не напоминаетъ вамъ, что вы измѣряете проспрансиво. Вы завоевали цѣлую стихію; вы живете другою жизнью; вы переселились въ другой міръ. Надъ вами и подъ вами бездна; — поднимите глаза, и увидите небо; опустите ихъ, и вамъ предсѣвшя могила.

Роскошно покоясь на зыбкихъ волнахъ, беззаботно качаясь между небомъ и землею, и сохранивъ изъ всѣхъ грубыхъ чувствъ нашей природы только зорь и мысль, я съ удовольствіемъ внималъ глухому и неспоми ропоту волны, который опдалвался въ ушахъ моихъ, какъ будто для того, чтобы напомнить мнѣ, что я вишу надъ бездною въ двѣсти фуновъ глубиною; для того, чтобы внушить мнѣ гордое чувство презрѣнной опасности, которое вмѣшивається во всѣ удовольствія юныхъ и сильныхъ душъ; чтобы поселить во мнѣ мысль, что между нѣгою жизни и безчувствіемъ смерти для

меня былъ одинъ только мигъ! — О! какъ чиста и велика была тогда мысль моя, блуждавшая въ безпредѣльномъ проспрансивѣ, въ которомъ терялись мои взоры! — О! какъ я понималъ тогда любовь и славу, битвы и побѣду, и потомъ роскошное отдохновеніе въ объятіяхъ любимой женщины! — О! какъ хорошо проспигалъ я жизнь, и какъ смѣло сокращалъ её въ одно наслажденіе, въ одну добродѣтель: любить! Любить, чтобы быть самому любимымъ!

Но какъ ни сладостны были мои мечтанія, а наконецъ я почувствовалъ нужду дать опдыхъ и уму и рукамъ своимъ, которыя начинали отказываться отъ тягостной обязанности, налагаемой на нихъ моимъ бродящимъ воображеніемъ.

Опсюда, милостивыя государыни и милостивые государи, начинается моя трагедія; занавѣсъ поднимается, и вы увидите сей часъ драму уполенника.

Вамъ кажется очень еспественнымъ, не правда ли, что отъ середины озера, я поплылъ тихонько къ берегу, гдѣ остались мои поварищи? — Да.

А скажите мнѣ, близко ли берегъ?

Этотъ вопросъ, съ которымъ я такъ спокойно обращаюсь къ вамъ теперь, сдѣлалъ я себя тогда съ ужасомъ, вдругъ блеснувшимъ, подобно молніи въ душѣ моей.

Берегъ! берегъ!... А гдѣ взять его? Повсюду кругомъ густой, непроицаемый мракъ! Озеро черно, черно какъ тарелка чернилъ; длинныя тѣни горъ совершенно покрываютъ его, и ни малѣйшаго средства узнать направленіе, которому должно слѣдовать, и при этомъ усталость рукъ, и горькая, лдовитая мысль объ опасности!

Опчальніе овладѣло мною! Озеро не слишкомъ широко, подумалъ я; слѣдуя по прямой линіи, я долженъ наконецъ достигнуть берега.

Тогда я устремился впередъ, и собравъ всю силу двадцатидвухлѣтняго возраста, всю гибкость опытнаго пловца, принялся разскапъ волны необыкновенно быстро.

Съ выпянувшееся отъ судорожныхъ усилій шею, съ списнутыми зубами, съ сжатыми отъ страха лишиться жизни нервами, я плыль такимъ образомъ четверть часа, но эта четверть часа показала мнѣ цѣлымъ днемъ, годомъ, вѣкомъ!...

И предо мною все прежняя безпредѣльность! И подо мною, и надо мною все прежняя бездна!

Да и могъ ли я, среди безграничнаго пространства, слѣдовать по прямому направленію; можешь быть, съ тѣхъ поръ, какъ я перяюсь въ опчаянныхъ усиліяхъ, я плаваю въ одномъ и томъ же кругѣ; можешь быть, я только возвратился на то же мѣсто, съ котораго поплыль.

И такъ, нѣтъ никакой надежды! — Силы мои истощены! Я едва могу держаться на водѣ, едва въ сосполюніи извлечь вздохъ изъ горячей груди моей!

Тутъ я увидѣль, что мнѣ должно умереть! — Въ знакъ послѣдняго прощанья съ землею, я испустиль ужасный крикъ, который глухо повспорило эхо горъ. — Мнѣ также отвѣчали крикомъ, но откуда раздавался эпомъ крикъ? — Вопъ чего я никакъ не былъ въ сосполюніи различить и послѣ двухъ или трехъ безплодныхъ попытокъ...

Я увидѣль, что мнѣ должно умереть!

Умереть! Кто изъ васъ поняль эпо слово во всей его силѣ? Кто, такъ какъ я, цѣлый часъ лепеталъ его дрожащими губами?

Умереть! Эпо ужасно! — Прощай, слава! Прощайте, женщины, любовь, честолюбіе, покой! Прощайте, друзья мои! Прощайте, всѣ мои мечты, предположенія, всѣ мои обширныя надежды. — Умереть!

Наконецъ я покорился своей участи; руки мои отказывались двигаться, голова не могла болѣе держаться на поверхности воды! — Я бросилъ послѣдній взоръ на эпомъ свѣтъ, въ которомъ покидалъ я жизнь, и спалъ тихонько опускаюсь въ воду.

По привычкѣ плавать, я долго опускался, удерживая въ себѣ дыханіе, и не глотая ни капли воды. Наконецъ, сильное напряженіе

исторгло изъ груди моей глубокой вздохъ, и ротъ мой наполнился водою.

Эпо мгновеніе было для меня всего ужаснѣе! Невольное судорожное движеніе выбросило меня снова на поверхность озера.

Тогда раздался выпрѣль! — Я окинулъ взоромъ горизонтъ! — Другой выпрѣль! — Блеснулъ огонекъ, который долженъ послужить мнѣ направленіемъ! — Товарищи меня поняли.

О! тогда ко мнѣ возвратилась и кровь, и силы, и жизнь! — Я вдругъ почувствовалъ такую же бодрость и крѣпость въ членахъ, какъ будто бы, за минушу предъ тѣмъ, вышелъ изъ прохладнаго водоёма въ Англійскомъ паркѣ.

Черезъ десять минушъ я былъ уже на берегу, и глотокъ водки возвратилъ опечесству одного изъ самыхъ ревностныхъ сыновъ его. — На другой день, въ потъ же часъ, въ который наканунѣ я погрузился въ озеро, я рассказывалъ свое приключеніе, а между тѣмъ двѣ полныя, бѣлыя руки обвивались вокругъ моей шеи. Такимъ образомъ, я вознаграждалъ себя за самый ужасный часъ моей жизни однимъ изъ самыхъ восхищительныхъ ея часовъ.

N. N.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

СТАВКА КНЯЗЯ ПОЖАРСКАГО (*).

Пожарскій и Марина.

Марина.

Дозволишь ли, Великій Воевода,
Женѣ несчастной пасты къ его ногамъ!

Пожарскій.

Къ чему? — Приди; скажи, чего желаешь?

Марина (*падала на колѣни*).

Ты Божій мечъ, ты Божія гроза!
Передъ тобой колѣни преклоняю
Невольно...

(* Изъ трагедіи: Рука Всевышняго Опечесство спасла, соч. Н. Кукольника. Эпо лучшая сцена. — В.

Пожарскій.

Встань, жена! Чего ты хочешь?
Скажи, когда швое прошенье право,—
Исполнишь я обязань.

Марина.

Князь Пожарскій!
Не узнаёшь,— не хочешь ты узнать
Нещаснаго Димитрія супруги?—

Пожарскій.

Марина Юрьевна! О, какъ узнашь
Ту гордую, блестящую Царицу
Передъ Пожарскимъ на колѣнахъ? Право
Не думалъ я тебя еще увидѣть.
Я мыслилъ: Судь Господній совершился;—
Но здѣсь узналъ, что ты не оставляешь...

Марина *(съ живостью)*.

Князь! Зломъ не поминай!— Свершилась кара;
Наказана уже моя гордыня.—

Пожарскій.

Кто-жь виноватъ?... Въ задапокъ исправленья
Ты бросилась въ объятья Казака.

Марина.

Ты знаешь ли пословицу: *кто тонетъ,
Хватается за бриту!*

Пожарскій.

Нечестивы,

Марина Юрьевна, какія мѣры!
Но женщину мнѣ совѣшно корюшь,
Когда она сама уже виновна.
Ты на землѣ ужъ потеряла все;
Подумай о небесномъ!

Марина.

Князь Пожарскій,
Какъ поступишь, дай мудрый мнѣ совѣтъ!

Пожарскій.

Въ своихъ словахъ я узнаю смренье;
Дай Господи, чтобъ испытанья Неба,
Твой гордый нравъ и душу измѣнили!
Придетъ пора и Богъ устроитъ мудро
Свяшую Русь; тогда и ты, Марина,
Найдешь въ душѣ покойствіе и радость.

Марина.

Я жажду, какъ и ты, послѣдней брани,
И Русь люблю, какъ Русская жена;
Я отреклась отъ родины моей—
И, преступа предѣлъ Свяшаго Царства,

Я принесла священную присягу:
Свящую Русь щипать моей опчиной,
Съ ея судьбой соединить мою
И устремить всё способы и силы
На пользу, щастье, на блаженство Руси...
Но не дасть Богъ на опынѣ представить
Всѣ доказательства моей усердной
Заботливости о Великомъ Царствѣ.—
Такъ Богъ судилъ! Его Свяшая воля!

Пожарскій.

Чѣмъ болѣе я слушаю тебя,
Тѣмъ болѣе съ тобою примиряюсь.—
Во испину, ты умная жена!

Марина.

О добрый Князь! Слова твои оправдны;
Нѣтъ робости предъ судіею спрогимъ,
Но справедливымъ. Такъ, вся жизнь моя
На пользу Государства посвящалась—
И всё мои мечпанія и мысли
Въ единую сливались мысль: о благѣ,
О кровившесствѣ нещасныхъ, бѣдныхъ,
О украшеннѣ Храмовъ православныхъ,
Воздвиженнѣ Обищелей, Церквей.
(Оттираетъ слезы).

Пожарскій.

Ты пронудла меня, жена нещасья!
Кто любишь Русь, шопѣ для меня шакъ дорогъ,
Какъ сынъ родной.—И шакъ, шобѣ опшкрою
Всѣ помыслы, какъ другу своему,
И дамъ совѣтъ спасительный, Марина!
Оставь Заруцкаго; вашъ бракъ безъ Церкви?—
Оставь его,—и, съ сыномъ Іоанномъ,
Приди ко мнѣ, во время общей бѣшвы.
Я сдѣлаю свои распоряженья
О безопасности швоей; въ Москвѣ
Я дамъ шобѣ приличное жилище
И содержанье; если-жь Богъ даруетъ
Намъ Русскаго Царя, я буду первый
Предшатель швой;—но если ты желаешь
Въ свою опчизну возвращаишья...

Марина *(съ живостью)*.

Нѣтъ!

Я отрелась отъ ней; мнѣ Русь опчизна;—
Не опвергай моей мольбы, Пожарскій!

Пожарскій.

Теперь я не могу рѣшиться, Марина;
Но ежели Царю угодно будетъ,—
Ты, можешь быть, останешься у насъ.

Марина.

Богъ милосивъ! Созрѣюшъ и плоды
Щедрошъ швоихъ и доброты сердечной
И ратной мудрости и прямодушья;
И Русь, освобожденная побою,
На голову опца и Воеводы
Возложитъ знакъ признашельности; правда,
Народная признашельность—ничѣмъ
Такихъ заслугъ вознаградитъ не въ силахъ;
Но, можешъ быть, ты будешъ безкорыстенъ;
Останешся въ Москвѣ, чтобъ мудро правитъ,
За малолѣтшествомъ юнаго Царя...

Пожарскій.

Марина Юрьевна, не понимаю,
О чемъ ты говоришь?

Марина.

Къ чему притворство?
Ты молодъ, Князь; по опытенъ и мудръ;
Рука твоа во брани искусилась;
Твой свѣтлый разумъ—можешъ разбиратъ,
Что выгодно, что вредно Государству;
Въ дѣлахъ земли ты поспигаешь умѣшь
Гдѣ недоспашокъ, гдѣ излишекъ; чувствуя
Твои такъ искренни и благородны,
Что ты нигдѣ величїа Престола,
Высокаго достоинства Царей,
Въ своихъ поступкахъ не унизишь... Но!...
Мы видѣли, какъ Годуновъ и Шуйскій,
Избранные, вѣщанные народомъ,
Судомъ Творца низвержены съ Престола!
О мудрый Князь, не увлекайся чувствомъ
Опаснаго, пустаго честолюбья...

Пожарскій.

Правдивъ совѣтъ, но онъ не нуженъ мнѣ!
И мнѣ ли жизнь свою обезобразить
Преступными надеждами Престола?

Марина.

Я вѣрю, ты далѣкъ отъ этой мысли;
Ты благороденъ, гордъ и пользуетъ Царства
Ты предпочтешъ своекорыстнымъ видамъ;
Захочешъ бытъ неслыханнымъ примѣромъ
Умѣренности, честности—и будешъ!
Но сколько есть, кругомъ тебя, льстецовъ,
Которые, изъ зависти и злобы,
Предательскій совѣтъ тебѣ откроютъ
И, указавъ тебѣ Престоль въ награду,
На топъ Престоль, какъ жертву, поведутъ.
Отъ имени невинаго Владыки,

Разсѣюшъ зло и смуту по землѣ;
Всѣ темныя, ужасныя дѣянья,
Всѣ безпорядки, злоупотребленья,
Оправы, казни, ссылки и убійства,—
Все — одному источнику припишутъ.
Будь ангеломъ,—народъ тебя не влюбитъ;
Толпа — глупа; легко еѣ обмануть;—
Ты раздавай подарки, милуй, жалуй,—
Всѣ милости твои припишутъ страху
За похищенье Царскаго Престола.
Будь спрогъ въ судъ,—найдушъ несправедливость;
Будь справедливъ въ наградахъ,—будушъ люди
Обиженные, безъ заслугъ и права.

Пожарскій.

Марина Юрьевна, присядь, пожалуй!
Мнѣ нравится рѣчь умная твоа. (*Садятся*).

Марина.

Такъ, Свѣтлый Князь, въ тебѣ я не ошибаюсь!
И думаю, что мысль моя другая
Покажется не менѣ достойной
Вниманья твоего.

Пожарскій.

Я съ неперпнѣемъ,
Марина Юрьевна, тебѣ внимаю.

Марина.

Я думаю: нашъ малолѣтний Царь
Избрать себѣ помощниковъ не можешъ.—
Онъ въ пеленахъ...

Пожарскій (*встаетъ*).

Какъ въ пеленахъ, Марина?

Марина (*продолжая*).

Не можешъ онъ еще сказать: *то зло,*
то благо. Нуженъ опытъ многолѣтний,
Чтобъ разбиратъ правъ хитрый царедворцевъ.
Иной умомъ блистаетъ, знаньемъ дѣла,
А въ сердце червь порока обитаетъ;
Другой притворно ищетъ книжныхъ знанїй,
Мечтательно раскрашиваетъ средства,
Которыми блаженствуютъ народы.—
На опытъ, мечтательный средства
Ведушъ ко злу, а исправленье—трудно.—
Иной, безъ сна, прудитъ надъ закономъ,
Но, безъ способностей, его пруды
Безъ пользы дляшъ часъ нужныхъ улучшенїй.
Не такъ ли, Князь?—И мало ли иныхъ,
Какъ кажешся, людей полезныхъ, умныхъ,
А въ существѣ ничтожныхъ, даже вредныхъ?

Вотъ почему, мнѣ кажется, ты долженъ,
До времени, Правительствуй быль Царства...

Пожарскій (*удивленный*).
Правительствуй?!

Марина.

Подъ руководствомъ Князя,
Нашъ юный Царь приобрететь познание,
Какъ наблюдать способности людей
И обращать ихъ въ пользу Государства.
Кто пылкія движенья души
Къ добру направитъ безкорыстнымъ словомъ?
Кто ранній умъ державнаго младенца
Научитъ прудному искусству — править
Огромнымъ Государствомъ? — Князь Пожарскій,
Ты Царскій Стольникъ, первый Воевода!
Избравъ вождей, — твой выборъ будетъ вѣренъ;
Издашь законъ, — ты знаешь нужды Царства.
Такъ согласишься, что ты необходимый
Правитель Государства...

Пожарскій.

Нѣтъ, Марина!

Ошиблась ты. Мнѣ Богъ опредѣлилъ:
Спаси Москву, Русь отъ враговъ очистишь,
Собравъ народъ всѣхъ званій, состояній
И испросишь у Господа — Царя.

Марина (*вставъ, съ особенною живостію*).

Ты хочешь Русь повергнуть снова въ бурю
Кровавыхъ смуть междоусобной брани!
И могущъ ли сановники твои,
Испытанные въ кланьяхъ и изменахъ,
Свокорыстныхъ видовъ не пиная,
Избравъ Царя, съ желаньемъ постояннымъ —
Хранишь къ нему любовь и уваженъе, —
И безусловной воли Государя
Въ смиреніи и вѣрѣ покоряешься —
Не лучше ли вамъ снова обратиться
Къ державному въ пеленкахъ Государю —
И сына моего признашь Соборомъ...

Пожарскій.

Умолкни! Громъ да разразитъ тебя!...
Сынъ вора на Престолѣ Иоанновъ!!
Не будешь Шведъ, не будешь Ляхъ — Царемъ,
Не будешь сынъ порока и соблазна, —
Проклятый Папирархомъ Ермогеномъ!
Намъ нуженъ Царь отъ православныхъ предковъ,
Отъ Царской крови.

Марина (*въ испугъ*).

Выслушай!

Пожарскій.

Умолкни!!

Въ мечтахъ своихъ ты дурно разсуждала,
Какъ уловишь меня на преступленъе!

Марина (*падая на колѣни*).
Будь хладнокровенъ, Князь!

Пожарскій.

Ни слова, лжица!

Твой хитрый умъ несчастныхъ уловлялъ
И былъ виной толковыхъ бѣдъ твоихъ нашихъ.
Смирись, жена лукавая, покайся!
Въ монастырь забудь свои надежды!

Марина (*вставъ*).

Князь! Есть предѣлы женскому смиренъю,
Но нѣтъ предѣловъ материнскимъ чувствамъ!
И если я смиренъемъ не взяла,
Такъ я найду другія средства...

Пожарскій.

Боже!

О, не она-ль символъ несчастій нашихъ!
Не ты-ль, жена, какъ злобая колдунья,
Смутила Русь порокомъ и соблазномъ?
Не ты-ль, не ты-ль на Царство православля
Ты гнусную измену навела?
Въ пиру спрассей, отъ смерти Годунова
До нашихъ дней, — ты чашу обносила,
Сосудъ неиспощимаго соблазна!
Ты памятникъ воспоминаній спрашныхъ!
И если-бъ ты не женщиной была,
И-бъ вылилъ жизнь изъ гнуснаго сосуда!
Напрасенъ ковъ! — Я приписалъ несчастъю,
Чему виной твоей беспокойный разумъ!
Марина, знай: для твоего отродья
И для тебя — нѣтъ Царскаго вѣнца,
Нѣтъ Царства Русскаго; — одинъ проклятыя,
Проклятія на матери и сынъ!...

Марина (*въ грезливой злобѣ*).

О, будь же проклятыя ты, съ твоею Русью!
Умири безславной смертъю, честолюбецъ!
Ты для себя освобождаешь Царство,
Но никогда Престола не достигнешъ!
Вся голова въ огнѣ; ты можешь слышать,
Какъ бьется это сердце... — Не напрасно!
Есть выше власть — и доведешь меня
До Царскаго вѣнца...

Пожарскій.

О нѣтъ! На плаху,
Проклятая жена!

Марина (*въ ужасѣ*).

На плаху! Боже!

И вопль палачъ, вопль эпопѣй красный Князь!

Пожарскій.

Безумная!

Марина.

Я соберу всю Русь

И ей прочту всю душу честолобца!...

О Іоаннъ! О сынъ мой! Совершилось!

Ш А Р А Д А.

Начальное мое на деревьяхъ растѣшь,

Насъ имъ Сицилія, Италія снабжаютъ;

Последнее мое — за гробомъ грѣшныхъ ждѣшь;

А цѣлымъ богачи въ зной жажду ушолуютъ.

III.

Въ No 20, помѣщеннѣй логогрифъ значить: *Mariage* (où l'on trouve: ré, mi, rime, rage, âge, maire, rame, mari, mie, Amri, gai, air, ire, aire, magie, ame, ami, mai, arme, mer et image).

M O D E S.

Pour le soir de petits chapeaux demi-habillés en velours épinglé, très-petites formes relevées, ayant un bouquet de plumes, panachées, ou deux longues plumes, les brides sont simplement placées, d'un seul morceau qui se pose sur la passe et retombe sans être tourné ou roulé de chaque côté. Sous la passe au-dessus du front est une rosette de rubans.

Pour bonnets du matin on fait des formes unies, terminées dans le haut par un petit rond. Le devant est garni de deux petits rangs de tulle ou blonde, extrêmement bas; en dehors de ces garnitures sont posées de très petites coques en ruban de satin étroit d'une teinte pâle, les pates du bonnet descendent bas encadrant le visage.

Les bonnets plus simples en tulle de fil brodé sont ordinairement assez hauts et très-courts des joues; ils

s'élèvent en auréole, hauts du milieu et se posent en arrière.

Avec une robe d'étoffe de laine ou de cachemire, on met souvent le matin des tours de cou en rubans de taffetas glacé, tournés deux fois en cravatte et passés sous la ceinture.

Les plaques de ceinture sont moins riches de travail que de pierreries. La plaque, longue, étroite, en or brun, doit enchâsser trois pierres sans entourage. Il n'est pas permis de mettre avec telle parure la plaque de telle autre; cette partie de l'ensemble est devenue une portion spéciale d'une parure comme la boucle d'oreille ou la sévigné.

М О Д Ы.

Для вечера небольшія полу-нарядныя шляпки, съ весьма маленькими приподнятыми полями, съ букетомъ завитыхъ перьевъ, или съ двумя длинными перьями; завязки положены просто; цѣльная лента перекинута черезъ тулью и виситъ съ обыкн. споронъ. Подъ полемъ надъ лбомъ розетка изъ лентъ.

Для утреннихъ чепчиковъ дѣлаютъ гладкія кромки, оканчивающіясяверху небольшимъ кружкомъ. Спереди обшиты въ два ряда тюлемъ или блондою, чрезвычайно узко; сзади оборотъ положенъ весьма короткія пепли изъ узкихъ атласныхъ лентъ блѣднаго цвѣта; ушки чепчика спущены весьма низко, окружая лицо.

Простѣ чепчики, вышитые по нитяному тюлю, обыкновенно дѣлаются довольно высоки и очень коротки къ щекамъ; они возвышаются сіяньемъ и надѣваются назадъ.

Съ шерстянымъ или кашемировымъ платьемъ надѣваютъ часто, упротъ, около шеи двуличневая пафляныя ленты; обвертывая два раза галсучкомъ, пропускаютъ попомъ подъ поясъ.

Бляхи для поясовъ не такъ дорогія работою, какъ каменьями. Бляха, продолговатая узкая, изъ темнаго золота, должна вмѣщать при камня нессыпанныхъ. Не позволено надѣвать съ однимъ приборомъ бляху отъ другаго; эта часть цѣлаго сдѣлалась необходимымъ прибавленіемъ къ прибору, какъ серьги или севины.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.

Выходитъ

по Средамъ и

Субботамъ.

№ 22.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 104 № и 40 картинокъ модъ, въ С. П. бургъ 30, съ доставкой и пересылкою 35 рублей.

СУББОТА, МАРТА 17 ДНЯ 1854 ГОДА.

Ей сна нѣтъ отъ Французскихъ книгъ,
А мнѣ отъ Русскихъ больно спится.

Грибодовъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ГАЛОПАДЪ.

Ради Бога, господа, оставимъ эти полки объ успѣхахъ по службѣ, о вакансіяхъ и повышеніяхъ, о представленіяхъ и наградахъ; разспанемся хоть на минуточку съ этой прозою жизни, бросимъ жаловаться на скуку и спанемъ искавъ удовольствія!... Оно ближе, чѣмъ вы думаете... Посмотрите: балъ кипитъ одушевленіемъ, роскошью и нѣгою; полны красавицы наполняютъ залу; музыка гремитъ... Чего же лучше? Пустимся танцовать!

Пустимся, закрывъ глаза, танцовать! Танцы доставляютъ пропитаніе рабочему классу народа и приносятъ большую выгоду швейамъ, прачкамъ, модисткамъ, башмачникамъ, полоперомъ, и проч. и проч.

Кстати: что вы скажете о конпродансѣ? Что до меня касается, то я терять не могу этого конпроданса, этого холодного, вялаго, однообразнаго конпроданса. Въ самомъ дѣлѣ, что въ немъ хорошаго? Это наслажденіе, вспавленное въ геометрическую фигуру; это — машинальный ходъ часовъ; что за охота двигаться, какъ маятникъ?

О! можно ли сравнить его съ вальсомъ, съ роскошнымъ, увлекательнымъ вальсомъ, въ которомъ ваши взоры жадно упиваются предестями круглыхъ, пуховыхъ плечъ вашей красавицы; въ которомъ ваша рука обвивается вокругъ ея гибкаго, стройнаго спана; въ которомъ ваше лицо пламенѣетъ отъ жаркаго ея дыханія; вопъ: ноги ваши дрожатъ, голова кружится, вы ослабѣваете, и вдругъ музыка загремѣла сильнѣе, порывистѣе, и вы помчались снова, гораздо легче, гораздо воспорженнѣе прежняго, почти касаясь лицами съ своею дамою.

Или пуститесь въ галопадъ, быстрый, какъ мгновеніе, кипучій, какъ желанія двадцатилѣтняго юноши, въэпошъ сладоспираспный панецъ воспока, дышачій нѣгою, очарованіемъ и исполненный ягучихъ ощущеній! Вставайте! берите даму и лепите съ нею въ забвеніи, воспоргъ, въ испуленіи. Да здравствуетъ галопадъ!

Постойте. Я забылъ сдѣлать необходимую оговорку. Галопируйте, сколько хотите, пока оспаеетесь холостымъ; прежде свашьбы, галопадъ есть одно изъ первыхъ наслажденій, но послѣ неѣ, опкланяйтесь

ему навсегда. Сохрани, Богъ, если женѣ вашей вздумается испытать эпога наслажденія; дѣло безъ бѣды не обойдется. Да, я васъ прошу, ради собсвенной вашей выгоды, не позволяйте женѣ *галопировать* ни съ кѣмъ; особливо съ вашими хорошими пріятелями. Ужь эти мнѣ пріятели! Ихъ надо бояться, какъ огня. Кстапи, послушайте, что я расскажу вамъ:

Одна дѣвица, которую я даже назову вамъ, если хотите, но только съ условіемъ, чтобъ эпо осталось между нами.... Эта дѣвица вышла за одного моего знакомаго, полспаго, румянаго, лѣниваго, беззаботнаго, добраго малаго во всей формѣ. Пока она была не за мужемъ, по благоразумію маменьки предохраняло её отъ искушенія—и она только мысленно вкушала неизобразимое наслажденіе галопада. Но на другой день сватьбы, она захопѣла воспользоваться правомъ замужней женщины и пропрыгать галопадъ, во чтобы ни спало. Напрасно мужъ употребилъ всѣ средства, какія отъ него зависѣли, чтобъ испребишь въ ней эпо гибельное желаніе; дѣлать было нечего, и онъ принужденъ былъ уступить. Однакожь, въ надеждѣ, что опасность будетъ не такъ велика, если онъ самъ приметъ въ эпомъ участіе, онъ предложилъ себя въ кавалеры своей прелесной половинѣ. И вотъ мой полсстый знакомый пустился галопировать; онъ потѣлъ, пыхтѣлъ, надувался. На другой день, онъ съ веселымъ видомъ попираетъ себѣ руки и лукаво улыбался; не могу вамъ сказать, отъ чего именно.

Въ слѣдующіе дни, онъ уже и не думалъ испреблять спраспи къ галопаду, овладѣвшей его женою, а только, боясь усталости, попросилъ пріятеля замѣнить его въ галопадѣ. Тотъ согласился.

И новобрачная не могла напѣшишься удалымъ панцемъ, который такъ сильно кружилъ ей голову и мушилъ чувства.

И вотъ пришла очередь сердца, которое также возмутилось.

Скоро она оставила пріятеля своего мужа и выбрала другаго кавалера.

Наконецъ, однажды я увидѣлъ моего знакомаго, и онъ ужъ не попираетъ себѣ руки и не улыбался съ лукавымъ видомъ.

Бѣдный мой знакомецъ!

Бѣдный! какъ жестоко онъ ошибся въ расчетѣ! Онъ думалъ, что выгоды галопада будутъ всегда на его сторонѣ.... Теперь, скажите мнѣ, сдѣлайте милость, если ужъ при участіи мужа случается.... Чего же ждать отъ посторонняго?.... Вы не отвѣчаете. Вотъ попо, господа! Еще бы бросить искру въ порохъ.

А вотъ вамъ и нравоученіе къ моему разсказу. Никогда не позволяйте панцовать галопада ни дочери вашей, ни женѣ, а главное, послѣдней; если можно, не давайте ей даже смотрѣть на эпогъ проклятый, дявольскій панецъ; какъ только заиграетъ музыка, подойдите къ ней, спарайтесь развлечь её....

Что, душенька, весело ли тебѣ на балѣ?—Посмотри, мой другъ, какъ причесана эпо дама!—Надобно непременно, чтобъ вблизи сидѣла какая нибудь дама....—Не хочешь ли пройпитъся, маме, дай мнѣ твою ручку...—И пащайте её изъ залы, гдѣ панцуютъ галопадъ.

Но вы, господа холоспные люди, прыгайте, панцуйте галопадъ до упаду; наслаждайтесь этимъ удовольствіемъ, пока вы не жепны и кричите вмѣстѣ со мною: Да здравствуетъ галопадъ!

Нугорскій.

**МНОГІЕ МЫСЛИТЕЛИ УТВЕРЖДАЮТЪ,
БУДТО НИЧТО НЕ НОВО ПОДЪ ЛУНОЮ.**

Что было, есть, то будетъ впредь, а я утверждаю пропвное. Пусть укажутъ мнѣ въ древней исторіи что нибудь подобное.

Одинъ Англичанинъ, будучи вызванъ на поединокъ, завпракалъ, вопреки правиламъ, прежде дуэля съ своимъ соперникомъ—и, желая перепить его прежде, чѣмъ убить, умеръ за одиннадцатою бутылкою Бордоскаго вина.

СЛОВЕСНОСТЬ.

УЖАСНОЕ НАСЛѢДСТВО.

(Повѣсть).

... Творецъ! зачѣмъ даровалъ Ты людямъ гибельную власть, дѣлать несчастными другъ друга и самихъ себя? ...

Карамзинъ.

Быстро мчалась лихая тройка почтовыхъ по Костромской дорогѣ: какіе-то знакомые сердцу звуки издавалъ дорожный колокольчикъ! Пыль, поднимавшаяся столбомъ отъ колесъ пѣлеги и конскихъ копытъ, прерывавала мнѣ наслаждаться пѣмъ восхитительнымъ упромъ, въ которое я, перемѣняя почтовыхъ, гналъ какъ безумный до мѣста моего назначенія: дѣло было очень важное и я не смѣлъ дозволишь себѣ малѣйшаго отдыха.

Утро! утро! какъ сладостно было бы дышать воздухомъ своимъ, какъ пріятно было бы полюбоваться роскошными полями, разоспанными по сторонамъ дороги; какъ невинно-усладительно было бы купить у крестьянской дѣвушки, съ простодушною улыбкою, безъ прикрасть сполічнаго жеманства, букетъ васильковъ или ландышей; съ какимъ новымъ для души очарованіемъ вспомнилъ бы я тогда о моей... Нѣтъ, ничего эшаго мнѣ сдѣлать не удалось и было даже невозможно: жаръ, пыль, безпокойная пѣлега, слѣзни и комары... Тупъ и *Кантъ* переспалъ бы размышляшь, и *Байронъ* сочинялъ стихи.

Быстро мелькали версты мимо глазъ моихъ, во весь опоръ мчали лошади, чувствуя скорый отдыхъ: станція уже видѣлась. Пріѣхавъ туда, я перемѣнилъ экипажъ свой на другой, точно такой же формы, и опять пустился далѣе и далѣе. Солнце мало по малу переспавало палишь меня знойными лучами своими, набѣжали облака и совершенно запымили его—хотя и не надолго.

Судьбѣ иногда бываетъ угодно надъ нами пѣшиться, говорилъ одинъ мудрецъ: это было со мною. Лишь только начиналъ я

дышать свободнѣе, лишь только сумракъ спалъ казаться мнѣ чѣмъ-то благодѣтельнымъ, послѣ поминельнаго зноя,—я почувствовалъ, что пѣлега перелетъ равновѣсіе, склоняется на одну сторону, прещитъ... и наблюдаешь природы, вмѣстѣ съ ямщикомъ, лежалъ уже въ пыли. Неприятности, а не бѣдствія, суждены мнѣ были въ сей поѣздкѣ, ибо лошади, чувствуя, что пѣлега опрокинулась, сами остановились: все кончилось пѣмъ, что я перепачкался до нельзя пылью, которой и пакъ, впрочемъ, было на мнѣ на вершокъ; но не переломилъ ни руки, ни ноги.

Съ переломленною осью ѣхалъ было невозможно: нужно было починишь её, какъ нибудь, до первой станціи. Кузница находилась не болѣе, какъ за полверсты. Ямщикъ опрягъ лошадей, мигомъ помчался на одной изъ нихъ въ кузницу,—а я остался сморщившись надъ паромъ измученныхъ животныхъ и на боку лежавшею повозкою.

Мысли мои были въ ужасномъ безпорядкѣ; глаза не знали на какомъ остановиться предметѣ: все кругомъ было пусто, дико, беспро отъ разбросанныхъ кустарниковъ и болошь, въ конхъ дикія упки нарушали мертвое молчаніе въ семь уединенномъ мѣстѣ. Вдругъ, посмотрѣвъ въ лѣвую сторону, я увидѣлъ на возвышеніи красивый домикъ, опстоящій отъ дороги не далѣе четверти версты. Архитектура его хотя и не показывала древности, но не была однакожъ совершенно и нынѣшняго времени. Два эшажа, въ шесть довольно большихъ оконъ, съ чистыми бѣлыми занавѣсками; желѣзомъ крытая и выкрашенная зеленою краскою крышка; наружная шпукатурка—и наконецъ удивительная чистота и безмолвіе, вокругъ царствовавшая, ясно доказывали, что домъ сей, если онъ обитаемъ, принадлежишь человѣку, удалившемуся отъ сполічнаго шума.

Предчувствіе меня не обмануло: калитка отворилась, и изъ неё вышелъ челоуѣкъ въ синемъ, по самыя пяпки длинномъ сюрпукѣ, съ бѣлыми мепалическими пуговицами. Онъ шелъ прямо ко мнѣ, и когда находился уже

довольно близко, я разсмотрѣлъ его физиогномію: блѣдное, худое, покрытое морщинами лицо и лысая голова доказывали, что онъ уже больше полулѣтка живетъ на свѣтѣ; но въ чертахъ, сквозь сильно написанную печаль, отражалось радушіе и привѣтливость.

«Господинъ мой проситъ васъ пожаловать къ нему, если это будетъ вамъ угодно;» сказалъ мнѣ онъ, кланаясь. «Баринъ, видя изъ окна случившуюся съ вами непріятность, очень сожалѣетъ, что не могъ самъ лично подать вамъ помощь.»

— Очень благодаренъ за участіе,—сказалъ я: но зачѣмъ мнѣ дѣлать ему безпокойство: пѣлегу скоро починатъ; съ минутой на минутой жду возвращенія моего ямщика. Припомъ же не могу воспользоваться гостепріимствомъ твоего барина еще и потому, что пороплюсь по казенной надобности.—

«Не ждите, сударь, напрасно вашего ямщика: онъ не такъ-то скоро пріѣдетъ, какъ вы полагаете; да и лишній часъ, право не сдѣлаетъ большой разницы.»

— Нѣтъ, нѣтъ, поблагодари отъ меня своего барина за приглашеніе и участіе; безпокойтъ же людей понапрасну не моя привычка.—

«Еще въ первый разъ въ жизни!» замѣтилъ мнѣ старикъ: «опказываются отъ радушія моего господина: я знаю, что опказъ вашъ огорчилъ его. Подумайте, сударь, вамъ лучше быть въ домѣ, чѣмъ на открытой воздухѣ. Смогрипе, дождь накрапываетъ; лошадамъ великъ дать корму, повозку поставимъ подъ навѣсъ, а въ кузницу пошлемъ мальчика, чтобы ямщикъ зналъ, гдѣ вы находитесь.»

И, въ слѣдъ за пѣмъ, проливной дождь, какъ-бы по предсказанію, окатилъ насъ съ головы до ногъ.

Сама природа въ заговорѣ проптивъ меня; подумалъ я: надобно искать убѣжища. Опказываюсь и жеманиюсь теперь не время. Я согласился, и мы отправились. Дорогою хотѣлъ я, по крайней мѣрѣ, узнать отъ старика что-либо о его господинѣ.

«Господа мои до насъ добры; поятъ и кормятъ сытно, одѣваютъ тепло, работою не изнуряютъ.»

— Спало бытъ онъ живетъ здѣсь съ женою?—спросилъ я.

«Нѣтъ;» возразилъ онъ: «баринъ мой вдовецъ.»

— Съ сыновьями?—

« У него нѣтъ сыновей!»

— Съ дочерьми?—

« У него одна дочь... и па...»

— Что?—спросилъ я съ живостью.

« Сами увидите.»

— Давно ли же онъ поселился въ этомъ домѣ?—

« Съ пѣхъ поръ какъ вышелъ въ опставку.»

— Такъ онъ служилъ! Гдѣ?—

Но мой проводникъ уже держался за кольцо калитки и, не давъ мнѣ опвѣща, опворилъ оную. Я вошелъ на дворъ.

Я не смѣлъ болѣе дѣлать вопросовъ.

Входъ въ домъ былъ прекрасенъ. Издали видѣтъ этаго было невозможно. Начиная съ самаго низа, была наружная, овальная, спупеней въ 6-ть, выкрашенная бѣлою краскою, лѣстница: она вела въ чистыя сѣни, изъ коцорыхъ по обѣимъ сторонамъ поже были лѣстницы, ведущія въ верхній этажъ. Онѣ были также деревянныя и почно также выкрашены, какъ и наружная, полько по бокамъ оныхъ рисовались очень искусно выпоченные балясы. По всѣмъ спупенямъ, сверху до низу, были посланы узенькіе, гаррусные коврики, хорошей работы; все это было полько сдѣлано: все доказывало, сколь мало жизни и движенія въ этомъ домѣ.

« Пожалуйте на верхъ,» сказалъ мнѣ мой провожатый; «мальчикъ извѣститъ барина о вашемъ приходѣ: я же пойду заботиться о вашемъ экипажѣ.»

Взойдя на верхъ, я опворилъ дверь въ чисто и прелестно прибранную комнату. Мальчикъ, одѣтый въ корошенькій синій сюрпучекъ, съ обсприженными въ кружокъ волосами, сдѣлъ у окна и чиналъ книгу.

Услышавъ мою походку, онъ вспалъ и заложилъ бумажкою то мѣсто, на которомъ оспановилсл.

«Сей часъ доложу о васъ, сударь, г. маіору,» сказалъ онъ поненькимъ голоскомъ: «сдѣлайте одолженіе присядьте: баринъ къ вамъ выдетъ въ одну минушу.» Съ симъ словомъ мальчикъ ушелъ изъ комнаты. Любопытство подспрекнуло меня узнать, какого рода книга, которую онъ читалъ: это былъ въ переплетѣ журналъ 1809 года; я закрылъ его по прежнему.

Освободясь, хотя еще и недавно, отъ безпокойной вѣды, я уже чувствовалъ нестерпимую головную боль. Мысли, мрачнѣе одна другой, толпились въ головѣ моей: я былъ, рѣшительно, не похожъ самъ на себя. Пыльный, измученный, озабоченный, скорѣе походилъ на привидѣніе, нежели на человѣка; а потому опдыхъ для меня былъ непременно нуженъ.

Отворилась дверь въ комнату, гдѣ я находился. Дѣвушка, лѣтъ семнадцати, шла прямо ко мнѣ. Небо! Много ли подобныхъ существъ на землѣ!... Нѣтъ! пусть истинную красоту женщинъ описываетъ поэтъ, кто можетъ, кто сотворенъ для такого жаднокровія! Я буду ей удивляться, а не описывать!

Но зачѣмъ на очаровательномъ лицѣ милой незнакомки нѣтъ ни искры румянца, ни искры жизни? Еслибъ она была безъ движенія: то скорѣе можно бы было почестъ еѣ мраморнымъ изображеніемъ красоты и невинности, чѣмъ за существо живое. Неужели и это очаровательное, юное созданіе Всевышняго, испытало удары судьбы?..

Волосы ея были въ безпорядкѣ; бѣлое, шитое со вкусомъ платьѣ, прелестно охватывало тонкій станъ ея; маленькій, эфирный плапочекъ и черный, шелковый передникъ—довершали нарядъ.

Я ей поклонился. Дѣвушка посмотрѣла на меня блуждающими глазами, и пошла прочь, не сдѣлавъ мнѣ малѣйшаго привѣтствія: это меня изумило. Теряясь въ догадкахъ, я началъ выводить изъ всего, что видѣлъ,—свои

заключенія. Приходъ хозяина прервалъ мечты мои.

Маіоръ былъ человекъ лѣтъ шестидесяти. Открытое, важное, немного суровое лицо показывало въ немъ стараго воина. Сѣдая голова, это былъ памятникъ минувшихъ бурь жизни, и георгіевскій крестъ, украшавшій грудь его, внушали невольное почтеніе. Но и на этомъ лицѣ замѣтна была та-же сердечная горестъ, та-же сумрачность, которыя отражались на лицахъ, прежде его мною видѣнныхъ. На маіорѣ былъ надѣтъ сюртукъ зеленого сукна, которое, вѣроятно отъ давности, измѣнилось въ какой-то зеленоватобѣлый цвѣтъ, подобный цвѣту листа осенняго, упавшаго на бололистое мѣсто. Обшлага и воротникъ, во время оно, могли-бы поспорить съ первою изобрѣтенною Финиціанами краскою; но теперь они были споль же блѣды, какъ и лицо ихъ хозяина.

«Радъ душевно, почтеннѣйшій путешественникъ,» началъ онъ: «что имѣю удовольствіе видѣть васъ въ пустынной своей кельѣ. Не ушиблись ли вы? не нужно ли послать за медикомъ?»

Я увѣрилъ его, что упалъ очень щастливо, только замарался и, еслибъ только не успалось: то могъ бы похвалиться своимъ здоровьемъ.

«Слава Богу!» сказалъ маіоръ: «слава Богу! Теперь мнѣ и самому лучше.»

Сказавъ сіе, онъ посадилъ меня на диванъ, и началъ общій разговоръ. Мѣстами вырвались у него такіа слова, смысла которыхъ разумѣть я никакъ не могъ.

Комната, гдѣ мы сѣли, была довольно велика. По стѣнамъ висѣли картины, и, сколько можно было судить, онъ получили свое мѣсто не по изяществу искусства, не по предметамъ великимъ или высокимъ; нѣтъ: онъ находились здѣсь по воспоминаніямъ сердечнымъ. Главное же, что обратило мое вниманіе, это была небольшая картина, изображающая красный съ золотыми арабесками покатъ: на немъ былъ нарисованъ вензель *Θ. и Д.*, а снизу написана цифра *XII*.

Эпо меня удивляло. Я ломалъ себѣ голову, дабы разгадать сіи надписи; пщечно! Обыкновенный покаръ могъ ли означать что либо такое, что всякому могло бы быть извѣстно?... Нѣтъ, эпо вѣрно было изображено для семейства, которому смыслъ сихъ знаковъ напоминалъ о минувшемъ. Радость или горе были здѣсь начертаны: не знаю; но я понялъ только то, что эпо чужая тайна. Могу ли же пребывать на оную объясненія?... Я не хотѣлъ больше думать о картинѣ.

Разсказавъ маіору причину моего путешествія, я познакомился съ нимъ короче. Эпо человекъ, въ полномъ смыслѣ человекъ! Довѣренность наша другъ къ другу возрасла ежеминутно: я полюбилъ моего хозяина всѣмъ сердцемъ, и съ сожалѣніемъ думалъ о той грустной минутѣ, которая заставитъ насъ разстаться. Время текло быстро, а ямщикъ мой еще не возвращался: въ другое время я разсердился бы на такую медленность, но теперь я былъ радъ этому.

«Рекомендую вамъ дочь свою,» — сказалъ маіоръ, указывая на вошедшую въ комнату дѣвушку, ту самую, которую я уже видѣлъ споль спраннымъ образомъ.

Я вспалъ и поклонился ей, сдѣлавъ привѣтствіе, сообразное съ моимъ положеніемъ. Она отвѣчала мнѣ легкимъ наклоненіемъ головы. Лицо ея показалось мнѣ немного оживленнымъ. Сѣвъ на кресла, она, казалось, глазами говорила:

..... Нѣтъ со мною друга,
Давно увянуль счастья цвѣтъ!...
Конца дождусь ли я, или нѣтъ?...
Когда, когда смятешь пыг, вьюга,
Съ лица земли мой легкой слѣдъ? ... (*)

Точно: эти чувства могъ я читать во взорахъ ея. Она мнѣ казалась очень несчастною; и если-бъ я не былъ такъ чуждъ ей, то готовъ бы былъ утѣшать её, плакать вмѣстѣ съ нею.

— Вы щасливый отецъ; — началъ я, обращаясь къ маіору: кто имѣетъ такую

дочь, пощъ не можетъ жаловаться на судьбу свою. —

«Да, почно, ваша правда;» возразилъ онъ, послѣ краткаго молчанія: «я щасливъ моей *Еленой*: она одна оспалась мнѣ для утѣшенія; она одна теперь мое сокровище!...»

Сильный вздохъ вырвался изъ груди его. *Елена* вспала со стула, подошла къ загодной картинѣ, на которой изображенъ былъ красный покаръ; успремилла на неё большіе, голубые глаза свои, и, простоявъ нѣсколько времени въ какомъ-то онѣменіи, пошла изъ комнаты, ломая руки.

— Какая печаль поминъ прелесную дочь вашу?... — спросилъ я маіора. — Въ такихъ лѣтахъ, и уже-ль знакома съ горестію?... Эпо ужасно!... —

«Точно, любезный другъ мой,» отвѣчалъ отецъ: «эпо ужасно, особливо для меня.»

Съ симъ словомъ онъ, съ примѣннымъ волненіемъ, пошелъ за дочерью. Оставшись одинъ, я подошелъ снова къ таинственной картинѣ, желая узнать опъ неё горькую тайну моихъ хозяевъ; но она молчала. «Нѣтъ!» вскричалъ я: «нѣтъ, не могу болѣе удерживать своего любопытства! попрошу, если и не самого хозяина: ибо не знаю, какое имѣетъ эпо на него вліяніе, то хотя старика-служителя, который пригласилъ меня сюда: онъ вѣрно объяснитъ мнѣ эмблему картины. Опъ сильного волненія, я произнесъ слова сіи громко. Маіоръ ихъ услышалъ....»

«Этого не нужно!» воскликнулъ онъ, входя въ гостиную: «этого не нужно: вамъ хочется узнать, другъ мой, изъясненіе сей простой картины: любопытство ваше будетъ удовлетворено.»

— Ради Бога! — вскричалъ я. — Почтеннѣйшій г. маіоръ, можетъ быть мое нескромное любопытство откроетъ рану вашего сердца: то я никогда этого не прощу себѣ. —

«Молодой человекъ!» съ важностію возразилъ онъ: «пощъ, кто прожилъ сполько, какъ я, на свѣтѣ, пощъ можетъ узнавать

(*) Эда.

людей и доверяють имъ свои тайны, почти рѣдко ошибаясь въ своемъ къ человѣку расположеніи.)

Я поблагодарилъ маіора за довѣренность и просилъ, если можно, разсказать о карпинѣ, которая, не знаю почему, раждала во мнѣ большое любопытство.

«Волосы твои спануть дыбомъ, молодой человѣкъ, при моемъ повѣствованіи каждая жилка твоя содрогнется: злость людей ужасна. Сегодня, если ты будешь споль снисходительнъ, если переночуешь у насъ, я побѣдую съ тобою. Теперь—я не могу, я не въ состояніи..... и такъ... послѣ ужина я буду у тебя въ комнаѣ.»

—Вы знаете,—сказалъ я: что оспашься у васъ споль долго, хопябы я сильно желалъ, не смѣю. Лошади съ почты.....—

«О! если это васъ беспокоитъ,» перервалъ онъ меня: «по ямщика мы опошлемъ назадъ, когда онъ возвратится, а вы можете доѣхать завтра на моихъ лошадяхъ: онѣ къ вашимъ услугамъ, и вы очень меня обидите, если не согласитесь на мое предложеніе.»

Я согласился, рѣшаясь скорою ѣздою вознаграждать потерю времени. Не спать по при ночи уже давно приучила меня служба.

(Окончаніе въ слѣд. листкѣ.)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Я З Ы К Ъ.

Языкъ съ приправой на споль
У баръ бываетъ на обѣдѣ;
Языкъ за вкусъ свой въ похвалѣ
Въ пріятной дружеской бесѣдѣ.

*

Языкъ любимецъ, другъ князей,
За сладкой разговоръ правдивой;
Языкъ веселье у друзей—
Въ разсказахъ повѣсти шушливой.

*

Языкъ надеждой насъ живитъ,
Языкъ и помощь намъ находитъ;
Давно пословица твердитъ:
Языкъ до Кіева доводитъ.

*

Языкъ даритъ любовь и миръ,
Враждебный пламень погашаетъ;
Языкъ какъ голось звучныхъ лиръ—
Сердца въ печали утѣшаетъ.

*

Языкъ проникнетъ въ свѣта край,
Раскрывъ разсудка даръ чудесный;
Языкъ заслужитъ свѣтлый рай
Въщаньемъ крошотки небесной.

*

Языкъ и злую лесь плешетъ,
Коварствомъ просподушныхъ ловитъ;
Друзей завѣрныхъ часто ссоритъ,
Семь покою не даетъ.

*

Языкъ вѣспями разсыпаетъ
Коварно сплешни по домамъ,
И злыя сѣти расправляетъ,
Ревнивымъ шепчетъ онъ женамъ.

*

Оправу льетъ въ полтъ народной
Языкъ, какъ смертоносный лдъ;
Служа для распри мески злобной,
Языкъ ввергаетъ въ мрачный адъ.

*

Зміѣй свое онъ жало почитъ,
Но данъ ли онъ намъ ко вреду?
Коль умъ добра себя не хочетъ,
Языкъ введетъ его въ бѣду.

О. Слпушкинъ.

СМѢТЛИВЫЙ МУЖЪ.

Вздоръ всякой про себя болталъ не запрещаю:
Агафьюшку свою хопь я не обожаю,
Но дѣло не въ любви; зла, говорятъ, враги;
Согласенъ,—но мои заплашнѣтъ всѣ долги.

Ольгинъ.

E N I G M E.

Par les fiers chevaliers jadis mis en avant,
Je leur sauvais mainte taloche,
Et j'aide encore assez souvent
Leurs humbles descendans qui m'ont mis dans la poche.

Въ No 21, помѣщенная шарада значить: *Лимон-адъ.*

M O D E S.

Les robes de velours montantes sont d'un goût parfait pour les petites toilettes de jour; on les boutonne sur le devant, ou on les ferme avec des nœuds de satin ou de velours.

Les redingotes de satin uni, de couleur foncée, sont aussi très-bien pour un négligé ou toilette de visite et de promenade. Elles se ferment au milieu, on sur le côté, avec des nœuds en rubans de satin.

Les ornemens noirs sur les robes de bal ont perdu toute leur faveur. Les nœuds noirs sont remplacés par des nœuds blancs, lorsque l'on veut faire une toilette de deux différentes nuances; autrement ils sont couleur sur couleur.

Nous avons remarqué de jolies toilettes demi-parées à une réunion pour une lecture; entre autres deux jeunes personnes en robe de mousseline indou à mille raies de satin, fond rose, brodées en tabliers de liserons en soie plate blanche. Dans les cheveux, des couronnes diadèmes en liserons roses et blancs; au cou un rang de perles; une écharpe de tulle blanc.

Une jeune femme portait une robe de velours gros bleu, ouverte, et rattachée sur la jupe de dessous en satin blanc, par des nœuds de satin blanc. Sur le corsage retombait une sévigné en point d'Angleterre, sur les manches longues en velours relevait une manchette pareille; au cou une écharpe de satin noir broché; sur la tête un petit chapeau *aragon*, en velours noir, avec deux plumes blanches, relevant comme la passe.

Une robe de velours scabieuse était garnie d'un haut volant de dentelle noire; une mantille de dentelle bordait le corsage; pour coiffure un turban de cachemire rose brodé en soie plate.

Une robe de satin bleu pâle était garnie de deux volans en blonde blanche; les manches à triples bouillons descendaient sans manchettes jusqu'au coude; sur

le cou une écharpe de blonde; pour coiffure un turban de blonde.

M O Д Ы.

Бархатныя платья съ высокими лицами щипаются отличными для небольшого наряда днем; ихъ застегиваютъ спереди, или схватываютъ апласными или бархатными бантами.

Рединготы изъ гладкаго апласа, темныхъ цвѣтовъ, также весьма приличны за-просто или для визитовъ и прогулокъ. Они схватываются спереди, или на боку, бантами изъ апласныхъ лентъ.

Черныя отдѣлки на балныхъ платьяхъ вышли совершенно изъ употребленія. Черныя банты замѣнены бѣлыми, если составили нарядъ изъ двухъ цвѣтовъ; иначе же они дѣлаются подъ цвѣтъ.

Мы замѣтили красивые полу-наряды въ одномъ собраніи для чтенія; между прочими двѣ молодой дѣвицы были въ платьяхъ изъ кисеи indou съ мелкими апласными полосками по розовому грунту; спереди вышиты передниками гирляндюю изъ павлики бѣлымъ несученымъ шелкомъ; въ волосахъ вѣнокъ діадемою изъ бѣлой и розовой павлики; на шеѣ одинъ рядъ жемчугу; бѣлой шкелевый шарфъ.

На одной молодой дамѣ было синее бархатное открытое платье, прихваченное къ бѣлой апласной юбкѣ бѣлыми апласными бантами. На лицѣ опкидывалась севинье изъ Англійскихъ кружевовъ; у длинныхъ бархатныхъ рукавовъ были шакія же манжетки; на шеѣ черныя апласныя запиканный шарфъ; на головѣ маленькая шляпка *aragon*, изъ чернаго бархата, съ двумя бѣлыми перьями, опогнутыми какъ поле.

Бархатное платье, цвѣта скабіозы, отдѣлано широкою оборкою изъ чернаго кружева; вокругъ лица была кружевная маншилья; на головѣ шюрбанъ изъ розоваго кашемира, вышитъ несученымъ шелкомъ.

Блѣдно-голубое апласное платье отдѣлано было двумя оборками изъ бѣлой блонды; рукава съ прями бурами спущены были до локтя безъ манжетъ; на шеѣ блондовый шарфъ; на головѣ блондовый шюрбанъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

•••••
ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.
•••••

Выходипъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 23.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургѣ 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, МАРТА 21 ДНЯ, 1854 ГОДА.

— Не стыдно-ль, Васька, все ты спишь!

Грѣхъ смертный праздность! —

« Да что въ швомъ спудѣ? » — Какъ что, какая разность! —

« Нѣтъ, Бѣлка! колесо ты попусти вертнись. »

Дамонъ всегда твердишь: *залученъ я дѣлами!*

А есть ли въ эпомъ прокъ? — Ну, разсуждайше сами.

Н. Остолоповъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ЛОНДОНСКОЕ СОЛНИЦЕ И ЛУНА.

*Отрывокъ изъ второй части романа: Думаю я
самъ про себя, перев. съ Англійскаго А. Сипни-
ковою. — 1854. С. П. б.*

Часто думаю я про себя, проходя чрезъ Лондонскія улицы въ прекрасное весеннее утро: — « Почему бы мнѣ не наслаждаться, наравнѣ съ *тысячами* другихъ людей, ясными лучами солнца, когда они скользятъ вдоль безконечнаго ряда кирпичныхъ строеній, составляющихъ жилище *человѣка*? — Почему мнѣ сокрушаться, что вся ихъ живительная и распительная сила пропадаетъ на поверхности этой отличной мостовой, или этихъ пышныхъ пропшаровъ, по которымъ такъ гордо прохаживается *человѣкъ*, повелитель *Природы*? — Почему сердце мое бѣется во сто разъ сладостнѣе, когда, прижавъ къ нему мою *Эмилию*, мы съ нею вмѣстѣ любимся первыми упренными лучами сего дивнаго свѣтила, озаряющаго небрежно и свободно простые

деревенскіе виды: лѣса и пригорки, холмы и долины, поля, ручейки и рощицы, — позлащающаго пучныя нивы, ускоряющаго зрѣлость плодовъ, — умножающаго роскошь и красоту цвѣтовъ и распеній, — играющаго, съ такою пледестью, между въпвлми деревъ, — оживляющаго пшнцъ, звѣрей, насѣкомыхъ, — наконецъ какъ бы ласкающаго всю *Природу*? — Да, думаю я самъ про себя: « и *человѣкъ*, въ этой карпинѣ, достойнѣе солнечныхъ лучей, нежели на Лондонскихъ улицахъ! »

Конечно, лучше бы было, если-бъ я имѣлъ должное понятіе о достоинствѣ *человѣка*, и о преимуществѣ городовъ, особливо *столицъ*, предъ деревнею! Тогда бы я любовался солнцемъ, освѣщающимъ столько *подозрительныхъ* дѣлъ въ многочисленныхъ улицахъ, проулкахъ, домахъ, магазинахъ, лавкахъ и лавочкахъ многолюднаго Лондона, и не могъ бы нарадоваться скромности и смиренію лучей его, пробирающихся, съ такимъ подобострастіемъ, между разнообразными препятствіями, опунывающими ихъ, какъ съпями, подъ

видомъ занавѣсъ, сторъ, гардинъ, ставней, пергородокъ, экрановъ, ширмъ, зонтиковъ, шляпъ и другихъ преградъ, изобрѣшенныхъ врагами солнечныхъ лучей.

Ничто, по моему мнѣнiю, не удословляетъ болѣе въ превосходствѣ человека, какъ сiя подчиненность дневнаго свѣтила, — особенно въ Лондонѣ! — Конечно нѣтъ почки на поверхности земнаго шара, гдѣ бы люди оказывали менѣе уваженiя солнцу, какъ въ сей обширной столицѣ; — а все таки оно свѣтитъ и не отвращаетъ лучей своихъ отъ благодарныхъ ея жителей! Оно вспадаетъ многими часами прежде, нежели можетъ освѣщать когонибудь, кто бы проснулся или зашевелился, изъ многочисленнаго Лондонскаго народонаселенiя; — оно безропотно покоряется обидному *предпоптенiю*, оказываемому свѣчамъ и лампамъ; терпитъ пренебреженiя всякаго рода; сноситъ и то, что вышина домовъ не допускаетъ его проникать въ многiя узкiя улицы, которыя освѣщаются только *преломленiемъ* лучей его, — а даже, гдѣ и позволено ему являться *самому на лицо*, по и тушь дымная атмосфера столицы, оспригая его лучи, какъ шерсть у овечки, представляетъ его не въ лучезарной и блистательной его славу, но въ видѣ какого-то темно-краснаго шара, далеко не столь яркаго, какъ огромныя бушлы съ зажженнымъ газомъ въ химическихъ лавкахъ, кои часто ослѣпляютъ по вечерамъ глаза ваши, когда вы идете по улицамъ и вздрагиваете отъ сего неожиданнаго блеска.

Не знаю, по истинѣ, гдѣ въ мiрѣ можетъ солнце переносить столько притѣненiй и обидъ, какъ въ Лондонѣ! — Да правду сказать, и бѣдной лунѣ не лучшее житiе, даромъ что ее называютъ *царицею ночи*. Она свѣтитъ, сердечная, изо всей силы; а на нее и не смотрятъ! — Не то, чтобы жители Лондона всѣ спали, когда она свѣтитъ. — О! совсѣмъ нѣтъ! — Но опять то же предпочтенiе къ свѣчамъ и лампамъ, которое столь несправедливо обижаетъ солнце, притѣняетъ и ночное свѣтило, не давая ему своимъ блескомъ своимъ озарять ни даже городскихъ улицъ, гдѣ царствуютъ *ночью* фонари, вмѣсто *царицы ночи*.

Жаль, очень жаль, что нельзя уговорить солнце и луну оставить Лондонъ и его жителей совсѣмъ, на собственный ихъ произволъ, и удалиться навсегда въ деревню, гдѣ добрые поселяне несравненно лучше умѣютъ цѣнить благодѣянiя, изливаемые на нихъ сими небесными свѣтилами, сотворенными (какъ я чипывалъ въ дѣтствѣ) такъ, чтобы солнцу свѣтить днемъ, а лунѣ ночью, — определенiе, которое Лондонскiе жители разсудили за благо совсѣмъ перемѣнить; отъ чего, по большой части, *ночь* Лондонскаго жителя попадаетъ подъ правленiе солнца, а *день* его принадлежитъ владычеству луны.

А Ф О Р И З М Ы М О Д Ы.

Свѣта никогда нельзя узнать изъ книгъ, это было сказано тысячу разъ, но ни кто еще не объяснилъ пому причины. Вопъ въ чемъ состоитъ она: знанiе Свѣта бываетъ слѣдствiемъ множества тонкихъ наблюдений, которыхъ самолюбiе никому не осмѣливается повѣрить, даже самому лучшему другу. Всякой боится показаться въ этомъ случаѣ человекомъ, который занятъ мелочами, хопя мелочи эти чрезвычайно способствуютъ успѣху самыхъ важныхъ дѣлъ.

Довѣрчивость и дружба рѣдко встрѣчаются въ госпипныхъ; излiянiя сердечныя тамъ совершенно незвѣстны; за недоспапкомъ же искренности и радушiя, случается иногда находить въ нихъ нѣкоторый разнѣнъ понятiй и небольшихъ услугъ, который сблпжаетъ образы чувствованiя и возрвнiя на предметы, и соединяетъ людей въ извѣстной степени: значительная выгода въ обществѣ, котораго пребыванiя чрезмѣрны и въ которомъ гордость спановится ужасною, какъ скоро съ нею срываютъ покрывало.

Излишняя небрежность, также какъ и большая изысканность въ одеждѣ спариковъ, умножаетъ ихъ морщины и явспвеннѣе выказываетъ ихъ дряхлость.

Есть истина жестокая, но съ которою нельзя не согласиться, именно, что въ Свѣ-

пѣ, и особенно въ высшемъ кругу моднаго Свѣта, все выучено, разочтено, обдуманно, даже наружная простота и самая увлекательная любезность. Вспрѣчаются люди, въ которыхъ то, что кажется первымъ движеніемъ, есть дѣло соображенія, правда, чрезвычайно быстраго, но вмѣстѣ очень тонкаго и искусстваго; другіе соединяютъ самый обдуманный ращѣтъ съ наружнымъ простосердечіемъ и откровенностію. Это изученное *неглиже* кокетки, изъ котораго искусство изгнало все, что хопя немного походитъ на искусство.

Тщеславіе благоразумное и направленное къ важной цѣли, дѣлаешь женщинъ добродѣтельными. Умѣренное кокетство дѣлаешь ихъ любезными. Слабость образуетъ два рода женщинъ, изъ коихъ однѣ бываютъ несчастливы, а другія презрительны.

ВЕЛИКОДУШНОЕ ДѢЛО АРЛЕКИНА И ПАЙЦА.

Въ одномъ изъ приморскихъ Французскихъ городовъ, въ самый развалъ минувшей масляницы, одинъ маэстръ, спягивая парусъ на мачтѣ не давно вошедшаго въ пристань корабля, упалъ въ море. Къ несчастію, какъ онъ самъ, такъ и никто изъ случившихся пущъ свидѣтелей, не умѣли плавать, и бѣднякъ долженъ бы былъ непременно погибнуть, если бы четверо замаскированныхъ маэстросовъ, бывшихъ въ ближайшей гостиницѣ, не узнали объ опасности, какой подвергся ихъ поварихъ. Они потчасъ прибѣжали на набережную и кинулись въ море въ своихъ маскарадныхъ костюмахъ. Скоро имъ удалось вытащить своего собрата и вынести его на берегъ. Трогательно и вмѣстѣ забавно было смотрѣть на усердіе эпихъ смѣльчаковъ, особенно смѣшно было видѣть, какъ арлекинъ и паяцъ коверкались и кривлялись на водѣ, и такимъ образомъ придавали своему мужественному поступку видъ самаго шутовскаго и веселаго дѣла.

СЛОВЕСНОСТЬ.

УЖАСНОЕ НАСЛѢДСТВО.

(*Оюмпаніе.*)

Вскорѣ звонъ колокольчика извѣстилъ меня, что ящикъ отправился на станцію. Невольное смѣненіе овладѣло мною. Я подошелъ къ таинственной картинѣ и началъ снова еѣ разсматривать. Живопись была такъ свѣжа, какъ будто недавно еще вышла изъ подъ кисти художника; я привспалъ на спулъ, чтобы лучше разглядѣть еѣ: въ золотой широкой рамѣ снизу замѣтно было что-то похожее на ящикъ.

— Вотъ!— думалъ я,— не пущъ ли хранился исполкованіе сего таинства?...

Я оподвинулъ крышку, и представьте себѣ мое удивленіе! я держалъ въ рукахъ оригиналъ картины: это былъ красный стеклянный покаръ, съ золотыми вокругъ арабесками! Только вензель, изображеннаго на картинѣ, не было, равно и цифры XII. Я опять оспался въ недоумѣніи!...

Держа таинственный покаръ въ рукахъ, я разсматривалъ его съ тѣмъ вниманіемъ, съ какимъ разсматриваетъ антикварій старый листъ пергамена, съ дивными каракулями прежнихъ вѣковъ.

«Ради самаго Неба!» вскричалъ отчаянно голосъ позади меня: «положите покаръ на свое мѣсто, не прикасайтесь къ нему: вы также умрете; я сожалѣю васъ. Мой *Оедоръ*...»

Положивъ порошливую рукою покаръ въ ящикъ и задвинувъ крышку, я оглянулся: на креслахъ лежала въ глубокомъ обморокѣ *Елена*!

— Что съ вами?— вскричалъ я отъ сильнаго испуга: успокойтесь; мое любопытство...—

«Нѣтъ!» отвѣчала *Елена*, машинально отрывая глаза: «нѣтъ, въ этомъ вы не виноваты.»

Съ усиліемъ привспавъ съ кресель, она подошла ко мнѣ; глаза ея сверкали, фізіо-

гномя измѣнилась; она въ изступленіи и дикимъ голосомъ сказала:

«Вамъ угодно? Извольте: я сведу васъ на могилу бѣднаго моего *Федора* и мою, копорую уже давно, очень давно, для себя приговорила. Пойдемте...»

Съ судорожнымъ движеніемъ она схватила мою руку и повела изъ комнаты. Маіоръ встрѣпилъ насъ у самыхъ дверей.

«Дочь моя, милая, добрая *Елена*,»—сказалъ онъ ей: «успокойся; теперь время для своего отдохновенія: господь нашъ останется еще до завтра. Спускай, прошу тебя, успокойся...»

Дѣвушка, молча, поцѣловала руку отца, выпустила мою руку и тихо удалилась.

«Пойдемте ужинать!» сказалъ мнѣ хозяинъ: «а попомъ... Вамъ приготовлена комната: я васъ провожу въ нее.»

Поужинавъ на скорую руку, по дорожному, я вспалъ. Хозяинъ повелъ меня. Мы дошли до назначенной мнѣ комнаты. Маіоръ, поспавивъ на споль свѣчу, пожалъ мнѣ дружески руку и сказалъ: «Я не прощаюсь съ вами: черезъ часъ возвращусь. Лошади будутъ готовы къ утру. Теперь пойду къ моей *Еленѣ*!...»

Боже мой! Какой вздохъ вырвался изъ груди его!...

Въ комнатѣ моей не было ничего особеннаго: та же чистота, тотъ же порядокъ, который видѣнъ былъ въ цѣломъ домѣ. Одинъ только шкафъ краснаго дерева обратилъ на себя мое вниманіе. Онъ былъ наполненъ твореніями лучшихъ авторовъ; на всѣхъ книгахъ было написано: *Федоръ Двинскій*. Полагаясь на обѣщаніе маіора, я непрерывливо дожидался его прихода; только горестъ бѣдной *Елены* меня ужасно мучила: я сожалѣлъ о ней.

Изъ окна моей комнаты видѣнъ былъ довольно красивый садикъ; посреди, на небольшомъ пригоркѣ, стоялъ бѣлый мраморный надгробный памятникъ; на немъ было что-то написано, но я не могъ ничего разбратъ: онъ стоялъ на довольно большомъ

оптѣ окна разстояніи, и ночь, облаками закутанная, препятствовала мнѣ прочитанію надписи даже и въ зрительную трубку.

Пробило одиннадцать часовъ. Въ домѣ было тихо какъ въ могилѣ; только, по временамъ, отдавленный звукъ почтовыхъ колокольчиковъ нарушалъ молчаніе. Вдругъ я услышалъ шумъ шаговъ подлѣ моей комнаты: это былъ маіоръ.

«Вотъ, видите ли,» сказалъ онъ мнѣ, — «я сдержалъ свое слово. Теперь готовъ разсказать о бѣдственномъ случаѣ, лишившемъ разсудка и здоровья бѣдную мою *Елену*. Слушайте...»

— Одно слово, маіоръ!... Не уже ли дочь ваша?... —

«Вы все узнаете: этотъ случай имѣетъ связь съ картиной, которая васъ такъ поразила. Не прерывайте меня, любезный другъ, во время моего разсказа: это одно условіе; иначе я не буду въ состояніи разсказать вамъ ничего связно.»

Я обѣщала ему. Тогда маіоръ подвинулъ круглый столикъ къ окну, пустилъ изъ трубки свое облако табачнаго дыма и началъ:

«Я старинный дворянинъ; мои родители оставили мнѣ довольно большое состояніе, которыми могу жить роскошно до смерти. Жена моя, прекрасная женщина, составляла щастіе моей молодости. Вотъ уже двадцать лѣтъ, какъ земля сокрыла еѣ оптѣ глазъ моихъ; но Небо, взявъ у меня одно сокровище, наградило другимъ: это дочь моя, милая *Елена*. Еслибъ вы знали мою жену, то были бѣ поражены сходствомъ съ нею дочери: это вѣрное ея подобіе, это портретъ!...»

«Лѣтъ за восемь до рожденія *Елены*, я былъ на войнѣ. Товарищество связало меня неразрывными узами приязни съ полковникомъ *Н.* — Я любилъ его душою, дѣлилъ съ нимъ вмѣстѣ и труды и опасности, нужду и изобиліе. У насъ не было ничего раздѣльнаго: онъ—былъ я, я—былъ онъ.»

«Однажды, предъ начатіемъ рѣшительнаго сраженія, другъ мой полковникъ пришелъ

ко мнѣ.—«Имѣю сильное предчувствіе,»—сказалъ онъ: «что не выйду живой изъ сегоднешняго дѣла. Предчувствія, мой милый другъ, еще никогда меня не обманывали. Умоляю тебя, если сохранишь дни твои Всевышній, не оставь бѣднаго сына моего, котораго оспанется круглымъ сиротою: будь ему вмѣсто отца...» Я поклонился ему.

«Вѣсповая пушка загрохотала; между спрѣлками началась переспрѣлка, колонны двинулись, артиллерія загремѣла, и пошла потѣха. Поздно вечеромъ солдаты принесли ко мнѣ на шинели прупъ моего друга. Сынъ его, юноша лѣтъ 17-ти, служилъ въ томъ же самомъ полку офицеромъ: онъ кинулся ко мнѣ на шею и назвалъ меня отцемъ своимъ. Мы схоронили полковника съ приличною званію его почестію. Между тѣмъ время лепѣло непримѣтно. Молодой человекъ оказывалъ ко мнѣ всегда сыновнюю любовь и почтительность; я также любилъ его, какъ только можетъ любить отецъ роднаго сына.

«Военныя дѣйствія кончились. Я, съ нареченнымъ сыномъ, прѣхалъ домой въ объятія милой супруги. Она радовалась моему возвращенію, радовалась, что любовь моя къ полковнику обратится теперь на его сына. Но, при всемъ томъ, еѣ беспокоило одно обстоятельство. Она приняла къ себѣ на воспитаніе бѣднаго мальчика, лѣтъ трехъ или четырехъ, сына одного честнаго, но бѣднаго чиновника, друга ея родителей. Жена моя беспокоилась, что маленькому *Федору* я не буду уже такимъ благодѣтелемъ, какъ она полагала, ибо теперь сынъ стараго друга моего всегда будетъ имѣть большее право на любовь мою. Она ошиблась!... Я любилъ и малютку *Федора* и молодого сослуживца своего равнымъ образомъ.

«Прошло два года. Я вышелъ въ отставку. У меня родилась дочь *Елена*; но не спало добродѣтельной ея матери! Вѣра и увѣренность, что отъ меня зависитъ благополучіе трехъ слабыхъ существъ. Я уже заранѣе черпиль планы ихъ будущаго счастья. Кто постигнетъ пути Провидѣнія!... Ни-

чего не сбьется изъ моихъ мечтаній! У меня оспалась одна дочь, и та...»

Маіоръ отеръ слезу; потомъ продолжалъ:

«Сынъ друга моего уѣхалъ въ полкъ. Безъ меня тамъ онъ избаловался и не оправдалъ моего ожиданія; буйная жизнь его и дурное поведеніе сокрушали меня и спѣлили большихъ издержекъ. Правда, письма его ко мнѣ были всегда наполнены пою привязанностію, тѣмъ чувствомъ живѣйшаго уваженія и любви, которыя добрый отецъ можетъ ожидать отъ сына; но что въ словахъ, когда дѣла и поступки цмъ противорѣчатъ?... Онъ писалъ — и только. За то *Федоръ* радовалъ меня. Умъ и красота его развертывались быстро. *Федору* наступилъ 16-й годъ, *Еленѣ* исполнилось 9-ть. Нужно ли описывать вамъ наружныя достоинства моей дочери? Вы еѣ видѣли. Но она была не въ такомъ положеніи, какъ теперь: живость, веселость, быстрота ума, доброта сердца, чрезвычайная чувствительность,—были отличительными свойствами ея характера.

«*Федоръ* вступилъ въ военную службу. Полкъ его находился въ томъ самомъ городѣ, гдѣ мы жили. Онъ былъ всегда при мнѣ; учился вмѣстѣ съ моею *Еленою* танцевать, рисовать и музыкѣ, а я былъ очень щастливъ, видя между ими сильнѣйшую дружбу. Такимъ образомъ прошло еще шесть лѣтъ.»

«Теперь,» сказалъ маіоръ, вставая со стула, — и задыхаясь: «если вы можете идти въ садъ со мною, то я тамъ доскажалъ бы вамъ оспальное; здѣсь мнѣ душно: это комната *Федора!*»

Маіоръ испустилъ тяжкій вздохъ. Я пошелъ съ нимъ въ садъ: ночной воздухъ немного освѣжилъ его.

«Сядемъ!» сказалъ онъ: «у впаго надгробнаго камня: здѣсь я припомню лучше всѣ обстоятельство. Нещастный юноша! сплснонъ непробуднымъ, спл; ангельская душа твоя давно уже наслаждается радостію!... Здѣсь,» прибавилъ маіоръ, указывая на памятникъ,—«здѣсь лежитъ бѣдный *Федоръ* мой!...»

Онъ упалъ на колѣни предъ могилою и возвелъ глаза свои къ небу. Я былъ нѣмымъ

свидѣлемъ горести злополучнаго опца. Немного спустя, онъ успокоился. Сверкнулъ изъ огня огонь, прубка маіора задымилась, и онъ началъ опять свой разсказъ:

«*Федоръ* былъ очень бѣденъ. Родители оставили ему въ наслѣдство одно доброе сердце и хорошія качества, и еще родовой покаяль, который вы видѣли изображеннымъ на картинѣ въ золотой рамѣ, и который хранится въ нарочно сдѣланномъ ящикѣ для него ящичкѣ; болѣе у него ничего не было.

«*Елена* уже не была ребенкомъ: это была дѣвица въ полной красотѣ своей. Она любила *Федора*,—*Федоръ* обожалъ *Елену*, а я давно уже въ душѣ своей назначилъ ихъ другъ для друга. Между тѣмъ временемъ прѣхалъ ко мнѣ и сынъ друга моего. Онъ былъ украшенъ знаками опличія и произведенъ въ капитаны за храбрость. Я былъ въ восторгѣ, видя, что онъ загладилъ безразсудные поступки своею кровію, проливаю за опечесиво; радовался еще и тому, что бракосочетаніе дѣтей моихъ совершилось въ глазахъ его. Мнѣ хотѣлось эпаго. Судьбы Предвѣчнаго неиспытанны: случилось то, чего я не желалъ. Пылкій капитанъ не былъ равнодушенъ къ *Еленѣ*, я это видѣлъ, и спустя нѣсколько времени, самъ открылъ ему мои подозрѣнія: онъ признался—и просилъ руки *Елены*.

«Могъ ли я промѣнять его на моего милаго, невпнинаго *Федора*; могъ ли запретить *Еленѣ* любить превосходнаго юношу?... И для кого?... Кто не стоилъ любви ея!—Я весьма вѣжливо и нѣжно открылъ ему, что онъ опоздалъ, что сердце *Елены* уже опадано, рука обѣщана. Свирѣпая ярость выпустила на лицѣ его: я все это видѣлъ; но могъ ли предполагать въ сынѣ друга моего найпти изверга?... Нѣтъ! я думалъ, что опказъ мой и равнодушіе *Елены* огорчали его; но не могъ себя предснавить....

«Вонъ, тамъ въ лѣсу!» вскричалъ маіоръ, указывая влѣво на темный боръ,—«тамъ могла злодѣя: она поросла крапивой, и добрые люди крестятся, проходя мимо ея!»

Душевное волненіе оспановило распроганнаго старца опять въ разсказѣ. Оправясь, онъ продолжалъ: «Мнѣ хотѣлось совершить бракосочетаніе дочери въ эпой деревнѣ: здѣсь родилась *Елена*. Она была опть того въ восторгѣ. Мы опправились. Капитанъ взялъ на себя всѣ хлопоты, и я думалъ, что онъ вмѣстѣ съ нами раздѣляетъ наше семейственное благополучіе.

«Однажды, дня за два до свадьбы, мы ужинали въ той комнатѣ, гдѣ вы видѣли картину. Смѣхъ нашъ разносился по всему дому. Вдругъ капитанъ предложилъ выпить за благоденствіе жениха и невесты. Мы согласились. Онъ вспалъ, доспалъ бупылку и налилъ въ покаяль: *Федоръ* просилъ налить для него наслѣдственный покаяль,—желаніе его было исполнено.

— Пью первый здорovie моей *Елены*!— вскричалъ *Федоръ* съ веселымъ лицомъ.—Будь здорова и щаслива, моя милая!—

«Съ симъ словомъ выпилъ онъ поспѣ, и смерпная блѣдность покрыла лице его; губы шевелились, не произнося ни одного слова. Съ минушу онъ былъ въ оцѣпенѣніи, и вдругъ, посинѣвъ, упалъ замертво на полъ. Мы бросились помогать ему. Адскій смѣхъ заглушилъ наши вопли.

— Моя очередь!—сказалъ капитанъ съ Сапанинскою улыбкою: пью за ваше щасіе, прекрасная *Елена*, съ будущимъ супругомъ.—

«Онъ выпилъ; облокотился на стулъ, и конвульсіи въ минушу исказили лице его.

«Злодѣй! Что ты сдѣлалъ!» вскричалъ я въ испугѣ.

— Дикій хохотъ опозвался въ ухахъ моихъ. Убійца испустилъ духъ.

«Оледенѣлый опъ ужаса, бѣгу къ дочери, она лежала на бездыханномъ ящикѣ *Федора*!...

«Далѣе не могу продолжать,—сказалъ мнѣ маіоръ,—теперь вамъ извѣстна несчастная судьба моего *Федора* и *Елены*. Разсудокъ дочери моей помрачился: она ничего не помнитъ, кромѣ смерти своего любезнаго. Красный покаяль теперь одно ея утѣшеніе;

я не мѣшаю ей плакать: это облегченіе; она сама нарисовала его: въ эту картину видѣли. На ней изобразила она вензель *Федора*; цифра XII означаетъ часъ его спрдаальческой кончины.»

Маіоръ замолкъ. На лицѣ его можно было читать ту скорѣбь, опъ которой нарывало его сердце.

Упрое наступило. Хозяинъ проспился со мною. Я взглянулъ еще разъ на могилу злополучнаго *Федора*—передъ нимъ лежала распростертая на землѣ *Елена*.

Я вздохнулъ.

Отворились ворота; подѣхала къ крыльцу маленькая коляска, запряженная въ чепыре лошади. Маіоръ дружески пожалъ мнѣ руку, просилъ меня заѣхать къ нему на обратномъ пути. Я обѣщала исполнить его желаніе,—и коляска скрылась изъ глазъ злополучнаго опца.

Прошло два мѣсяца, и пройка почтовыхъ мчала меня обратно; по прежнему звенѣлъ колокольчикъ и наигрывалъ что-то унылое, близкое сердцу. Я оспановился у дома злополучнаго маіора.

Взойдя въ комнату, я попросилъ доложить о себѣ. Тотъ же мальчикъ, въ синенькомъ сюрмучкѣ, побѣждалъ исполнить мое желаніе.

Старець встрѣпилъ меня по прежнему, съ тѣмъ же дружескимъ расположеніемъ, съ пою же искренностію: только морщины на его почтенномъ лицѣ вѣзались глубже и оспальные волосы побѣлѣли.

— Здоровье прекрасной *Елены*? — спросилъ я.

Вмѣсто отвѣта, крупная слеза покапалась по щекамъ его.

— Не уже ли?... — вскричалъ я.

«Да!» отвѣчала онъ со вздохомъ, «*Елена* теперь тамъ! подлѣ своего *Федора*!...»

Онъ повелъ меня на могилу дочери.

Зелѣный дѣрнъ, наложенный слоями аршинами въ два вышиною, означалъ то мѣсто,

гдѣ *Елена* успокоила спрдаальческую свою молодость. Подлѣ милаго *Федора* спала сномъ непробуднымъ его невѣста. Тѣниспал берега оспняла вѣшвами своими могилы нещасныхъ любовниковъ.

— Миръ праху вашему, добродѣтельные молодые люди! — сказалъ я съ гореспію: — ангеламъ ли жить между людьми?... —

Долго оспаваться я не могъ у осиропѣвшаго спарца. Скоро топотъ лошадей и громкій колокольчикъ уведомили его о моемъ опѣздѣ.

Слеза изъ глазъ моихъ выкапалась за *Елену*, — пѣжкій вздохъ вырвался изъ груди за *Федора*.

О. Длжковъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

В. А. ЖУКОВСКОМУ.

Хвала, возвышенный пѣвецъ
 Москвы, Бородина и славы!
 Ты грянулъ въ спруны наконецъ
 Паденье буйныя Варшавы.
 И въ пѣснопѣныи топъ же жаръ,
 Съ какимъ ты начерпалъ каршины
 Священныхъ бипвъ, Москвы пожаръ
 И *Александровы* дружины.
 Тогда младый Агамемнонъ
 Вѣнчалъ себя вѣнкомъ лавровымъ.
 Днесъ Провидѣнемъ сохранилъ
 Ты къ почеспямъ блестящимъ, новымъ.

Жди опъ Отечества вѣнца
 За подвигъ важный, плодъ усклій:
 Ты развернулъ свяшыя силы,
 Ты, шы неопышныя крылы
 Развилъ Державнаго пшенца,
 И далъ полешъ Орлу младому
 Вверхъ, вверхъ, по небу голубому.

Павелъ Хотяинцовъ.

А Н А Г Р А М М А.

На мнѣ колосѣя обипаюпъ
 Обремененные зерномъ;
 Но въ оборотѣ меня чипаюпъ
 Домашнимъ, ласковымъ звѣрькомъ,
 Царемъ подпольнаго княженъя,
 И говорѣпъ, что родъ нашъ шигровъ поколѣнъя.

Жедезювъ.

Въ No 22, помѣщенная загадка значить: *Еси.*

М О Д Е С.

Nous avons remarqué quelques jolies nouveautés dans les ateliers de Mesdames Weiszt et Deribeau-court, rue Bonne-Nouvelle. Une de ces toilettes commandées par Madame de V., nous a paru d'une grande élégance et d'une bonne imitation des modes Médicis. Une robe de velours noir dont le corsage était plissé de quelques gros plis plats comme ceux d'un pourpoint, montant et fermé droit devant par des boutons, avait une jupe ouverte, rattachée sur celle de dessous en satin noir par des nœuds de satin noir aussi. Les manches longues étaient justes sur l'avant-bras, et formaient deux grands bouillons dans le haut. Cette robe, destinée à une toilette du jour, devait être portée avec une collerette de dentelle, montante, à deux rangs, soutenue par un petit collet de velours.

Pour le bal, il y avait de charmantes robes de crêpe et de satin avec des montans de rubans et de fleurs; entre autres une robe de crêpe blanc ouverte sur une jupe de satin, et fixée par des ramages verts sur lesquels se détachait, de distance, en distance, un bouquet de roses-capucines; au corsage et dans les manches se retrouvaient les mêmes fleurs au lieu de nœuds.

Nous avons distingué un domino en velours, épinglé rose, garni de blonde blanche et orné d'une quantité de rubans en satin blonde, blanc sur rose; les manches excessivement larges étaient terminées par un haut poignet qui semblait serrer le bras par un ruban dont les bouts flottaient un peu au-dessous du coude. La ceinture en satin blonde était faite d'un ruban large de deux mains; et tombait sous le mantelet du capuchon, attaché dans toute la longueur par des nœuds pareils.

Les hommes portent au bal des pantalons blanc, des claques de velours et des souliers à boucles.

Pl. No 10. Robe de velours.—Crevés et nœuds de satin.—Agraffes de pierreries.—Jupe de dessous en satin.—Coiffure ornée de plumes et d'un héron.

М О Д Ы.

Мы замѣпили нѣкоторыя красивыя новостп въ рабочихъ г-жѣ *Weiszt* и *Deribeau-court*; одинъ изъ сихъ нарядовъ, заказанный г-жею de V., показался намъ весьма щеголеватымъ и хорошо подражающимъ модамъ Медицисъ. Чѣрное бархатное платье; лифъ сложенъ нѣсколькими крупными плоскими складками, какъ *pourpoint*, высокій, застѣгнутъ на пуговики; юбка открытая, прихвачена къ нижней чѣрной апласной юбкѣ чѣрными же апласными баншами. Длинные рукава, въ обпязкунизу руки, составляли двѣ большія буфы вверху. Это платье, назначенное для дневнаго паряда, должно бытъ надѣто съ кружевнымъ высокимъ борочкомъ, сдѣланнымъ въ два ряда, и поддержаннымъ маленькимъ бархатнымъ воровничкомъ.

Для баловъ были прелестныя креповыя и апласныя платья съ отдѣлками изъ ленпъ и цвѣшовъ. Между прочими бѣлое креповое открытое платье на апласной юбкѣ, и прихваченное зелеными вышками, на которыхъ отдѣлялись, въ нѣкоторомъ разстоянн, букеты изъ розъ сарисинъ; на лифѣ и рукавахъ были такіе же букеты вмѣсто баншовъ.

Мы замѣпили домино, изъ булавачапаго розоваго бархапа, отдѣланное бѣлою блондою и убранные множеспвомъ ленпъ апласно-блондовыхъ, бѣлыхъ по розовому; рукава, чрезвычайно широкіе, оканчивались широкою обшивкою, которая, казалась, перехватывала руку ленпою, опъ копорой концы висѣли пониже локтя. Поясъ, изъ апласно-блондовой ленпы, былъ шириною въ двѣ ладони и опкидывался подъ манипилью капшона, прихваченный во всю длину шакими же баншами.

Мушнны надѣваюпъ на балы бѣлыя панталоны, расплющенныя бархатныя шляпы и башмаки съ пряжками.

Карп. No 10. Платье бархатное.—Баншы апласныя.—Застѣжки изъ драгоценныхъ каменъевъ.—Нижняя юбка апласная.—Прическа съ перьями.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.

Выходятъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 24.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 80, съ до-
спавкою и пересылкою
85 рублей.

СУББОТА, МАРТА 24 ДНЯ 1834 ГОДА.

Мы всё глядимъ въ Наполеоны;
Двуногихъ пшарей миллионы
Для насъ орудіе одно;
Намъ чувствію дико и смѣшно.

А. Пушкинъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ОБРОЧНЫЯ СТАТЬИ ЖУРНАЛИСТОВЪ.

(Подражаніе Польскому).

Кабинетъ журналиста. Онъ и жена его.

Жена. Ты вѣчно занятъ своею коррекпурою и принимаешь ближе къ сердцу дѣла *Донны Маріи*, малолѣтней Португальской королевы, чѣмъ свое собственное хозяйство; больше заботишься о томъ, что у *Донъ-Педро* оказался недоспапокъ въ военныхъ снарядахъ, чѣмъ о существенныхъ недоспапкахъ своего семейства.

Журналистъ. И нельзя иначе. Газета—это моя деревня, полишика—поле съ пшеницею, война—мой плодovitый садъ. Говори поскорѣй, что тебѣ надобно?

Жена. Скоро наступитъ Свѣплый праздникъ. Не уже ли мы и нынѣшнее лѣто будемъ ѣздить въ спаромъ рыдванъ, похожемъ на куряпникъ, или на каресы, въ копорыхъ развозятъ актѣровъ?

Журналистъ, (тяжело вздыхая). Съ радостью промѣнялъ бы я спарую свою каресу на новую, но надобно покориться обстоятельству, сидѣть у моря и ждать погоды. Плохія времена, неурожайные годы! Въ послѣдніе три года у меня убыло до пысличи подписчиковъ. И все это, благодаря этому проклятому миру, этой ненавистной пишинѣ. Нѣтъ ни войны, ни смяненій. Кажется, ужь не дожить мнѣ до такого плодороднаго года, какъ 1831! Мясежи глупой черни, война съ Польшею, холера... да, сама холера была мнѣ источникомъ доходовъ, отраслью промышленности. А теперь, теперь! Даже нѣтъ нигдѣ поридочнаго изверженія огнедышущихъ горъ, ни землетрясеній, ни наводненій! Пусть бы Везувій залилъ лавою Неаполь, какъ Помпею; пусть бы землетрясеніе разрушило города два—при въ Азіи, подобно Багдаду. И въ Индіи все такъ смирно: не шелохнется, не колыхнется. Опъ чего бы не родиться новому *Талерлану*, не возникнуть шаху *Надиру*? Вѣчная память *Наполеону*! То-то былъ непомимый поспавщикъ новостей, корми-

лецъ журналистовъ и газетчиковъ. Какал щедрость!— «Я могу издерживать по двадцати тысячъ человекъ въ сутки!» говорил сей великій завоеватель, достойный преемникъ Робертсера, называвшаго гильотину монетнымъ дворомъ Французской республики. Плохія времена! Какъ ни прискорбно для меня видѣть, что жена ничтожнаго сочинителя историческихъ романовъ щеголяетъ въ жемчугахъ и бриллиантахъ; что авторъ двухъ смѣшныхъ трагедій и десяти плаксивыхъ водевилей разъѣзжаетъ въ щегольской коляскѣ на парѣ спальныхъ сѣрыхъ коней; не нахожу средства помочь этому горю. Попершимъ! Будетъ и на нашей улицѣ праздникъ.

N. N.

АЛЖИРСКІЙ ДЕЙ ВЪ БѢДѢ.

«Надобно переносить несчастіе съ терпѣніемъ! Вспомните *Иакова II*, короля Англійскаго; вспомните *Христину*, королеву Шведскую, императора *Наполеона*, брата его короля Испанскаго *Иосифа*, другаго брата короля Голландскаго *Лудовика*, претьяго брата короля Веспальскаго *Геронима*, зятя ихъ короля Неаполитанскаго *Мюрата*; взгляните на Бразильскаго императора *Донъ-Педро* и Французскаго *Карла X*. Не правда ли, что вы гораздо щастливѣе, нежели воображаете? Неаполь предложилъ вамъ свое солнце, свои сады, свое лазоревое небо! Куря кальянъ, вы можете цѣлую четверть часа слѣдовать глазами за движеніями дыма, вырывающагося изъ чубука вашего;» утѣшалъ вѣрный рабъ Алжирскаго эксъ-деа.

— Лысонецъ! Развѣ ты забылъ, что Алжирское небо еще лазоревѣе, еще прозрачнѣе? А кто возвратитъ мнѣ нѣщастливые дни, въ которые я и левъ мой опправляли правосудіе; когда изъ открытаго окна смотрѣлъ я на бѣлѣющійся парусъ корсара, привозившаго мнѣ даромъ сахаръ и кофе невѣрныхъ. Ахъ! гдѣ ты погреба, въ коихъ мы щипали и перецѣпывали Венеціанскіе цехины и двойные піастры? *Джибуль*, повѣришь ли ты,

что мнѣ здѣсь прокляпый собаки не позволили повѣситься за ноги невольника.—

«Мудрый *Гуссейнъ!*» подобострастно замѣпилъ ему рабъ его: «кто мѣшаетъ вамъ имѣть сахару и кофе столько же, какъ и прежде? Кто мѣшаетъ вамъ щипать по восьми часовъ въ день ваши цехины и піастры? Щипайте ихъ — и каждую тысячу запивайте кофе и шербею.»

— Что за наслажденіе щипать собственныя червонцы? Прекрасно опинывать ихъ, перерѣзавъ горло хозяину! Что можете быть драгоценнѣе приобрѣтеннаго разбоемъ и кровью. *Трабаколо* и *Джесми-тагъ*, говаривалъ я самъ себя, отправились въ Боннъ съ нашими племянниками и двѣнадцатю пушками.... Да приведетъ ихъ *Могальмидъ* обратно въ пристань! Когда же они возвращались, я всегда навѣрное могъ имѣть свѣжіе свѣспные припасы, и новыхъ Англійскихъ и Данскихъ невольниковъ на галерахъ. О! какал была для меня радость, когда бывало консулъ опускалъ свой флагъ, вель со мной переговоры, присылалъ ко мнѣ дипломатическія ноты, часы, выкупъ, и все оканчивалось дружелюбно; я держалъ невольниковъ, пилъ кофе, заводилъ часы — и племянники мои опять опправлялись на разбой. Волнъ была жизнь, а шеперь!... —

«У васъ есть болѣе дюжны часовъ, свѣпльшій дей! Племянники и племянницы ваши здравствуютъ.»

— А женщины, другъ мой, какъ онѣ прелестны въ Алжрѣ. Я спарь, какъ сова, живущая на мечети, сторбился какъ черешаха: онѣ пучны какъ перепелки, пакъ пучны, что падая не ушибаются, какъ подушка; ожерелья у нихъ золошья, ноги одѣты въ кисею, брови подрисованы, лица позолочены личнымъ желткомъ; а ихъ пляски, благовопія, волосы, напшанные мускомъ.... Ахъ, другъ мой, у тебя насморкъ! —

«Долженъ бытъ, если вамъ по угодно. Точно у меня насморкъ. Однако, доложу вамъ, что Неаполитанки не уступяшъ имъ въ красотѣ!»

— Ахъ, другъ мой *Джибуль*, не говори мнѣ о нихъ; на дняхъ привезли ко мнѣ

одну, на ихъ глупые глаза самую прекрасную. Дураки! они выбрали для меня женщину, у которой маленькія ноги, маленькія руки, понечской станъ! Какая уродливость! Ну, посмотримъ, сказалъ я самъ себя, что будетъ далѣе: платье, потомъ еще платье, потомъ корсетъ, потомъ четвертое платье. Охъ, другъ мой *Джибулъ*, я не могъ найсти здѣсь ни одной спосной женщины. Наконецъ!... но довольно и эпаго. Довольно для тебя будетъ знать, что Европейскія красавицы сославлены изъ полонна, шелку и кокетства. Одна изъ нихъ посмѣла сказать мнѣ, что борода моя колола её, *Джибулъ*! —

«О, повелитель мой, какой ужасъ!»

— Да, *Джибулъ*, она сказала эпо! Какая сторона! Еслибы, по крайней мѣрѣ, кушанье вознаграждало за оспальное! Но здѣсь вѣдять вилками, у каждаго свой спаканъ, всѣ эпи собаки сидятъ на спульяхъ: вопъ ихъ образованность! Теперь, говори мнѣ, *Джибулъ*, о чубукъ, о небъ, о кальянъ, о садъ, о гуріяхъ, о свободѣ! Можно ли быть щаспливымъ памъ, гдѣ не позволяють вѣшать людей за ноги, гдѣ не вѣдять руками, гдѣ ошъ женщины не пахнутъ потомъ, и гдѣ борода мушницъ колеть ихъ. О *Джибулъ*! я умру съ печали... Почеши между тѣмъ у меня ноги.—

ЗАМѢЧАТЕЛЬНОЕ ВЫРАЖЕНІЕ.

Напрасно хлопочуть нынѣшніе романщики: имъ еще очень далеко плынулься до пѣхъ, кои опличались на литературномъ поприщѣ прошедшаго вѣка. Ни одинъ Петербургскій, ни Московскій романщикъ еще ни разу не упопробилъ такой фразы, какую употребилъ одинъ Французъ, прося щепотъ табаку у знакомой ему дамы: «Madame!» сказалъ онъ: «позвольте оконечностямъ моихъ пальцевъ вкраситься въ вашу табачную западню, чтобы почерпнуть изъ неѣ эпаго тончайшаго порошка, который разсѣваетъ и мушитъ водяные гуморы моего грязнаго мозга.»

СЛОВЕСНОСТЬ.

ШОТЛАНДСКАЯ ПОВѢСТЬ.

Любовь не всегда бываетъ въ великолѣпныхъ чертогахъ: она чаще любитъ постыщать бѣдныя хижины, въ которыхъ обитають простота и невещность; она не рѣдко рождается вблизи попоковъ и пропастей, возрастаетъ въ уединеніи и безмолвіи дубравъ.

Недалеко отъ Эдмбурга, у подошвы горы Дочиль, подлѣ Твинера, наслаждалась безмятежною жизнію чета добродѣтельныхъ супруговъ. Шестнадцатилѣтняя *Эльфрида* была единственнѣмъ плодомъ щасливаго ихъ брака, и, съ каждымъ годомъ, прелестнее болѣе и болѣе развертывалась.

Часто отецъ водилъ её съ собою на высокую скалу: тамъ пѣлъ онъ съ нею опрывки изъ печальныхъ стихотвореній *Оссана*; иногда невольно прерывалъ свое пѣніе, чтобы выслушать сладкому голосу дочери, и смотрѣлъ на неё, улыбаясь сквозь слезы.—«Однаго только я желаю;» говорилъ самъ себя *Дональдсонъ*, увлеченный родительскою нѣжностію: «чтобы моя *Эльфрида* не оспалась навсегда въ сей пустынь, и чтобы рука ея достигала богатому и достойному супругу, который ввелъ бы её въ свѣтъ и доставилъ ей въ ономъ настоящую цѣну.» Увы! желанія дочери его были гораздо умѣреннѣе: всѣ они ограничивались хижиною! Въ этой хижинѣ жилъ старецъ съ сыномъ своимъ *Эдгардомъ Говисономъ*, который ничѣмъ не былъ одолженъ щастію, а былъ всѣмъ обязанъ природѣ, надѣлившей его наилучшими своими дарамъ.

Эльфрида и *Эдгардъ* впрѣпились—и любили другъ друга, но долго не постигали, какое чувство влечетъ ихъ одного къ другому. Когда же, наконецъ, они его узнали, любовь ихъ сдѣлалась пламеннѣе, не терпя, однакоже, ни мало чистоты своей. Увлекаемые нѣжностію взаимной спрасши, ни чѣмъ ненарушаемой въ глубокоуединеніи, юные любовники были бы совершенно щасливы; но виды пѣхъ, отъ коихъ они зависѣли, не

согласовались съ ихъ чувствами: родители *Эльфриды* полагали благополучіе своей дочери не въ любви, а въ богатствѣ; и эпою только цѣною можно было получить ея руку. Отецъ *Адгарда*, также желалъ своему сыну богатой невѣсты.

Однажды *Эльфрида* гуляла на скалѣ горы, весьма отдаленномъ отъ хижины. Вдругъ увидѣла она вышедшаго изъ кустарниковъ молодаго человѣка, который, не смотря на сильную усталость, изображавшуюся на лицѣ его, быстро шелъ къ ней на встрѣчу. Испугавшаяся *Эльфрида* готова была уже бѣжать, но нѣжный, привѣтливый голосъ незнакомца остановилъ её: робко приблизилась она къ нему, и покраснѣвъ, съ популненнымъ взоромъ въ землю, спросила, чего онъ желаетъ. Незнакомецъ усремилъ на неё неподвижные взоры, въ которыхъ живо изображались неожиданность и изумленіе. Позабывъ минувшую опасность и необходимость подкрѣпить истощенныя силы, онъ въ полной мѣрѣ предаётся удовольствію смотрѣть на восхищительную красоту, его очаровавшую.— Между тѣмъ *Эльфрида*, удивленная неполученіемъ отвѣта, поднимаетъ глаза, и не смотря на невинность свою и неопытность, по тайному внутреннему ощущенію, которымъ природа одарила сердце каждой женщины, догадывается участіи о причинѣ необыкновеннаго смятенія незнакомца, и отъ невольнаго смущенія спавившся еще прекраснѣе. Наконецъ незнакомецъ объясняетъ *Эльфридѣ*, что онъ рано по утру, изъ Спирлинга, увеселительнаго дворца Шотландскихъ государей, отправился съ королемъ на охоту, но сбившись съ дороги въ извилинахъ горы Дочиль, около десяти часовъ щепетныя употребилъ усилія отыскать её, и конечно бы, изнуренный усталостію, заспигнувшись былъ ночью въ эпою дикой пустыни, если бы неожиданная благодать Неба не послала ему на помощь Ангела въ видѣ юной дѣвицы. При сихъ словахъ прелестная улыбка мелькнула на устахъ *Эльфриды*: она предложила незнакомцу проводить его до жилища своихъ родителей, которые, безъ сомнѣній, поставятъ себѣ за

удовольствіе оказать ему гостепріимство. Молодой человѣкъ съ благодарностію принялъ ея предложеніе, и *Эльфрида* повела его, ощущая однакожь какой-то невольный страхъ.

Она одѣта была по обычаю молодыхъ Шотландокъ: узенькій корсетъ выказывалъ взору всю красоту и стройность ея спана; соломенная шляпка, которую, казалось, самъ Амуръ надѣлъ на эту милую головку, прикрывала длинныя русые волосы, разсыпавшіяся по плечамъ прелестными локонами. *Иоакимъ II* (незнакомецъ былъ самъ король) пресыщаетъ глаза и сердце свое разсмащиваніемъ толкихъ прелестней; любовь, самая сильнѣйшая, мгновенно овладѣваетъ его пламенною, юною душою: доселѣ ничего подобнаго не представлялось его взорамъ. Уже вздыхаетъ онъ, уже горитъ спрастію, и въ поже время восхищается мыслію, что непроницаемая пайна скрываетъ имя его и достоинство, о коихъ престопа его одежды не можетъ подать ни малѣйшаго дозрѣнія.

Ночь начинала уже покрывать мракомъ небо и землю, когда *Эльфрида* подходила къ хижинѣ. Увидя отца и мать, которые, безпокоясь о долгомъ ея отсутствіи, сидѣли на порогѣ, она удваиваетъ шаги свои, бѣжитъ и кидается въ ихъ объятія. Потомъ, указывая на незнакомца, съ невинною простотою и откровенностію рассказываетъ имъ, какимъ образомъ встрѣпилась она съ симъ молодымъ человѣкомъ изъ свиты короля, потерявшимъ въ лѣсахъ дорогу. Честный *Дональдсонъ* спѣшилъ предложить незнакомцу убѣжище и отдыхъ.

Нѣсколько деревянныхъ спульцевъ самой грубой работы, споль и различные кувшины, висѣвшіе на стѣнѣ подлѣ лиры, были единственною мебелью и украшеніемъ деревянной избушки; но въ эпою минушу, монархъ предпочелъ бы великолѣпію черпгоговъ *Эдмбургскаго* дворца самую бѣднѣйшую хижину послѣдняго изъ своихъ подданныхъ. Романическія мечты неразлучны съ пастушескою жизнію: любовь преимуще-

спвенно лепаетъ надъ дубравами, цвѣтами и долинами.

Между тѣмъ, какъ отецъ *Эльфриды* спарается занять короля разговорами, жена и дочь его, озабоченныя приготовленіемъ ужина, приносятъ на глиняныхъ блюдахъ огородныя овощи, рыбу, сыръ, масло и различныя плоды. *Иаковъ* съ невыразимымъ удовольствіемъ слѣдуетъ взорами за всѣми движеніями *Эльфриды*: онъ не можетъ наглядѣться на неё, и подобно *Генриху IV* у Мерзенскаго мѣльника, не упускаетъ ни одного случая помогать *Эльфридѣ* въ хозяйственныхъ ея хлопотахъ. — Наконецъ ужинъ готовъ. — Король садится подлѣ молодой дѣвушки: желаніе нравиться никогда еще такъ его не увлекало. Съ самою плѣнительною наружностію, *Иаковъ* соединялъ ту непринужденность, простоту и благородство въ обращеніи, которыя столь же привлекательны, сколько и рѣдки. *Эльфрида* слушала его съ необыкновеннымъ вниманіемъ: чистый и пріятный языкъ, никогда еще ею не слышанный, выборъ и нѣжность выраженій, все изумляло и очаровывало её; едва могла она скрывать внушенія свои движенія, и думала, что видитъ существо особеннаго рода, превышающее во всѣхъ отношеніяхъ людей, доселѣ ей извѣстныхъ.

Ужинъ кончился: должно было распаться. Добрый *Дональдсонъ* предлагаетъ королю нарочно приготовленную для него постелю; *Иаковъ* бросается на неё; но щещно желаетъ предаться сну: образъ *Эльфриды* во всю ночь не позволяетъ ему сомкнуть глазъ, и онъ съ неперпнѣемъ ждетъ утра, чтобы опять увидѣть ту, которая очаровала его взоры и сердце.

Однакожь, среди сихъ сладостныхъ мечтаній, обстоятельство, до сихъ поръ не представившееся его воображенію, вдругъ привело его въ недоумѣніе: онъ вспомнилъ о безпокойствѣ и смятеніи, въ которыхъ долженъ быть весь дворъ опъ продолжительнаго его отсутствія. Любовь уступила обязанности: онъ даетъ себѣ слово, съ появленіемъ утра, оставивъ гостепріимную

хижину, доставившую ему убѣжище, и полнокое твердое намѣреніе опять посѣпить её черезъ нѣсколько дней, упѣшаетъ пѣкоторымъ образомъ его горесть. Но едва было не исчезла вся рѣшительность его, когда, съ разсвѣтомъ дня, *Эльфрида*, скромная и свѣжая какъ полевая цвѣтокъ, робко поднесла ему молоко въ чашѣ изъ блестящаго дерева; чаша сія, подарокъ *Эдгарда*, вещь слишкомъ драгоценная для молодой дѣвушки, до сихъ поръ не была еще въ употребленіи. — Съ прелепомъ взялъ её король изъ нѣжныхъ рукъ *Эльфриды*, и едва могъ удержаться, чтобы не заключить красавицу въ свои объятія: уже готовъ онъ былъ повиноваться голосу любви, какъ внезапное чувство уваженія къ невинности сдѣлало его неподвижнымъ. Въ чрезмѣрномъ волненіи сердца не можетъ онъ промолвить ни слова; *Эльфрида* краснѣетъ и поспѣшно удаляется.

Насупила минула разлуки. *Иаковъ* прощается съ хозяиномъ, который, выведя гостя на ближайшую и безопасную дорогу, проситъ его посѣпить опять уединенную свою хижину. *Иаковъ* съ радостію принимаетъ приглашеніе, и удаляется, безреспанно оглядываясь назадъ; наконецъ ускоряетъ свои шаги и исчезаетъ.

Уже болѣе часа шелъ *Иаковъ*. Вдругъ, у самаго Кремондскаго моста, нападаютъ на него пяты челоѣкъ, выскочившіе изъ рва. Храбрый вѣнценосецъ, ни мало не потерявшій присутствія духа, долго защищался своею шнагою — единственнмъ оружіемъ, при немъ бывшимъ; но эпотъ неравный бой начиналъ уже истощать силы его, и монархъ конечно бы палъ подъ ударами убійць, если-бъ *Эдгардъ Говисонъ*, работавшій въ жилищѣ, недалеко отстоявшей отъ моста, не прибѣжалъ на мѣсто битвы. Неустрашимый, великодушный любовникъ *Эльфриды*, тотчасъ беретъ сторону слабѣйшаго и бросается на злодѣевъ; бывшимъ у него въ рукахъ цѣпомъ повергаетъ двухъ изъ нихъ на землю, и, при помощи короля, обращаетъ въ бѣгство послѣднихъ. — Изъявивъ избавителю своему душевную признательность,

Иаковъ слѣдуетъ за нимъ въ бѣдную его жилищину, гдѣ проситъ дасть ему воды и полотенцо, чтобы смыть съ рукъ и плащя кровавыя пятна. Опважному молодому человѣку, по его бѣдному состоянію, трудно бы было исполнить въ этомъ случаѣ просьбу монарха, чѣмъ испоргнуть его изъ рукъ убійцы; однакожь онъ опыскалъ какое-то полстное полотенцо и подалъ его королю. Умывшись и приведя въ порядокъ плащя, *Иаковъ* съ участіемъ освѣдомляется о состояніи великодушнаго своего защитника, соединяющаго въ себѣ съ мужественнымъ сложеніемъ самую благороднѣйшую наружность, и эту особенную пріятность, которая неразлучна съ молодостью. Наконецъ спросилъ онъ у *Эдгарда*, чего бы желалъ онъ, чтобы быть совершенно щасливымъ. «Владѣть арендою *Брогидъ*, какъ собственностію,»—отвѣчалъ *Эдгардъ*, думая объ *Эльфридѣ*. Аренда сія принадлежала непосредственно королю, и монархъ вознамѣрился удовлетворить немедленно столь умѣренному желанію. Потомъ, объявляя *Эдгарду*, что онъ арендапоръ *Белленгвичъ* (въ ночныхъ прогулкахъ *Иаковъ* всегда принималъ на себя это имя), просился съ нимъ, и взялъ съ него честное слово, на другой же день по утру придти къ нему во дворецъ *Голливудъ*.

Въ назначенное время *Эдгардъ*, по данному обѣщанію, былъ уже у воротъ дворца; но часовой грубо воспрещалъ ему входъ.— «пусти меня; я иду не во дворецъ, а въ садъ.»— Нельзя никакъ; а зачѣмъ тебѣ въ садъ?—«Переговорить съ арендапоромъ *Белленгвичемъ*, вчера взявшимъ съ меня слово придти къ нему сегодня. При сихъ словахъ часовой почтительно посторонился и пропустилъ молодого человѣка, который перейдя безъ всякаго препятствія чрезъ два двора, снова остановленъ былъ у внутреннихъ дворцовыхъ воротъ; опять потъ же вопросъ, опять потъ же отвѣтъ. Тутъ *Эдгардъ* уже возымѣлъ очень высокое мнѣніе о томъ, кому спасъ жизнь: ежели не болѣе, то по крайней мѣрѣ онъ смотрипелъ королевскаго дворца, сказалъ онъ самъ себѣ.

Въ эту минупу *Иаковъ* изъ окна увидѣлъ избавителя своего. Желая позабавиться надъ его изумленіемъ, онъ поспѣшь же опдалъ нѣкоторыя необходимыя къ тому приказанія.— *Эдгарда* вводятъ въ обширную залу, въ которой построены были рядами царскіе пѣлохранители. Подаютъ пышный завтракъ. Молодому человѣку и въ умъ не приходило, чтобы всѣ эти великолѣпныя пригтовленія дѣлаемы были собственнo для него: удался въ уголь залы, онъ съ непрерывнѣмъ ожидалъ той минупы, въ которую арендапоръ *Белленгвичъ* объяснитъ ему все имъ видимое. Между тѣмъ *Иаковъ*, переодѣвшись въ поже самое охотничье плащя, которое было на немъ наканунѣ, вошелъ въ залу. Какъ скоро увидѣлъ его *Эдгардъ*, по немедленно подошедъ къ нему, болзливо спросилъ: «По какому праву такъ располагаешь ты дворцомъ. Развѣ король въ отсутствіи? Развѣ не боишься ты подвергнуться за это наказанію?»— Не безпокойся, улыбаясь отвѣчалъ *Иаковъ*: сядемъ за столъ.— *Эдгардъ* садился въ явномъ смущеніи; но превосходныя яспива, отличныя вина, а болѣе всего непритворная веселость и любезность *Белленгвича*, скоро разсѣяли всѣ его опасенія.— Завтракъ кончился; служители, бывшіе въ залѣ, удалились. Помнишь ли, любезный *Эдгардъ*, ласково спросилъ *Иаковъ*, о томъ желаніи, которое объявилъ ты мнѣ вчера, и увѣренъ ли ты, что владѣя арендою *Брогидъ*, будешь совершенно щасливъ?— «Совершенно;» отвѣчалъ *Эдгардъ*: «потому что *Эльфрида Дональдсонъ* будетъ погда моею женою.»— Какъ! вскричалъ изумленный король съ нѣкоторымъ родомъ гнѣва: ты любишь *Эльфриду*?— «Около года уже, возразилъ *Эдгардъ*, соединяетъ насъ взаимная, нѣжная любовь; но отецъ *Эльфриды* желаетъ имѣть зятя непременно богатаго, и потому я рѣшился опредѣлиться въ войска короля *Иакова*, и храбростію приобрести состояніе, въ которомъ судьба мнѣ опказала.»

Монархъ закрылъ руками лицо, чтобы скрыть непріятное впечатлѣніе, произведенное надъ нимъ признаніемъ *Эдгарда*. *Иа-*

ковъ въ полной мѣрѣ ощущалъ всѣ мученія пламенной, неукротимой борьбы. Наконецъ, послѣ жестокой борьбы чувствъ, великодушіе и врожденная доброта характера одержали надъ нимъ побѣду; совѣсть не допустила его пожертвовать любви благодарностию. Съ расперзаннымъ сердцемъ сказалъ онъ *Эдгарду*: желаніе пвое исполнился; вотъ актъ, коимъ помѣстѣе Бродидъ обращается въ пвою собственностъ; съ сей минуты оно не принадлежитъ болѣе коронѣ.—«Возможно ли это?» спросилъ удивленный *Эдгардъ*: «Что скажешь король?»—Король никогда не забудетъ, любезный *Эдгардъ*, что ты спасъ ему жизнь, отвѣчалъ *Иаковъ*, вставая въ-за спиола, и давъ знакъ, чтобы вошли всѣ придворные.— «Ахъ, государь!» вскричалъ *Эдгардъ*, съ чувствомъ восшорга и признапельности, упавъ къ ногамъ *Иакова*: «да пренециуй враги пвои! Какъ велико ни было бы число ихъ, я одинъ готовъ сражаться съ ними.»—Надѣюсь, что неуспрашимостъ пвоя не подвергнется столь плякому опыту,—возразилъ съ улыбкою король, и обращая къ придворнымъ, присовокупилъ: Милорды! вы конечно согласитесь пренять въ число твоихъ поварищей энаго молодого человекъ: если достоинства должны быть наградою неуспрашимости, кто же болѣе его, имѣетъ на нихъ права? Вспаньте, *Эдгардъ*, и примите эту шагу: я васъ жадую лордомъ. Уже собирающія войска мои; васаллы мои ожидаютъ меня, и близокъ день, когда мы вмѣстѣ поидемъ на враговъ Шотландіи.—

Эдгардъ своею храбростию и вѣрностию содѣлался въ полной мѣрѣ достойнымъ благодарній монаршихъ: искусный въ переговорахъ и неуспрашимый въ битвахъ, онъ, въ то несчастное время, когда мятежи раздрали государство, многими опытами доказалъ *Иакову*, что истинное чувство чести и врожденное праводушіе столь же много приносятъ пользы, какъ и упощенная полиппика, познаніе коей, по общему мнѣнію, приобрѣтается при однихъ только Дворахъ.

Эльфрида, съ юнымъ супругомъ переселившаяся въ *Эддимбургъ*, плѣнила всѣхъ своею

красотою и пою непришворною скромностию, которая, привлекая сердца, обезоруживаетъ даже самую зависть.

Пер. *Симова*.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ВАСИЛЮ ГРИГОРЬЕВИЧУ ЖУКОВУ,—

на новоселье.

На прекрасномъ новосельѣ
 Всякой радъ вамъ пожелать:
 Въ щастьи, въ радости, въ весельѣ—
 Жизни каждый день встрѣчать!

*

Пусть по прежнему лишь будетъ
 Хлѣбосольный всякъ прионъ!
 Пусть спѣсивый васъ забудетъ;
 Но сто добрыхъ вновъ придутъ!

*

Пусть въ семействѣ благодатномъ
 Вновь блаженство процвѣтеть!—
 Пусть друзей въ кругу припшномъ,
 Всякой радостъ вновъ найдеть!

*

Пусть благое Провидѣнье
 Съ милой васъ хранитъ семьей!
 Пусть же ваше новоселье
 Будетъ вамъ—какъ рай земной!

*

Щастья—мраморны палаты
 Дать не могутъ намъ на вѣкъ!
 Но среди уютной хаты
 Щастливъ—добрый человекъ!

*

Пусть къ блаженству самый вѣрный:
 Красота души—и другъ!
 Будь же щастливъ ты, примѣрный
 Гражданинъ,... Отецъ,... Супругъ!...

И. И.

C H A R A D E.

Interprète muet des caprices du sort,
 Mon premier à lui-même, en ses effets contraire,
 Fait naître d'un seul coup la joie et la colère;
 Mon second, tout lecteur le sait, c'est chose claire:
 Pour mon tout tu le peux deviner sans effort:
 Il annonce l'amour, la folie ou la mort.

Въ № 23, помѣщенна анаграмма значить: *Токъ, котъ.*

M O D E S.

Le carnaval ne finit jamais, c'est l'hiver qui finit; tant que durent les bals, (et les bals durent aussi long-temps que les longues soirées et les jours froids) on danse; on danse en toilette de ville, en costumes, en toilette de bal; car le carême n'interdit pas les bals travestis. On reverra encore l'élégante mantille andalouse, le long voile moyen âge et le petit chapeau béarnais.

Les bals se sont succédé cette semaine avec une telle confusion qu'il en reste un souvenir vague et indécis; on se rappelle quelques charmantes toilettes, tout en oubliant où on les a vues et qui les portait.

C'était entre autres: une robe de tulle blanc sur un dessous de satin. La jupe de tulle était plissée sur les côtés par trois plis marqués dans toute la longueur et retenus par un bouquet de volubilis. La partie du milieu qui restait unie, était garnie de quatre rangs de volubilis de toutes couleurs; le corsage drapé à la Sévigné, la manche à trois bouillons, dont l'un, celui du bas, retenu par une fleur.

Une robe de crêpe bleu ciel était traversée par une ligne d'acacias roses. Le corsage en satin bleu était garni dans toute la longueur d'une ligne de nœuds de satin rose, et autour de la gorge, d'une mantille d'Angleterre. Dans les cheveux étaient deux grappes d'acacias roses tombant de chaque côté des nattes; pour parure des perles.

Une jolie toilette de soirée était une robe de satin citron montante et boutonnée, garnie au col d'une colerette de blonde; les manches longues, larges, étaient bordées d'une blonde s'élevant sur le poignet; sur la tête était un petit chapeau de velours noir, relevant un peu d'un côté; du côté le plus bas étaient trois

plumes mauves, et à la pointe du bandeau une grosse poire de perles tombant sur le front; une écharpe de satin mauve et des souliers de satin noir.

M O Д Ы.

Карнавалъ никогда не кончается, оканчивается зима; покуда продолжаются балы; (а балы продолжаются, покуда длинные вечера и холодное время) танцуютъ; танцуютъ въ городскихъ нарядахъ, въ костюмахъ и въ бальныхъ нарядахъ, потому что въ постъ не прекращаются маскарады. Еще увидятъ щеголеватую Андалузскую манпилью, длинный вуаль среднихъ вѣковъ и Беарнскую шляпку.

Баловъ было такое множество на этой педѣли, что оспается о нихъ невѣрное, неясное воспоминаніе; представляешь себѣ нѣкоторые прелестные наряды, забывая однако, гдѣ ихъ видѣлъ и на комъ были надѣшны.

Между прочими было: бѣлое шюлевое платье на бѣломъ апласѣ. У шюлевой юбки заложено было на бокахъ по при складки, означенными во всю длину и прихваченными букетами volubilis. Срединна оставалась гладкая, и опдѣлана была въ четыре ряда разноцвѣтными volubilis; лифъ драпированъ à la Sévigné; рукава съ тройными буфами, изъ коихъ нижняя прихвачена цвѣткомъ.

Креповое платье небесно-голубаго цвѣта опдѣлано было вдоль полоскою изъ розовыхъ акацій. Лифъ изъ голубаго апласа опдѣланъ былъ во всю длину полоскою изъ розовыхъ апласныхъ баншиковъ, а вверху манпильей изъ Англійскихъ кружевовъ; въ волосахъ двѣ кисти розовой акаціи висѣли съ каждой стороны у косъ; приборъ жемчужный.

Красивый вечерній нарядъ: платье апласное лимоннаго цвѣта, съ высокимъ лифомъ, застѣгнутое, обшито около шеи блондовымъ борчкомъ; рукава длинные, широкіе, обшиты блондою, завороченною на обшивку; на головѣ маленькая черная бархатная шляпка, немного приподнята на одну сторону; на споронѣ, которая ниже, были при пера цвѣта mauve, а на мыскѣ повязки большая жемчужная груша, упاداющая на лобъ; апласный шарфъ цвѣта mauve и черные апласные башмаки.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.
.....

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 25.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 No
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, МАРТА 28 ДНЯ, 1854 ГОДА.

Пора, сударь, вамъ знать, вы не ребенокъ,
У дѣвухекъ сонъ упренній такъ понокъ:
Чуть дверью скрипнешь, чуть шепнешь:
Все слышуть....

Грибодовъ.

ПЕРЕСМЪШНИКЪ.

ПУБЛИКА.

Читатель, я прошу въ обиду по не спавишь:
Вѣдь публичку одинъ не можешь ты составить!

Публика?—Скажите мнѣ, м. г., что это
за существо?—Распеніе, или живописное?—

Я миліонъ разъ читалъ и слышалъ, что
говорятъ о Публичкѣ; но, къ несчастію, до
сихъ поръ нигдѣ еѣ не встрѣчилъ.—Куда
она спрямалась, и на кого она похожа?

Не объдаешь ли она у *Дюме* или *Фель-
та*?—Не ужинаешь ли по субботамъ въ *Бир-
геръ-клубъ*?—

Не дремлешь ли въ пѣнапрѣ надъ Русскою
оперою? Гдѣ бы мнѣ увидѣшь этаго чудна-
го звѣря?

Ты молчишь, любезный читатель?—И
такъ, конечно не можешь сказать, гдѣ я
могу найти Публичку?—Жаль, очень жаль!
Я спрашивалъ всѣхъ, встрѣчнаго и попере-
чнаго о Публичкѣ; но всѣ они говорили одно:

Нѣтъ, я не имѣю чести знать эту ба-
рыню.

Спросите о Публичкѣ въ справочномъ мѣ-
стѣ; тамъ уже вѣрно вамъ скажутъ, что
такое Публичка, и гдѣ она имѣетъ жиль-
ство.

Я пошелъ къ одному журналисту, копо-
рому (говорили), Публичка была коропкая
пріятельница.—«Скажите, м. г., что такое
Публичка?»—Публичка, отвѣчала журналистъ
съ сардоническою улыбкою: споглавое чу-
довище, которое само не знаетъ, чего хо-
четъ!—

Я записалъ въ своей книжкѣ эпоть *лест-
ный отзывъ* коварнаго попатчика Публички,
и пошелъ къ профессору Зоологіи.

«Что такое Публичка, г. профессоръ?»

— Это бѣлый медвѣдь, воображающій, что
онъ умнѣ семи Греческихъ мудрецовъ!—

«Хорошо!»

Я спросилъ у доктора: «что такое Пуб-
лика?»

— Брюзгливый спаричишка, — отвѣчал докторъ: подагрикъ, которому кажется, что все на свѣтѣ создано не такъ, какъ бы ему хотѣлось! —

«Дѣльно!» сказалъ я, и обратился къ содер-жапелю гостиницы. — «Располкуй мнѣ, любезнѣйшій, что значить Публика?»

— Публика?... Это разгулявшійся повыпчикъ, который, надувшись какъ лягушка, сидитъ у меня въ трактирѣ надъ бутылкою пива по три часа, и думаетъ, что меня обогатилъ, бросая мнѣ съ презрѣніемъ гривенникъ. —

Дифиницію трактирщика записалъ я въ своей книжкѣ.

«Что такое Публика?» спросилъ я книго-продавца.

— По нашему-съ, — это капалогъ-съ, наполненный соннею пысячь званій книгъ, ко-пторыхъ-съ большая часпъ годился-съ поль-ко на маклапуру-съ. —

«Не худо!» — сказалъ я, и раскланявшись съ книгопродавцемъ, пошелъ по Невскому про-спекту и завернулъ къ *Амбіелю*.

«Что вы называете Публикою?»

— Публикою? — отвѣчалъ съ сахарною улыбкою учпивый кондитеръ: — скучныхъ го-спей, которые пьютъ только у насъ одну во-ду — и читаютъ даромъ Французскіе газе-ты! —

«Скажите мнѣ, что значить Публика?» спросилъ я шупъ же у гувернёра, пившаго разсыропленную воду.

— Я разумю подъ именемъ Публики — избалованное дитя, споль нѣжное, что съ нимъ надобно обходиться, какъ съ сырымъ яйцомъ. —

Вотъ какія противоположныя сужденія, думалъ я, проходя по бульвару, гдѣ повспрѣчался съ двумя знакомыми актрисами: одна изъ нихъ была опставная, а другая дебю-паншка. — «Позвольте, милоспивыя госуда-рыни, спросить васъ, какое вы имѣете мнѣ-ніе о Публикѣ?»

— Это въпреная кокетка, раздающая лав-ры по произволу своихъ капризовъ; — сказала

опставная актриса: — она готова иной ге-ній возвысить до седьмага неба и чрезъ пять минутъ, впопшпать его въ грязь! —

«А вы что скажете про Публику?» спро-силъ я дебюпаншку.

— Публика, надушый глупостію франшъ, ко-порого водитъ за носъ всякая ловкая и хорошенъкая собою актриса! —

Вотъ какъ различны мнѣнія о Публикѣ. Не берусь судить, которое изъ нихъ спра-ведливѣе: объ этомъ пусть подумаетъ самъ читатель!

Круг въ.

БАЛЪ ЗА МОСКВОЮ РЪКОЮ.

(На Тверской. Подъѣздъ съ улицы).

Черскій (выходитъ изъ кареты). Принима-етъ *Вгъра Ивановна*?

Швейцаръ. *Вгъра Ивановна* сей часъ ѣдетъ.

Черскій. Куда?

Швейцаръ. На балъ.

Вгъра Ивановна (выходитъ на крыльцо). Это чья карета? А! *Черскій*, поѣдемте вмѣ-спѣ на балъ къ *Замарбицкой*.

Надинъка. *Мурбазицкой*, тамап.

Черскій. Я съ *Базарбицкой* незнакомъ.

Вгъра Ивановна. Нужды нѣтъ: провинціал-ка. Я васъ представлю; я везу съ собою toute ma société.

Черскій. Да я въ сапогахъ.

Вгъра Ивановна. Все равно: за Москвою рѣ-кой. Поѣжайте же за нами. *Надинъка*, са-дись.

Надинъка. До свиданія, *Андрей Ивановичъ*.

Черскій. Со мною первый кадрилъ, неправ-да ли?

(За Москвою рѣкой. Освѣщенныя стѣны. Уб-ранная лѣстница).

Вгъра Ивановна. Какая даль и какая мо-сповая!

Надинька. Подождемте же *Черскаго*. (*Входитъ Пронскій*).

Въра Ивановна. Такъ! *Пронскій* ужъ пущъ. Онъ и въ *Чухлому* попадетъ на балъ.

Пронскій. Да вы-то какъ сюда попали?

Надинька. Посмотрите, посмотрите: чѣмъ убрана лѣспница! ананасами!

Туровъ. Да; я объ нихъ всѣ ноги переколлъ.

Пронскій (*смотритъ въ лорнетъ*). Въ самомъ дѣлѣ ананасы. Я сюда сбѣгаю послѣ.

Въра Ивановна. Какой вы жадной! Срѣжь-те и мнѣ одинъ.

Надинька. Вотъ и *Черскій*.

Въра Ивановна. Идите же всѣ за мною. Какъ бишь зовутъ хозяйку?

Надинька. Бур.... какъ бишь?

Туровъ. Мар.... Ей Богу, не знаю.

Пронскій. *Чумарзицкая*, кажется.

Въра Ивановна. Никогда опъ васъ полку не добьешся.

(*Тамъ же*).

Пронскій. Вообразите! Четверть шестаго.

Черскій. Какова хозяйка? настоящая калачница.

Въра Ивановна. Дочка педурна.

Туровъ. А куда манерился. Господи! чпо за лица встрѣчаешь за Москвой рѣкой!...

Черскій. Балъ удался. !

Пронскій. Такъ: мороженое было солоно, а Шампанское тепло.

Черскій. Къ теплomu Шампанскому я привыкъ. На балахъ иначе не бываетъ. Больше пѣнился: позволенная экономія.

Лакей (*Въръ Ивановнъ*). Карету вашу подаютъ.

Въра Ивановна. Прощайте, Messieurs. Завтра къ намъ милости просимъ.

Пронскій (*зъвал*). А право было очень весело.

ВСЁ НЕ ВЪ ПОПАДЪ.

Въ одной изъ книжекъ покойнаго Дамскаго журнала килъзъ П. И. *Шаликовъ* напечаталъ:

«Какъ приятно и по самолюбію, и по любви къ истинѣ находить собственные мысли и чувства въ мысляхъ и чувствахъ другаго! Мы насладились (будемъ опкровенны!) сею приятностію, читая въ 9 Но Московскаго Телеграфа нижеслѣдующее, подъ спашьею: *Повѣсти Михаила Погодина*.

«.....Г-нъ *Погодинъ* не рожденъ бытъ романтическимъ писателемъ; у него пѣтъ ни воображенія, ни слога, ни теплоты душевной, и опъ того повѣсти его напичаны, грубы, холодны. Всякій можетъ удостовѣриться въ этомъ, прочитавъ любую повѣсть... Пора бы ему извѣдать силы свои... или, чптобы не опваживаться на славу *Тредьяковскаго*, вспомнить, чпто не всякій рожденъ писателемъ.»

На повѣрку вышло, чпто повѣсти г. *Погодина* одинъ изъ самыхъ лучшихъ въ Россіи по содержанию, занимательности, слогу и Русскому народному духу.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ПЕРРАНЪ-ПАТЪ.

Воспоминанія о графствѣ Корнваллійскомъ.

(Изъ *Revue Britannique*).

Я путешествовалъ въ графствѣ Корнваллійскомъ для своего удовольствія. Мнѣ нравились: и скалистая, пещаная природа его, и огромныя, острокопечныя, бѣдыя какъ привидѣнія, омываемыя морскими волнами горы, и холмы, образуемые мелкимъ пескомъ, воздымаемый и волнуемый вѣтрами, и крестьяне, озабоченные запрещенною торговлею, и безчисленныя барки, бороздящія воды во всѣхъ направленіяхъ, и черныя шаши, поспроенныя изъ корабельныхъ об-

ломковъ; полуобразование, полуневѣжество; сила, проворство и смѣлость; наконецъ, повсюду природа живописная, вполне способная обворожить человека, жившаго долгое время въ большихъ городахъ и упоменнаго ихъ шумомъ.

Въ Перранъ-Патъ, посреди одного изъ самыхъ дикихъ мѣстъ этой дикой страны, есть маленькій, очень знакомый путешественникамъ трактиръ, гдѣ кромѣ дѣнна, соленой свинины, дурнаго пива и соломенной постели, нельзя достать ничего болѣе. Этимъ страннѣйшимъ трактиромъ, коего хозяинъ промысломъ рыбака, конспрандистъ и большой расказчикъ морскихъ анекдотовъ, вырылъ въ углубленіи скалы и состоить изъ трехъ покоевъ; граничитъ служивъ ему крышею; одно или два, неправильной фигуры отверстія, пробитыя въ расщелинѣ скалы, слабо освѣщаютъ это необыкновенное жилище.

Проливной дождь, заспигшій меня на морскомъ берегу въ Перранъ, принудилъ искать убѣжища въ этой пустынѣ; но буря, вмѣсто того, чтобы утишиться, еще усилилась и продолжалась двое сутокъ сряду. Случалось ли вамъ въ дождливую погоду проводить въ трактирѣ нѣсколько часовъ въ праздности? Это одна изъ самыхъ горькихъ необходимостей, коимъ подвергаются путешественники; нѣтъ болѣе живописныхъ видовъ: все подернуто сырью, зыблущимся кровомъ. Надобно поневолю оставаться тутъ, въ кухнѣ, подлѣ очага, и часто подвергаться дурному расположенію духа содержать трактира, который тщетно ожидаетъ прибытія новыхъ гостей и чувствуетъ уменьшеніе своихъ доходовъ. Что касается до моего хозяина, то онъ былъ старый солдатъ, пятнадцать лѣтъ уже прививалъ въ этомъ орлиномъ гнѣздѣ и зналъ подробно всѣ подземныя преданія, суевѣрныя легенды, романческія исторіи, повѣсти о кораблекрушеніяхъ, біографію прибрежныхъ конспрандистовъ, любовные разказы и проч. Вся эта бібліотека романовъ раскрывалась предо мною, и по милости его, часы, проведенные мною въ трактирѣ, казались мнѣ

не столь скучными и длинными. Одинъ изъ его разказовъ чрезвычайно мнѣ понравился; я бы желалъ, чтобы читатель прочиталъ его съ тѣмъ же удовольствіемъ, съ какимъ я его слушалъ.

Генрихъ Нортонъ былъ бѣденъ и влюбленъ. Служа въ морской службѣ, онъ принужденъ былъ, по слабости здоровья, бросить её, и жить половиннымъ жалованьемъ: доходъ, какъ всякому извѣстно, очень умеренный. *Марія Франклинъ*, молодая наследница, родившаяся коею владеютъ однимъ изъ лучшихъ помѣщиковъ въ графствѣ, не была нечувствительна къ оказываемому ей молодымъ человекомъ предпочтенію. Но отдавъ руку дочери моряку, жившему половиннымъ жалованьемъ—какая богатая фамилія согласилась бы на это? Отецъ дѣвушки, г. *Франклинъ*, отказалъ учтиво, но рѣшительно бѣдному *Генриху Нортону*, и запретилъ дочери съ нимъ видѣться. Если бы *Марія Франклинъ* и не была остановлена никакимъ препятствіемъ, то все таки любила бы *Нортонъ*; но всѣ знаютъ упрямство женщинъ въ подобныхъ случаяхъ: выслушавъ запрещеніе, *Марія* почла обязанностью еще болѣе любить *Генриха*. Она не забыла никакихъ средствъ, чтобы вспрѣчьаться и говорить съ нимъ,—и успѣла въ томъ.

Какъ сладки, какъ восхищительны эти таинственныя свиданія, этимъ способомъ наслаждались украдкою, эти вечера, проводимые на берегахъ озера, въ уединенной рощицѣ, при блѣдномъ свѣтѣ луны! Но и на балу, въ театрѣ, среди городского шума, любовники умѣютъ находить и понимать другъ друга. *Марія Франклинъ* и *Генрихъ Нортонъ* видались у подошвы скалъ Перранъ-Клифа, на бѣломъ берегу моря, о который ударялись шумящія волны его. Когда сѣрое покрывало разсвѣта распроспиралось надъ ссроконечными верхами Перрана, *Нортонъ* являлся на мѣсто свиданія. Часто случалось однако же, что ожиданіе его оставалось напраснымъ: *Марія* почему нибудь не могла прийти, и *Нортонъ*, въ уединенной прогулкѣ своей вспрѣчалъ только: или рыбака, или какого нибудь рудокопа изъ ок-

респностей, который безъ сомнѣнія занимался конпрбандою, и коего недоувѣрчивый и мрачный взоръ съ неудовольствіемъ оспанавливался на уединенномъ пѣшеходцѣ.

Однажды упромъ, по восходѣ солнечномъ, *Нортонъ*, знавшій, что часъ свиданія давно уже прошелъ, сидѣлъ въ задумчивости на оконечности скалы Мюссельской; какъ вдругъ, въ нѣсколькихъ тоазахъ отъ него, на противоположной оконечности, замѣпилъ онъ сполщующую женщину, которая размахивала плащкомъ. *Нортонъ* вспалъ, побѣжалъ къ нему мѣспу, гдѣ она показалась, но кромѣ морскихъ волнъ, бѣлою пѣною разсыпавшихся на гребнѣ скалы, не нашелъ ничего; къ тому же, смѣла ли бы женщина подвергнувъ себя опасности, посѣщая сіе мѣспо? *Генрихъ* почелъ это явленіе мечтою—и удалился. Но на другой день онъ опять примѣпилъ ту же фигуру, и всмотрѣвшись пристальнѣе, увѣрился, что теперь это не былъ уже обманъ воображенія; однако же, когда онъ достигъ замѣченнаго имъ мѣспа, таинственная женщина по прежнему исчезла: бѣлая пѣна кипѣла и разливалась на гребнѣ скалы, и спонкая, дождевая пыль омывала берега ея. Нѣсколько минутъ спустя, *Марія* прибѣжала къ нему, и *Нортонъ* рассказалъ ей о высокой женщинѣ съ бѣлымъ плащкомъ. *Марія* смѣялась надъ его легковѣріемъ, и любовники вполнѣ предалися усладительному свиданію, удовольствіемъ, надеждамъ и опасеніямъ своимъ.

«Можетъ ли это всегда такъ продолжаться, *Марія*?» спросилъ у неѣ *Нортонъ*. «Не уже ли намъ суждено видѣться всегда только украдкою, не зная, увидимъ ли другъ друга завтра, не имѣя никакой надежды соединиться крѣпчайшими узами?»

— Будь перпѣливъ, *Генрихъ*, будь бодръ! Скоро я буду имѣть право на имѣніе моей матери, и если, не взирая на просьбы мои, родители стануть упорствовать въ согласіи на соединеніе наше, то я принуждена буду слушаться только моего сердца и опдашь тебѣ руку.—

«Но Свѣтъ подумаетъ, что я жещюсь на пвоемъ богатствѣ, *Марія*.»

— Что намъ до Свѣта? Я въ тебѣ увѣрена, я знаю тебѣ, *Нортонъ*, и эпого довольню. Исполнимъ наши обязанности, спанемъ ожидать перпѣливо и докажемъ тѣмъ, что любовь наша постоянна и продолжительна. Безъ сомнѣнія, родители должны будупъ уступитъ наконецъ, и мы будемъ...—

«Прокляты! прокляты!» закричалъ кто-то позади ихъ сильнымъ и дрожащимъ голосомъ.

Это была чрезвычайно высокаго роста женщина, которал однимъ скачкомъ очутилась посреди двухъ любовниковъ. На ней былъ крестьянскій чепчикъ, украшенный бѣлыми лентами, и длинное бѣлое платье; въ одной рукѣ она держала бѣлый платокъ, а въ другой одинъ изъ тѣхъ большихъ кнуповъ, которые обыкновенно употребляютъ арендапоры, когда ѣздятъ въ своихъ одноколкахъ на рынокъ; волосы ея, черные какъ крыло вѣрона, поднятые къ верху и завязанные на маковкѣ, придавали, казалось, еще болѣе бѣдности и желпизны бѣдному, пощему лицу ея.

«Кто вы? Откуда пришли?» спросила она. «Вотъ уже въ третій разъ вы мѣшаете ему припши сюда; онъ ужъ не придетъ болѣе, вы испугали его. Я пѣла, онъ не слыхалъ меня; я звала его, онъ не хотѣлъ припши ко мнѣ. Но я опмщю вамъ, опмщю, будьте увѣрены! *Роза Розеваргусъ* не позволитъ издѣваться надъ собою. Я пойду къ опцу пвоему; я расскажу ему какъ ты ведешь себя. Прощайте! прощайте! будьте здоровы!»

Проговоря сіи слова, женщина въ бѣломъ платьѣ бросилась отъ нихъ, проворно начала прыгать со скалы на скалу и пустилась бѣжать чрезъ равнину. Въ этомъ явленіи было что-то споль необыкновенное и ужасное, что бѣдная *Марія*, едва не упавъ, принуждена была опереться на руку *Нортона*. Я знаю, что всѣ героини романовъ падаютъ въ подобныхъ случаяхъ въ обморокъ; но сохраняя въ спрогой точности рассказъ мой такимъ, какимъ мнѣ передалъ его Перранскій пракширщикъ, я не позволилъ себѣ употребить это, слишкомъ обыкновенное украшеніе вымысловъ рома-

ническихъ. Молодой человекъ удовольствовался тѣмъ, что подалъ руку *Маріи*, которая чувствовала себя очень слабою, очень встревоженною, и шла очень тихо. Не хочу утверждать, что *Нортонъ* не находилъ нѣкотораго удовольствія въ этой тихой прогулкѣ: онъ сжималъ руку слабой и изнемогающей *Маріи*, чувствовалъ бѣненіе ея сердца и прижималъ её къ себѣ. Нѣкоторые изъ жителей Перранъ-Папа замѣтили ихъ; *Нортонъ* не обращалъ на нихъ вниманія. Послѣ получаса ходьбы, они достигли наконецъ садовой двери, и молодой человекъ простился съ *Марією*.

«Ты очень рано выходишь,» сказалъ *Франклинъ* своей дочери, увидя её: «спановишься уже довольно холодно, дитя мое, а упреники въ перешнее время очень нездоровы. Тебѣ не должно бы было выходить прежде завтрака.»

Топъ же хриплый и дрожащій голосъ, который прервалъ свиданіе любовниковъ, послышался прежде, нежели *Марія* успѣла отвѣчать:

— Что вамъ до ея здоровья?—сказала женщина въ бѣломъ платьѣ.— Она послушалась своихъ родителей: она сегодня видѣлась съ *Нортономъ*. Ха! ха! ха! я звала его и онъ не пришелъ; ты не звала меня, а я пришла.—

«Что все это значитъ, *Марія*?» спросилъ *Франклинъ*: «чего хочешь эта женщина?»

— О! я скажу вамъ. Правда говоритъ сама за себя. Я *Роза Розеваргусъ*. Три утра сряду я звала его, но онъ не пришелъ. Отъ чего? Отъ того, что молодая дѣвушка разговаривала съ своимъ любовникомъ. Отецъ спалъ, мать спала, а она, не смотря на запрещеніе ихъ, была тамъ, на скалахъ Перрана. Пусть осмѣлятся впередъ смѣяться надъ *Розой Розеваргусъ*: вопъ какъ она мститъ за себя. Прощайте! прощайте! будьте здоровы!—

Сказавъ сіе, она схватила за узду маленькую, черную лошадь, съ острововъ Шотландскихъ, вскочила на спину ея и исчезла. *Франклинъ* началъ спрашивать дочь свою; которая неспособна была ко лжи и призна-

лась въ частыхъ свиданіяхъ своихъ съ *Нортономъ*. Съ этой минуты, *Марія* подверглась строгому надзору; молодой человекъ прогуливался уже одинъ по морскому берегу. Часто встрѣчалъ онъ высокую женщину въ бѣломъ платьѣ, на маленькой, черной лошади ея, но тщетно старался её наспичь: лишь только она замѣчала его, то удалялась во всю скачку, повторяя свою любимую поговорку: «прощай! прощай! будь здоровъ!»

Нортонъ хотѣлъ узнать, что это было за необыкновенное существо, которое находило удовольствіе вредить другимъ и безъ всякой причины разрушило пріятныя свиданія его съ *Марією*, и узналъ отъ жителей деревни, что эта женщина извѣстна была подъ именемъ *безулиной* (mazed woman), и что она жила у *Генинга*, въ концѣ Купбертскаго прихода. Она была дочь очень богатаго арендатора, которому несчастное спеченіе обстоятельствъ причинило большія потери и заставило обширную ферму промѣнять на гораздо меньшую. Жатвы были худы, помѣщикъ неумолимъ, и *Роза*, дочь арендатора, принуждена была вступить въ службу къ мисприсъ *Дривезъ*. *Роза* была молода и хороша собою; г. *Розеваргусъ*, управитель, просилъ руки ея, и предложеніе его было принято. Молодые супруги начали заведеніемъ небольшой фермы; попомъ, приняли участіе въ добываніи руды въ графствѣ Корнваллійскомъ, и такимъ образомъ удалось имъ приобрести небольшое состояніе. Г. *Розеваргусъ* умеръ, оставивъ вдову распорядительницею его имѣнія и попечительницею единственнаго ихъ сына. *Робертъ*, такъ звали сего послѣдняго, не имѣлъ ни одной изъ тѣхъ экономическихъ добродѣтелей, которыя помогли отцу его обогатиться: будучи охотникомъ, игрокомъ, кулачнымъ бойцемъ, спраснымъ любилелемъ собакъ и лошадей, онъ скоро промоталъ оставленное ему наслѣдство. Въ надеждѣ удержатъ отъ шалостей, вздумали женишь его, и хорошенькая миссъ *Робдалъ* взялась обративъ его къ благоразумію: *Робертъ* согласился жениться на ней, но не измѣ-

нишь своихъ привычекъ, Мать его *Роза Розеваргусъ* пропивилась эпой свапъбъ: она обвиняла невѣсту въ кокетствѣ, моповспвѣ и недоспапкъ благоразумія; однако день былъ пазначенъ, и она, хопя и нехопно, изъявила свое согласіе. Бѣлое плашье и чепчикъ, присланные ей *Анною Робдаль* въ день свапъбы, уменьшили нѣсколько ея неудовольствіе; она привыкла наконецъ къ мысли, упорно до сихъ поръ ею отвергаемой.

За два дня до брачнаго поржесства, нѣсколько молодыхъ рыбаковъ, шоварицей и друзей *Роберта Розеваргуса*, пришли за нимъ. Дѣло шло о повздкѣ на большую рыбную ловлю. Время благопріятстввовало, лодки были гошovy, а удовольствіе эпо имѣло сполько заманчивоспи для молодаго человекъ, что не взирая на просьбы мапери, онъ опсправился.

И не возвращался болѣе; ни одинъ изъ друзей его съ шѣхъ поръ не появлялся: лодки, опрокинутыя огромными валами, копорые споль опасны въ эпомъ морѣ, и копорымъ самые опытные моряки не въ соспояніи были ничего прошивопоспавивъ, погибли, и унесенные далеко обломки ихъ не показывались на берегу морскомъ. Нещаспная мапъ пошеряла разсудокъ. Часпо видѣли, какъ она лазила по вершинамъ скалъ, въ свадебномъ головномъ уборѣ и бѣломъ плашьѣ; она громкимъ голосомъ звала своего сына, махала бѣлымъ плапкомъ и возвращалась домой восклицая: «Онъ скоро придетъ! придетъ!»

Н. Н.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

КЪ Л. И. М.

Я люблю, какъ съ горъ высокихъ
Лавы кашающа снѣговъ;
Какъ орелъ въ спранахъ далекихъ
Правиль шуть среди громовъ;
Какъ серебряной главою
Мѣсяцъ смоприпъ изъ за лучъ;
Какъ ошъ солнца яркій лучъ

Льется теплою струею;
Какъ въ часъ ночи соловей
Пѣсню воздухъ оглашаетъ;
Я люблю . . . но—вы милѣй,—
Васъ ничто не замѣняетъ!

*

Я люблю весенній день,
Ароматъ луговъ душистый,
Тихую дубравы снѣ,
Звукъ свирѣли голосистый;
Я люблю проспаго круга
Собесѣдниковъ прямыхъ;
Удовольствія досуга,
Изобилъе благъ земныхъ.
Я люблю пиры друзей—
Тамъ всѣ скорби забываютъ;
Я люблю . . . но—вы милѣй,—
Васъ они не замѣняютъ!

*

Я люблю Москву родную,
Мать Россійскихъ городовъ,
Злапоглавую, свяшую,
Память вѣрноспи сыновъ!
Я люблю нашъ Питеръ славный,
Съ горделивою Невой:
Гдѣ Великій Пепръ, Державный,
Списнулъ Шведовъ подъ пятой.
Я люблю Кавказъ, Рифей;
Волга, Донъ меня плѣняютъ;
Я люблю . . . но—вы милѣй,—
Васъ они не замѣняютъ!

*

Я люблю наукъ ушѣхи,
Славу, пользу, цѣль искусствъ;
Просвѣщенія успѣхи

И плоды высокихъ чувствъ.
Я люблю дѣла героевъ;
Ихъ отважность, пылкій умъ;
Сановитость ратныхъ спроевъ;
Хипрость бол, мудрость думъ.
Я люблю, какъ зыбь морей
Смѣлый кормчій разсѣкаетъ;
Я люблю . . . но—вы милѣй,—
Васъ ничто не замѣняетъ!

О М О Н И М Ъ.

Въ себѣ всѣ царства заключаю,
Главою небо подпираю —
И дамъ собою наряжаю.

III.

Въ No 24, помѣщенная шарада значитъ: *Dé-lire*.

M O D E S.

Sur une robe de tulle rose une jeune femme portait une ceinture de ruban, fond blanc à reflets verdâtres, semé de fleurs vives, garnissant les épaules comme des jockeis, qui nous a paru, à son élégance recherchée, venir des magasins de M^{les} Delatour; qui ont si bien su trouver le secret de rendre gracieux et légers ces rubans épais que la mode reprise cette année a mis à la place des rubans de gaze aériens et transparents. Les mêmes rubans se retrouvaient dans les cheveux en nœuds à la Sévigné.

Pour les manches courtes, aux robes de bal, on fait trois bouillons presque égaux, dont le premier, un peu plus grand que les deux autres, est doublé de satin et retombe comme une manche; les deux autres sont simples et se relevent serrés par une fleur ou un nœud.

La mode des robes ouvertes a amené un grand renouvellement dans les volans de blonde. Madame Glaizal, rue Castiglione et rue Dauphine, a disposé des blondes étagées pour garnir des jupons de dessous qui ont un grand succès. Quelquefois ces blondes, faites sur un même dessin, sont de trois hauteurs différentes, et le dessin lui-même augmenté de grandeur, selon celle du volant. Elle fait des devans de blonde ou de dentelle à bouquets jetés ou à guirlandes en Mathilde qui sont riches et légères. Ces devans sont quelquefois terminés par une fleur dentelée ou par un volant froncé.

Les dentelles noires destinées à des dessous de couleur, sont aussi d'une grande élégance et fort belles comme tissu et comme dessin. Mme Glaizal apporte un soin extrême au choix de ces objets de prix et à la réunion des fantaisies que l'on peut demander à son magasin; nous y avons remarqué une foule de jolies mantilles, de manches de blonde, de bonnets du matin, qu'il faut indiquer sans les décrire.

Les châles les plus à la mode pour le matin sont rouges ou verts, carrés, à hautes bordures, à fond de palmes bizarres. Ils doivent être très-grands; les châles longs sont laissés pour le soir.

M O Д Ы.

На розовомъ шоловомъ платьѣ, на одной молодой дамѣ, былъ повязанъ поясъ изъ ленпы; по бѣлому группу съ зелеными опсвѣтами, яркіе цвѣты; на плечахъ сдѣланы эпюлеты. Намъ показалось, что эпюлетъ поясъ, по своей разборчивой щеголеватости, былъ изъ магазина г-жъ *Delatour*, такъ хорошо постигнувшихъ шайну сдѣлать ловкими и легкими эти плоскыя ленпы, которыми мода замѣнила прозрачныя, воздушныя газовыя ленпы. Въ волосахъ, изъ пѣхъ же ленпъ, банты à la Sévigné.

Короткіе рукава къ бальнымъ платьямъ дѣлають почти изъ трехъ равныхъ бувъ, изъ которыхъ первая побольше подложена апласомъ и виситъ какъ рукавъ; а двѣ другія просто и поднимаются цвѣткомъ или бантомъ.

Упопребленіе опкрытыхъ платьевъ сдѣлало большое преобразование въ блондовыхъ оборкахъ. Г-жа *Glaizal* сдѣлала блонды одна другой уже для опдылки нижнихъ юбокъ, которыя имѣли большой успѣхъ. Иногда блонды сн, сдѣланныя однимъ узоромъ, въ три разной ширины, и узоръ также увеличивается, приравливаясь къ оборкѣ. Она дѣлаетъ блондовые переда или кружевные съ разбросанными букетами или гирландами en Mathilde которыя пышны и легки. Эти переда иногда оканчиваются зубчатымъ цвѣткомъ, или собранною оборкою.

Черныя кружева, назначенныя на цвѣшную подкладку, также весьма щеголеваты и очень красивы, какъ шкань и узоръ. Г-жа *Glaizal* прилагаетъ чрезвычайное стараніе къ выбору дорогихъ вещей и собранію прихотей, которыя могутъ спросить у ней въ магазинъ. Мы замѣтили шамъ множество красивыхъ маншиль, блондовыхъ рукавовъ, упренныхъ чепчиковъ, о которыхъ можно намекнуть, не описывая ихъ.

Самые упопребительныя плашки для упря красныя или зеленыя, съ широкими каймами, съ необыкновенными пальмами. Они должны самага большова разбора. Шали надѣвають только вечеромъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.

Выходитъ
по Средамъ ж
Субботамъ.

№ 26.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, МАРТА 31 ДНЯ 1834 ГОДА.

Признайся, вкуса очень мало
У насъ и въ нашихъ именахъ
(Не говоримъ ужъ о стихахъ);
Намъ просвѣщеніе не приспало,
И намъ доспало оцъ него
Жеманство — больше ничего.

А. Пушкинъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ВЕЧЕРА ГОСПОЖИ ЛАДИНОЙ (*).

А дамы? сунься кто: попробуй, овладѣй;
Судьи вездѣ, всему; надъ ними нѣтъ судей!
Когда за картами воспануть общимъ бунтомъ,
Дай Богъ першніе.
Скомандовать велише передъ фрунгомъ,
Присутствовать поцѣпке ихъ въ Сенатъ. . .

Грибодовъ.

Однажды, въ глубокую осень, Анна Григорьевна *Ладина*, отобѣдавъ пропивъ обыкновенія одна въ своемъ семействѣ, (ибо не было почти дня, чпобы кто нибудь не завернулъ къ ней повспѣ Русскихъ щей и выпилъ рюмку дурнаго вина), ходила по комнаѣ, скучая, чпо никого изъ чужихъ нѣтъ. Она зѣвала и говорила: «удивительно, чпо ни *Петръ Максимовичъ*, ни *Илья*

(*). Первая половина сей остроумной спашки была напечатана въ 1833 году въ *Лит. Прибавленіяхъ*, но съ пропусками и ошибками. Теперь, по воцъ сочинителя, она помѣщается всею полною и исправленною. — В.

Ивановичъ не пріѣхали; сегодня нѣтъ дня ни у кого изъ ихъ знакомыхъ; погода не помѣшала бы; они и не въ шапку вѣдятъ... развѣ нездоровы!...—

— Очень можетъ быть, — подхватила *Степанида Сергѣевна*, родственница хозяйки, жившая у неѣ съ годъ и пріѣхавшая изъ Пензенской губерніи по апелляціонному дѣлу. «*Петръ Максимовичъ* намеренъ жаловаться на ломоту въ костяхъ... да мудроно ли въ зѣшнемъ климатѣ? на дню погода перемѣнится сколько разъ!... Сырость безпрестанная... И право смѣшно: круглый годъ здѣсь жалуются на дурную погоду; какъ не привыкнуть!... Ну ужъ вашъ *Петербургъ*! Чего добраго хопите? На болотѣ выспроены; — когда карета вѣдетъ, такъ домъ дрожитъ! —

«За то пріятно жить; сколько удовольствій.»

— Какія удовольствія? все ходятъ, нахмурия брови. Если бы не у васъ я жила, по со скуки бы не знала, чпо дѣлать. —

Тутъ *Анна Григорьевна* улыбнулась, по- звала *Фильку*, и приказала подать моченныхъ яблокъ.

« Знакомство здѣсь очень пріятно; вся- кой живетъ какъ хочеть, » сказала *Анна Григорьевна*.

— Всякой для себя: всѣ о чемъ-то думаютъ, а болѣе о себѣ. Только и слышишь: такой-то получилъ такое-то мѣсто; такой-то представленъ къ креслу, да не вышло; та- кой-то хочеть перейти туда-то;—а ни огиъ кого полку нѣтъ. Всѣ умничаютъ; пной полько чпо перья чинишь, а смотришь ми- ниспромъ. Я здѣсь годъ живу; Богъ знаетъ, когда дойдетъ очередь до моего дѣла? Спа- сибо еще *Петру Максимовицу*! Добрый че- ловѣкъ; хлопочеть за меня; да то бѣда, ни- чего не значишь... Я помню, чпо и его сло- вчко имѣло вѣсь, когда онъ игралъ по 500 р. въ висъ; а какъ спуслилъ денежки, да съб- халъ на 15 р., такъ на него и не смотрялъ. Вотъ также былъ хорошии человекъ... какъ бишь зовушь его.... онъ къ вамъ часто ѣзжалъ... опрѣшенъ недавно отъ мѣста... Ха...—

« *Ханинъ?* И матушка, чпо ему дѣлается: все живетъ, да хлѣбъ жуелъ; онъ пеперь въ своей деревнѣ, *Колпаковѣ*. »

— Услужливый человекъ; правда, любилъ подарочки, да уже не даромъ бралъ; ужъ какое бы дѣло нибыло, а сладилъ. —

« Еслибъ не птяжба, *Петербургъ* понравил- ся бы тебѣ. Я въ *Москвѣ* не была; а всѣ го- ворятъ, чпо *Петербургъ* лучше; такого города, какъ слышно, въ чужихъ мѣстахъ ни гдѣ не найдешь. »

— *Москва*! какъ вамъ не стыдно! да *Москва* рай: побывайте-ка въ ней, такъ не выѣдете, вольно вамъ привязаться къ этому *Петер- бургу*. Чпо у васъ хорошаго? ничего не вижу. У васъ стѣны, а не дома. Толп дѣло въ *Мос- квѣ*! Домъ-то степилъ особилкомъ: какой видъ дѣлаетъ! Хозяинъ-то живетъ въ немъ одинъ, на просторѣ, жильцевъ не пуспилъ; а если богатый человекъ, такъ въ домъ у него и портерной не увидишь; впрямъ живетъ ба- риномъ. —

« Да помилуй, *Степанида Сергѣевна*: какъ можетъ строеніемъ равняться *Москва* съ *Петербургомъ*? »

— Вамъ говорили тѣ, которые не были въ *Москвѣ*. —

« Тамъ, какъ слышно, и строеніе необык- новенное; половина крышки желѣзная, дру- гая деревянная. Въ большихъ каменныхъ до- махъ лѣспинцы и балконы деревянные. Не успеешь скоро опплатишь визита, вѣкъ глядѣшь не будешь; пересудамъ и сплешнямъ конца нѣтъ. »

Тутъ *Степанида Сергѣевна* вспыхнула; щекп ея покраснѣлись, и она съ величай- шимъ жаромъ вскричала: какой негодяй вамъ это насказалъ! Видно его ни гдѣ въ *Москвѣ* принимаюшь не хотѣли! У васъ здѣсь служащіе-то хороши: пяпъ пальцевъ по квар- тирамъ; полько и услышишь отъ него: да-съ, нѣтъ-съ. Въ *Москвѣ* госпепрїимство, а здѣсь никакого; паскаются по респора- ціямъ, плашаютъ впри-дорога и очень доволь- ны, чпо *Французы* ихъ обираютъ. —

« Говорятъ, и въ *Москвѣ* нынче госпе- прїимство не то, чпо прежде было. Еспъ дома, гдѣ назначены дни для прїема; за по въ другіе дни вороша на запорѣ и окна спав- ными закрыты. »

— Повпоряю вамъ, все ложъ. Ужь я не буду говорилъ про чужихъ. Вы знаете дя- дюшку, князя *Петра Ивановича Посошкова*, да шурина моего, *Василья Тимофеевича Пу- стоцельтова*. У нихъ каждый Божій день го- сти, и всегда обѣдаютъ человекъ десятъ, ппятнадцатъ. А въ Воскресенье пакъ въ двухъ комнапахъ столы накрыты; — конечно на дѣпо они опѣзжаютъ въ деревню, зани- маются хозяйствомъ. —

« То-то и дѣло, чпо они прїѣзжаютъ въ *Москву* зимою мѣсяца на при: навезутъ съ собою живности, да и кормятъ ею гостей; а не круглый годъ живутъ одинаково, какъ здѣсь. »

— Здѣсь всякой въ углу своемъ сидитъ; ни дружбы, ни родства нѣтъ. —

« И матушка, я чай и въ *Москвѣ* по богат- ству принимаюшь; да по чинамъ сажаютъ. »

Тутъ сильно заспорили объ дамы. Наконецъ *Степанида Сергеевна*, разсерженная, вышла въ другую комнату. Она слышать не могла, чѣмъ дурно говорили про Москву, гдѣ она родилась и получила дурное воспитаніе; гдѣ она съ утра до вечера удовольворяла сильнѣйшей своей спраспн—играетъ въ каршы, и гдѣ у ней было челоуѣкъ двѣсти родныхъ. Петербургъ она ненавидѣла.

Вскорѣ двумъ дамамъ представился случай примириться. Сырый иноходецъ пролетѣлъ мимо оконъ *Анны Григорьевны* и поворошилъ къ ней на дворъ. «Вопъ и *Илья Ивановичъ*, вскричала она: опъ снѣга и въптра всю голову завернулъ въ шинель.»

Молодой, ловкій офицеръ вошелъ въ комнату.

«Чпожъ не обѣдашь?» спросила *Анна Григорьевна*.

— Да на ученн успалъ, перезябъ, и возвратясь домой, опобѣдалъ и спалъ до сихъ поръ,—опвѣчалъ *Илья Ивановичъ*.

При сихъ словахъ вошла *Степанида Сергеевна*, и видя, чпо челоуѣкъ раскрываетъ съ зелѣнымъ сукномъ споль, кладетъ на него каршы, и мѣлъ,—забыла и Москву, и шлябу свою, и ласково поклонилась гостю.

«Какъ жаль, чпо чепвертаго недостаетъ;» сказала *Анна Григорьевна*.

— Я думаю,—примолвила *Степанида Сергеевна*: кпо нибудь завернешъ... да не послашь ли за *Петромъ Максимовичемъ*?—

«Гдѣ его теперь сыщешь?» возразила хозяйка: «однако попробую.»

Анна Григорьевна кликнула челоуѣка, приказала ему сходить къ *Петру Максимовичу*, и, на случай, если не найдутъ его, такъ сходить за *Семеномъ Васильевичемъ*, или за *Николоромъ Алексѣевичемъ*.

«Проворнѣ же,» примолвила она: «если никого не найдутъ, такъ сядемъ впроемъ.»

— Между пѣмъ,—сказалъ *Илья Ивановичъ*: если вамъ угодно, я сдѣлаю pour passer le tems банчикъ; у меня сто серебряныхъ новенькихъ пяпачковъ.—

«Боюсь тебя въ банкъ,» вскричала *Анна Григорьевна*, — «ты жестокъ: всѣ каршы бѣешь.»

— По маленькой спавъпе, для забавы,—сказалъ *Илья Ивановичъ*.

Нашихъ дамъ не трудно было уговорить: опъ скоро согласился, не смотря, чпо чпсто плапили ему данъ. *Илья Ивановичъ* снялъ шлягу, положилъ шляпу въ уголь и вышелъ въ переднюю приказавъ, чптобы дрожки его прѣехали въ первомъ часу ночи. Возвратясь, опъ сѣлъ за споль и высыпалъ свои пяпачки, на которые дамы глядѣли съ жадностію. Каждая изъ нихъ вынула нѣсколько серебряныхъ мелкихъ денегъ и спавила на каршы. *Илья Ивановичъ* мепалъ скоро и споро; дамское серебро въ нѣсколько минуць перешло къ пяпачкамъ. Дамы просили записывать, и въ короткое время *Илья Ивановичъ* провелъ двѣ большія колонны на нихъ; особенно проигрывалась *Степанида Сергеевна*: ужъ не о пяпачкахъ думала она, а какъ-бы опыграться. Изъ множества каршъ, которыми она вдругъ спавила, удалось ей выиграть одну съ чепырьмя углами. Надежда блеснула въ ея глазахъ: она загнула липмый уголь; но *Илья Ивановичъ* убилъ каршу. Слезы навернулись на глазахъ *Степаниды Сергеевны*. Она боялась одного, чптобы опъ не забасповалъ; но смѣпливый банкочетъ, видя себя еще въ щастливой полосѣ, продолжалъ мепать и записывать. Въ это время явился *Петръ Максимовичъ*. Послѣ ласковыхъ упрековъ за то, чпто долго не приходилъ, каждая изъ дамъ жаловалась ему на нещастіе свое, рассказывая подробно объ убитыхъ карпахъ. *Петръ Максимовичъ* началъ понпировать и выигрывать. *Илья Ивановичъ*, примѣтля, чпто щастіе перемѣняется, объявилъ, чпто мечетъ палію-грасъ.

«Вопъ, если чпто я ненавижу,» вскричала *Степанида Сергеевна*: «такъ это палію-грасъ!»

— Вы желали играть въ бостонъ,—возразилъ *Илья Ивановичъ*.

«Какой бостонъ!» вскричала она съ пламеннымъ лицомъ: «еслибъ я знала, чпто вы

шакъ скоро окончите, по не имѣла бы глупости проиграть шакъ много на ваши пачки.»

Талія-грась промешана, сдѣланъ расчетъ, и *Илья Ивановичъ* оспался въ выигрышѣ 150 р. у *Степаниды Сергѣевны*, да 80 у *Анны Григорьевны*. Дѣлать нечего. *Степанида Сергѣевна* пошла за деньгами; вынесла ему сто рублей, а остальные просила подождать. *Илья Ивановичъ* охотно на это согласился, прося её нисколько не поропиться запластою сихъ денегъ. Онъ зналъ, что за проданную рожь она должна въ скоромъ времени получить деньги. Впрочемъ, ему не мудрено было знать все, что дѣлалось у этихъ дамъ, ибо въ тѣ минушы, когда не играли, онъ болтали обо всемъ, даже и о собственныхъ своихъ дѣлахъ, съ полною опкровенностію. *Анна Григорьевна* заплашила сполна свой проигрышъ, сказавъ однакоже: «нашъ молодецъ не упустилъ своего, и всегда забаспуетъ съ выигрышемъ.»

Тутъ начался споръ: играли ли въ виспъ или въ боспонъ? — «Ни за что не сяду въ виспъ,» вскричала *Степанида Сергѣевна*: «икто выдумалъ виспъ съ конспинуаціею? только новыя зашѣи. Вчера проиграла я два гранъ-шлема.» — Послѣ довольно продолжительныхъ преній, наконецъ рѣшились играть въ боспонъ вчетверомъ. *Анна Григорьевна* насилу согласилась, называя эту игру предательскою. Разобрали карты. «Ну, бѣда моя!» вскричала *Степанида Сергѣевна*: «*Илья Ивановичъ* у меня на рукъ; будетъ ни съ чѣмъ удерживать игры.» — Однако первый шуръ былъ сыгранъ довольно мирно. На второмъ начались споры. *Илья Ивановичъ* опбивалъ игры, попилъ, ремизилъ. — «Возможности нѣтъ съ нимъ играть: совершенный предатель!» кричала безпреспанно *Степанида Сергѣевна*: «клянусь, что вѣкъ съ нимъ не сяду.» — Должно замѣтить, что она съ нимъ играла почти ежедневно, и ежедневно происходили такіе споры и давались такія кляшвы. Наконецъ, часу въ первомъ предположенное число шуровъ было сыграно; начали разыгрывать пулю, и казалось, игра должна была кончиться спокойно. Но и тутъ *Илья*

Ивановичъ обремизилъ *Степаниду Сергѣевну*. Она вышла изъ себя; «нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, я вамъ эпаго не прощу; вы непозволительнымъ образомъ играете; вы моихъ денегъ хопите: возьмите изъ кармана. *Пашка!* *Пашка!* (пришла дѣвка) принеси мою записную книжку *Ильи Ивановичу*: пусть изъ ней беретъ, сколько ему угодно.»

Илья Ивановичъ, сохраняя непрерывное равнодушіе, увѣрялъ, что игра не спойитъ того, что бы шакъ сердиться.

«Какъ не спойитъ?» вскричала *Степанида Сергѣевна*: «сочти-ка, бапюшка, что ты у меня перебралъ, и все не доволенъ.»

Наконецъ, посредничествомъ *Анны Григорьевны* и *Петра Максимовича* споры прекратились; боспонъ кончился, и гости откланялись.

На другой день, часу въ десятомъ утра, пришли сказать *Ильи Ивановичу*, что уже два раза приходилъ къ нему человекъ отъ *Анны Григорьевны* съ приглашеніемъ пожаловать къ ней на виспъ.

Вскорѣ дружба между *Ильею Ивановичемъ* и *Степанидою Сергѣевою* прочно утвердилась. Ей удалось съ нимъ выиграть два шлема сряду. *Степанида Сергѣевна* начала съ шѣхъ поръ хвалить сего молодого человека, называя его благовоспитаннымъ, спепеннымъ, рашепливымъ, и пустилась за него въ сватовство. Она искренно полюбила его и не упустила случая, что бы не оказать ему по на опытъ.

Однажды зимою, на капанѣ, *Илья Ивановичъ*, споя сзади саней, въ которыхъ сидѣла *Степанида Сергѣевна* съ его невѣстою, сильно просудился и занемогъ горячкою. Опчаявались даже въ его жизни, но онъ былъ обязанъ сильному своему сложенію и перенесъ болѣзнь. *Степанида Сергѣевна* во время оной ежедневно присылала осведомляться о немъ, а въ самые трудные дни болѣзни сама навѣщала его. Когда онъ началъ выздоравливать, по прежде, нежели явился къ должности, по неотступной просьбѣ *Степаниды Сергѣевны*, согласился прѣхать пайкомъ, въ сюршукъ, къ *Аннѣ Григорьевнѣ*.

на виспѣ. Можно себѣ представить, съ какимъ неперпѣніемъ ожидали госпд испинно *дорогаго!* Въ эпопѣ день *Степанида Сергѣевна*, опобѣдавъ, не ходила даже отдыхатъ, что она обыкновенно дѣлала. *Аннѣ Григорьевнѣ* случилась надобность съѣздитъ въ Госпиный Дворъ, въ Суровскій рядъ. Она приказала заложитъ карету и поспѣшила поѣхатъ засвѣкло, чтобы заспатъ лавки не запертыми.

Степанида Сергѣевна осталась одна. Сидя на диванѣ и напѣвая въ полголоса: *Ни толь чтобы въ пегали и проч.*, она размышляла попеременно о предстоящемъ виспѣ и о милой Москвѣ. Въ это время послышался шумъ въ передней. *Степанида Сергѣевна*, желая узнать причину онаго, позвонила. Вошла горничная. «Позови мою негодяйку; она вѣрно опять урыла куда нибудь; ужъ я её!» Чрезъ минупу явилась ея дѣвушка. Едва барыня успѣла выговоритъ нѣсколько бранныхъ словъ, какъ вошелъ мущина среднихъ лѣтъ, хорошо одѣтый.—Мнѣ сказали, что *Анна Григорьевна* возвратилась очень скоро.» Сказалъ онъ, обращаясь къ *Степанидѣ Сергѣевнѣ*: «и такъ, какъ я на самое короткое время пріѣхалъ сюда, по, можете быть, не буду имѣть свободнаго времени еще заѣхатъ; а у меня естъ порученіе къ *Аннѣ Григорьевнѣ*.—

«Она скоро ворошится;» отвѣчала *Степанида Сергѣевна*; «неудобно ли присѣсть. Вы конечно пріѣзжіе?»

— Точно такъ.—

«Откуда? смѣю спроситъ.»

— Изъ Москвы.—

«Изъ Москвы?» возразила *Степанида Сергѣевна*, вспыхнувъ отъ радости.

— Точно такъ.—

«И я Московская.»

Тупъ они начали рекомендоваться и съ радостію разсмапривали другъ друга.

«А съ кѣмъ имѣю честь говорить?» спросила *Степанида Сергѣевна*.

— Я графъ *Сѣмгинъ*.—

«Не сынъ ли графа *Никанора Никаноровича*.»

— Точно такъ. Вы, можете быть, знаете большой домъ нашъ у *Никола* въ *Плошникахъ*?—

«Какъ же! я очень знала и вашего бапюшку; я видала его у вашего дядюшки князя *Сутягина*;... а я *Старовѣрова*, живу у *Покрова* въ *Левшинѣ*, въ собственномъ домѣ. Когда будете въ Москвѣ, по много одолжите своимъ посвщеніемъ. Какимъ же образомъ я васъ не имѣла удовольствіа видѣть?»

— Я по волѣ покойнаго бапюшки жилъ все въ деревняхъ для успройства имѣнія; по кончинѣ его, пому мѣсяца два, я попочать пріѣхалъ въ Москву.—

«А я здѣсь, къ несчастію — уже при мѣсяца; такъ оцѣ того-то мы и не могли видѣться. Вѣдь вы не въ службѣ?»

— О, нѣтъ-съ! Я съ Москвою ни за что не разстанусь. Что за неволя! Я сюда пріѣхалъ по необходимой надобности. Вѣрите ли, когда одинъ сажу здѣсь дома, такъ плачу какъ ребенокъ?—

«Очень вѣрю; да вѣдь и я здѣсь для процесса, а по-бы кто мнѣ велѣлъ!... Я теперь немного попривыкла, а по бывало, какъ ѣду по дѣшнимъ улицамъ, такъ глаза закрываю.»

— Вѣрю, послѣ Москвы-то!—

«Скажете, здоровъ ли вашъ дядюшка князь *Волгинъ*?»

— Онъ бы совсѣмъ здоровъ былъ, да на охотѣ напкнулся на сучокъ и чуть-чуть не окривѣлъ.—

«Что, у него все понедѣльники?»

— Нѣтъ-съ; онъ перемѣнилъ дни; у него теперь по субботамъ.—

Съ полчаса еще они разговаривали, и *Петербург* крѣпко доспалось. Потомъ *Степанида Сергѣевна*, взглянувъ на пепрадъ, лежавшую на столѣ, сказала:

«Вопъ адское исчадіе!»

— А что такое?—

«Не уже ли вы не догадываетесь? Это *Горе отъ ума*.»

— Грибодова? —

«Да. Вѣдь надобно же было написать паку непристойную, дерзкую, глупую пьесу!»

— И какъ глупую-то? что я ничего глупѣе въ свѣтъ не чинялъ! Не знаю, какъ бы авпоръ показался въ Москвѣ? . . . —

«Говорятъ, онъ ночью чрезъ неѣ проѣзжалъ; а то бы. . .»

Изливъ всю злобу на сію пьесу, графъ Сѣлгинъ сказалъ:

— Знаете ли, что сдѣлаемъ? —

«Что?»

— Сожжемъ Горе опъ ума; пеперь кспаши, каминъ попится. —

Они оба бросились къ пепради и схватились за неѣ. Каждый хотѣлъ имѣть удовольствіе бросить еѣ въ огонь, и каждый пинулъ къ себѣ. Въ это время они увидѣли карету *Анны Григорьевны*, возвращавшуюся домой. — Надлежало рѣшиться; *Степанида Сергеевна* имѣла щастіе бросить рукопись въ огонь; но пепрадка была довольно толста, и надобно было нѣсколько минутъ, чтобы еѣ сгорѣть, — а между тѣмъ *Анна Григорьевна* вошла. Чпобъ заслонить опъ неѣ пламя горѣвшихъ листовъ, *Степанида Сергеевна* спала спиною къ камину, будпобы погрѣться. Тогда, какъ графъ Сѣлгинъ рекомендовался, платье *Степаниды Сергеевны* запылало. Бросились къ ней на помощь; кликнули людей; помяли еѣ порядочно, но упушили огонь. Однако же она обожглась такъ, что не могла сидѣть и принуждена была лечь въ постель. Это лишило еѣ удовольствія составить преднамѣреваемую партію. Можно себѣ представить, до какой степени, послѣ сего случая, возрасла ея ненависть пропивъ *Горе отъ ума!*

N. N.

СТО ОСЬМОЙ РУССКОЙ КАЛАМБУРЪ.

Въ одномъ дѣлѣ, подлежащемъ разбору городничаго, были замѣшаны два Универси-

петскіе магистры: одинъ, какъ участникъ, другой, какъ свидѣтель.

«Кпо вы таковы?» спросилъ у свидѣтеля жрецъ *Өемиды*. — *Магистръ правъ!* — отвѣчалъ сей. «Не ваше дѣло судить, кто виноватъ, кто правъ;» возразилъ съ примѣтною досадою городничій: «это обнаружится въ послѣдствіи; я спрашиваю васъ о имени, фамилии, чинѣ и мѣстѣ вашего служенія.» Хорошъ гусь! подумалъ самъ про себя юристъ.

МАСТЕРСКИ ОТШУТИЛСЯ!

Французская армія, при проходѣ своемъ чрезъ Польшу въ 1812 году, выучила полько чепыре Польскія слова, а именно: *Cleba* хлѣба, *Niema* нѣтъ, *Woda* вода, *Zaras* сей часъ. — *Наполеонъ* проѣзжалъ однажды мимо 61-го пѣхотнаго полка, который спомалъ по колѣни въ грязи и боролся съ голодомъ и холодомъ, и одинъ изъ солдатъ, выступя впередъ, кричалъ Императору: *Papa, Cleba!* — «*Niema,*» отвѣчалъ *Наполеонъ*. — Цѣлый полкъ захопалъ во все горло опъ этаго объясненія, и солдапы забыли голодъ и спужу.

СЛОВЕСНОСТЬ.

КАКИМЪ ОБРАЗОМЪ Я СДѢЛАЛАСЬ ПИСАТЕЛЬНИЦЕЮ (*).

. . . Я возвратилась къ моему опцу и снова увидѣла дѣвическій пріюпъ свой, бѣлую постель, каминъ и на немъ небольшое зеркальцо, комодъ, заставленный моими дѣтскими игрушками; обои, полузакрытые ландшафтами, рисованными цвѣтами, головками. Я увидѣла свой письменный столъ съ учебными книгами, нѣсколькими задачами, рѣшенными перочиннымъ ножичкомъ на деревѣ спола, и крошечною библіею. Будучи окружена всѣмъ эшимъ, я почла бы себя очень

(*) Литературное признаніе *Евгеніи Фoa*, одной изъ наиболѣе извѣстныхъ современныхъ намъ Французскихъ писательницъ.

щасливою, если бы не пиягопили меня горькія и печальныя воспоминанія!...

Чтобы опъ нихъ избавитсья, я испыывала разныя средспва.

Сначала концерты, балы... — Но свѣтъ, вмѣсто разсвѣнія, доставлялъ мнѣ еще болѣе скуки;—тогда только, когда весело на сердце, можно выносить этотъ шумъ и блескъ, пріятный лишь для зрѣнія. — Дѣлать визиты? — На второмъ, я почувствовала головную боль.—Бродить по моднымъ лавкамъ? — Я не умѣла покупать, а мы обыкновенно не любимъ дѣлать того, что дѣлаемъ не искусно.— Посѣщать театры? — Конечно, это было бы для меня всего пріятнѣе, но въ театры ѣздить только вечеромъ, а дни пакъ велики!.... Что же мнѣ оставалось дѣлать?

Злословить! — Двѣ дамы, съ которыми я иногда вспрѣчалась, были пакъ искусны въ этомъ, что я вовсе потеряла охоту къ такому невинному препровожденію времени.— Толковать о нарядахъ? — Послѣ четверти часа такого разговора, меня одолевала зѣвота. — Говорить, чтобы ничего не сказать? — Это было немного лучше, но впрочемъ, столько людей занимались этимъ, что право, не стоило труда умножать собою число ихъ;—что же бы придумать?

Кокетничать?.... Точно, это было бы прекрасно!... но по несчастію, это средспво мнѣ совсемъ не удавалось.

Писать! въ одно утро, чтобы разогнать скуку, — можешь быть также, по воспоминанію одной дѣшспва, кто знаешь?—мнѣ рассказали, что когда я былъ еще ребенкомъ, то однажды вечеромъ мать моя, услышавъ, что я разговариваю сама съ собою, спросила, что я дѣлаю?—Сказываю сказки, чтобы заснуть скорѣе, отвѣчала я. Такимъ образомъ, какъ я сказала вамъ, въ одно утро, я попыталась писать... это меня заняло... я спала продолжая... и забыла свои печали... Короче, какъ увидишь, который, чтобы забыть о своей неволѣ, пишетъ опіумъ и засыпаетъ, я спала писать....

СТИХОТВОРЕНІЯ.

З В Ъ З Д А.

Давно мой горизонтъ былъ пучами покрытъ,
Скрывалось долго дня свѣтло;
И жизни путь былъ бурями изрытъ,
Выпрями мой челнокъ носило....

*

И вдругъ ошрадный лучъ прорѣзалъ грозный мракъ,
Блеснулъ надеждою,—и вмигъ опять сокрылся;
Какъ тихой полночи обманчивый призракъ,
Онъ не надолго мнѣ явился!....

*

Но много, много думъ въ мою тѣснилось грудь:
Прошедшее мнѣ обновилось,
И все грядущее, и дальній жизни путь
Въ нелсныхъ образахъ явилось....

*

Прошедшее свѣтло; грядущее всё тьма;
Но есть одна звѣзда въ моей предгробной жизни,
Она свѣтла, какъ день, привѣтна, какъ мечта,
Жилище вольное небесныя опчизны!....

*

О лучъ, надежды лучъ, пролей оспраду въ грудь!
Свѣши мнѣ чрезъ морей клокоущія бездны.
Я вѣрю, что когда ишбудъ
Разсѣшся шуманъ—и сводъ увижу звѣздный!....

М. Демидовъ.

Э Л Е Г І Я.

Нельзя воскреснуть къ жизни новой,
Не ворошить, чего ужъ нѣтъ...
Запимлась пучею суровой
Заря моихъ безпечныхъ лѣтъ.
Душа остыла для желаній,
Свое для щастья опжила:
Изнемогала опъ спраданій
И грусть измѣнь перенесла...
И что-жь любовь?—На мигъ летучій
Души коснѣтся, въ ней блеснѣтъ,
И обольститъ,—и пропадѣтъ,
Какъ въ небѣ слѣдъ звѣзды падучей.

В. Гл—въ.

C H A R A D E.

Que dirai-je de mon premier?
 Qu'au bout d'un pronom singulier,
 Ou bien pluriel il figure.
 Mais c'est trop clair, tout me l'assure,
 N'importe. Passons au dernier;
 Malheur et tragique aventure
 A qui ne l'entend point crier
 Dans Paris! Change sa nature,
 C'est un abri particulier,
 Dont peut varier la structure.
 Qui ne connaît pas mon entier,
 Objet de très-mince stature?
 L'enfant même ose en essayer,
 L'adolescent sait l'employer;
 Mais vraiment un tel acte jure
 Avec leur imberbe figure;
 Aux hommes il est familier,
 Et plus d'une belle en murmure.

Въ № 25, помещенный омонимъ значить: *Атласъ.*

M O D E S.

Voici une époque de jolies toilettes; les velours, le satin, les blondes, étoffes riches et parées, conservent une place à côté des nouveautés de printemps; les velours épinglés changent leurs ornemens de satin ou de fourrure, et les remplacent par le gros de Naples; on voit des redingotes de promenade en velours plain, fermées sur le côté par une ligne de nœuds en rubans à gros grains.

On fait des redingotes en foulard fermées par des nœuds de satin de la couleur dominant dans l'étoffe, à moins que cette couleur ne soit celle du fond, blanc ou noir.

Le caout-chou nous a appelés dans les magasins de M. Narcy, rue de Grammont. Cette étoffe si rapidement répandue est en effet surprenante. Le caout-chou, croisé à dessins de fleurs en couleurs fraîches ou foncées est d'un aspect brillant. Il faut ajouter que cette étoffe, qui convient parfaitement à une robe de chambre, est cependant choisie pour négligé du matin, est surtout remarquable par son prix de 1 fr. 55 c.

Le magasin de M. Narcy réunit une foule de jolis foulards de toutes sortes, entre autres un genre nouveau à dessins coloriés sur fond vert ou fond gros bleu.

D'autres, à fond blanc, sont éclatans de mille couleurs, à dessins pressés et délicats; la soie est fine et soutenue, à reflets brillans.

Les mousselines de laine conserveront long-temps leur faveur, à cause de la distinction avec laquelle elles sont placées. Cette année, elles reparaisent nouvelles dans leurs dessins et leurs nuances et d'un tissu perfectionné.

М О Д Ы.

Вошь эпоха красивыхъ нарядовъ; бархатъ, апласъ, блонды, пышныя нарядныя шкани видны возлѣ весеннихъ новостей; на булавчатомъ бархатѣ апласныя или мѣховыя опдѣлки замѣняются гроденаплевыми; видны рединготы для прогулокъ изъ неразрѣзнаго бархата, схваченные на боку полоскою бантовъ изъ гродрановыхъ лентъ.

Дѣлаютъ рединготы изъ фулара, схваченные апласными бантами господствующаго цвѣта въ матеріи, если это только не цвѣтъ грунпа, бѣлой или чѣрной.

Саут-чюу привлекла насъ въ магазинъ г-на *Narcy*. Эта шкань, столь скоро распространившаяся, въ самомъ дѣлѣ удивительна. Саут-чюу, перекрещенная узорами изъ цвѣтовъ яркаго или темнаго цвѣта, имѣетъ блестящій видъ. Надо прибавить, что эта матерія, совершенно приличная для шлафрока, однако весьма хороша для упреннаго неглиже и особенно замѣчательна по своей цѣнѣ 1 фр. 55 су.

Въ магазинъ г-на *Narcy* соединено множество красивыхъ фуларовъ всякаго разбора; между прочими въ новомъ родѣ цвѣтныя узоры по зелѣному или синему грунпу.

Другіе, по бѣлому грунпу, опливаютъ разными цвѣтами, съ частыми и нѣжными узорами; шелкъ шонкой и жесткой, съ яркими отблесками.

Шерстяныя кисеи долго сохраняются въ употребленіи, по опличію, въ какомъ онѣ находясь. Нынѣшній годъ онѣ показывающся съ новыми узорами и съ улучшеніемъ въ шкани.